СОКОЛ
на перчатке

Красносмотрителен же
и радостен
высокого сокола лёт

Содержание

Из тьмы веков 6

Кто же они? 17

Вехи истории 86

«Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет» 125

Возрождение 159

Женщина с соколом на перчатке 209

Как стать сокольником 214

Рожденные в вольерах 255

Учителя и ученики 297

Оптимистический эпилог 326

Литература 328

Авторы фотографий:

М. Головушкин, В. Ивановский, Э. Люттгер, О. Микулица, В. Мосейкин, Н. Назаров, Д. Пари-Джонес, В. Песков, И. Птачек, В. Седов, А. Сорокин, В. Флинт, П. Форис, С. Чжоу, А. Шална, С. Шеррод, Д. Эллис.

От авторов

Идея создания книги о соколиной охоте овладела нами давно, примерно в середине 1980-х годов. Книга была задумана как своего рода энциклопедия охоты с ловчими птицами, знакомящая читателя с историей и перспективами соколиной охоты, с биологией и образом жизни ловчих птиц, с особенностями охоты с ними в разных странах и на разных континентах, с ее техникой и практикой, а также с проблемами разведения, охраны и восстановления популяций хищных птиц.

Мы считали, что такая книга будет интересна не только российским сокольникам, но и всем тем, кто неравнодушен к птицам, к охоте и к истории. Тем более, что книг о соколиной охоте на русском языке сейчас практически не найти. Книга Г.П. Дементьева «Охота с ловчими птицами», изданная в 1935 году, давно стала библиографической редкостью, которую мало кто держал в руках. А замечательные фолианты прошлого века - «Книга для охотников» В. Левшина, вышедшая в 1813 году, и «Царская охота на Руси» Н. Кутепова, увидевшая свет в 1895 году, вообще почти неизвестны широкому читателю.

Мы начали работу в 1985-м, а завершили в 1991 году. К тому времени авторы уже не только не получали обусловленный договором гонорар, но наоборот, сами должны были платить за издание, и немалые деньги. Естественно, что таких денег у нас не было.

Российских споноров мы не нашли, и рукопись пролежала «в столе» без малого шесть лет. Не раз мы были готовы поставить на ней крест и, зная, что, вопреки утверждению Воланда, рукописи прекрасно горят, предать ее огню. Но к счастью, решено было испробовать последнее средство - пустить «шапку по кругу» среди зарубежных друзей-сокольников. И они отозвались! Они сделали это совершенно бескорыстно, посчитав будущую книгу подарком для российских сокольников.

Безграничное чувство благодарности вызывает у нас замечательный российский художник-анималист Вадим Горбатов, также безвозмездно предоставивший нам возможность украсить книгу его чудесными рисунками.

Владимир Флинт
Александр Сорокин

Из тьмы веков

Из тьмы веков, из неведомой и необъятной бездны минувших тысячелетий человек вышел с соколом на руке. Он пронес сокола через всю свою историю, причудливую, яркую и страшную, как стихия. Черные глаза сокола, загадочные и бесстрастные, видели охоты фараонов в безбрежных папирусовых зарослях, разноязыкие базары Вавилона и Финикии, кочевые шатры скифов, железные когорты римлян и неудержимые лавины конницы Чингисхана. С холодным безразличием смотрели они на праздничное многоцветье рыцарских турниров, на дикие пиры под сводами сырых и дымных залов средневековых замков, на пышные выезды бояр из ворот Московского Кремля, на мрачные религиозные процессии на улицах Падуи и Генуи. Сокола носили на руке бретонские бароны и японские самураи, венецианские дожи и бедуинские шейхи, русские цари и фанатичные крестоносцы, английские вельможи и германские императоры, воины Тамерлана и индийские владыки, киргизские кочевники и иранские шахи. Сокол был свидетелем рождения и крушения государств и цивилизаций, светлых взлетов человечества и безумия его падений.

Сейчас сокол так же бесстрастно и равнодушно смотрит на нас, детей XX века, наследников всего того, что скрупулезно, по мельчайшим частичкам, отобрала для нас история человечества, отобрала и закрепила благодаря чудесному свойству всего живого — способности наследования. Наследуется культура, а соколиная охота — это, несомненно и прежде всего, культура. Пусть своеобразная, пусть сейчас в значительной мере утраченная, пусть даже не всеми признаваемая, но культура. Материальная культура. Она запечатлена в египетских фресках и на ассирийских барельефах, на античных монетах, старинных гравюрах, миниатюрах и гобеленах, в древних рукописях и библейских текстах, в раннем и средневековом фольклоре — сагах, легендах, сказаниях. Наконец, в удивительных культовых предметах, в чудесных украшениях, в геральдике. Во всем, что мы называем памятниками культуры.

Из тьмы веков человек вышел охотником. Поэтому и сейчас, причем отнюдь не редко, рождаются люди, которые именно в охоте, в любой охоте, видят свое счастье, свой внутренний стержень, свое спасение от монотонности

и серости жизни, свой стимул к творчеству, к созиданию. Несомненно, в определенном смысле — это атавизм, наследие тех времен, когда охота была основной формой существования человека. Как атавизм, охота и страсть к охоте нередко встречают воинственное неприятие или просто непонимание со стороны тех, у кого этот зов предков не проявился достаточно звучно или заглушён другими, более сильными (как им кажется) наследственными мотивами и качествами. Вряд ли это делает их более счастливыми. Но: «Не суди, да не судим будешь».

Тяга к соколиной охоте, такая естественная в прошлом, воскресает в людях сейчас несоизмеримо реже. Объясняется это многими причинами — условия у нас сейчас не те, соколы стали редкими и взяты под охрану. Но главное в другом: ведь и в старые времена соколиная охота никогда не бывала по-настоящему массовым явлением. В историческое время она все-таки была уделом отдельных групп людей, объединяемых сословной или классовой, национальной или профессиональной общностью. Именно поэтому и наследственные рецидивы встречаются гораздо реже. Однако они встречаются. Современные сокольники появляются то в Сибири, то в Москве, то на Дальнем Востоке, то в Одессе или в Краснодарском крае. Это люди разных профессий, разных характеров и склонностей, разных жизненных судеб, в основном молодежь. Растет человек, как все, и вдруг как бы прозревает, открывает свое новое, истинное призвание, находит счастье, о котором до этого момента даже и не думал. Самое удивительное в том, что это прозрение — не результат научения, подражания кому-то или чтения книг, не влияние моды, это — искренний и неожиданный порыв души, внутреннее веление сердца. Чем, кроме каких-то темных, неясных наследственных механизмов, пришедших вдруг в движение, можно объяснить этот феномен?

Как и всякой другой исторической категории, соколиной охоте присущи свои эпохи расцвета и упадка. Периоды общего увлечения и моды сменялись периодами запретов и гонений, а то и просто потерей к ней общественного интереса. Но нить ее традиций никогда не рвалась. В черные годы соколиной охоты эту нить почти в одиночку сохраняли, заботливо поддерживали и эстафетной палочкой передавали следующим поколениям такие вот потомки и преемники давно забытых сокольников, живших во тьме ушедших веков.

Из тьмы веков человек вышел вооруженным для охоты — с копьем, охотничьей собакой, охотничьим конем, охотничьим соколом на руке. И что удивительно: все менялось в вооружении, в технике охоты, даже во взглядах на охоту, все, кроме соколиной охоты. Копье сменили лук и стрелы, затем арбалет, который в свою очередь уступил место кремневому ружью, которое превратилось в шомпольное, а потом и в современное ружье центрального боя. Остроухие волкоподобные собаки кроманьонца дали начало многим средне-

вековым породам охотничьих собак, в основном зверовым, крупным и сильным: мастифам, грейхаундам, в одиночку останавливавшим кабана и оленя. Их нет больше, на смену им пришли различные легавые, ретриверы, гончие и норные собаки современного охотника. Нет больше и рослых могучих коней, способных к длительному преследованию зверя по пересеченной местности под тяжелым всадником в железных доспехах. И только сокол остался прежним, как и его охотничья амуниция, родившаяся, прошедшая строгую проверку практикой и выдержавшая эту проверку еще на заре соколиной охоты. В Японии и Канаде, Венгрии и Омане современная охотничья амуниция сокола, за исключением некоторых национальных деталей, одинакова и почти не отличается от той, которую использовали древние скифы, германские рыцари и сокольники царя Алексея Михайловича. Да и не только амуниция — прежними остались навыки добывания и содержания ловчих птиц, их дрессировки и тренировки, самой охоты. Эта удивительно стойкая традиционность — одна из наиболее притягательных сторон соколиной охоты, ибо она помогает почувствовать сам дух, сущность, краски, образы давно ушедших поколений и эпох.

История строится на анализе фактов, подтверждаемых материальными свидетельствами, независимо от того, кусок ли это обработанного камня или рисунок на стене пещеры, рукопись или устное предание. Что касается возникновения соколиной охоты, то таких материальных свидетельств нет. Человек вышел в период хорошо документированной истории уже с соколом на руке. В таких случаях, чтобы заглянуть в прошлое, допустимо использовать логику. И воображение. Нет сомнений в том, что первопричиной внимания человека к хищной птице была практическая заинтересованность. Пища — вот главная проблема, занимавшая примитивный еще ум наших предков. А хищным птицам доступно то, что человеку невозможно добыть с помощью простой палки или камня. Рыба, например, или быстрый зверек вроде зайца, или осенняя осторожная утка.

А теперь включается воображение.

...Высокий обрывистый берег полноводной реки. Среди скал по верхнему краю обрыва — одиночные крупные сосны, укрепившиеся корнями среди камней в защищенных от ветра распадках. На одной из сосен — громадное гнездо из сухих старых сучьев, с плоским, как бы срезанным верхом. Начинающее склоняться к западу солнце хорошо освещает лежащего в гнезде, в устланном сухой травой неглубоком лотке, большого, уже покрытого перьями птенца. Иногда птенец приподнимается на лапах, и тогда видны строгие темные глаза и мощный, как бы сжатый с боков крючковатый клюв.

Противоположный берег реки низкий, болотистый, весь в россыпи озер и стариц, поросших тростником и рогозом. Стайки чирков то и дело взвива-

ются в воздух, делают несколько кругов, сверкая светлыми брюшками и подкрыльями на крутых виражах, и снова с плеском валятся на подернутое ряской мелководье. Иногда с шумом поднимается выводок крякв и тянет куда-то вдаль. Громкие трескучие голоса дроздовидных камышовок составляют звуковой фон, в который гармонично вписываются резкие вскрики лысух, дребезжащие возгласы крачек, гулкое уханье выпи.

Вдоль самой воды под обрывом высокого берега движется группа людей. Их трое — двое взрослых мужчин и мальчик. Впрочем, нужно присмотреться, чтобы назвать их людьми. Невысокого роста, коренастые, сутуловатые, с длинными руками, фигурой они, несомненно, люди. Но лица... Косматые черные волосы над низким лбом, выступающие надбровные дуги, широкий приплюснутый нос с большими, направленными почти вперед ноздрями, скошенные подбородки, мощные челюсти. Но нет, какие же сомнения, конечно, это люди! Только эволюции предстоит поработать над ними еще не менее полумиллиона лет, чтобы они обрели привычные нашему глазу черты.

Тепло, и люди почти не одеты. Только что-то вроде короткого фартука из шкуры косули подвязано у них спереди на талии. В руках у мужчин — своеобразные топоры, сделанные из слегка обтесанного камня, привязанного древесными волокнами и ремнем к деревянной рукоятке. У мальчика в руках только тяжелая палка. Походка у людей уверенная, они почти не оглядываются, спокойно, но быстро идя по узкой полоске мягкого песка, намытого рекой по урезу берега. Чувствуется, как приятно им идти по ровной, приветливой, нагретой солнцем дорожке.

Люди поравнялись с сосной и резко остановились. С того места, где они стоят, ни самого дерева, ни гнезда на нем не видно. Однако все трое без колебаний сворачивают к обрыву и начинают нелегкий подъем. Хватаясь за камни и выступы скал, они движутся вверх по крутому склону почти на четвереньках, но довольно быстро. Песок и мелкие камешки струйками стекают вниз из-под загрубелых ступней, нечувствительных к колючкам и острым неровностям камня. Люди не издают ни звука и лишь изредка обмениваются жестами. Не потому, что они хотят остаться незамеченными, а просто человеческая речь им еще недоступна, и звуки служат лишь для подачи особо важных сигналов. Например, при тревоге или для устрашения врага.

Вот и дерево с гнездом. Птенец давно почуял опасность, услышав приближение людей, и сейчас он затих, вжался в выстилку лотка, втянув голову в плечи. Но люди и не собираются лезть на дерево. Они деловито осматривают подножие сосны. Чувствуется, что и само дерево, и дорога к нему им хорошо известны. Знают они и зачем пришли сюда. Под гнездом — остатки трапезы птенца, подсохшая на солнце голова крупной щуки, совсем целая водяная крыса, объеденная грудная кость утки. Все это немедленно становится

добычей посетителей. Первобытный человек не брезглив в выборе пищи, и голова щуки тут же хрустит на зубах нашедшего ее мальчика. А затем все трое быстро заползают под нависшую скалу рядом с сосной, ложатся в этой естественной нише и замирают в терпеливом ожидании. Птенец в гнезде тоже успокаивается.

Солнце уже заметно клонится к западу, когда в небе раздается громкий лающий крик. Птенец поднимается на розовых лапах и кричит в ответ. Громадная ширококрылая птица, темная, со светлой головой и чисто-белым коротким хвостом широким вольным разворотом снижается над гнездом. В когтях у нее крупная утка, вероятно кряква. Голова утки на длинной шее безжизненно болтается в воздухе. Еще секунда — и орлан-белохвост опустится на край гнезда. Но в это мгновение люди, все трое, с громким криком выскакивают из своего укрытия. Орлан мощными гребками крыльев стремится набрать высоту, а брошенная им утка валится в траву. Но люди с добычей не уходят. Они знают, что прилетевшая птица была самцом и что вскоре должна появиться самка. Вся сцена повторяется в деталях, только на месте утки оказывается крупный жирный сом, неосторожно зашедший в поисках корма на мелководье и ставший добычей птицы.

Люди уходят, забрав с собой и утку, и сома. В трех километрах выше по течению они знают второе гнездо, а еще дальше — и третье. Они знают эти гнезда давно, они считают участок берега своим и не подпускают к гнездам соседей и пришельцев. Почти целое лето птицы дарят людям добавку к той пище, которую они добывают тяжелой и рискованной охотой и собирательством. И люди не трогают самих птиц.

Перед уходом мальчик ловко, как настоящая обезьяна, взбирается по стволу к гнезду. С риском для жизни он, извернувшись, поднимается на край широкого гнезда, громадным зонтом раскинувшегося над его головой, и внимательно смотрит на орленка. Он даже поглаживает замершую от ужаса птицу по теплой спине. А затем так же быстро спускается и догоняет уходящих уже взрослых мужчин. Так представляется первый контакт человека с хищной птицей. А было это за четыреста тысяч лет до наших дней.

Кто знает? Может, бесконечно далекому потомку именно этого мальчика позже пришла мысль взять из гнезда и приручить птенца, а потом ему посчастливилось включиться в ту удачливую цепочку необорвавшихся родословных, которая довела его потомков до наших дней? Или это был другой мальчик, или вовсе не мальчик, а любознательный взрослый человек, пришедший в мир сотни тысяч лет спустя? Ведь такие сроки для эволюции равноценны мгновениям. Мы никогда этого не узнаем, как не узнаем и того, где, в какой точке земного шара, под влиянием каких чувств человек впервые нарисовал быка и лошадь на стене пещеры, зарифмовал слова, уловил и удер-

жал музыкальную мелодию. Или посадил сокола на руку. Это скрыто тьмой веков. Мы знаем только, что из этой тьмы веков человек вышел уже с соколом на руке.

Попробуем же еще раз окунуться в реку фантазии.

...Широкая, слегка всхолмленная равнина и окаймляющие ее с двух сторон обрывистые склоны гор залиты солнцем. В воздухе разлит острый аромат полыни, песни бесчисленных жаворонков сливаются в звенящий серебром сплошной хор. Светло-голубое, как бы выцветающее небо подчеркивает статичность и неподвижность всего пейзажа азиатской степи.

Высоко над долиной, на плоской вершине горного утеса, расположилась небольшая группа людей. Все они мужчины — одни в расцвете сил, другие почти юноши. В том, что это люди, можно убедиться с первого взгляда, хотя они и сильно отличаются от нас. Свободный разворот атлетических плеч, стройные сильные ноги, способные к быстрому бегу. Лица выглядят еще довольно дико, с развитыми надбровными дугами и мощными челюстями, но в них даже при беглом взгляде уже улавливается какая-то особая одухотворенность, свойственная только людям. Это несомненно охотники: рядом с людьми на площадке заботливо разложены искусно сделанные орудия — копья с изящными кремневыми наконечниками, острые костяные ножи, пращи из грубообработанной кожи.

Люди лежат и сидят в свободных позах, но взгляд их сосредоточен на окружающем — отдыхая, они в то же время внимательно следят и за равниной, и за прикрывающими их с тыла горами в ожидании появления горных козлов, сайгаков или диких лошадей. Это их будущая добыча.

Со стороны равнины к скалам лениво летит стайка диких голубей. Взгляды всех восьми охотников непроизвольно фиксируют полет птиц, но это не волнует их и почти не отрывает от наблюдения за долиной. Внезапно на лицах людей вдруг появляется выражение интереса, и теперь в их глазах отчетливое напряжение, даже азарт.

С крутого обрыва, недалеко от плоской вершины, где сидят охотники, срывается буровато-серая острокрылая птица. Это сокол-балобан, и именно он приковал сейчас к себе взоры всех наблюдателей. Сокол стремительно и уверенно несется наперерез беспечным голубям, одновременно набирая высоту и заходя им в тыл. Еще минута — и он устремляется в молниеносную атаку. Голуби в панике бросаются в рассыпную, но поздно. Звучный удар — и один из них, обильно роняя перья, безжизненно валится вниз. В красивом вираже хищник разворачивается и на лету подхватывает падающую добычу. А люди? Они, как зачарованные, смотрят на удачную охоту и в момент броска сокола негромко одобрительно вскрикивают, а один даже вскакивает на ноги.

Балобан с голубем в лапах летит к обрыву и исчезает в небольшой скальной нише, хорошо заметной по белым потекам помета на стене, под нею. Там гнездо с тремя полностью оперившимися птенцами, почти готовыми к вылету. Люди, уже потерявшие интерес к птице, безучастно следят за ее полетом. Но это мгновенное чувство азарта, сопереживания, проявление каких-то особых оттенков духовной жизни — что-то совершенно новое, незнакомое. И, импульсивно подчиняясь ему, один из охотников, тот самый, который вскочил на ноги во время атаки сокола, покидает вдруг утес, спускается к подножию скальной стены и начинает взбираться по ней к нише, где исчезла птица. Нащупывая пальцами едва заметные шероховатости и трещины в камне, вжимаясь всем телом в углубления и неровности стены, охотник быстро поднимается к гнезду с легкостью, недоступной современному человеку. С громким шуршащим звуком срывается из ниши балобан, с криком начинает кружить и пикировать на повисшего над бездной человека, проносясь в считанных сантиметрах над его головой. Но тот, даже не замечая этих атак, поднимается все выше и выше, точно волшебством удерживаясь на отвесной круче. Еще несколько движений — и человек заглядывает в нишу. Взгляд его встречается со взглядами трех молодых соколов, отступивших в самую глубину пещерки. И точно какая-то искра вспыхивает в перекрестье этих взглядов, чем-то в облике соколов поражен человек, какое-то неведомое доселе чувство снова возникает в его мозгу. И под влиянием этого почти мимолетного чувства охотник вдруг протягивает руку, берет одного из балобанов и, держа его сверху за основания крыльев, начинает спускаться со скалы. Теперь у него свободна только одна рука, но это почти не отражается на ловкости, верности и смелости движений. Еще несколько минут — и человек возвращается к своим собратьям, с удивлением следившим за его безрассудным и необъяснимым поступком. Он по-прежнему держит сокола за основания крыльев, но подходя к остальным охотникам, сажает его на левую руку, слегка придерживая правой и не давая тому улететь. Теперь птица привлекает всеобщее внимание. Кто-то достает из складок шкуры, заменяющей плащ, кусок обветренного и попахивающего мяса и предлагает соколу, но тот на мясо не реагирует, отворачивается и упорно пытается слететь с руки. Тогда охотник, доставший сокола из гнезда, подчиняясь мгновенной мысли, как бы интуитивно снимает со лба тонкий ремешок, удерживающий его волосы, и подвязывает ремешок к ноге птицы, а другой конец зажимает между пальцами. Сокол слетает с руки и беспомощно повисает на ремешке. Охотник водворяет его на место, но птица снова слетает, и все повторяется сначала. Наконец, терпение человека побеждает: усталый сокол соглашается остаться на руке. К этому времени остальные охотники потеряли к птице всякий интерес и переключили внимание на спускающихся по крутой тропинке на водо-

пой горных козлов. И только владелец сокола, подчиняясь необъяснимому, непонятному ему самому внутреннему велению, не видит ничего, кроме своего пленника.

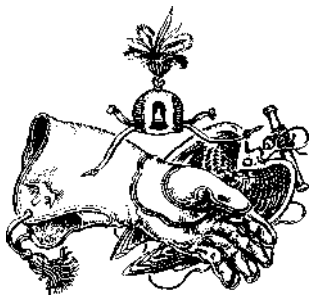
Это было примерно шестьдесят тысяч лет назад. Конечно, нет никаких оснований утверждать, что все было именно так, но предпосылок к этому много. Неандерталец обитал преимущественно на открытых сухих равнинах и в предгорьях, он обладал уже высоким интеллектом, был очень наблюдателен, отлично знал повадки всех животных, и балобан был его постоянным соседом. Обширные открытые пространства, в противоположность лесным ландшафтам, предоставляют прекрасные возможности для наблюдений за охотой пернатых хищников, что в свою очередь легко могло натолкнуть человека на мысль использовать их в качестве помощников, как это случилось с собакой. Конечно, трудно предсказать продолжение эпизода, нарисованного нашей фантазией. Охотник мог пресытиться созерцанием плененного сокола, выпустить его или просто оторвать ему голову и бросить. Но мог и приучить птицу возвращаться по зову на руку, а затем дать ей возможность поймать голубя или утку. Ничто большое не начинается с единичного случая, и прошли, вероятно, еще многие тысячелетия, прежде чем охота с ловчими птицами обрела реальные черты повседневного промысла пищи, прежде чем сложились ее традиции, закрепившие все наиболее рациональное. Многое так и останется тайной. Но то, что охота с ловчими птицами возникла в степных районах и служила прежде всего средством добывания пернатой дичи, сомнений не вызывает. К этому нас помимо логики и фантазии подводит анализ географии и традиций охоты с ловчими птицами в исторический период. К этому мы вернемся позже. А пока зададим себе еще один очень важный вопрос, без ответа на который мы не сможем понять самой глубинной сущности соколиной охоты.

Что же влекло так неудержимо таких разных людей к овладению искусством соколиной охоты? Да, на первых порах, на заре человечества, современного человеческого общества, соколиная охота просто была средством добывания диких животных — для пищи или для продажи. По всей вероятности, однако, уже и тогда к этому прагматическому взгляду и подходу примешивалось что-то неуловимое, может быть неосознаваемое самими древнейшими сокольниками, что и тогда уже не позволяло полностью сменить сокола на более добычливые сети, петли, капканы, а позже — на ружье. Нет, не в добыче дело. Ведь не из-за добычливости же сокол стал божеством в Древнем Египте. Не из-за умения поймать фазана, утку или ворону он стал королевской собственностью, за посягательство на которую определена была мучительная смертная казнь. Не из-за редкости или высокой цены государственные посольства преподносили сокола в качестве самого желанного

w^Sgggm*- »m>^>mmm™- '.«'<■• -m^ЩЩЯКЩШШШШ

дара правителям и владыкам стран, с которыми необходимо было заключить наиболее важные договоры. И уж, конечно, не из-за этого попал сокол на гербы, в легенды, поэмы, фольклорный эпос.

И что же так властно влечет к соколиной охоте нас, детей XX века? Людей, овладевших управлением ядерной энергией, построивших сложнейшие компьютеры, вышедших в космос? Почему и сейчас человек так завороженно смотрит на пущенного в полет сокола? То, что мы говорили о наследственности, — правда. И то, что мы говорили о традиционности, о возможности путешествия в прошлое, тоже правда. Но есть что-то еще, что не укладывается в эту схему. Истоки этого загадочного «чего-то» надо искать не в людях, не в истории человечества. Их надо искать в самих птицах. Их надо искать в природе. Ибо и птицы, и сама природа — вечны.



Кто же они?

то же они, пернатые охотники, захватывавшие, покорявшие в прошлом умы и сердца целых народов, да и сейчас не расстающиеся со своей властью над душой человека? Что влекло к ним людей, столь разных по национальности, верованиям, характеру, жизненному укладу, разделенных не только громадными пространствами и государственными границами, но и страшными провалами времени? Кто эти птицы, чья жизнь порой ценилась выше жизни человека?

Ответить на эти вопросы однозначно нельзя. Под соколиной охотой подразумевается всякая охота с ловчими, то есть специально обученными, хищными птицами. Но в мире существует много видов хищных птиц, и далеко не все они используются человеком в качестве ловчих. Пожалуй, даже вернее будет сказать, что лишь немногие из хищных птиц удостоились чести быть посаженными на охотничью перчатку сокольников. Среди таких избранников конечно же прежде всего соколы (хотя и не все), затем некоторые ястребы и орлы. Луни, канюки, орланы, осоеды, скопа, грифы для сокольников, за редкими исключениями, птицы даже не второго, а третьего сорта. Впрочем, сейчас пробуют использовать и их. Так сказать, в порядке эксперимента...

А теперь отправимся в путешествие и посмотрим, как же живут настоящие пернатые охотники до того, как они станут ловчими птицами, до того, как их поймают и обучат сотрудничать с человеком, а вернее — приносить человеку счастье. Путешествие наше будет долгим. Но в конце его мы постигнем причины неотразимой привлекательности хищных птиц.

МОЛНИЯ НАД ТУНДРОЙ

Летом тундра с птичьего полета поражает обилием озер. Кажется, что над зеленым ковром разбилось гигантское зеркало и засыпало все миллионами сверкающих на солнце осколков. Невозможно понять, чего здесь больше — воды или суши. Тундра — царство птиц. Источник всей здешней жизни.

Но сейчас конец мая, и тундра выглядит иначе. Снег сровнял все неровности рельефа, погасил все краски, растворив их в однородном серовато-белом

фоне, неприметно для глаза сливающимся на горизонте с таким же фоном затянутого низкой облачностью неба. Укрыты, пропали под снегом и озера. И только контрастной чернотой выделяются высокие обрывы и заросшие кустарником яры там, где речная и озерная вода за многие тысячелетия подмыла соседствующие с озером бугры. В тундрах Северной Якутии такие обрывы носят название байджарахов. Весной байджарахи первыми появляются из-под снега, а иногда остаются голыми всю зиму. Своеобразна их структура. В самом общем виде это — чередование оврагов, спускающихся к озеру и густо заросших ивняком, с земляными обнажениями, которые по верхнему краю обрыва возносятся в виде глинистых утесов, то более плоских и разрушенных, то заканчивающихся почти пирамидально. Вот такой байджарах мы и выберем себе для наблюдений.

Холодно от лежащего еще толстым слоем снега. Но слабый ветер тянет с юга, и это означает, что снегу скоро конец. С каждым часом, с каждой минутой покров его истончается, и через два-три дня, если погода продержится, как-то сразу и на больших участках тундры появятся обширные проталины. Садится снег прямо на глазах, бегут к озерам подснежные ручейки, и кое-где у края озер уже темнеют забереги — полосы чистой воды. Первые гуси и стерхи появились два дня назад. А сейчас идет сильный прилет утки. Стаи шилохвости, морской чернети, морянок, гаг то и дело видны над белой еще тундрой. Но куликов пока нет. Не видно и чаек.

На одном из глинистых высоких утесов, поднимающихся над покрытым льдом озером, на самой его вершинке сидит птица, столбиком вырисовывающаяся на блеклом небе. Опытный глаз и без бинокля сразу определит, что это — сапсан, самый, пожалуй, прекрасный из всех соколов. Плотная, компактная, приземистая, словно литая фигура, сравнительно короткие и толстые лапы, какая-то особая независимость, отрешенность, совершенство и изящество во всей позе — разве спутаешь сапсана еще с кем-нибудь?

А если посмотреть в сильный бинокль, то можно разглядеть и окраску: сизая, с легкой рябью, спина, белые, с легчайшим желтоватым налетом, горло и верхняя часть груди, почти черный верх головы и затылок, черная, отчетливо видимая полоска, спускающаяся от угла рта наподобие усов (кстати, эту полоску, имеющуюся и у других соколов, так и зовут — усы). На брюшке сапсана легкий поперечный серый рисунок. Такие же полосатые перья прикрывают, наподобие штанов, желтые лапы с боков. Глаза темные, практически черные, бесстрастные и пронзительные. В них — сознание силы, властность.

Проходит и час, и два, а птица все так же неподвижна и одинока. Лишь изредка поворачивает она как-то набок голову и посматривает одним глазом вверх, на проносящиеся стайки уток.

На исходе четвертого часа поведение сокола меняется. Он приподнимается на лапах, наклоняется вперед и бесшумно бросается с обрыва. Еще секунда — и сокол уже летит, часто взмахивая крыльями, почти над самым льдом, выписывая широкую дугу. Выйдя из-за высокого берега, скрывавшего сокола до поры, он убыстряет взмахи крыльев и круто взмывает вверх, почти исчезая в низких серых тучах. В это время в поле его зрения попадает невысоко тянущая тройка чирков-клоктунов. Утки слегка впереди и не чуют опасности.

Сапсан легко меняет направление так, чтобы лечь с ними на один курс, еще несколько секунд, как бы примериваясь, летит выше чирков, а затем... Затем происходит чудо. Сокол подбирает крылья и устремляется вниз, с каждым мгновением набирая ускорение. Теперь крылья его почти сложены, а хвост выполняет одновременно роль и руля, и стабилизатора. Скорость так велика, что глаз едва различает стремительно несущуюся с высоты птицу, а шипящий свист, рождающийся в перьях хвоста и крыльев, отстает от летящего тела, и чирки даже не слышат его. Еще доли секунды, и слышится звонкий хлопок. Задний чирок, окруженный выбитыми при ударе сокола перьями, прерывает свой последний в жизни полет и, кувыркаясь, валится вниз. Сапсан, гася инерцию, круто взмывает вверх с раскрытым веером хвостом, оглядывается на клоктуна и, изящно перевернувшись через левое крыло, устремляется вертикально вниз, успевая подхватить недолетевшую до земли утку. Тяжело взмахивая крыльями, с добычей в лапах, он возвращается к байджараху. Но не садится на свою вершинку. Нет, он пролетает над ней и опускается метрах в ста на край плоской площадки, расположенной ниже и прикрытой с севера, со стороны горы, нависающими кустами ивы. И тут становится ясным, что сокол не один.

Почти одновременно с приземлением сокола из-под навеса ивовых ветвей выдвигается другой сапсан. Конечно, птица все это время тоже сидела неподвижно на площадке, но на фоне кустов ее трудно было заметить. Это самка, по окраске она почти не отличается от самца, может быть только чуть посветлее. А вот ростом, как это положено у всех хищных птиц, заметно крупнее.

Приземлившийся на край площадки самец ведет себя странно. Он не набрасывается на еду, он не отгоняет от нее самку. Нет, он начинает быстро кланяться вперед всем телом, вздергивая несколько хвост и звонко крича в такт поклонам. Несомненно, он предлагает свою добычу самке. Переваливаясь с ноги на ногу, самка не спеша подходит к чирку, хватает его одной лапой и, ковыляя, оттаскивает птицу от края площадки под укрытие кустов.

Вспрыгнув на безжизненное тело, она не спеша начинает ощипывать полученную добычу, вырывая клювом по два-три перышка зараз. Выщипав пе-

^^^ВЩ|WЯР!F>*'"f^;'ч"^l1flивж(lКШв'lР^wt' -""W

рья на груди утки, самка принимается за еду. Самец же перелетает на свою излюбленную вершинку. Садится и замирает. Когда самка кончает трапезу и отходит, самец слетает, садится снова на площадку и завершает начатое самкой. А затем опять улетает на свою постоянную присаду.

Эта пара сапсанов живет здесь давно и уже четыре года выводит потомство на той же самой площадке. Под укрытием ветвей расположено и гнездо. Собственно, и гнездом-то нельзя назвать эту неглубокую ямку, выстилку и окружение которой составляет слой мелких костей, свалявшихся перьев и шерсти съеденных птенцами в прошлые годы животных, в основном птиц. Но оно дорого соколам, к нему они возвращаются после долгих зимних скитаний и оставят только тогда, когда осыплется площадка. Да и тогда соколы не покинут этот байджарах, а найдут новое место для гнезда.

Проходит четыре относительно теплых дня, и тундра меняется. Снег на ровных местах частично уже сошел, и там, где он лежал, сверкают сплошные лужи воды. Да и оставшиеся пятна тонкого снега обречены, сквозь них везде проступают кочки, покрытые прошлогодней желто-серой сухой осокой. Забереги опоясывают почти все озера, лед на которых начинает заметно отдавать синевой. Миллионы и миллионы птиц хлынули в тундру. В мелких, хорошо прогреваемых лужах копошатся бесчисленные песочники — белохвостые, чернозобики, кулики, воробьи, дутыши, острохвосты. Крикливые стайки плавунчиков шумно перелетают с озерца на озерцо. С сухих склонов бугров слышатся печальные голоса бурокрылых ржанок и тулесов, и на каждом возвышении виднеются пестрые самцы турунтанов, приступившим к своим извечным турнирам. На льду озер отдыхают и ссорятся серебристые и розовые чайки-бургомистры, иногда к ним присоединяются поморники. А в заберегах плещутся и надрывно кричат чернозобые и краснозобые гагары.

В это время в гнезде сапсанов появилось первое яйцо. Коричневато-красное, оно очень походило на пасхальное яичко, окрашенное луковой шелухой. Необычное для птиц и очень красивое. Видимо, так же считала и самка сапсана, ибо она тут же уселась на гнездо. А через шесть дней в гнезде было уже четыре таких же красных яйца — полная кладка.

С этого времени самка вовсе перестала улетать на охоту. Все заботы о ее пропитании взял на себя самец.

Впрочем, труд его не был обременительным — птиц кругом изобилие. Возвращаясь с добычей, самец еще издали окликал самку особым звуком и садился не у гнезда, а несколько поодаль, на другую такую же плоскую площадку, выступающую в виде полочки на месте отвалившейся глинистой глыбы. Оставляя гнездо, самка тотчас спешила к нему, без всяких церемоний забирала добычу и, несмотря на очевидный голод, неторопливо и спокойно насыщалась мясом. Затем усаживалась на край площадки и долго чистила и пе-

ребирала клювом оперение, когтем соскребала засохшую кровь с клюва. Особенно тщательной обработке подвергались хвост и крылья: каждое перышко по отдельности птица по нескольку раз пропускала через слегка сжатые челюсти, чтобы восстановить структуру и свежесть бородок пера. Это и понятно: если волка, как утверждает народная мудрость, ноги кормят, то сокола — летное снаряжение.

Передав добычу подруге, он тут же спешил к гнезду и занимал место самки, обогревая яйца все время ее отсутствия. И делал это нисколько не хуже, чем супруга.

Закончив туалет, самка слетела, и это было сигналом для самца сойти с гнезда. Самка спокойно занимала привычное место, а самец либо отлетал на наблюдательный пост и в свою очередь занимался туалетом, либо снова отправлялся патрулировать гнездовый участок. Чаще, однако, его можно было видеть спокойно сидящим на вершине глинистого утеса, безучастно вобравшим голову в плечи и слегка приподнявшим оперение тела. Вокруг присады на стенке утеса виднелись теперь многочисленные белые кляксы, издали показывающие излюбленное место его отдыха.

К тому времени, когда у сапсанов появилось первое яйцо, у них объявились и соседи. На соседнем выступе, но значительно ниже жилища соколов, на солнечной стороне, под зашитой кустов ивы облюбовала место для устройства гнезда пара белолобых гусей. В сухой глине самка выскребла неглубокую ямку и утеплила ее пухом, выщипанным ею из нижней части груди. Сюда она и отложила первое крупное чисто-белое яйцо. Но насиживать его, в отличие от сапсанихи, не стала, а лишь слегка прикрыла пухом и спокойно присоединилась к супругу.

Весь день гуси провели далеко от гнезда, в тундре, где кормились первыми проростками пушицы и осоки. Однако к вечеру гусыня вернулась к гнезду и села на яйцо. К утру яиц было два, и все повторилось, как накануне. Через неделю, однако, гусыня уже не уходила с гнезда, а спокойно лежала на нем, расслабив крылья и перебирая перо на груди. То и дело она опускала клюв, в котором виднелись дымчатые мягкие пушинки, к земле и заботливо укладывала их под себя, в гнездо. Со временем пуховой валик можно было видеть даже вокруг сидящей птицы. В этом теплом одеяльце под брюшком гусыни лежали шесть прекрасных теплых яиц. Время от времени она поднималась на лапы над гнездом, умело и нежно двигала клювом яйца, перемещая и перевертывая их, а затем снова удовлетворенно опускалась на гнездо. Лишь ненадолго слетала гусыня с гнезда, чтобы торопливо пощипать траву на ближайшей луговине у озера. Тогда к ней присоединялся и гусак, который большую часть времени проводил на все расширяющейся промоине у берега озера, неся караульную службу. Нередко поглядывал

Щ!щщщ1№1-'^я^^'1ищ11<ят^ :mm^²

он внимательно и на сокола, замершего на своем бугорке и отчетливо вырисовывающегося на фоне неба. Но в этом взгляде не было тревоги: дружеский союз в период гнездования между сапсаном и гусями был заключен тысячи лет назад, и выбор гусыней места для гнезда в полусотне метров от жилища сокола был не случаен.

И другая соседка появилась у сапсанов: на сухом кочкарниковом склоне холма позади обрыва, в ста метрах от присады сокола-самца, в гуще стелющейся карликовой березки устроила гнездо белая куропатка. Самец ее, в контрастном весеннем пере, облюбовал несколько холмиков неподалеку. Белый, с ярко красно-коричневой шейкой и черным хвостом, он издали бросался в глаза, отчетливо выделяясь на одном из понравившихся ему холмиков, обозначавших границы гнездового участка. Но стоило кому-нибудь из соседей-куропачей нарушить эту границу, он срывался со своего сторожевого поста и с громким хохочущим криком устремлялся в погоню. Такие погони нередко затягивались, так как птицы в пылу азарта нарушали границы и других участков, и тогда в воздухе мелькали крылья трех, а то и четырех гоняющихся друг за другом птиц. Но потом вдруг, точно по какому-то сигналу, куропачи прекращали погоню и разлетались каждый в свои владения, прокричав на прощание свой громогласный боевой клич.

Иначе проходила жизнь самочки. Пестрая и незаметная, она, почти не вставая, лежала, затаившись между кочек, грела свою кладку из десяти красно-коричневых с черными разводами яиц. Совсем редко куропатка вставала покормиться, но держалась скрытно и далеко не отходила.

Союза между сапсаном и белыми куропатками заключено не было, и однажды сокол вмешался в гонки куропачей, после чего холмики вокруг гнезда куропатки опустели, а под площадкой, где обедала самка сапсана, появились легкие белые перья. Но гнездо куропатки сохранилось, и в положенное время там появились птенцы, которых самка благополучно увела в жизнь. Что ж, такова участь куропачей.

И еще был сосед, общение с которым, однако, могло грозить бедой. В километре от соколов, на высоком берегу другого озера, была песцовая нора, и хозяева ее сутками шастали по округе в поисках поживы. Заглянул, естественно, песец и на соколиный байджарах.

Первым гостя увидел самец. Мгновенно снялся сокол с присады, где отдыхал в это время, и, набирая высоту, устремился наперерез песцу. Через секунду к нему присоединилась и самка, без колебаний покинувшая яйца. Пока песец трусил по верхнему краю обрыва, соколы оказались уже высоко над ним и перешли в атаку. Испуская боевой клич, подобрав крылья, как во время броска на добычу, набирая невероятное ускорение, превратившись в живой снаряд, первым вошел в пике более мелкий и подвижный самец.

Все стремительнее и стремительнее несется к земле живая молния, таща за собой шелест рассекаемого воздуха. Еще секунда — и сокол ударит в спину песца. Но зверь не первый раз видит нападающего сапсана. В самое последнее мгновение он резко прижимается к земле, и сокол проносится буквально в считанных сантиметрах, круто взмывая вверх, чтобы не разбиться о землю. Песец поднимается и пытается продолжать путь, но сверху в таком же стремительном броске летит более крупная самка — и зверь опять вынужден судорожно вжаться в кочки.

Снова и снова заходят птицы на цель, перекрещивая траектории своих атак и взлетая затем почти вертикально вверх, точно бросаемые невидимой тетивой. Победно звучит их непрерывный крик — звонкое «ки-ки-ки» самца и чуть более басовитое и хриплое «кек-кек-кек» самки. Между атаками песец успевает сделать один-два прыжка, но уже назад, прочь от беспокойного места.

И долго еще соколы не успокаиваются, и то и дело песцу опять приходится прижиматься к кочкам, заслышав над головой свист рассекаемого воздуха. И все же сначала самка, а за ней и самец оставляют преследование и возвращаются к гнезду. Снова все тихо и спокойно в тундре, и только гусак, бывший свидетелем боя, шумно плещется у берега. Чувствует ли он, что соколы своим бешеным нападением на песца спасли его будущее потомство? Наверно, чувствует. Ибо тогда зачем же было гусыне делать гнездо в такой близости от сапсанов.

А время идет. Давно уж от снега не осталось воспоминаний, и только сугробы, набитые зимними ветрами с северной стороны бугров, еще белеют среди желтоватой и бурой тундры. Осевшие и спрессовавшиеся под солнцем, они теперь так и будут лежать почти до нового снега. Растаял лед на всех небольших озерах, и только самые громадные еще белеют ноздреватым непрочным льдом. В низинах, если присмотреться, проглядывается уже легкий зеленоватый оттенок — это среди желтой прошлогодней осоки настойчиво пробираются нежные молодые ростки. Доцветают ивы, начавшие щеголять пушистыми соцветиями еще при снеге. И вот-вот появятся на карликовой березке клейкие, блестящие, с зубчатыми краями листочки. Птиц в тундре резко поубавилось. Часть пролетела дальше на север, а местные попримолкли — идет время насиживания кладок, нужно блюсти осторожность. И только неугомонные селезни морянок оглашают воздух громогласным «а-ауэй», да временами продудит запоздалый кулик-дутыш. А на высоких сухих буграх все так же торчат странные молчаливые фигуры турухтанов, все еще решающих свои непонятные нам споры за невидимые границы крошечных владений. Появляются первые комары.

Жизнь соколов течет без больших перемен. Так же прилежно сидит на гнезде самка, так же заботливо кормит ее самец. Он старается тратить на

Щ^^Щ^ЩЩ^^^^Щ^^^щщщщШ^'" ■ "**W*i'"ВДИ!'ЩЦШ|ЩЖ!!!||'|

охоту как можно меньше усилий, как будто знает, что скоро забот ему прибавится. Чаще всего он навещает турухтаний ток. Вырвавшись из-за бугра в низком бреющем полете, он вносит страшную панику в ряды пестрых куликов и почти без промаха, легко берет одну из беспорядочно взлетевших птиц. Мясо у турухтанов хорошее, и самка вполне одобряет такое меню.

К концу июня тундра преображается. В больших плоских приозерных котловинах, где еще две недели назад соломенной желтизной играла на солнце сухая осока, сейчас полностью господствует зеленый цвет молодой поросли. Зазеленели, обновились и бурые кочки дриады, усыпанные, кроме того, и бледно-желтыми звездочками нежных цветов. Зеленью переливаются участки ерника — густых, точно щетка, зарослей карликовой березки. Лед на озерах исчез. Днем, особенно при солнце, совсем тепло, и комары, выплаживающиеся в прогретых солнцем лужах, настоящими тучами вьются над каждым живым существом.

В первых числах июля в гнезде произошло важное событие. Еще за три дня до этого из яиц начал слышаться слабый писк. Самка забеспокоилась, теперь она чаще привставала над гнездом и еще более заботливо поворачивала яйца, издавая негромкий, совершенно необычный звук. А на четвертый день в скорлупе одного из яиц образовалось отверстие. Писк стал громче. В этот день самка даже отказалась от приношения самца, не перелетела к нему на «обеденный» утес, и он должен был смириться с трапезой в одиночку. По-видимому, его это не особенно расстроило. А через несколько часов, когда самка в очередной раз осматривала яйца, она увидела в гнезде первого птенца.

Покрытый белым пухом, крошечный и беспомощный, он неподвижно лежал в окружении скорлупок и оставшихся трех яиц, не имея сил даже поднять головы.

Отодвинув клювом пустые скорлупки со следами засохшей крови на край гнездовой площадки, распушив как можно сильнее перья груди и боков, самка снова опустилась на гнездо, нежно прижимаясь к первенцу. И замерла, терпеливо согревая свои сокровища.

Изменилось и поведение самца. То ли он почувствовал перемену в настроениях самки, то ли увидел скорлупки около гнезда, то ли знал все наперед, но только вскоре после инспекции самкой кладки он снялся с присады, перелетел к гнезду и забрал клювом то, что осталось от яйца. А затем, развернув крылья, бросился вниз и, пролетая над кромкой берега озера, уронил скорлупу в ивняк. Выровняв полет, он обогнул холм и почти над самой землей понесся в тундру. Через полчаса сокол вернулся уже с полуощипанным веретенником в лапах. Только приземлился он не на присаду и не на обеденную площадку, а сразу к гнезду. Оставив здесь добычу, он снова исчез в тундре. А давно уже не евшая самка даже не дотронулась до подношения.

На исходе вторых суток при очередном осмотре кладки сапсаниха нашла в гнезде уже двух птенцов. Один, вылупившийся первым, бодро привстал на слабых еще полусогнутых лапках и довольно громко пищал, а второй, только что покинувший скорлуповый домик, неподвижно и безжизненно лежал в гнезде. Только по дыханию да по исходившему от птенца теплу можно было понять что он жив. А первенец настойчиво требовал еды. И здесь самка как бы впервые заметила тушку веретенника. Она схватила кулика лапой и, придерживая ее когтями, сдернув одним движением кожу с груди птицы, начала отщипывать клювом крошечные кусочки мяса и подносить их, наклоняя голову, старшему птенцу. Жадно, но и с каким-то достоинством он принялся склевывать эти мясные крошки с клюва матери. И так продолжалось не менее получаса, после чего птенец удовлетворенно улегся на дно гнезда рядом с братом (или сестрой?). А самка, подхватив остатки веретенника, перелетела на обеденную площадку, где в несколько минут покончим с ними. И тут же вернулась согревать птенцов и оставшиеся яйца. Почти сразу же появился и отец с бурокрылой ржанкой в когтях, тоже полуощипанной. Оставив добычу самке и захватив свежие скорлупки, он тотчас снова исчез. А еще через сутки в гнезде было уже трое птенцов. Последнее яйцо долго еще лежало в гнезде среди подрастающих малышей, но так и обмануло ожидания родителей. Оно оказалось неоплодотворенным и в конце концов было выкачено на край гнездовой площадки, откуда его смахнул крылом прилетевший с кормом самец.

Птенцы росли быстро. На десятый день они сменили снежно-белый пуховой наряд на такой же, но как бы грязноватый. Сквозь пух начали пробиваться пеньки будущих перьев хвоста и крыльев, кончики пеньков развертывались в кисточки, а затем уже превращались в почти настоящие перья. Одновременно с этим появились зачатки оперения спины, головы. Птенцы теперь не нуждались в регулярном обогреве, и мать получила некоторую свободу. Однако от гнезда она почти не удалялась и большую часть времени проводила на соседнем выступе.

Распорядок жизни соколов сейчас складывался так: самец по-прежнему исправно приносил пойманную им добычу, безропотно передавая ее самке, та ощипывала полученных птиц и терпеливо кормила все более ненасытных птенцов.

Вот теперь самцу приходилось потрудиться. Правда, в тундре птиц снова прибавилось, так как бесчисленные выводки куликов начали подниматься на крыло. Но что такое молоденький куличок для троих вечно голодных обжор? Да и самим родителям нужно хорошо питаться. Начинал свой охотничий день самец с обследования ближайших окрестностей. Обычно он вылетал из-за байджараха близ самой земли и на бреющем полете проносился над сырой

■'Ъ~~ююцнтф~~ мф*»'v .иттят*'■• ■ ■•~^*«*щщ11*шцшр!1Щ

обширной низиной так, чтобы его укрывал ряд далеких холмов: летящий ниже кромки горизонта сокол был почти невидим с земли. Внезапное появление его всегда вызывало панику среди куличьей мелочи, и ему постоянно удавалось сразу же схватить то самку турухтана, но бекасовидного веретенника или на худой конец чернозобика. Ловил их сокол походя, даже не прибегая к своему коронному удару сверху, а просто хватая в полете лапой. Присев с добычей на кочку, он жадно поедал ее сам, потом наскоро чистился и продолжал охоту.

У него было несколько излюбленных мест для охоты. Километрах в двух от гнезда, у большого озера, на залитой водой низине разместилась гнездовая колония розовых чаек. Эти мирные и какие-то беззаботные птицы на кормежку разлетались довольно далеко, собирая насекомых на окружающих колонию небольших озерах. Именно за этим занятием сапсан и ловил их. Еще подлетая к гнездовью, он набирал большую высоту и, почти невидимый, сверху осматривал низину. Наметив жертву, беспечно порхающую над каким-нибудь кормным озерком, он заходил сзади и устремлялся круто вниз в пикирующем полете, развивая такую скорость, что делался почти невидимым для глаза. Громкий, хлопающий удар, сноп перьев — и изумительно красивая розовая с серыми перьями спины и черным бархатистым ожерельем птица безжизненно валится вниз, с плеском падая на воду. А сокол уже высоко в небе с легкостью выходит из, казалось бы, неостановимого пикирования, а затем в широком вираже возвращается, быстро снижается над озерком и, чуть коснувшись распластанной на воде чайки, снова взмывает вверх. Но этого касания достаточно, чтобы добыча уже повисла в его когтях. И далее путь назад, к гнезду. Чайки, вспугнутые с колонии нападением сокола, нередко пытаются организовать погоню, к ним присоединяются гнездящиеся тут же бесстрашные полярные крачки, но все уже бесполезно — не принимая боя, сапсан деловито, на невысоком полете несет добычу домой, и чайки скоро отстают от него, возвращаясь к своим повседневным делам.

Другой охотничий район лежал еще дальше, километрах в четырех. Цепь больших озер, соединенных глубокой протокой и окруженных заболоченной низиной, была излюбленным местом стоянки уток, в основном, шилохвостей-самцов, начавших отлет из тундры к местам линьки. Взять соколу шилохвость значительно труднее, да и отнести ее к гнезду непросто, но зато какой выигрыш в количестве пищи! Селезня хватит, чтобы и самому поесть на месте охоты, и накормить птенцов и привязанную к гнезду самку. Поэтому сапсан на этих озерах частый гость. Подлетал он к ним гораздо осторожнее, чем к колонии чаек, обычно невысоко над землей ,и незаметно садился на остроконечном большом бугре, покрытом густым ивняком. С этой позиции все озера как на ладони, и сокол внимательно и долго их осматривал. Иногда он про-

водил в такой засаде более часа. Но вот то, чего он ждал — десяток шилохвостей целеустремленно и высоко летят вдоль всей цепи озер.

Сапсан, еще минуту назад пассивно сидящий на прогретом солнцем холме, резко срывается, делает вираж над самой землей, заходя в угон летящим шилохвостям, и вдруг круто, почти вертикально, идет вверх, набирая высоту. Утки не видят его и продолжают равномерный спокойный полет, быстрый, но прямой. А сокол, невидимый шилохвостям, все выше, выше — и вот он уже выше и сзади стайки выравнивает направление и все набирает скорость, мысленно определяя момент и угол атаки. И момент наступил, угол выбран — и молния бьет вниз! С невероятной скоростью, в пронзительном свисте распарываемого грудью воздуха навстречу летящей внизу земле он падает, он несется, он рушится на рассыпавшийся вдруг строй утиной стаи, почуявшей внезапную опасность. Но поздно. Глухой удар, облако перьев — и остановленный в полете, уже мертвый селезень проваливается вниз, отставая в своем смертельном падении от продолжающего пике сокола. А тот судорожно тормозит, гасит энергию падения крыльями и хвостом, круто разворачивается и еще в воздухе хватает безжизненное, тяжелое тело. И по косой, с усилием взмахивая крыльями, летит к холму, с которого минуту назад стартовал для этого королевского броска. Здесь, под укрытием кустов, он долго отдыхает, безучастно глядя на переполох, поднятый на озерах его охотой. А затем ощипывает добычу и неторопливо выедает часть груди. Впереди нелегкий путь с тяжелым селезнем домой, к баиджараху, к гнезду, где ждет его голодный выводок.

Конечно, далеко не всегда охота складывается так удачно, так быстро. Случается соколу и промахнуться, не ударить вывернувшуюся в отчаянном, безумном броске утку. Или не успеть набрать нужную высоту. Или уже одним своим появлением наделать тревоги, после чего все обитатели озер будут настороже и ни за что не поднимутся в воздух. А иногда ему мешает ветер. Нелегко прокормить семью охотой.

Нелегок и путь домой. И не только потому, что тащить шилохвость или чернеть для сапсана тяжело. Дело в том, что ему приходится по пути миновать несколько гнездовых территорий поморников. Не обремененного грузом сокола поморники хотя иногда и атакуют, но побаиваются. И не без основания — голодный сапсан не раздумывая возьмет неосторожного поморника. Иное дело, когда лапы сокола заняты, а силы на пределе. Тогда эти пираты тундры могут брать сапсана в такой оборот, что хоть бросай добычу. И сокол отлично знает это и старается пролететь стороной, хотя это и удлиняет дорогу.

...Начало августа. Тундра совсем притихла. Птица сбивается в стаи, собирается в кормных местах, готовится к отлету и по большей части молчит. Все зелено в тундре сейчас — и кочкарниковые сырые низины, и приозерные

•*vggmtmmr* **•"» • -ww***" ■«•» "«'«жщег і ЧРЩШП'Ш

котловины, и бугры, везде хорошая, добротная на вид трава. И масса цветов. Даже не верится, что находишься за Полярным кругом.

Сапсанят не узнать. Это уже настоящие птицы, а не птенцы, юношеское, более темное и пестрое оперение лежит аккуратно и плотно, как у взрослых соколов, и только отдельные сохранившиеся пушинки выдают истинный возраст обитателей гнезда. Разойдясь по гнездовой площадке, они часами смотрят вдаль, в тундряные просторы, но нередко часами же могут и дремать, прижавшись друг к другу. Самка теперь уже не сидит возле гнезда, а, как и самец, большую часть времени проводит на охоте. И птенцов она больше не кормит. Они сами прекрасно расправляются даже с крупными шилохвостями, не говоря уж о куликах, крачках, чайках. Один из птенцов заметно крупнее других, более флегматичен, как бы задумчив. Это — самка, а два других, помельче и поживее, — самцы. Наполнив зобы принесенной родителями добычей, птенцы подолгу машут крыльями, точно привыкая работать ими. Иногда взмахи крыльев так сильны и часты, что птенец на мгновения отрывается от площадки, повисает в воздухе, готовый слететь. Но не слетает. Время еще не пришло.

В середине августа в поведении самки появились новые оттенки. Она стала как-то неохотно отдавать добычу птенцам, подолгу сидя на обеденной площадке, где ранее, в период насиживания, она поедала приносимый самцом корм. Птенцы надрывались от крика, но она будто и не слышала их. И, только надразнившись вволю, нехотя перелетала к гнезду, где на нее набрасывались охрипшие от крика сапсанята. Но в один прекрасный день самый шустрый из птенцов, самец, вылупившийся когда-то первым, не выдержал и неожиданно для самого себя вдруг слетел с гнездовой площадки и по-взрослому перелетел к матери. Спустя два часа его примеру последовал второй самец, и только самочка никак не хотела попробовать свои силы. Однако на другой день, когда вся летная семья переместилась на край байджараха, она почувствовала, что остается одна и что дело нешуточное. Несколько раз самочка совсем было срывалась, но в последнюю минуту тормозила. И тут на краю гнездовой площадки возник старый самец. Посидев на краю выступа, он вдруг резко сорвался с него, и, завороженно следуя его примеру, с площадки снялась и упрямая дочь. Она вполне благополучно спланировала вниз и села на одном из невысоких выступов байджараха. А через час была вместе со всеми. К ночи, однако, вся семья снова была у гнезда.

Искусству пилотажа соколята обучились необычайно быстро. Уже через неделю после вылета из гнезда они почти не отличались в полете от взрослых. А вот умение ловить добычу пришло гораздо позже, несколько недель спустя. К этому времени выводок был уже далеко от родного обры-

ва, хотя связь между его членами сохранялась. Все соколы, и родители, и дети, часто устраивали что-то вроде игр или состязаний, имитируя в полете нападения и уходы, броски и преследование, на практике постигая нелегкую школу жизни, навыки охоты. Когда в середине сентября на юг потянулись дружные стаи гусей и уток, семья постепенно распалась. Первыми исчезли молодые самцы, через несколько дней куда-то откололась и сестра. И только старики держались вместе. Так они проделают весь далекий путь на зимовки на побережья Каспия и дальше, в Месопотамию и Африку. Много опасностей ждет их на долгом пути. Но если судьба будет к ним благосклонна, в конце мая следующего года они снова будут у того же озера, на том же байджарахе.

Комментарий зоолога. Так живет сапсан в тундре — в низовьях великих сибирских рек, на Северных и Северо-Восточных территориях Канадского севера, на Аляске. Но как охотник по богатству охотничьих приемов он достаточно универсален, хотя его добычей служат почти исключительно птицы, неважно какие, лишь бы они летали и их было много. А такие птицы есть везде, и сапсан поэтому расселился почти по всей Земле. Живет он и в Африке, и в Австралии, гнездится на огромных территориях Северной Америки и даже в Южной Америке. Одним словом — космополит. Нет сапсана, по-видимому, лишь в наиболее крупных пустынях мира и на самом Крайнем Севере, на полярных островах. Там ведь тоже пустыни, только арктические. Избегает он и настоящих тропических дождевых лесов Центральной Африки и Амазонии, где его заменяют другие виды соколов.

В соответствии с огромной областью распространения изменчив и облик сапсанов. Ученые-систематики выделяют более 20 подвидов, различающихся величиной, окраской и другими признаками. Самые крупные, например, населяют тундры и северные побережья Тихого океана, самые мелкие живут на Сахалине и в наиболее аридных районах мира, самые темные птицы, с почти черной спиной и головой, населяют страны по побережьям Средиземного моря и Алеутские острова, самые светлые — пустынные районы Северной Африки. Впрочем, систематика сапсанов исключительно сложна, и окончательного мнения относительно подвидовой структуры еще не сложилось. Не исключено, что ряд пустынных форм следует рассматривать в качестве самостоятельных видов.

По-разному складывается и жизнь сапсана в столь различных условиях. Если, например, в тундрах он делает гнездо на речных обрывах, на высоких подмытых водой берегах озер (байджарахах) или на крутых буграх, образованных под влиянием вечной мерзлоты, то в средних широтах излюбленные места гнездования сапсана — крупные города, где он устраивает гнездо на старинных башнях, колокольнях и высотных зданиях, а охо-

тится почти исключительно на многочисленных здесь полудомашних сизых голубей. В сельскохозяйственных районах он, наравне с колокольнями, заселяет рощи высокоствольных деревьев, например сосновые, где откладывает яйца в отвоеванные у ворон и грачей готовые гнезда. Этими же воронами и грачами сапсан здесь и питается. Везде, кроме тундр Крайнего Севера, сапсан сейчас редок.

СОКОЛ ИЗ УЩЕЛЬЯ

До восхода солнца еще не менее получаса. Плоская, плавно повышающаяся к северу долина и крутые склоны обрамляющих ее гор еще почти скрыты остатками задержавшейся здесь ночи. Но сверху, со скалистых гребней и утесов, обрамляющих входы в узкие темные ущелья, горизонт просматривается четко и пронзительно на подсвеченном близким утром небе. Холодно, знобко и внизу, в долине, и здесь, среди вознесенных над долиной причудливых нагромождений камня. И может быть поэтому фигура неподвижно замершего на скале крупного сокола кажется такой безжизненной, заброшенной, одинокой.

Первый солнечный луч прорывается на линии горизонта неуловимым уколом сверкающей шпаги. Мгновение — ив месте укола возникает капля расплавленного металла, который выливается на глазах из-за все более жесткой и контрастной линии гор на горизонте. С неожиданной быстротой капля расплывается, обретает форму, и вот это уже полукруг, яркий, оранжево-красный, раскаленный, неудержимо стремящийся вверх. Еще несколько мгновений, и он — диск, зацепившийся за горизонт, но почти свободный в своем движении вверх. Холодный свет от него все шире и шире заливает небо, одну за другой оживляет вершины утесов, резко и контрастно отделяя их от уходящего ночного царства тьмы. И вот светящийся красный диск отрывается от горизонта, на секунду как бы зависает на месте, чтобы продлить волшебство рождения нового дня, и неудержимо всплывает, продолжая предначертанный ему извечный путь по небосклону, теряя краски, желтея, уменьшаясь в размере, но оживляя горы желанным теплом. Кто не видел восхода солнца в горах, тот никогда не поймет необъятной стихийной торжественности этого момента.

Но сокол, сидящий на скале, видел такой восход множество раз. Он родился и вырос в этих горах, знает их так, как горожанин знает свою квартиру. Он улетает из этих мест ненадолго только в самые суровые зимние месяцы, когда переселяется на окраину большого города, где расположен хлебный элеватор и где тысячные стаи сизых голубей и горлиц обеспечивают ему

надежное пропитание. А сейчас он снова в родных скалах вместе со своей спутницей жизни, и у них ниже, в глубокой естественной нише, расположенной на отвесной скальной стене ущелья, выбрано место для гнезда. Оно выбрано год назад, и прошлым летом соколы уже вывели в нем птенцов.

Когда солнечное тепло коснулось вершины утеса, на котором сидел сокол, тот проявил признаки жизни. Он встряхнулся, как-то выпрямился, развернул и снова сложил крылья, точно приводя их в боевую готовность, и принял вольную позу. Сейчас он был особенно хорошо виден: верх головы и спина сизовато-бурые, с поперечными узкими песочными полосками, горло и низ тела белые, с темно-бурыми каплевидными пестринами, редкими и мелкими на груди и крупными, частыми на брюшке. Бока и прикрывающие ноги «штаны» полосатые, хвост тоже полосатый. В углах рта — темные усы. Очень красив, гармоничен наряд этого сокола, хотя и не так эффектен, как у знакомого нам сапсана. Размерами он несколько крупнее, кажется чуть рыхловатым, не таким плотным, как сапсан. Сокол этот — балобан, по-казахски «ительги». Житель степей, полупустынь, южных предгорий.

Балобаны вернулись в это ущелье с элеватора уже в начале февраля, хотя весна еще была «за горами», налетали снежные бураны и с кормом было плохо — птиц почти не было, а суслики и песчанки не появлялись на поверхности, отсиживаясь в глубоких норах. И все же соколы вернулись — надо было закрепить и защитить гнездовый участок от возможных посягательств соплеменников, да и других пришельцев. Жизнь их в это время текла монотонно. Значительно более крупная самка почти все время проводила у гнезда, часами неподвижно сидя где-нибудь на скале вблизи гнездовой ниши и укрываясь от пронизывающего холодного ветра. Иногда она взлетала, взвивалась так высоко в небо, что почти исчезала из глаз, делала несколько кругов над ущельем и снова усаживалась в затишке у самой скалы. Часто пряталась она от мороза и в гнездовой нише. И было у нее еще одно занятие — она поминутно кричала, и ее звонкое «ке-е, ке-е...» далеко разносилось в холодном чистом воздухе. А самец подолгу пропадал на охоте, улетая далеко от гнездового ущелья, и ему немалых усилий стоило прокормить в это пустое и голодное время года себя и подругу, которая отсутствием аппетита отнюдь не страдала. Но так или иначе, он всегда возвращался с добычей и еще издали оповещал об этом самку резким и отрывистым «гек! гигек!». Само «кормление» происходило по-разному. Когда самка была особенно голодна, она нетерпеливо вылетала навстречу супругу, проносилась под ним и, перевернувшись спиной вниз, выхватывала лапами добычу из его когтей. Иногда самец сам бросал принесенную жертву чуть раньше, и тогда самка ловила ее в коротком красивом броске. Обычно же, однако, самец приземлялся на ближний утес или высокий камень на гребне горы, самка присоединялась к нему,

и тогда разыгрывалась одна и та же, будто заранее отрепетированная церемония: обе птицы на мгновение замирали друг против друга, опустив головы в низком поклоне, затем самец подбирал клювом положенную ранее на скалу добычу и торжественно передавал ее самке. Та принимала дар тоже клювом, отступала в сторону, перехватывая добычу лапой, и слетала со скалы. Нередко самец без всяких церемоний и ритуальных сцен клал принесенный им трофей на скалу и тут же улетал или перемещался на соседнюю скалу и подолгу отдыхал, приводя в порядок оперение.

Мирное течение жизни нарушалось, когда в воздушное пространство вторгался опасный, по мнению, соколов нарушитель. На пролетающих воронов и грифов они не обращали ни малейшего внимания. Но стоило по соседству с гнездовым ущельем появиться степному орлу или, не дай бог, чужому балобану, картина сразу менялась. Самка немедленно устремлялась в атаку, и самец, если оказывался поблизости, сразу же присоединялся к ней. Набирая высоту и по-охотничьи пикируя на пришельца, соколы в считанные минуты заставляли его срочно менять направление и ретироваться. Под непрерывными перекрещивающимися бросками разъяренных хозяев ущелья орлу ежесекундно приходилось перевертываться в воздухе и выставлять навстречу стремительно несущемуся на него балобану мощные когтистые лапы. Не выдерживая натиска, он быстро терял высоту и низом уходил в степь. Изгнание других балобанов не бывало столь трагичным и сопровождалось только бешеной гонкой, во время которой птицы нередко забирались под самые облака. Вернувшись после изгнания врага и усевшись рядом на скале, соколы обменивались поклонами и криками, как во время передачи корма.

Время шло, и балобаны стали проявлять все больше и больше интереса к гнездовой нише, к гнезду. То одна, то другая птица, а то и обе вместе залетали в нишу и, приняв горизонтальное положение, опустив головы к земле, стрекотали совершенно особым голосом, который звучал вроде «дег-дердег...». В этой гнездовой деятельности активнее и беспокойнее был самец. Встречаясь в гнезде, птицы радостно кланялись друг другу и кричали.

В первых числах марта стало очевидным, что весна все же пришла. Хотя на северных склонах еще лежал снег, хотя по утрам заморозки выбеливали все сверкающим инеем, днем разливалось настоящее тепло, а воздух наполнялся опьяняющим и зовущим ароматом влажной земли, молодой полыни, нагретого камня. На бурых темных скалах и склонах все отчетливее пробивался нежный сизовато-зеленый оттенок от начавшей вегетацию травы.

С юга потянулись армады птиц, стаи журавлей-красавок оглашали равнину и склоны гор хриплыми призывными криками, высоко в воздухе свистели крылья уток и куликов, быстро прогревающиеся предгорья заполнили жа-

воронки, каменки и другая птичья мелочь. А в гнезде балобанов появилось первое яйцо.

Откладка первого яйца — большое событие. Оно меняет весь уклад жизни, все поведение родителей, особенно самки. Еще вчера крикливая и беспокойная, она вдруг как-то сразу становится удивительно молчаливой. И уже не покидает гнезда, хотя до этого лишь ненадолго залетала в гнездовую нишу. Сказать, что она начала инкубацию, было бы не совсем верно, хотя самка и легла на яйцо. Всю ночь и наступившее морозное утро она провела, распластавшись на гнезде. Однако после того, как солнце, растопив ночной иней на скалах, заглянуло в нишу, она сначала немного привстала на цевках, а потом поднялась во весь рост. А когда в полдень солнце начало всерьез греть гнездо, самка заняла позицию так, чтобы экранировать его лучи, и даже опустила, как штору, одно крыло. А ночью снова уже сидела, плотно прижавшись к лотку гнезда. Такой режим понятен и, пожалуй, наиболее рационален. Если бы балобан начал инкубировать кладку с первого яйца, разница в возрасте птенцов была бы слишком велика — ведь следующее яйцо самка откладывает только через двое суток. Тогда птенец, вылупившийся последним, по сути дела на неделю позже первого, всегда оставался бы недокормленным, оттесняемый более сильными старшими братьями и сестрами. Нельзя было и просто подождать с началом инкубации, как это делают, например, утки, гнездящиеся позже и утепляющие гнездо пухом, ибо в таком случае морозной ночью не защищенное ничем яйцо могло погибнуть от переохлаждения, особенно если развитие эмбриона уже началось. И самка приняла единственно правильное решение — она сыграла роль терморегулятора и окончательно села на кладку только после того, как в гнезде появилось третье яйцо.

К середине марта в гнезде была полная кладка — пять крупных кирпично-красных яиц. Теперь самка сидела на них так плотно, что совершенно не реагировала на пролетающих птиц, в том числе и хищных. Несколько раз в день она поднималась с гнезда и снова садилась, повернувшись в противоположную сторону. По-видимому, так она перекатывала яйца, меняя их местами. Гораздо реже переворачивала балобаниха яйца клювом. Это исключительно важно для равномерного обогрева. Переставляя лапы с острыми когтями среди плотно лежащих в лотке гнезда яиц, она подгибала вперед задний палец и переносила тяжесть с одной ноги на другую только тогда, когда была уверена, что лапа опирается целиком на дно гнезда и не повредит скорлупу.

А самец в это время самоотверженно охотился. Прилетев с добычей к гнезду, он решительно передавал ее самке и после короткого отдыха снова исчезал. И в самой охоте, и в выборе жертвы балобан проявлял гораздо большее разнообразие, нежели сапсан, который практически берет только птиц и в основном в воздухе, на порядочной высоте. Балобан же в значительной мере питается

грызунами — сусликами и песчанками — и охоту чаще всего начинает из засады, с какого-нибудь наблюдательного пункта. Заметив подходящую добычу, например летящего голубя, он устремляется вдогонку, обязательно маскируясь на темном фоне гребня, а иногда и за таким гребнем, выходя на последний заход только тогда, когда попадает в мертвую зону позади жертвы, где она не видит опасности. Тогда он внезапно набирает высоту, и бросок его по быстроте, красоте и дерзости не уступает сапсаньей атаке. Но не менее часто сокол применял ястребиную (если можно так выразиться) тактику и осматривал владения на низком полете, почти у земли, вылетая неожиданно из-за бугра или сопки к поселению сусликов или на колонию больших песчанок. Здесь он резко набирал высоту и, круто спикировав, бил зазевавшегося зверька молниеносным броском, уже чисто соколиным ударом. Почти так же охотился балобан и на излюбленную свою дичь — кекликов, которых захватывал врасплох на кормежке или у водопоя, вырвавшись из-за утеса или склона, ударяя в воздухе, на взлете. Впрочем, как истинный охотник, он часто комбинировал тактические приемы, и это было залогом успеха.

Солнце уже заметно оторвалось от горизонта, а балобан все сидит на той скале, где всегда проводит ночь. Он давно не спит, хотя поза птицы говорит о том, что покой его нерушим. Сокол как-то пассивно оглядывает пологий, слегка волнистый склон, начинающийся от гряды утесов и переходящий далее в ровную долину, каменистые выходы соседних ущелий, прорезающих крутые бока горного хребта справа и слева от утесов, где сидит птица. Над долиной уже висят в воздухе десятки и сотни поющих жаворонков, хорошо видимых соколу с его наблюдательного поста. Однако они не привлекают его внимания. Но вот вдали, в километре, появляется быстро летящая птица — это дикий сизый голубь, спешащий с долины к дальнему скальному обрыву, где обосновалась целая голубиная колония. Без малейших приготовлений, как бы падая в пустоту, балобан снимается с утеса и, не набирая высоты, быстро и сильно взмахивая крыльями, несется не к голубю, не наперерез ему, а куда-то вбок, туда, откуда летит голубь. Какое-то время птицы даже удаляются друг от друга, а затем становится заметным, что сокол полого подворачивает к ушедшему далеко вперед и не ощущающему беспокойства голубю. Вот он уже вышел в тыл будущей добыче, завернул круче и лег на нужный курс — на прямое преследование. Но по-прежнему высоты не набирает, держась ниже голубя. Зато скорость все увеличивается, и дистанция между птицами сейчас заметно сокращается. Еще минута тайного для голубя преследования, и расстояние между ним и соколом уже не превышает двухсот метров. И здесь балобан, используя силу инерции, набранной на стремительном полете, легчайшим движением рулевых перьев меняет направление и резко устремляется вверх. На какой-то одному ему известной точке, значительно выше летящего голубя, балобан так же рез-

ко опрокидывается вперед и переходит в молниеносное, почти вертикальное глубокое пикирование. Вот она, соколиная ставка! Вот когда замирает в томительном ожидании и тоскливом напряжении сердце истинного сокольника! Падающего сокола уже не видно, только какая-то неясная тень прочерчивает разваливающийся, рассекаемый надвое воздух, только радующий ухо сокольника свист слышен далеко позади этой несущейся тени. Сейчас будет удар, и все кончится. Но голубь — прекрасный летун; в какую-то последнюю долю секунды каким-то шестым чувством он уловил опасность. Мгновенный отчаянный бросок в сторону и вниз — бросок, доступный лишь тому, у кого смерть висит на хвосте, — и балобан проносится мимо, навстречу летящей под ним земле. Но работают рули и сильны крылья сокола — он, даже не тормозя, а используя скорость падения, вновь взмывает вверх и повторяет атаку. Но голубь настороже, да и атака уже не так стремительна, и избежать ее сизокрылому асу проще, чем первую. А когда балобан пытается выйти на третий заход, голубь уже далеко, и соколу очевидно, что добыча ушла. Не останавливаясь, только сбросив высоту, он летит теперь над долиной. Внизу проплывают пологие холмы, сухие русла речек, необитаемые в это время года кошары чабанов. Сверху отлично видны колонии больших песчанок, но зверьки, которые любят тепло и солнце, еще не бегают по набитым между входами в норы дорожкам. И вот удача — суслик, вставший почему-то раньше своих собратьев, увидев сокола, изо всех сил мчится к своей норе, от которой неосторожно отошел в поисках свежей травки. Бросок с ходу, с небольшой высоты, и балобан проносится над самым входом в нору суслика, а сам хозяин успевает свалиться в спасительную темноту вертикального хода. Еще несколько минут — и история повторяется в деталях, только на месте суслика оказывается крупная песчанка, нырнувшая в кору под самыми когтями сокола. Отлетев от песчаночьей колонии, балобан, как бы с досады, пикирует на беспечного жаворонка — и на этот раз удачно. Сокол садится на бугорок, не спеша ощипывает и целиком съедает ничтожную добычу. Но ведь на гнезде самка, ее нужно кормить, и балобан снова поднимается в воздух. Конечно, с третьей, пятой или десятой попытки он возьмет что-нибудь стоящее, накормит насиживающую подругу, наестся и сам. Но не думайте, что все это дается легко. Даже такому хищнику, как балобан.

К середине апреля весна окончательно утвердилась в своих правах. Дни пошли, как один, солнечные, теплые, безоблачные. После нескольких небольших дождей долина под горами покрылась молодой серовато-сизой полынью. На склонах предгорий, подернутых нежно-зеленой пеленой прорастающей травы, кровавыми пятнами загорелись целые поля маков и тюльпанов. Слабый теплый ветерок нес удивительный, почему-то напоминающий детство, дух полыни, ласково трепал молодую траву. Волны пролетной птицы прокатились на север, и в долине и горных ущельях остались

-pB|PWW*ỉ^{w}*"!« .... -«««« МРИ!* ■ ^'■■■•*тттщщщящщ*

только те, кому суждено было здесь гнездиться, — многочисленные жаворонки, на колониях больших песчанок и в сусликовых городках — каменки-плясуньи, а в ущельях — кеклики, сизые голуби, скалистые поползни, разные овсянки. И хищные птицы — беркуты, стервятники, курганники, змееяды. А недалеко от гнезда балобанов, в скалах, поселилась небольшая компания степных пустельг.

Разгар весны принес новые события нашей чете балобанов: проклюнулось первое яйцо. Целый день самка провела в страшном волнении. Она поминутно вставала с гнезда, вслушивалась в писк, который раздавался из яйца, легкими взмахами вентилировала кладку, снова садилась, а через некоторое время начала помогать птенцу выбраться из разваливающейся скорлупы, отламывая кусочки по краям отверстия. В заключение она подхватила клювом опустевшую половинку яйца, сжала ее и проглотила. А новорожденный балобан, беспомощный, покрытый мокрым белым пухом, оказался среди остальных яиц, согреваемый снова севшей на гнездо матерью. Через день все повторилось сначала. На пятые сутки в гнезде было уже пять птенцов, и самка просто замерла на гнезде, обогревая выводок.

Птенцы росли быстро. На десятый день они сменили сзой белейший первый пуховой наряд не второй, чуть более пышный и не такой белый, скорее сероватый. Суточный режим самки практически не изменился, она большую часть дня проводила на гнезде, в холодную погоду обогревая птенцов, а в жаркую — оберегая их от лучей солнца, от перегрева. Обогревая птенцов, балобаниха выдвигала далеко вперед крылья, слегка привставала над гнездом и поднимала перья на груди и брюшке. Птенцы находились в это время в защищенном от ветра пространстве между крыльями и грудью матери. Почувствовав, что им холодно, малыши самостоятельно забирались глубже под ее перо, а отогревшись, снова выбирались в пространство под крыльями. Гораздо больших усилий и изобретательности требовала от взрослой птицы борьба с перегревом. В знойный полдень, когда горячие лучи солнца заливали гнездовую нишу и обычное экранирование и вентилирование уже не помогали, самка слетала с гнезда и купалась в речке, протекавшей прямо под скалой. Промочив хорошенько оперение брюшка, она возвращалась к гнезду и становилась над птенцами, устраивая им что-то вроде холодного душа.

Кормила в эти первые дни птенцов только самка. Прилетевший с добычей самец присаживался на край гнездовой ниши лишь на мгновение, словно только касаясь камня, так же быстро передавал приношение самке и тут же слетал. А затем, отдохнув несколько минут в тени на соседнем утесе, снова отправлялся на охоту.

Мать кормила малышей неспешно и с удивительной заботливостью, отрывая клювом малюсенькие кусочки мяса. Даже такую пичугу, как малый

жаворонок, она делила на двадцать-тридцать порции, и в каждой такой порции было не больше полуграмма мяса. А голову, крылья и кости самка съедала сама. Если же самец приносил какого-нибудь грызуна, суслика или песчанку, самка делила добычу на триста-четыреста порций, причем кроме мяса скармливала птенцам и внутренности, а сама довольствовалась скелетом и шкуркой зверька.

В оправдание самца нужно сказать, что он не кормил птенцов не потому, что не умел или не хотел. В тех случаях, когда по какой-то трагической случайности самка гибнет, овдовевший самец проявляет большую заботу о детях и, как правило, успешно выкармливает их, совмещая кропотливую, требующую много времени разделку добычи и раздачу корма с охотой, с необходимостью заполучить эту добычу. А это вовсе не легко.

В возрасте двадцати дней сквозь пух у соколят уже заметно пробивались пеньки растущего пера. Первыми они появились на крыльях и хвосте, затем пришла очередь надеть «ежиный» наряд и спине. И в это время поведение взрослых балобанов снова изменилось: самка, которая до этого ни на минуту не оставляла птенцов, тоже включалась в охоту. А птенцы большую часть суток лежали теперь тесной кучкой посреди гнезда. То один, то другой вдруг вставал, потягивался, выходил на край гнездовой ниши, подолгу махал крылышками-култышками и возвращался в общую компанию. Когда появлялась самка с добычей, птенцы дружно обступали ее, пронзительно вереща и стараясь урвать кусочек покрупнее. После завершения дележа добычи и кормежки взрослая птица, ни минуты не задерживаясь в гнезде, сразу улетала и растворялась в мареве, дрожащем над долиной. А птенцы не спешили снова сбиться в кучку, они разбредались по гнездовой нише, и каждый занимался своим делом: кто чистил «оперение», стараясь избавится от чехликов, обволакивающих растущие перья, кто занимался «физзарядкой», кто просто с любопытством смотрел на расстилающийся у подножья утеса неизвестный, неведомый мир. Никто из них уже не страдал ни от холода, ни от перегрева.

Изменение в поведении самки связано не с тем, что подрастающие птенцы требуют больше корма, хотя и это тоже важно. Главное же заключается в том, что именно в этом возрасте у них развивается способность к самостоятельной терморегуляции. Если до этих пор необходимое тепло они получали только от матери, то теперь в этом уже не нуждались и сами начали справляться с невзгодами и капризами погоды, даже с внезапными похолоданиями и снегопадами. Как взрослые птицы узнают о новых возможностях птенцов — никто пока не знает. Скорее всего здесь работают какие-то «биологические часы» с длинным «заводом».

Кормление подрастающих птенцов — очень непростой процесс. При появлении взрослой птицы с добычей на краю гнездовой ниши птенцы толпой

устремляются навстречу, с верещанием напирают на родителя, теснят его, но тот остается непоколебимым. Невозмутимо распределяет он отрываемые кусочки мяса поочередно каждому птенцу и, только скормив ему десять-пятнадцать порций подряд, поворачиваются к следующему. И так далее. Птенцы голодны, они лезут без очереди, стараясь перехватить предназначенный соседу кусок, но родитель неумолим. Если добыча крупная, то в конце концов после всей толкотни и неистового крика каждого птенца он успевает покормить по два-три раза, и в итоге каждый получает примерно одинаковое количество мяса. Такой способ распределения пищи необходим прежде всего для поддержания сил более мелких, отстающих в развитии или ослабленных птенцов, которые при других условиях остались бы голодными и обрекались на гибель. Более крупные и прожорливые птенцы продолжают выпрашивать корм еще и тогда, когда более слабые с наполненными уже зобами отходят в сторону.

Вместе с формированием первого покрова росла и самостоятельность птенцов. Они выровнялись в развитии и теперь практически не отличались друг от друга ни ростом, ни оперением. Если, конечно, не считать того, что две молоденькие самочки были заметно крупнее трех братьев-самцов. К концу мая птенцы уже обрели облик настоящих балобанов, и теперь у них только чуть-чуть подрастали крылья и хвосты да исчезали последние остатки пуха на головах. Молодые птицы стали крайне непоседливы, они совершали опасные путешествия вдоль трещины, которая тянулась от гнездовой ниши, перебирались на едва заметные выступы и карнизы скального обрыва, цепляясь за них когтями и помогая удержаться крыльями.

Взрослые птицы, принося добычу, теперь не делили ее между птенцами, а просто бросали в гнездовую нишу. Птенцы же, завидев это, наперегонки устремлялись к гнезду, ежесекундно рискуя сорваться со скалы. Правда, охота у родителей занимала сейчас немного времени: во-первых, охотников стало двое, а во-вторых, в долине появилась масса других жаворонков, которые и стали основной добычей взрослых птиц. Конечно, жаворонок — мелочь, но зато ловить их было легко, и «качество», так сказать, возмещалось количеством.

В отсутствие родителей птенцы помимо опасных путешествий развлекаются, как только могут. Жажда деятельности у них велика, они часто и подолгу машут крыльями, тренируя их для будущих полетов, самозабвенно играют с обрывком сусликовой шкурки или с засохшим крылом какой-нибудь птички, съеденной ранее. Нередко, однако, часами отдыхают и чистятся, освобождая развернувшиеся крылья от остатков роговых чехликов. И вот однажды, на самом рубеже мая и июня, они поочередно разлетелись с гнезда, покинули его, чтобы в отличие от северных соколов никогда уже не вернуться в родную нишу. Но стремились все же держаться друг друга и к вечеру по-

стоянно собирались вместе на плоской вершине соседней скалы. Иногда они устраивали на ней сбор и днем, когда, напутешествовавшись и наевшись, отдыхали, нежась на солнце. Однажды ночью с этой скалы унес одного из молодых самцов неслышно вынырнувший из мрака громадный филин.

Если соколята в эти дни вели беспечную жизнь, то родителям работы заметно прибавилось. Раньше, когда птенцы сидели в гнезде, добыча, даже самая крупная, утилизировалась полностью. Сейчас ситуация изменилась. Молодые балобаны еще не умели самостоятельно и квалифицировано разделить крупную добычу, оставалось много «отходов», которые раньше использовались без остатка. Кроме того, молодые балобаны просто не в состоянии были в одиночку за один присест съесть суслика или кеклика. Они заботливо прятали остатки среди камней, но затем мгновенно забывали о них и никогда даже не пытались отыскивать. В то же время только что наевшийся до отвала птенец, увидев возвращающихся с добычей родителей, устремлялся им навстречу с такой жадностью, с таким громким обиженным криком, что нередко снова становился обладателем уже не нужного ему корма, от которого он тут же равнодушно отворачивался, не притронувшись. И добыча, взятая родителями с немалым трудом и всегдашним риском, пропадала даром.

Еще дней через пять молодежь начала отваживаться на более дальние вылеты. Особенно радовались молодые балобаны свежей ветреной погоде. Один за другим расправляли они крылья навстречу ветру, воздушный поток подхватывал их , и они, используя его энергию, взмывали в небо, не шевеля крыльями, скользя против движения воздуха. Затем вдруг соколята отдавались во власть вихря, их несло, как обрывки бумаги, как сухие листья, но они снова разворачивались против ветра и медленно, но верно шли вверх. Временами они даже пикировали друг на друга, хотя без большого азарта и уверенности.

При тихой безветренной погоде молодые балобаны предпочитали отсиживаться где-нибудь на вершинах сопок или даже на их склонах, где подолгу спали в тени утесов, почти незаметные для глаза из-за темной окраски. Оживлялись они только при появлении родителей, возвращавшихся с удачной охоты.

В июне в долину пришло лето. Солнце беспощадно палило с выцветшего безоблачного неба. Выгорела и пожелтела трава, и только полынь еще сопротивлялась испепеляющей жаре.

Смолкли птичьи голоса. Закопались и погрузились в долгую спячку черепахи, исчезали в глубоких норах суслики. Над пустыней повисла мертвая тиииина, и только обманчивые миражи рождались в раскаленном воздухе. Пус~эшя стала пустыней. Охота отнимала все больше и больше времени и сил . старых балобанов.

К концу июня выводок держался еще вместе, но молодежь было не узнать. Месяц обучения основным летным навыкам не прошел даром: когда мо-

~~чвщ/^тттт~~тщ^1 шщтттт »<«*« "ШРИЧИРИИ^ЩД

лодые птицы, поднявшись ввысь, кружили вместе со старыми, их можно было отличить теперь только по более яркой и темной окраске да по широкой светлой полосе по краю хвоста. Они очень много времени проводили в воздухе, затевая бесконечные воздушные игры, захватывающие погони, стремительные атаки друг на друга, глубокие броски, имитирующие охоту на суслика или жаворонка: раз за разом молодой сокол начинал пикировать и, проносясь над самой землей, касался какого-нибудь кустика. Все это была подготовка к самостоятельной жизни, где искусство высшего пилотажа было залогом выживания, а успешность охоты — условием продолжения рода.

Родители активно помогали молодым балобанам в науке жизни. Прилетев с добычей, старая птица вместо того, чтобы отдохнуть, начинала увертываться от налетающих на нее со всех сторон оголодавших молодых, заставляя их проделывать за ней все мастерские головоломные виражи. А затем она разжимала когти, и ближайший соколенок в стремительном броске ловил падающую добычу. А остальные, не желающие смириться с потерей вожделенной пищи, продолжали атаковать родителя, и тот использовал эту возможность, чтобы еще раз преподать уроки летного искусства. И только тогда, когда взрослому балобану надоедала наконец эта гонка, он уходил выше, ловил струю восходящего воздуха и на парящем полете, не шевеля крыльями, набирал высоту до тех пор, пока не скрывался из глаз. Молодежь же еще не умела использовать этот прием и после краткого соревнования безнадежно отставала и возвращалась к своим повседневным делам и играм.

Все чаще и чаще молодые балобаны пытались приобщиться к настоящей охоте. Они упорно делали попытки атаковать любую птицу, попадавшую в поле их зрения. Однако все их усилия пока были тщетны. Процесс постижения охотничьего искусства очень длителен, и по-настоящему овладевать добычей соколята начинают только к зиме. Да и тогда эффективность их охоты во много раз ниже, чем у взрослых птиц.

К августу выводки окончательно распадаются. Старые самцы держатся в районах гнездования. Здесь же, но за пределами гнездовых участков, держится и часть молодых птиц. Остальная молодежь и старые самки в это время откочевывают и теряют связь с местами гнездования. Часть их с наступлением холодов появится у хлебных элеваторов в городах, часть, вероятно, погибнет. Но старые самки вернутся к ущельям и скалам, окружающим долину, уже ранней осенью, в сентябре. Они снова встретятся со своими самцами, а потерявшие по той или иной причине брачного партнера быстро найдут ему замену. В продолжении жизни балобаньего рода гнездовая территория и гнездовая ниша важнее, чем одиночный балобан, и погибшие заменяются легко.

Комментарий зоолога. Как и сапсан, балобан распространен очень широко. Однако его ареал все же не выходит за пределы Европы и Азии.

В Европе вне нашей страны балобан населяет сравнительно небольшую территорию, в том числе Балканы, районы, прилежащие к Черному морю. Венгрию, Чехословакию. В границе бывшего Советского Союза область гнездования этого сокола простирается от Карпат на западе до Забайкалья на востоке, но ограничена лесостепью, степями, полупустыней и отчасти пустынями, хотя в настоящих больших песчаных массивах его нет.

Как вы уже поняли, балобан гораздо более универсален в выборе добычи. Он с почти равным успехом ловит и птиц, и зверьков, и даже иногда пресмыкающихся. Однако все же основа его существования в период гнездования — не птицы. Балобан ориентируется прежде всего на грызунов: сусликов, песчанок и других. Он сравнительно легко берет даже зайцев-толаев. Но и в охоте на птиц, которые составляют основной его корм зимой, балобан — превосходный мастер, хотя по красоте броска, азартности и какой-то особой законченности движений, характеризующей крупных соколов, уступает сапсану.

Как и у всех птиц, обладающих обширным ареалом, у балобанов очень велика географическая изменчивость окраски и размеров. Однако систематика этого вида, как и сапсана, разработана далеко не достаточно, и в ней остается ряд спорных вопросов. Один из них — проблема так называемого алтайского кречета, описанного сначала М. А. Мензбиром в 1891 году по экземпляру с Алтая в качестве самостоятельного вида, затем признанного подвидом кречета, а впоследствии, во второй половине нашего века, идентифицированного уже как подвид балобана. Сейчас в некоторых кругах орнитологов обсуждается даже возможность гибридного происхождения этих птиц, причем доводы в пользу этой гипотезы достаточно обоснованы. Основную трудность в систематике балобанов составляют большая индивидуальная изменчивость.

В зависимости от географии значительна и экологическая изменчивость балобана. В полупустынях Казахстана и в Средней Азии он, например, устраивает гнезда преимущественно в относительно невысоких горах, где занимает естественные ниши в ущельях или использует старые гнезда воронов и различных хищных птиц, а в лесостепных районах или в долинах крупных рек, в островных борах Северного Казахстана выводит птенцов почти исключительно в готовых гнездах ворон, грачей, орлана-белохвоста, потому что сам, как и другие соколы, строить настоящие гнезда не умеет.

В степных районах с балочным рельефом балобан охотно заселяет овраги, где выбирает для гнезда вершины обрывистых склонов, открытые площадки с хорошим круговым обзором. В северных частях ареала балобан — типично перелетная птица, на юге — кочующая и местами даже оседлая. Ну а рацион зависит от фактического наличия добычи, от ее ассортимента и доступности: что живет в наибольшем количестве в районе гнездования,

то и становится основой питания. В одних местах это голуби и горлицы, в других — грачи и вороны, и почти всегда — суслики. Как правило, там, где нет сусликов и песчанок, балобан не живет.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КРЕЧЕТА

Нет, пожалуй, пейзажа монотонней, печальнее и безнадежнее зимней лесотундры. Редко стоящие, голые в эту пору, изуродованные страшными северными ветрами невысокие лиственницы кажутся мертвыми на фоне безбрежного и безрадостного снежного моря. Это пейзаж какой-то дочеловеческой эпохи, и в тусклом свете короткого зимнего дня воображение невольно рисует среди этих неживых лиственниц утопающее в снегу стадо мамонтов или волосатого носорога.

Но там, где текущая с гор река, прорезав узким каньоном последнее препятствие, выходит на просторы тундры, однообразие нарушается. И причины этого не только в радующем глаз величии каньона. Лиственницы, выросшие по обрушившимся стенам ущелья и глубоко внизу, укрытые от ураганной силы ветра, кажутся более стройными, чем на равнине. Да и стоят они чуть гуще, создавая впечатление почти настоящего леса. Ольха и ивняк по нижним частям склонов образуют здесь плотные кустарниковые заросли. Чувствуется, что жизнь здесь может быть богаче и разнообразнее, нежели на открытых низинах и водоразделах. И это ощущение не обманывает: на выступающем из глубокого снега лиственничном пне, как бы удлиняя его, вырисовывается неподвижная фигура сидящего крупного сокола. Это — кречет. А через полчаса проявила себя и вторая птица: вынырнув из-за крутого склона, она уселась на вершине выступающего над ущельем утеса и так же замерла в каменной неподвижности.

Эта пара не была новичками в каньоне. Самец здесь и родился четыре года назад, в старом вороньем гнезде, устроенном в ветвях корявой лиственницы на склоне. Здесь он благополучно вырос, а на второй год снова ненадолго появился ранней весной. Но его время еще не наступило, да и родители встретили неласково: отец, не подозревавший, что молодой кречет — его сын, яростно прогнал конкурента. Еще год провел молодой кречет в скитаниях, занятый лишь добыванием корма да избеганием разных опасностей. Однако когда прошлой весной, на четвертом году жизни, он вернулся в ущелье опытным охотником, уже надевшим свой окончательный, снежно-белый с сероватой спинкой наряд, он нашел совсем другую ситуацию. Старый кречет предыдущей осенью погиб, соблазнившись приманкой в песцовом капкане,

и сам стал такой приманкой, когда хозяин-ненец обходил линию ловушек. Мать же, оставшись в одиночестве, скоро образовала пару с другим взрослым самцом, имевшим гнездовой участок на соседней реке, в сорока километрах к востоку от ущелья. И наш кречет без всяких боев занял пустующую территорию и взял ее под охрану, так как пришло его время продолжать кречетиный род. А вскоре в каньоне появилась и матерая буровато-серая кречетиха, мощная и сильная, и через несколько дней дружная пара соколов бдительно стерегла ущелье от вторжения возможных конкурентов. А они появлялись: однажды заявился молодой самец, который с хозяйским видом сел на излюбленный самкой утес. Но просидел лишь мгновение: оба наших кречета обрушились на пришельца с такой яростью, что он, не принимая боя, умчался вверх по реке. Там он и провел лето, облюбовав почти такое же ущелье. Пара кречетов так никогда и не узнала, что изгнанный пришелец был братом самца, родившимся здесь в позапрошлом году. Все повторяется в истории, и не только у людей, но и у птиц.

Прошлой весной кречеты остановили свой выбор на старом вороньем гнезде на лиственнице, которое кречеты, предыдущие владельцы ущелья, использовали уже несколько лет подряд. В нем родился и вырос самец из нашей пары, хотя и не помнил этого. Птицы отложили в гнездо четыре грязно-белых, с расплывчатыми, почти сливающимися бледно-красными пятнами, яйца. Однако давно не ремонтировавшееся гнездо под тяжестью могучей самки разрушалось с каждым днем, лоток его становился все меньше, и к концу насиживания, уже незадолго до вылупления, два яйца из него выкатились. Оставшихся двух птенцов кречеты благополучно выкормили. Но гнездо пришло в полную негодность.

Сейчас, в начале марта, в преддверии весны, кречеты уже присмотрели другое подходящее для выведения новых птенцов гнездо. Большое и прочное, оно располагалось на выступе отвесно падающей в реку скалы, в нескольких метрах от ее верхнего края, на западной стене ущелья, недалеко от поворота русла. Построили его в прошлом году орланы-белохвосты, которые вывели в нем двух птенцов, но вторично почему-то не появились.

Зима этого года была малоснежной. Погода в марте стояла ровная, с обилием ясных солнечных дней. Уже к середине месяца обнажились вершины холмов, а в апреле сошел снег и в прилежащей тундре, хотя по ночам еще держались сильные морозы. Обильный урожай разных ягод прошлого лета, сохранившийся по снегом, теперь доступен массам зимующих белых куропаток. Покрылись душистыми соцветиями появившиеся над снежными забоями ивы. Днем на солнце в тихих местах оживали пауки и жуки, с деловитым жужжанием залетали тяжелые, мохнатые, словно бархатные, шмели. Лед на реке все более выпирал из тесного русла, напитывался во-

дои, а по ночам поскрипывал от мороза, покрывался звонкими трещинами, иногда гулко ухал, осев многотонным монолитом на промерзшую речную отмель и образовав неожиданное препятствие бурному потоку. Почти целое лето эти ледяные глыбы будут лежать потом по берегам, промытые посредине и образовавшие по ложу реки узкие коридоры со сверкающими отвесными стенами.

В эти дни первого натиска весны пара кречетов целые часы проводила в воздухе. Птицы носились то вдогонку, то параллельно, то навстречу друг другу, выписывая в небе над гнездом восьмерки и петли, пикируя друг на друга и оглашая воздух звонкими резкими криками. Налетавшись, самка присаживалась на свой излюбленный утес над рекой, а самец исчезал в тундре. Скользнув в боковой распадок, он мягко взмывал над ним к вершине холма и, практически не шевеля крыльями, поднимаясь все выше и выше по невидимой свободной спирали, оказывался в такой вышине, что почти исчезал из глаз. Но ему-то земля была видна во всех подробностях, и он отчетливо фиксировал стайку белых, еще в зимнем пере, куропаток, кормившихся на протаявшем склоне и контрастно выделявшихся на буром фоне тундры. Кречет застывал на мгновение, складывал крылья — и вот он уже несется вниз, все набирая скорость, выходя за звуковой барьер, почти невидимый в этом стремительном падении. Лишь в последний миг куропатки слышат над собой шелест воздуха, а затем резкий шлепок — жизнь одной из них оборвалась. С трещащим грохотом стайка взлетает и быстро планирует в распадок, а кречет делает крутой разворот, проносясь над землей и мертвой куропаткой, подхватывает ее и, не присаживаясь, тяжело летит к ущелью. На красновато-буром моховом ковре остается только пятно из белых перьев, как будто кто-то вырвал горсть пуха из распоротой подушки и пустил его по ветру. Позже, когда придет время гнездиться мелким птичкам — трясогузкам, пеночкам, лапландским подорожникам, чечеткам, они тщательно соберут каждое перышко и будут выстилать ими, утеплять свои крохотные гнезда.

А кречет с куропаткой в лапах садился на выступ скалы, где часто отдыхала самка, затем отлетал или отбегал несколько в сторону и начинал кричать, кланяясь всем корпусом вперед в такт каждому крику. Если самка не сразу подходила или подлетала к куропатке, он суетился и беспокоился все более, затем вспрыгивал на добычу, начинал ее яростно ощипывать, продолжая истошно кричать. Замолкал и успокаивался он только тогда, когда самка принимала приношение. Картина нам уже знакомая.

Гнездо орланов кречет тщательно выстилал сухими стеблями осоки. Подлетая с очередным стебельком в клюве, он садился всегда на совершенно определенное место, клал принесенную травинку и летел за следующей. Так

в лотке образовывалась теплая выстилка, напоминающая что-то вроде тонкой циновки. Пытался он приносить осоку и в старое воронье гнездо на лиственнице, видимо, по старой памяти, но ветер тотчас же уносил сухую травку с полуразрушенного лотка. Иногда кречет подолгу отдыхал на этой же лиственнице, будто предаваясь воспоминаниям.

В конце первой декады апреля кречетиха отложила первое яйцо и тут же приступила к насиживанию. А спустя неделю кладка была закончена: в гнезде лежало четыре яйца. Все заботы о пропитании легли теперь целиком на старого кречета. Добытых птиц он приносил на ближайшую к гнезду скалу, затем делал небольшой круг и заменял прилетевшую на добычу самку, плотно усаживаясь на теплую кладку. А самка, слетев с гнезда, торопливо и жадно ела, отрывая и заглатывая большие куски горячего мяса, потом тщательно чистилась, иногда ненадолго улетала размяться. Но скоро возвращалась и снова усаживалась на гнездо.

Еще в начале апреля в ущелье появились стаи пуночек, затем рогатых жаворонков-рюмов. В конце месяца воздух наполнился печальными голосами лебедей и гусей. Над ущельем проходила стая за стаей, и крики птиц, тревожные, зовущие, раздавались, казалось, со всех сторон, особенно ночью. А в начале мая прилетели речные утки — шилохвости, чирки, свиязи. Вместе с волной уток прибыли серебристые чайки.

В середине мая тронулся лед. С грохотом, скрежетом и скрипом, налезая на берега, топя и разбивая друг друга, в ужасающей тесноте двигались льдины по стиснутой утесами реке, несомые безмерной силой течения. И в тот же день, когда взломался лед под гнездом, в самом гнезде появился первый кречетенок. А через пять дней в гнезде было уже четверо покрытых белым пухом птенцов. Самка по-прежнему не отлучалась с гнезда, обогревая малышей и принимая от самца добычу, которую он теперь приносил прямо в гнездо. Получив пойманную самцом птицу, она кормила малышей, наклоняясь к каждому из них поочередно с малюсеньким кусочком мяса в клюве. Пока они были маленькими, они наедались быстро и почти сразу засыпали. Две недели кречетиха не покидала гнезда, и распорядок ее дня мало чем отличался от установившегося в период насиживания.

В конце мая налетел снежный шторм с холодным пронизывающим ветром. Все снова побелело в ущелье и вокруг него, замерзли лужи и ручейки теплой воды, а часть птиц даже пыталась откочевать на юг. Но это длилось недолго, и через три дня вместе с южным ветром пришло тепло. Снова взбухли ручьи, из-под быстро исчезающего свежего снега вновь появились и ярко зазеленели сочные проростки чемерицы, набухли почки на ивах и ольхе. Каждый день с юга и запада, точно выбрасываемые невидимой рукой, шли новые волны пролетной птицы — нырковые утки, кулики, гагары, поморники,

мелкие певчие птички. Весенний поток жизни, ежегодно заливающий тундру, — прекрасная пора!

Вскоре после шторма, который семья пережила благополучно, поведение взрослых кречетов изменилось. Они оба подолгу отсутствовали у гнезда, сидя на старой лиственнице с могучей кроной, росшей на вершине скалы на другом берегу напротив гнезда, метрах в ста от него. В середине июня на ней появилась нежная молодая хвоя. А внизу, в широком распадке, еще лежал снежный забой, из-под которого наверху только начинал вытаивать едва зазеленевший ерник. Ночь взрослые кречеты проводили теперь, сидя рядом друг с другом на толстой ветви в нижней части кроны. При свете незаходящего полярного солнца гнездо было видно отсюда, как на ладони. Само оно, закрытое стеной и гребнем, начинало освещаться солнцем только около четырех часов утра, и первые лучи будили птенцов. Они дружно вставали на уже крепкие голубоватые лапы и, застыв белыми пушистыми столбиками, поднимали истошный крик. Однако родители не реагировали на призыв; через полчаса малыши умолкали и, немного потоптавшись в гнезде, сгрудившись поближе к нагревшейся уже от солнца стене, снова засыпали. Через некоторое время их будила кречетиха, севшая на край гнезда с куропаткой, принесенной самцом. Малыши вскакивали и в напряженном ожидании застывали перед матерью.

Накормить четырех голодных птенцов нелегко. Сев на гнездо, самка с минуту осматривается, поворачивая голову в разные стороны, затем перехватывает куропатку, прижав ее к сучьям за лапу и крыло, точно распиная на полу гнезда, и принимается за разделку. Действуя коротким загнутым клювом с выемкой на подклювье с острыми режущими краями, она, как кусачками, режет мясо и перекусывает кости. Наклоняясь вперед, она отщипывает миниатюрные кусочки мяса от грудины, повернув голову, подносит их к клюву птенца, тот принимает установленную порцию — и все следует снова и снова, строго по кругу. Движения самки четки и быстры, все малыши получают поровну корма, никто никому не мешает. Впрочем, мы уже видели, как кормят птенцов сапсаны и балобаны. Здесь — то же самое.

Более часа длится процедура кормления. За это время отщипнуто и передано малышам более семисот кусочков. Наконец мать хватает клювом почти дочиста обглоданный остов куропатки, слетает с гнезда, проносится над рекой и, бросив остатки трапезы далеко в тундре, снова возвращается на любимую присаду. Тщательно вычистив лапы и клюв, она снимается, делает короткий вираж и исчезает за холмом.

С юга чуть тянет теплый ветер, легко покачивая ветви зеленеющих лиственниц. Сильнее припекает солнце. Птенцы в гнезде мирно спят. Неподвижно застыл на верхушке лиственницы белый кречет, почти невидимый на фо-

не блеклого, с легкими облаками неба. Но неподвижность птицы обманчива: кречет зорко следит за окрестностями и при малейшей опасности готов мгновенно прийти малышам на помощь.

Когда утро уже в разгаре, из-за холма на низком, тяжеловатом полете появляется самка, направляется к лиственнице и, нырнув под нижние ветви, садится на толстый сук. Зоб птицы заметно выдается над грудью — охота была успешной. Теперь отдых.

Только в полдень отдохнувшая кречетиха снова улетает в тундру. А через полчаса она появляется и быстро летит к гнезду. В лапах у нее поморник. Двое других, бесстрашно пикируя на сокола и пронзительно крича, атакуют ее. Наперерез поморникам срывается белый кречет, но поморники увертываются от него и скрываются в тундре.

Медленно тянется бесконечный полярный день. Хотя солнце на севере летом даже не приближается к горизонту, сутки в тундре делятся на день и ночь довольно отчетливо. С наступлением ночи жизнь как-то замирает, останавливается. Утихает ветер, заметный холодок разливается в воздухе, смолкают птицы, удлиняются тени, краски становятся ярче и контрастнее. А шум воды в реке делается слышнее.

Восемь часов уже прошло с тех пор, как кречетиха скормила малышам поморника. Сначала они спали, потом забеспокоились, начали кричать, требуя корма. А потом, видимо, потеряли надежду, сгрудились в середине гнезда и примолкли. Вообще-то говоря, им действительно пора уже подкрепиться.

Совсем вечером это, видимо, почувствовала и самка. Она поднялась в воздух и быстро, деловито умчалась в направлении группы озер, белевших далеко на горизонте. Прошло не более получаса, как она вернулась, прижимая лапами к брюху большую угольно-черную утку. Голова утки безжизненно болталась на короткой шее, и по красному клюву с заметным вздутием у основания можно было узнать самца синьги. Кречетиха скользнула над склоном холма к реке, пронеслась низко над водой и круто взмыла к гнезду, усевшись на его край. Дружно обступили ее проголодавшиеся птенцы, протягивая к матери клювы и трепеща культяпками крыльев. Несмотря на продолжительное голодание, малыши смогли осилить лишь половину принесенного селезня. Подхватив лапой остатки, самка снялась с гнезда и полетела к вершине бугра над распадком. Точно угадав, что остатки селезня предназначены ему, с лиственницы на бугор в тот же момент слетел и самец. Бросив синьгу в кочкарник, самка вернулась на присаду. Белый самец, прихватив селезня лапой, протащил его несколько метров до большой плоской кочки и, не торопясь, начал отрывать куски мяса.

Только к полуночи закончил кречет спокойную трапезу. Вычистив когти и клюв, он слетает в распадок, садится на снежник, трется головой и грудью, тщательно стирая с них остатки крови. Закончив туалет, кречет взлетает к лиственнице и усаживается на сук рядом с самкой.

К концу июня кречетята уже полностью оперились, и только отдельные пушинки на голове, груди и спине напоминали о недавнем птенцовом наряде. Кречетиха кормит их теперь строго три раза в день и, несмотря на то, что птенцы повзрослели, все так же тщательно разделывает добычу, передавая малышам все такие же маленькие порции. Понемногу один из птенцов начинает сам рвать принесенную матерью добычу и скоро совсем переходит на самостоятельное питание. Птенцы становятся более молчаливыми, они уже не надрываются, выпрашивая пищу. Они подолгу машут на месте крыльями, готовя их к полету. Теперь особенно отчетливо видно то, что лишь просматривалось слегка, когда птенцы были меньше, — в выводке два самца и две самочки, которые заметно крупнее, но гораздо менее активны и подвижны.

И вот в самых первых числах июля в семье кречетов снова событие. Одно из тех, которые особыми вехами размечают период размножения, — откладка первого яйца, вылупление первого птенца. А сегодняшнее событие — через час после первой трапезы с гнезда слетел первый птенец. Конечно, это более шустрый самец.

Юный кречет перелетел реку и сел на бугор невдалеке от старой лиственницы. Здесь он прекрасно ориентируется, так как это место ему было видно из гнезда. Весь день то бегает по склону распадка, то опускается к снежнику, то надолго застывает на вершине бугра. Кажется, что он обдумывает новую ситуацию. В полдень самка приносит ему целую шилохвость, и теперь кречетенок то рвет клювом утку, то таскает ее по кочкам. Ближе к ночи он прячет шилохвость под кусты, а сам неожиданно перелетает обратно в гнездо. Рано утром кречетенок снова улетает, разыскивает свою шилохвость, но есть там уже нечего, и он жалобно, совсем как маленький птенец, просит обратить на него внимание, крича и размахивая крыльями. Появляется белый кречет, отдает кречетенку полусъеденную куропатку, и тот успокаивается.

Теперь уже кречетиха покидает ущелье и улетает на охоту. Она возвращается с селезнем морянки, у которого успела выесть часть груди. А через два часа после того, как с уткой было покончено, с гнезда слетел второй птенец, то бишь, простите, — юный сокол. Он, как и первый, немедленно занялся исследовательской деятельностью, внимательно обследуя склон распадка, залезает в кусты, заглядывает под коряги. На ночь оба не возвращаются в гнездо, а усаживаются рядом с родителями на толстом суку старой лиственницы.

Пока молодые самочки еше оставались в гнезде, кречетам приходилось работать на два фронта. Это заставило и самца принять участие в кропотливом процессе кормления. Но четыре дня спустя последние кречетята покинули гнездо, и весь выводок собрался в распадке. Самочек пришлось кормить еще два дня, но затем они начали есть сами. Это упростило ситуацию, так как теперь летную молодежь легко было собрать в одном месте, куда один из родителей, вернувшись с очередного охотничьего рейда, приносил добычу. Но поскольку кречетята сильно выросли и требовали больше пищи, работы обеим старым птицам хватало.

Кречетиха была гораздо более универсальным охотником и ловила все, что попадалось на ее пути, — от мелких птичек и леммингов до гусей и зайцев. Самец же по-прежнему охотился только на куропаток, излюбленную кречетиную дичь, а также обеспечивал безопасность выводка, уничтожая по возможности всех потенциальных врагов. Так, он расправился с пролетавшим неосторожным вороном, неожиданно напав на него из-за скалы и сбив красивой ставкой, после чего подоспевшие молодые разорвали поверженную птицу. Убил он также залетевшего случайно в окрестности ущелья самца полевого луня и нарушившую границы гнездового участка самку зимняка, хотя, конечно, прямой опасности от них не исходило. А уже в начале августа, когда в тундре стали поспевать ягоды, переловил весь летний выводок серых ворон, месяц назад покинувших гнездо в ивняковых зарослях ниже соколиного ущелья.

Молодые кречеты летали все увереннее и смелее, все больше времени проводили в воздухе. Все же полет их пока оставался прямолинейным — ни в манере, ни в скорости они еще не могли соперничать со взрослыми. Тем не менее то одному, то другому удавалось поймать куропатку, лишь начавшего летать куличенка или слетка конька. Успешно охотились они и на мелких грызунов — полевок-экономок, водяных крыс. А на исходе июля выводок пережил первую утрату.

...В десяти километрах выше по течению реки, уже в настоящей лесотундре, на старой искривленной лиственнице было гнездо беркута Единственный птенец из него вылетел несколько дней назад, и старая самка не спускала с него глаз. А самец приносил им корм. В тот день беркут, как обычно, вылетел на очередную охоту. Восходящий от земли поток теплого воздуха поднял его ввысь, и беркут парил теперь еле заметной точкой, почти не шевеля огромными крыльями. Орел спокойно описывал круг за кругом и на несколько километров уже удалился от гнезда. Опытный хищник, он не спешил, так как дичи было много, и вся проблема состояла только в том, чтобы незаметно подлететь к жертве для завершающего броска и чтобы вблизи не было помех для его широких крыльев.

ᵐтвтяяшт,.... пиииш .. ттттят** -^"«я**^^

А в это же время самый отважный и любопытный из кречетят, отдалившись от ущелья, после очередной неудачной попытки схватить юркого зверька безмятежно сидел на высокой кочке, ожидая появления новой полевки. Беркут давно заметил его и сразу же стал заходить сзади, от солнца, прикрываясь слегка вершиной холма. Выйдя на нужную позицию, чуть подобрав сильные крылья, он со всевозрастающей скоростью заскользил низко над землей вниз по склону. В последний миг на кречета упала плотная тень, он рванулся, но беркут, не тормозя, на лету сгреб его огромной, вооруженной страшными когтями лапой и, пролетев еще сотню метров, чтобы погасить инерцию, сел в нижней части склона, уже среди камней. Еще полный переживаний удачной охоты, он сидел, полуразвернув могучие крылья, воинственно взъерошив перья на затылке, раскрыв грозный крючковатый клюв. Постепенно спокойствие разлилось по всей его фигуре, крылья сложились, поднятое перо опало. Осмотревшись, беркут приступил к трапезе.

И тут-то на него напали взрослые кречеты. Одна за другой птицы пикировали на орла в яростных атаках, проносясь в миллиметрах от его спины. Когда один из кречетов со свистом выходил из броска, другой уже начинал очередное пикирование. Но беркут только пригибался под натиском соколов, вжимался в камни, хотя дважды ему пришлось опрокинуться навзничь, выставив навстречу врагу мощные лапы с громадными когтями. Опасаясь разбиться о камни, не рисковали и кречеты. В конце концов орел не выдержал и, прихватив недоеденную добычу, низом, над самой землей, покинул беспокойное место. Кречеты преследовали его. но скоро бросили. Вернувшись к ущелью, они заняли свои присады, криками собрав птенцов. После этого случая они стали еще бдительнее, и, когда кто-нибудь из молодых отлетал слишком далеко, родители возвращали его отрывистым требовательным окриком.

В середине августа резко похолодало, в далеких горах выпал снег, ночами начались сильные заморозки. Утром от прогретой летом реки поднимался густой туман. Перелиняли утки и крохали, молодежь их окрепла и уже прекрасно летала. Гуси сбились в большие стаи, их потомство только что поднялось на крыло. По галечным и илистым отмелям появились скопления разных куликов, чернозобиков, куликов-воробьев, подтянувшихся уже с севера краснозобиков. У всех птиц так и чувствуется «чемоданное настроение». Скоро, скоро тронутся они, волна за волной, кто к югу, кто на запад. И только семья лебедей-куликов независимо держится на большом озере с голыми берегами.

К середине сентября осень окончательно завладела лесотундрой, раскрасила ее в дивные узоры текинского ковра. Температура то падала ниже двад-

^-^^i^^S^SHES^SSSSViJ

цатиградусной отметки, то вдруг снова поднималась к нулю. Река на равнине схвачена ледовой броней, но в ущелье, где было гнездо, где течение стремительно и сильно, где вода продолжала противостоять холоду, она все еще крутилась в водоворотах, шипела и пенилась на перекатах, грохотала на порогах. В холодные утра над ней висел еще более густой, почти непроницаемый туман.

Еще неделя — и лесотундра пустеет окончательно. Нет больше ни куликов, ни чаек, ни гагар, ни гусей — никого из тех, кто делал ее такой оживленной в весенние дни. Но появляются новые гости: с наступлением резких холодов, с первым дыханием пурги с севера начинают прибывать белые куропатки. Целыми стаями, по нескольку десятков, они воздухом переливают цепь холмов, а затем, распластав короткие жесткие крылья, планируют в каком-то им одним известным строю вниз, ко дну ущелья, к зарослям ивняка. Здесь они останутся до весны. Снег укроет ивняк, но верхушки кустов останутся снаружи, и куропатки будут срезать их острыми и твердыми клювами, скусывать побеги и почки, а по обдуваемым зимними ветрами собирать уцелевшие ягоды вороники и толокнянки.

Появление на реке куропаток изменило судьбу кречетиной семьи. Всю последнюю неделю соколы жили впроголодь, пользуясь случайно перепавшей добычей. Правда, птицы мало страдали от отсутствия корма: за осень они хорошо откормились. Молодые много летали, то забираясь в одиночку на огромную высоту, то гоняясь друг за другом, то имитируя нападение сверху на соседа. Тогда нижняя птица переворачивалась в воздухе спиной вниз и выставляла лапы навстречу преследователю. Часто молодые менялись ролями, а иногда к ним присоединялись и взрослые. Эти полеты, повторявшиеся изо дня в день, постепенно довели летное искусство молодых птиц до совершенства. Добирая последних, оставшихся с лета куропаток, они набирались и охотничьего опыта, научились соизмерять и экономить силы, выбирать позицию для атаки, заходить на добычу так, чтобы солнце светило им в спину и несколько ослепляло жертвы. Их вылеты становились все продолжительнее и продолжительнее, и сначала один, а затем и оба других кречетенка не вернулись в ущелье, переместив район своих охот значительно южнее. Только старики еще держались стражами в ущелье. И не появись в ущелье куропатки, они тоже не затянули бы свое пребывание в безжизненной лесотундре. Сейчас положение изменилось, и кречетам нет причин покидать родную для них территорию, по крайней мере до тех пор, пока хватит куропаток.

...Стайка из десятка куропаток выбралась из ивняка на моховой склон, где снег сдут ветром. Вероятно, это не распавшийся с лета выводок. Быстро перебирая короткими лапками, птицы точно плавают среди низких кочек,

отыскивая ягоды вороники. Издали они кажутся пригоршней оживших белых бусинок, раскатившихся по пестрому ковру.

Кречетиха, весь день неподвижно просидевшая на уступке скалы, отлично видит беззаботных куропаток. Она долго и как будто безразлично смотрит на них, затем вдруг решительно снимается с утеса, скрывается за холмом, набирает там, невидимая для куропаток, высоту и неожиданно появляется, уже в боевой готовности, над ними. Теперь ей безразлично, взлетят ли увидевшие ее птицы или попытаются затаиться среди кочек — одна из них все равно обречена. Куропатки предпочитают взлететь, спланировать вниз по склону, под защиту ивовых кустов. И в тот же самый миг, а может и чуть раньше, над одной из них раздается шелест рассекаемого крыльями воздуха. Глухой удар, взрыв выбитых белых перьев — и кречетиха круто выходит над самой землей из пике, разворачивается почти через голову и в коротком вираже садится рядом с дергающимся еще телом куропатки. Двумя неловкими прыжками она вспрыгивает на куропатку, оглядывается и начинает разрывать добычу. Тут же около нее садится белый самец. Однако время тесной дружбы прошло, самка наклоняет голову и раздвигает крылья, укрывая куропатку, даже тащит ее в сторону, на край плоской моховой кочки, но затем немного успокаивается и снова начинает отрывать большие куски мяса с грудины, проглатывая их вместе с перьями. Вскоре она постепенно прижимает крылья, продолжая рывками выдирать мясо из куропатки, а потом слетает с моховой кочки. Перелетев реку, самка садится на торчащий из снега пенек лиственницы. Самец в это время уже на куропатке, рвет и глотает мясо с обломками костей и перьев. Насытившись, он тоже отлетает на противоположный берег и садится на другой пень. Некоторое время соколы заняты туалетом: лапами отскребают клювы, клювом чистят когти и наконец успокаиваются. Впереди у них длинная зима. Замершие в неподвижности птицы будто исчезают: в морозных сумерках белый самец неразличим на фоне снега, а самка сливается по цвету с заледенелым пнем.

Комментарий зоолога. Кречет — самый крупный из ныне живущих соколов. По размерам и окраске ближе всего к нему балобан, но кречет всегда мощнее, более широкогруд, крылья, чуть притуплённые на концах, более широкие и короткие, чем у балобана. Гнездовый ареал кречета охватывает арктическую и субарктическую зоны Европы, Азии и Северной Америки, в основном не выходя к югу за Полярный круг. Только на Корякском нагорье, Камчатке и Аляске он опускается значительно южнее. Наиболее далеко на север кречет проникает в Гренландии. В лесотундре и равнинных тундрах чаще всего держится по долинам рек с обрывистыми берегами, по побережьям северных морей населяет скальные обрывы, обычно вблизи птичьих базаров. В Скандинавии изредка заходит в леса.

Кречет — прекрасный и довольно универсальный охотник. Несмотря на то, что местами в отдельные годы он почти целиком переходит на питание леммингами и другими грызунами, основной его пищей все же служат средней величины птицы. В тундре и лесотундре излюбленной добычей кречета являются белые куропатки, а по морским побережьям — чистиковые птицы (чистики, тупики, гагарки и другие) и моевки. Наряду с ними, однако, он легко добывает уток, гусей, различных куликов и даже мелких воробьиных птиц — трясогузок, дроздов, лапландских подорожников, коньков. Охотничье поведение кречета значительно менее эстетично, чем сапсана, и имеет больше сходства с балобаном, однако в его полете поражают мощь, удивительная самоуверенность и какое-то особое достоинство. Недаром в ряде стран кречет считается венцом, эталоном сокола и ценится непомерно.

Цветовые вариации у кречета сравнительно невелики, и подвидовая систематика строится на анализе соотношения величины и окраски. Размеры постепенно увеличиваются от Северной Атлантики по направлению к северо-востоку Азии и северу Гренландии. Соответственно возрастанию размеров в этом же направлении светлеет и окраска кречетов. Однако посветление это не носит абсолютного характера, а проявляется как преобладание в популяции более темных или более светлых птиц. Нельзя, например, глядя на почти белую птицу, утверждать, что она обязательно с Камчатки или Исландии. Но если взять несколько птиц, привезенных из одного и того же места, то по сочетанию темных и светлых кречетов уже можно приблизительно определить, откуда происходят эти птицы. Самые темные, бурые, изредка даже по-настоящему черные птицы встречаются на Аляске и по северу Канады, белыми кречетами особенно славится Гренландия, Исландия и северо-восток России — Чукотский полуостров и Камчатка. Правда, птицы эти не совсем белые — на спине у них рисунок в виде серых мелких пестрин, но сразу видно — белый кречет. Наиболее обычны серые кречеты, которые в виде большей или меньшей примеси есть во всех местах гнездового ареала. Спина у них темно-серая, часто буроватая, с заметным поперечным рисунком, низ тела — светло-серый или беловатый, также с более темным рисунком в виде продольных пестрин на груди и поперечных полос на боках и «штанах». Молодые птицы темнее и бурее. Конечно, настоящие белые и черные кречеты исключительно эффектны, а вот серые и бурые заметно уступают по красоте окраски не только сапсану, но и старому балобану.

Условия обитания кречета более однообразны, нежели сапсана и балобана. Как-никак, Север есть Север, и он почти одинаков, что в Сибири, что в Канаде. Поэтому и в устройстве гнезда выбор у кречета невелик. Как и другие крупные соколы, сам он основы гнезда не делает, а берет чужие, чаще всего

ворона, серой вороны или хищников — орланов или зимняков, например. Как мы с вами видели, только устройство гнездовой подстилки в лотке — прерогатива кречета-самца. Гнездо, которое оказывается пригодным для кречета, чаще всего располагается в нише или расщелине отвесной стены ущелья и морского берега. Иногда скальная ниша оказывается подходящей для кречета даже без гнездового основания, сделанного вороном, и яйца кречетиха откладывает прямо на пол ниши, где есть мягкий песок или гравий. Нередко использует кречет также и чьи-либо гнезда, расположенные на деревьях или тригонометрических вышках.

Как и для балобана, катастрофической опасности исчезновения для кречета пока нет. Местами в Канаде он даже не редок. Однако в нашей стране численность кречета не высока, и пока никаких признаков ее роста не наблюдается. Поэтому у нас кречет взят под особую охрану закона.

Сапсан, балобан и кречет — самые крупные, но далеко не единственные представители славного рода соколов. Зоологи-систематики насчитывают от 25 до 40 видов. Такие расхождения зависят от тех или иных взглядов на концепцию биологического вида и от личных вкусов отдельных исследователей, но в целом свидетельствуют о слабой изученности систематики соколов, о чем мы уже упоминали, говоря о подвидах сапсана и балобана.

Дербник — очень компактный и складный сокол. На расстоянии он кажется темным, однако вблизи у самца отчетливо видны сизая или голубоватая спина, рыжеватые грудь и брюхо с продольными пестринами и такого же цвета штаны. Самки заметно крупнее самцов, бурые, с продольной темной пестротой. Молодые птицы еще темнее. Лапы, как и у всех других соколов, желтые. Распространен дербник довольно широко в лесотундре, лесной и отчасти степной зонах Евразии и Северной Америки, местами заходит глубоко в тундру. Гнездится в чужих гнездах, чаще вороньих, или иногда прямо на земле, на сухой кочке, где гнездом ему служит лишь небольшое углубление в грунте. Главную добычу дербника в лесной зоне составляют мелкие птицы — дрозды, жаворонки, коньки и другие, в северной части ареала — мелкие и средней величины кулики. На зиму дербники из северных частей ареала мигрируют в Среднюю и Южную Европу, Переднюю и Юго-Восточную Азию, а на Американском континенте — в Калифорнию, Техас, Мексику и Центральную Америку.

Хотя чеглок и пустельга также числились в средневековье ловчими птицами, их скорее следует рассматривать как птиц, пригодных для первичного обучения сокольника. Особенно легко поддается дрессировке пустельга, один из самых обычных у нас видов сокола. Она обитает практически в любых ландшафтах, кроме тундр и настоящих пустынь, питается в основном насекомыми, мелкими грызунами, реже воробьиными птицами. Птенцов выводит в старых гнездах ворон, грачей, но часто использует также различные ни-

ши и полости в стенах и на чердаках зданий. Чеглок значительно хуже поддается вынашиванию, легко улетает от хозяина, и сейчас его очень редко держат в качестве ловчей птицы. Возможно, что и в старину люди больше наслаждались видом его поистине акробатического полета, нежели собственно напуском на птиц. Он заметно крупнее пустельги и тем более дербника, крылья уже, длиннее и острее, чем у других мелких соколов, а по маневренности и скорости полета чеглок вообще непревзойденный мастер. Достаточно сказать, что он берет в полете даже таких изумительных летунов, как стрижи и ласточки, а в сумерках бьет летучих мышей, хотя основную его пищу, как и у пустельги, составляют крупные летающие насекомые. Окраска чеглока очень эффектна и несколько напоминает сапсана в миниатюре: почти черная спина и верх головы, отчетливые черные «усы» на белом фоне щек, светлые, в густых темных продольных пестринах грудь и живот, ярко-рыжее подхвостье и особенно яркие «штаны». Обитает чеглок, как и пустельга, почти повсеместно на территории Европы и Азии, за исключением северных и наиболее южных районов этих континентов. Как и пустельга, чеглок — строго перелетная птица. Это и понятно: ведь главная его пища — насекомые.

Соколы населяют все континенты мира, кроме Антарктиды, они очень варьируют по окраске и размерам. Достаточно сказать, что наиболее крупные кречеты весят более двух килограммов, а самый маленький африканский сокол-крошка (относимый, правда, некоторыми систематиками к другому роду) размерами едва превышает воробья. Однако все соколы имеют общий, характерный именно для соколов признак — на режущем крае надклювья хорошо виден острый зубец. Более крупным видам он помогает резать мясо жертвы и перекусывать кости при разделке добычи, мелким — дробить жесткие хитиновые надкрылья крупных жуков и других насекомых, составляющих их главную пищу.

Сапсан, балобан и кречет использовались в качестве ловчих птиц с незапамятных времен, и традиции эти сохраняются по сей день. Это — классика соколиной охоты. Однако и другие соколы реже или чаще попадали на перчатку сокольников. Особенно возросло видовое разнообразие охотничьих соколов в последние пять-десять лет.

Еще в далеком средневековье использовались в качестве ловчих птиц наши довольно обычные соколы — дербник, чеглок и пустельга. Все эти три вида очень различны как по внешнему облику, так и по своей биологической «специальности». Их роднит только одно — величина. Все они — мелкие соколы. И первое место как ловчей птице на протяжение веков принадлежит среди них дербнику, самому мелкому, но самому азартному и отважному охотнику. Это классический «дамский» сокол, и жены лордов в Англии XVI века имели специальную привилегию охотиться с ним.

Впрочем, они чаще просто появлялись в собраниях или суде с дербником на перчатке, украшенной драгоценными камнями и золотом. Вместе с тем хорошо известно, что королева Шотландии Мария Стюарт была истинным сокольником и приверженцем самой красивой и популярной охоты с дербником — охоты на жаворонков. Во время заключения Марии Стюарт в ожидании суда в замке Татбери ее главный тюремщик лорд Ральф Сэдлер, сокольник двора английской королевы Елизаветы I, нередко «выпускал» свою царственную пленницу поохотиться на жаворонков, к великому неудовольствию королевы Англии. Известно также, что русская императрица Екатерина II тоже была поклонницей охоты с ловчими птицами и предпочитала всему охоту с дербником на жаворонков, особенно когда соколки работали в паре.

Один из прекраснейших соколов, по легкости, мощи и красоте охотничьих приемов превосходящий, пожалуй, даже сапсана, — это шахин. Европейским сокольникам он стал известен только после знаменитых путешествий Марко Поло, хотя арабы и индийцы знали и высоко ценили шахина с незапамятных времен. Сейчас интерес к охоте с шахином значительно упал, особенно в арабских странах, и причин к тому несколько.

Прежде всего шахин питается почти исключительно средней величины птицами, преимущественно голубями, и поэтому охотничий репертуар его несколько ограничен. Он более требователен к условиям содержания и плохо переносит холодные сырые зимы, характерные для северной половины Западной Европы. Он более труден в вынашивании. Кроме того, шахин довольно редок и обитает только в аридных засушливых предгорьях Юго-Западной и Средней Азии и Северной Африки — в сравнительно невысоких хребтах среди пустынь. Наконец, в арабских странах, где шахин мог бы быть более доступен и где он пользовался ранее популярностью, воцарились новые требования моды. Вместе с тем в Западной Европе есть поклонники шахина, которые успешно начали его вольерное разведение. Возможно, интерес к этому действительно прекрасному соколу у охотников в будущем снова возрастет.

Внешне шахин похож на сапсана, но заметно мельче и светлее — спина голубовато-серая, задняя сторона шеи и затылок рыжие, брюхо и вся нижняя часть тела рыжеватые, с темными поперечными пестринами на боках и «штанах». Отчетливо выражены контрастные «усы».

В границах бывшего СССР единичными парами встречается в Узбекистане, Казахстане и Туркмении. Он относится к числу наиболее редких наших соколов и охраняется законом.

Если шахин внешне напоминает маленького сапсана, то лаггара, лайнера (именуемого часто средиземноморским соколом) и мексиканского сокола можно представить как миниатюрные копии балобана. Первые два характер-

ны для аридных районов Азии и Северной Африки, мексиканский же сокол замещает соколов типа балобана в Америке, куда настоящий балобан не проникает. На территории бывшего Советского Союза, у северной границы гнездового ареала лаггар и ланнер встречаются случайно и представляют огромную редкость, тогда как южнее, в местах исконного обитания, они сравнительно обычны. Мексиканский сокол (или иначе американский балобан) в южной половине Соединенных Штатов, в Мексике и Центральной Америке довольно многочислен.

Все эти три сокола используются для охоты отдельными любителями, однако широкого распространения не получили и ни в коей мере не составляют конкуренции сапсану, балобану и кречету.

Главное, неотъемлемое свойство всех соколов, крупных и мелких, безраздельно пленяющее сердца сокольников. — это особая манера охотиться.

Все виды соколов бьют добычу в стремительном, молниеносном броске, ударяя в воздухе или, что гораздо реже, на земле раскрытыми лапами. Этот бросок, называемый сокольниками ставкой, поражает человеческий глаз и воображение не только скоростью и точностью, но и артистизмом, совершенством движений и расчета, неповторимостью, смелостью, граничащей с безумием, особой, непередаваемой словами красотой.

Именно бросок сокола на добычу, даже независимо от того, удачен он или нет, определяет и питает ту страсть, то восхищение, то ощущение соприкосновения с чудом, которые испытывает человек при охоте с соколом.

ВЛАСТЕЛИН НЕБА

В предрассветном сумраке его неподвижная фигура со слегка приподнятым оперением казалась неправдоподобно большой, громадной, как бы продолжением, вершиной утеса, на котором беркут провел эту ночь. Лапы птицы, густо оперенные до самых пальцев и почти не уступающие по размерам человеческой кисти, уверенно держались за покрытый слоем лишайника край утеса.

Прямо от лап птицы вниз, на страшную глубину, уходила отвесная каменистая стена, подошва которой тонула во мраке еще не сдавшей своих позиций ночи. Позади же беркута никаких скал не было. Здесь тянулось что-то вроде плато, постепенно понижающееся к востоку, с мохово-осоковыми депрессиями, окружающими небольшие чистые озерца, со своим миром ручейков и болот, с пологими сухими холмами, густо заросшими кедровым стлаником. Ближе к краю каньона, где сидел беркут и где местность незаметно повышалась, стланик становился все обильнее, гуще, все меньше в нем было

■ии»-<^ _ •^■*»ч--^~д«^...атащщ'^иаюе-"- •■^■•■s^Bmrng

прогалин, и у самой кромки ущелья он уже тянулся сплошной, непроходимой для человека щеткой. По дну каньона, подо льдом и толстым слоем наметенного сюда за зиму ветрами снега, текла небольшая речка. Она не была обозначена на картах и не имела официального названия, она текла с горного массива, лежащего южнее, и местные жители, якуты, именовали ее странным, труднопроизносимым для европейца словом. Сотни тысяч лет назад начала эта речка спрямлять свое русло, исподволь подтачивая возвышенность, которую огибала. Незаметно для глаза век за веком подрезала она весной и летом склон, уносила падающие в нее оползни, раздвигала во время ледохода камни и упорно подгрызала правый берег. И вот сейчас он точно вырос отвесной непрочной, осыпающейся стеной. Однако в этой ненадежной стене проглядывается и своя жесткая основа, какие-то незыблемые скальные конструкции, которые удерживают отвесный обрыв берега от быстрого осыпания, поддерживают его. Местами скалы образуют уступы в средней части стены, местами выходят на верхнюю кромку гребнями и утесами. Один из таких утесов и избран беркутом для ночевки.

Апрельская ночь здесь ничтожно коротка, и вот уже солнце заливает золотистым светом высокие вершины, нарушающие однообразие плато. Почти первым в его лучи попадает орлиный утес и сидящий на нем беркут. Он теперь, как на ладони: И хотя кажется несколько меньше, чем в неверном сумраке, но все равно с первого взгляда ясно, что нет ему здесь равных: широкая грудь, длинные крылья и хвост, небольшая хищная голова с крючковатым свирепым клювом, толстые желтые пальцы вооружены страшными кривыми когтями. Пронзительный взгляд темных, почти черных глаз из-под как бы нахмуренных надбровных валиков, отороченный желтым, чуть кривой, надменный разрез рта. С этим обликом удивительно гармонирует и мрачная окраска: черноватая, темно-бурая, точно слегка выгоревшая на плечах, и светлый, золотисто-соломенный капюшон из узких заостренных перьев, закрывающий темя, затылок и заднюю сторону шеи беркута.

Много лет назад из отвесной стены ниже и немного в стороне от орлиного утеса вывалилась большая каменная глыба, образовав неглубокую, но довольно просторную нишу. Глыба скатилась в реку, а нишу три года назад заняла пара беркутов. Они долго носили в нишу ветви и сучья, собирая их среди кедрового стланика на плато и в ольховнике, росшем вдоль реки. Птицы аккуратно и искусно укладывали строительный материал, и через две недели в нише уже была компактная плоская платформа, прочная и удобная. Сверху орлы выстлали лоток пучками сухой травы, кусочками мха и лишайников. Туда же был отнесен кусок шкуры лисицы, которую беркут-самец задавил в двух километрах от гнезда. Наконец, как неотъемлемое украшение в гнездо были положены несколько свежих веток стланика с зеленой пахучей хвоей.

Все время, пока строилось гнездо, беркуты объявляли возможным соседям о своем намерении поселиться в нише над речкой. Они парой поднимались высоко вверх и начинали кружить на параллельных курсах. Затем самец забирал несколько выше и пикировал на самку, точно собираясь сбить ее вниз. Однако самка в последний миг перевертывалась в воздухе и вскидывала навстречу самцу свои толстые лапы с черными кривыми когтями. Самец от этого приема взмывал вверх и снова обе птицы парили на параллельных курсах, а потом самец опять имитировал нападение. Иногда обе птицы прерывали спокойное следование по кругу серией глубоких нырков, после чего возвращались, и все повторялось снова. Конечно, это была игра, но она предназначалась и для чужих глаз.

Несмотря на то что гнездо было полностью готово, беркуты в первый год не отложили в него яиц. Не потому, что гнездо не внушало им доверия, просто самка была еще молода — она только что достигла возраста трех лет. Однако на следующий год, когда птицы подновили весной гнездо и заново перестлали лоток, результаты были другие — в середине апреля самка отложила одно яйцо, и к осени с него слетел полноценный молодой беркут. А в прошлом году в гнезде было уже два яйца, и беркутиный народ пополнился еще двумя новыми гражданами. Два дня назад самка в третий раз отложила яйцо в том же гнезде и сейчас сидела на нем, слегка раздвинув крылья и втянув голову в плечи. Теплые лучи солнца добрались до ниши и согрели неподвижную птицу значительно позже, чем ее супруга. Привстав с гнезда, она наклонилась, осмотрела крупное белое, в коричневых пятнах, яйцо и снова села на него, перевернувшись, однако, другим боком к открытой стороне ниши. Она была голодна, но покинуть гнезда не могла.

Беркут-самец тоже чувствовал голод, однако не спешил. Когда солнечные лучи принесли с собой тепло, он энергично и шумно встряхнулся, затем начал чистить перья хвоста, пропуская их через неплотно сжатый клюв. Казалось, что орел полностью увлечен процедурой утреннего туалета. В действительности же он тщательно осматривал принадлежащие ему владения, раскинувшиеся под утесом.

Противоположный берег речки поднимался крутым, но сравнительно ровным склоном. Заросли стланика здесь были изрежены и чередовались с большими лужайками, покрытыми прошлогодней сухой травой, и каменистыми осыпями, где среди камней торчали корявые ольховые кусты, оторвавшиеся в поисках света от основного ольшаника, росшего вдоль речки. Склон уже обтаял, и лишь кое-где под стлаником виднелись потемневшие пятна плотного, слежавшегося снега. Этот склон был местом обитания длиннохвостых сибирских сусликов и служил беркуту чем-то вроде столовой и склада. Суслики — прекрасная пища, всегда доступная и вкусная. Но сейчас, в середине апреля,

суслики были еще мало активны и большую часть дня сидели в норах. Во всяком случае, склон казался холодным и безжизненным.

Покончив с чисткой хвоста, беркут еще раз встряхнулся, прижал перо, развернул крылья, наклонился вперед и вниз головой бросился с утеса. Крылья подхватили его и, тяжело взмахивая ими, он полетел над рекой вниз по течению, постепенно набирая высоту. Миновав обрыв, километрах в двух от гнезда он нашел то, что искал: на более ровном месте слегка нагретый уже воздух широким потоком начал подниматься вверх. Орел вошел в этот поток, развернулся, раскинул широкие крылья и, не шевеля ими, начал подниматься вместе с воздухом, выписывая крутую спираль. Через несколько минут он был едва виден в прозрачной синеве неба.

Отсюда почти весь его охотничий участок был как на ладони. Пробившись через возвышенность, река выходила на равнину, и русло ее принимало причудливые формы, отражая все незаметные для человеческого глаза капризы рельефа. Русло многократно менялось, и поэтому параллельно ему виднелась масса стариц и озерков, окруженных ольховыми зарослями. Сейчас все это представляло собой удивительно пеструю мозаику оттаявших участков и укрывшихся от солнца снежников. На озерках и в окружающих их густых кустах снег держался особенно упорно, хотя повышения уже манили обсохшим осоковым кочкарником.

Более часа плавал беркут в слабом токе воздуха, не шевеля крыльями и почти не смещая своей спирали, пока не заметил какого-то движения далеко внизу.

Заяц-беляк, начавший сильно линять по спине, неторопливыми прыжками шел к недалекой возвышенности. Была пора любви у зайцев, и они, забыв обычную осторожность, помногу бегали днем, при полном свете. Да и вообще на севере им постоянно приходится кормиться при солнце — летом ведь светло почти круглые сутки. Но сейчас был самый невыгодный для зайца период года. Пересекая обтаявшую поляну, он виделся сверху движущейся белой точкой из-за остатков зимнего меха на боках, а выйдя на снег, демаскировал себя побуревшей спиной.

Поведение беркута сразу изменилось. Не меняя положения крыльев, он резко пошел на снижение, заходя ничего не подозревающему зайцу сзади, а выйдя на нужную позицию, почти сложил крылья и по косой круто устремился вниз. Теперь спереди, да еще на огромной скорости, громадный силуэт беркута резко уменьшился, как бы растворился, стал почти невидимым. В последнюю секунду орел выбросил вперед длинные мощные лапы. Заяц услышал над головой свист воздуха, но не успел еще осознать опасности, как сильные пальцы сомкнулись у него на лопатках, а чудовищные когти вошли между ребер в грудную полость, почти сомкнулись. Гася энергию, беркут

mm^"w»im№^ws$ii(&>-->... *•*»*»*• «щт imm/Wmm*^

раскинул крылья и хвост, но атака была так стремительна, что птица еще несколько метров протащилась по земле с уже мертвым зайцем в лапах.

С минуту сидел беркут, продолжая сжимать лапами бездыханное тело зайца. Он точно наслаждался удачей, точно позировал для невидимых зрителей: голова высоко поднята, клюв полураскрыт, золотистые узкие перья на затылке и шее подняты, крылья и хвост победно развернуты, взгляд еще более пронзительный и властный, чем обычно. Кто знает, о чем думает орел, сидя на добыче? Может, он действительно гордился собой, своей удачей? Мы, например, в это верим, и те, кто видел орла, особенно беркута, в такие минуты, поддержат нас.

А через минуту беркут, все еще не опуская взъерошенных перьев на затылке, взлетел и, медленно набирая высоту, взял курс на гнездо. Обвисшего зайца он нес одной лапой, легко и непринужденно. При подлете к гнездовой нише он крикнул громко и выразительно, и тотчас из ниши вылетела самка. Беркут с зайцем приземлился на каменную площадку неподалеку от гнезда, и туда в тот же миг села самка. Никаких церемоний передачи не последовало, просто самец оставил свой трофей на площадке, а сам перелетел на край гнездовой ниши и через минуту уже сидел на яйце, обогревая его. Самка же принялась энергично разделывать зайца, выщипывая клочки шерсти и сдирая шкуру. Через полчаса она, почистив о скалу клюв, вернулась на гнездо, а самец неторопливо доел остатки зайца, раздробив и проглотив даже череп. Еще полчаса — и он уже спокойно сидел на своем утесе, неподвижный, точно неживой.

Два дня спустя самка отложила второе яйцо, такое же крупное, но одноцветное, грязно-белое, без всяких пятен. Жизнь, не тревожимая ничем, продолжалась в том же раз навсегда сложившемся ритме: самец приносил пищу и подменял на гнезде самку только во время ее трапезы, которая никогда не затягивалась. Самка же почти все время проводила на гнезде.

Снег исчез, сохранившись только в глубоких оврагах. Покрылись желтыми сережками, а потом и зазеленели молодой листвой ольховые заросли по берегам освободившейся ото льда реки, которая после бурного, но короткого ледохода бежала теперь мирно среди обвалившихся со стены обрыва каменных глыб. Моховые болотца на плато усеяли белые звездочки цветов морошки, а по буграм зацвела дриада. Даже кедровый стланик откликнулся на приход лета и выбросил вверх желтоватые свечи соцветий. Суслики давно забыли о длительных отсидках в норах и большую часть дня проводили на поверхности, кормясь молодой травкой или просто греясь на солнце, растянувшись на камнях. А вот птиц здесь было не так много. Утки на малокормных озерах почти не гнездились, куропаток выбрала пара зимовавших здесь кречетов. Зато обычными посетителями плато стали серые журавли, две пары которых загнездились на болотистой части равнины.

....ш^,.»,...-.... -"mmsi«(M4weiffl»-'- ■'•^W'f"-'mR(Wmtt»RfWfflff^ttl'^l'^'l "Iff

В последних числах мая самка, переворачивая яйца, услышала в одном из них слабый писк. На следующий день в скорлупе образовалось отверстие, от которого пошли хорошо заметные трещины. Птенец продолжал пищать, хотя и не делал попыток выбраться наружу. Но еще через сутки он вдруг начал поворачиваться в своем тесном домике, и в соответствии с этим поворотом по скорлупе поползла как бы прорезь, отделяющая верхушку яйца. Несколько минут—и верхушка отвалилась, точно крышка, а птенец вытолкнулся одним движением наружу. Все это время самка ужасно беспокоилась, поминутно вставала, даже пыталась расширить отверстие в скорлупе, но с появлением птенца сразу успокоилась и легла, прижавшись к новорожденному теплым наседным пятном, которое образовалось у нее на брюхе вскоре после откладки второго яйца. А через три дня в гнезде было уже два птенца, и жизнь вступила в новую полосу.

Птенцы были очаровательны. Покрытые нежным сероватым пухом, они в первые дни были очень слабы и с трудом поднимали непропорционально большие головки, чтобы принять корм от матери. Самка теперь вовсе не покидала гнезда, а самец, принося добычу, клал ее на край гнездовой ниши. Мать отщипывала едва заметные кусочки мяса и поочередно вкладывала их в клювы птенцов.

С первого же дня совместной жизни, однако, мира между птенцами не было. Наоборот, возникло острое соперничество. Вернее будет сказать, что старший будто задался целью уничтожить младшего. Стоило матери привстать для разделки очередной добычи, принесенной беркутом-самцом, как он с резким требовательным писком атаковывал брата, вцеплялся клювом ему в спину или голову, пытался схватить за глаз или угол рта или в крайнем случая за крыло. А поскольку он был значительно крупнее и подвижнее (сказывалась на первый взгляд незаметная, но очень в это время реальная разница в возрасте — три дня!), атаки эти отнюдь не были безопасными для малыше. Единственной ответной реакцией со стороны слабейшего было полное подчинение. Это в определенной степени помогало, но все же, если бы не вмешательство матери, если бы не такое изобилие корма, если бы взрослых беркутов чаше тревожили на гнезде (например, появление людей), малыш был бы обречен. В гнездах беркутов чаще всего так и бывает — вырастает только один птенец. Интересно, что в гнездах соколов такого никогда не случается.

Через неделю после вылупления у птенцов начал формироваться второй пуховой наряд. Больших перемен в облик птенцов он не принес — они только стали еще пушистее и из сероватых превратились в чисто-белых. Чуть позже, уже в середине июня, из пуха начали появляться первые пеньки будущих перьев, сначала на крыльях и хвосте, затем на спине и голове. В то же время агрессия у старшего птенца как-то сразу резко сократилась, и теперь они до-

статочно мирно сидели в гнезде даже в отсутствие матери. Правда, подчиненное положение младшего сохранилось.

Когда птенцам исполнилось две недели, самка прекратила постоянный обогрев малышей. В это время у них установилась способность к самостоятельной терморегуляции. Кроме того, подросшие птенцы требовали значительно больше корма, и работы родителям заметно прибавилось. Да и запасы добычи в непосредственной близости от гнезда начали сокращаться. Однако если самец в поисках жертвы предпринимал теперь довольно далекие вылеты, самка из ближайших окрестностей гнезда не отлучалась и бдительно стерегла еще беспомощных птенцов.

...Середина июля. Теплый, тихий солнечный день. Птенцы неподвижно сидят на краю гнездовой ниши на расстоянии около метра друг от друга. Они практически уже оперились, и только обильные пушинки, сохранившиеся еще среди перьев на голове и спине, да короткие хвосты свидетельствуют о том, что детство отнюдь не миновало. Птенцы очень внушительны по размерам, хотя, конечно, заметно уступают родителям. Старший особенно велик, и по этому да по толстым лапам и большой голове можно определить, что это — самка. Второй значительно стройнее, подбористее, подвижнее. Это — самец. Он уже забыл то время, когда судьба его висела на волоске, и теперь первым встречает родителей, прилетающих с добычей.

Самка тоже рядом с гнездом, сидит безучастно на кормовой площадке. Беркут-самец еще с утра улетел на равнину.

Что определяет время начала охоты беркута? Кто знает! Но вот беркутиха без всякого предупреждения, как-то сразу, без подготовки снимается со своей площадки, ныряет глубоко вниз, почти к самой реке, и широкой свободной дугой заходит за холм на противоположном берегу. Через минуту она выносится с другой стороны холма, уже набрав некоторую высоту, и скользит на неподвижных крыльях вдоль склона. И теперь видно, куда целилась птица, — впереди под ней к норке, задрав хвост, мчится суслик. Высота полета беркута мгновенно меняется — по-прежнему не шевеля крыльями, птица резко идет на снижение, лапы, точно шасси самолета, выброшены далеко вниз, к обреченному уже суслику. Глаз не замечает мгновения, когда когти орла соприкасаются со зверьком, так и не успевшим добежать до спасительной норы. Кажется, будто суслик подтянут как железка магнитом, будто он сам запрыгивает в раздвинутые пальцы беркута. Но, конечно, это не так. Это — отработанное тысячелетиями эволюции мастерство хищника, точнейший расчет, ювелирная работа.

Не присаживаясь, самка с сусликом в лапе взмывает вверх, к гнезду, и садится на край ниши. Ушло в прошлое время, когда ей нужно было разрывать добычу и кормить каждого птенца. Теперь они встречают мать почти-

тельной церемонией, нагибая головы почти к самому полу гнезда и одновременно приподнимая хвосты,— поза, полная уважения и благодарности. А мать, оставив птенцам суслика, вперевалку обходит гнездовую нишу, забирает недоеденную тушку другого суслика, которую она нашла в углу, и перелетает на свою скалу. Здесь она быстро приканчивает недоеденного птенцами суслика, долго трет клюв о камень скалы, потом чистит оперение, осматривая сверху речку и склон на другом берегу. Птенцы в это время, разорвав и уничтожив принесенную матерью добычу, занялись каждый своим делом. Один из них чистится, выбирая из оперения оставшиеся еще в изобилии пушинки и сдергивая роговые чехлики с растущих перьев. А более мелкий самец, выйдя на самый край ниши, долго машет крыльями, поднимая вихри из обрывков сухих сусликовых шкурок и перьев с пола ниши. Крылья у него уже широкие и длинные, они вот-вот оторвут птенца от скалы, поднимут в воздух; он пританцовывает над обрывом, но предательский пух, видный на голове и спине, говорит о том, что время полетов еще не пришло.

Беркут-самец был в это время далеко. Он начал свой охотничий день с облета сусликовой колонии на противоположном берегу реки, но потерпел здесь полную неудачу: зверьки увидели его еще издали и, подавая друг другу сигнал опасности, переполошили всю колонию. Тогда беркут поймал восходящий ток нагретого воздуха и не спеша поднялся с ним в парящем полете на огромную высоту. Описывая здесь спокойные круги, не шевеля крыльями и не тратя энергии, он медленно смещался к северу, к большой реке, и одновременно осматривал склон хорошо знакомого ему плато, на противоположной стороне которого был гнездовый обрыв. Здесь тоже жили суслики, но орел не захотел из-за такой мелочи терять набранную высоту и продолжал наблюдение.

С высоты около километра неподвижный мелкий предмет или животное даже беркуту рассмотреть не под силу,особенно на пестром, зелено-коричневом фоне. Поэтому орел в первую очередь старался заметить движение. Именно движение является главным индикатором добычи, помогающим затем дифференцировать и контуры будущей жертвы.

Лишь сильно после полудня беркут уловил на земле слабое движение. Однако на поведений орла это никак не отразилось — он продолжал выписывать свободные круги в небе, практически невидимый с земли из-за огромной высоты и яркого солнца. Движение повторилось, и беркут, склонив голову слегка набок, внимательно изучал подозрительное место.

...Самка косули в рыжем летнем меху спокойно отдыхала, лежа довольно открыто в нижней части склона плато. Она выбрала это место потому, что здесь был хороший обзор, а легкий ветерок сдувал назойливых комаров и мошек. Тем не менее они все же сильно докучали косуле, и она то и дело вынуждена была встряхивать головой и дергать ушами. Это-то движение и заметил

беркут, немного времени спустя он уже ясно видел контуры косули. И не только ее — рядом с матерью лежал пестрый теленок. Он-то и привлек особое внимание хищника.

Выбрать правильный маневр, правильный план атаки — это основной залог успеха для хищника. Вряд ли он думает над этим, но опыт тысяч предшествовавших поколений и собственный опыт как-то сразу подсказывают ему наиболее верный путь. И в большинстве случаев решение бывает правильным, хотя в осуществлении его возможны тысячи непредвиденных случайностей, приводящих к ошибкам и неудачам. Если бы хищник брал каждую намеченную им жертву, запасы корма скоро истощились бы. Но природа устроила все иначе. По ее, фигурально выражаясь, замыслу жертвой становится в первую очередь животное, чем-то выделяющееся из обшей массы сородичей. Совершенно необязательно это должно быть больное, истощенное или увечное животное. У него может быть легкое отклонение в окраске, ослабленное зрение или слух, больное сердце, которые незаметны для человеческого глаза, но проявляются в поведении и поэтому сразу привлекают внимание хищника. Таким же признаком, сулящим хищнику удачу, является отсутствие у животного достаточного жизненного опыта. Именно поэтому молодежь первая и в наибольших масштабах платит дань хищникам, независимо от того, пернатые это, четвероногие или двуногие хищники.

Заходя со стороны солнца, беркут лег на крыло в вираже, затем несколько поджал крылья и перешел в пологое пикирование. Все стремительнее и стремительнее несся он к земле, быстрее теряя высоту и приближаясь к намеченной цели. Еще во время виража косуля каким-то боковым зрением заметила движущуюся в небе точку, почуяла опасность и сразу же вскочила. Теленок тут же оказался тоже на ногах вплотную к матери. И когда беркут, выставив вперед когтистые лапы, на страшной скорости неожиданно быстро появился прямо перед ней, косуля, прижав уши, взметнулась на задних ногах, стараясь встретить хищника прямым ударом передних копыт, маленьких, но сильных и острых, как наконечники пики. И попади удар в цель, орлу бы не сдобровать. Но реакция его была мгновенной: движением хвоста он в последнюю секунду резко отвернул в сторону, одновременно резко тормозя развернутыми крыльями. Однако сила инерции броска была так велика, что беркута буквально бросило на землю, и он с трудом выправился и грузно сел в кочки склона. Несколько долгих мгновений животные смотрели друг на друга, затем косуля повернулась и громадными скачками устремилась к недалеким кустам. Теленок бросился за нею. Но беркут и не думал кончать охоту. Он тяжело снялся с земли и, натужно взмахивая крыльями, полетел над склоном за косулями. Полет его казался медленным, неуклюжим, но по тому, как быстро сокращалось рас-

стояние между ним и стремительно несущимися большими прыжками косулями, можно было представить его истинную скорость. Стелясь над землей, беркут нагнал зверей, в последнюю секунду немного набрал высоту и круто спикировал на теленка, хватая его лапами за голову. Удар почти пятикилограммовой птицы был так силен, что шея молодой косули просто переломилась и она упала, как подкошенная. Мать, видимо исчерпав весь свой запас храбрости при отражении первой атаки, даже не остановилась, а может она просто понимала, что все кончено, и ее помощь уже не нужна.

Беркут долго сидел на теле мертвого теленка. Сначала он, как водится, проделал ритуал «победного танца», развернув крылья и подняв дыбом оперение затылка и шеи, потом принял обычную спокойную позу, видимо, отдыхая, и наконец принялся за еду. Крепко упираясь в тело жертвы, он захватил клювом кожу в паху теленка и сильными рывками разорвал ее, добираясь до внутренностей. Вытащив и бросив кишки, орел отрывал и проглатывал большие куски печени, затем съел сердце и часть задней ноги. Утолив первый голод, беркут почистил лапой клюв и снова ненадолго замер, не выпуская добычи из лап. Через несколько минут он снялся и, тяжело взмахивая крыльями, взял курс прямо на гнездо.

Лето шло своим чередом. Отцвела давно морошка, на болотах теперь везде зрели ее красновато-желтые ягоды. По сухим кочкарниковым склонам ветер добивал последние помпоны пушицы. Густо зеленели перепутанные, непроходимые заросли кривой ольхи вдоль реки. В укромных уголках обрыва, где ветрами собран был слой отсыпавшейся земли, образовались целые клумбы незабудок и других ярких цветов. На кедровом стланике зеленели смолистые молодые шишки.

К концу июля, в возрасте около двух месяцев, птенцы полностью надели свой первый перовой наряд. Он был темнее, чем у взрослых, и, кроме того, отличался очень красивым — белым, с широкой черной краевой полосой— хвостом. С возрастом этот белый цвет будет все более и более сокращаться, уступая место бурому, и к четырем-пяти годам почти исчезнет, оставаясь только в виде слабого посветления самого основания рулевых перьев. Корма было вволю, и выросшие птенцы даже превосходили по весу родителей. «Дежурным блюдом» все лето были суслики, которые обитали на противоположном берегу реки и на плато и были доступны в любое время, особенно после того, как молодежь покинула норы и начала расселяться. Однако старый беркут, который улетал на охоту далеко, то и дело разнообразил меню птенцов, принося то зайчонка, то молодого канадского журавля, то редкую в этих местах серую ворону, то зазевавшегося селезня шилохвости. Птенцы никогда не могли съесть всего, что им приносилось, и избытки корма в виде трупов зверьков и птиц постоянно лежали на краю гнезда. Ежедневно самка осмат-

ривала этот запас провизии и выбрасывала из гнезда все, что начинало привлекать мух. Возможно, этот избыток корма отчасти даже задержал вылет птенцов из гнезда и переход их к самостоятельной жизни, хотя они оба сейчас часами тренировали крылья.

Видимо, эти же мысли приходили на ум и родителям. Наступил момент, когда они вдруг резко сократили принос корма, а потом и вовсе перестали подлетать к гнезду, демонстративно разрывая и поедая добычу на кормовой площадке метрах в двадцати от ниши. На третий день вынужденной голодовки младший птенец, более активный и подвижный самец, не выдержал искуса. С деловитым видом, точно ему это не в новинку, он вдруг перелетел на кормовую площадку. И тут же был вознагражден свежим сусликом. Но упрямая самочка не желала расставаться с гнездом.

На четвертый день терпение родителей лопнуло. Беркут принес очередного суслика, но сел с ним не на кормовую площадку, где прочно обосновался молодой самец, а на край гнездовой ниши. Он был радостно встречен орущей от голода упрямой дочерью, которая тут же вцепилась в принесенную добычу. Но орел не выпустил добычи из когтей, а, внезапно оттеснив дочь к краю и не выпуская суслика, неожиданно слетел, наполовину спихнув, наполовину стащив птенца с края гнездовой ниши. И никакой беды не последовало. Молодая птица расправила крылья и довольно уверенно и удачно приземлилась на сусликовом склоне за рекой. Самец последовал за ней и вручил ей наполовину разорванного суслика.

Через неделю обе молодые птицы летали уже достаточно уверенно, хотя и не удалялись от знакомого места. В первые дни родители продолжали их кормить, но затем сперва молодой самец, а потом и самка поймали своего первого в жизни суслика. Этот день стал началом их самостоятельной жизни, хотя еще долго родители несли вахту и были готовы прийти на помощь в случае неудачной охоты. Только к концу августа, когда отчетливо начали проявляться первые признаки подступающей осени, птенцы полностью освоили искусство простейшего пилотажа. Однако и тогда выводок не распался, и в ясные дни все четыре птицы подолгу парили вместе, поднимаясь в токах нагретого скудным солнцем воздуха. Время длительных и опасных кочевок, время зимних голодовок было еще впереди.

Комментарий зоолога. Среди орлов нашей страны, да и всей Голарктики, беркут больше всех заслуживает названия настоящего орла, воплощая все лучшие качества рода aquila. Он самый крупный, самый сильный и быстрый, самый универсальный среди орлов. Именно поэтому беркут всегда занимал среди других ловчих птиц совершенно особое место. Достаточно сказать, что охотиться с беркутом в средневековой Европе было привилегией только королей. Беркут заселяет самые разнообразные места — от

гор до пустынь, лесотундр и таежных лесов. Поэтому и гнездовый ареал его исключительно велик. В Западной Европе он охватывает Скандинавию, Пиренейский полуостров, Альпы, Апеннины, Балканы; в Африке — северные страны от Египта до Марокко; на Азиатском континенте — Переднюю, Центральную и Среднюю Азию до Западного Китая и Гималаев, а также Японию. В Северной Америке беркут гнездится почти по всему континенту, кроме крайних северных районов Канады. В бывшем Советском Союзе гнездовый ареал беркута простирается от Карпат на западе до Камчатки на востоке и охватывает огромную территорию гор, лесов, лесотундры, пустынь. Естественно, что в столь различных условиях и жизнь беркута складывается по-разному. Так, например, главную пищу его в таежных районах составляет заяц-беляк, в пустынных — заяц-толай, в высокогорьях — сурок, а кое-где и суслики. Однако, как уже говорилось, беркут удивительно универсален и по сути берет любую добычу, которая ему под силу, от молодых горных козлов, косуль и лисиц до мелких мышевидных грызунов, от глухарей, журавлей и диких гусей до дятлов, ворон и куропаток. Не брезгует беркут и падалью, особенно зимой, за что часто платится, попадая в капканы или погибая от отравы для волков. Охотничьи приемы тоже разнообразны, но в основном это, как вы уже узнали, бросок с большой высоты или схватывание добычи на бреющем полете, причем птица обычно появляется внезапно из-за какого-либо естественного прикрытия — холма, скального гребня или других элементов рельефа.

Географическая изменчивость беркута не очень велика, и подвиды различаются в основном по размерам и интенсивности окраски. В фауне бывшего Советского Союза выделяют обычно четыре подвида.

Гнезда беркут также устраивает по-разному. В пустынях он чаще строит гнездо на саксауле, на заброшенных старых зданиях (например, на мусульманских могильных памятниках — мазарах) или на обрывах и скальных останцах. В горных районах, как правило, гнездо располагается в нишах или на уступах скальных обрывов, в лесах нередко беркут гнездится на высоких деревьях.

В целом беркут не редок, местами даже обычен. Однако численность его за последние десятилетия заметно сократилась, и на территории бывшего Советского Союза он охраняется законом.

Помимо беркута, изредка в качестве ловчей птицы использовали орла-могильника, несколько похожего на беркута, но более мелкого и слабого.

В нашей стране могильник сейчас (да и раньше) совершенно не котируется, хотя за рубежом, в Западной Европе, он находит своих поклонников. Охотятся в Европе и со степным орлом, а в последние годы начали апробировать многие виды, как, например, ястребиного орла, орла-карлика или экзотов вроде африканского орла-скомороха. Есть даже любители охотиться с орланами, однако все это, пожалуй, не более чем стремление к оригинальности. Нет сомнения, что по смелости, красоте охоты, по вооружению настоящей ловчей птицей среди орлов может быть только беркут.

КРЫЛАТЫЙ ВОЛК

Действительно, есть какое-то поразительное сходство между волком и ястребом-тетеревятником. И отнюдь не только в окраске, хотя и она похожа — оба хищника буровато-серые, лесного сумеречного оттенка. Но сходство больше проявляется в выражении, в общем впечатлении, в самой сущности животного. У обоих особенно жестокий, безжалостный взгляд желтых непроницаемых глаз, оба прекрасно вооружены, точно созданы для убийства, оба хорошо изучили человека, часто живут незаметно рядом с ним и, как кажется (только кажется), даже немного презирают его. Их роднит удивительная дерзость и смелость, сочетающаяся с большой осторожностью.

...Неширокая гряда высокоствольного глухого ельника тянется на многие километры. Одной своей стороной гряда сползает в моховое болото, и здесь громадные ели быстро сменяются редкой корявой сосной, зарослями душистого багульника, широкими, покрытыми брусникой и голубикой кочками, мокрыми подушками мха с клюквой, подбелом, Кассандрой. По другую сторону гряды лес постепенно мельчает, в строю елей появляются сначала крупные старые осины, затем все больше и больше власть захватывают березы, лесные ивы, осиновая мелочь, перемежающаяся с ласковыми сенокосными полянами, пронизанная сетью неезженых, заросших травой лесных дорожек. А дальше уже опушка леса, кустарниковые куртины и совсем уж юные березовые заросли, выбегающие на давно не паханное поле, за которым на бугре виднеется заброшенная, полуразвалившаяся деревушка. Такая знакомая, такая близкая картина Средней России.

Вторая половина апреля. Снег сошел с полей, нет его и по лесной опушке, но под сомкнутыми елями он еще лежит почти не тронутый, лишь чуть осевший и уплотнившийся от тепла. Весь день лес наполнен птичьими голосами — серебряные колокольчики зарянок переплетаются с флейтовыми модуляциями и свистами дроздов, короткими раскатами зябликов. Утрами на

•"ъ«"ъ:зд(И^-1"".....'^'ЗДШР!ЙЧ!вШГ^|рЗД|1ШрШ|

краю поля бормочут и чуфыркают тетерева; вечерними зорями, дождавшись заката солнца, над полянами тянут вальдшнепы.

В еловой гряде, ближе к опушке, на старой ели, чуть выше середины дерева, у самого ствола видно большое гнездо. Трепещущие на легком ветерке свежие пушинки, зацепившиеся за сучья гнезда, говорят, что оно обитаемо. Присмотревшись внимательно, можно заметить конец хвоста сидящей на гнезде птицы. А если ударить палкой по стволу, с гнезда слетит сама хозяйка, крупная ширококрылая хищница, и начнет кружить невысоко над лесом с отрывистым и злым «киии, киии». Это — самка ястреба-тетеревятника.

Пара тетеревятников живет в этой гряде уже много лет. У нее здесь четыре гнезда, которые птицы занимают поочередно каждую весну. Еще в феврале начали тетеревятники воздушные игры, демонстрируя свои хозяйские права. Воздушные эволюции продолжались и в марте. Они очень разнообразны: птицы поодиночке или в паре кружили высоко над лесом на неподвижных крыльях, делали неожиданные крутые повороты, иногда переходили на волнистый ныряющий полет, сопровождаемый медленными и громкими хлопками крыльев. В это время прикрывающие хвост снизу белые перья распушались, подобно ватному помпону, а хвост, при обычном полете раздвинутый, сжимался в узкую дощечку. Такие воздушные танцы птицы обычно начинали рано утром, едва всходило солнце. Воздушные танцы означали приход весны, хотя все еще было под снегом, а по ночам от мороза потрескивали деревья.

В конце марта, почти за месяц до начала откладки яиц, самка сделала окончательный выбор гнезда на эту весну. Чем она при этом руководствовалась, никто не знает, однако для самой самки выбор наверняка был как-то обоснован. Когда решение было принято, оба ястреба начали подновлять облюбованное гнездо. Они носили туда веточки и прутья, сухие сучки и палочки, собирая их со снега или отламывая прямо с деревьев. В это же время самец начал характерное для многих хищников ритуализированное кормление самки, но делал это на свой особый ястребиный манер: поймав и обезглавив дятла или сойку, он не летел с добычей к гнезду, а издавал своеобразный крик. Почти в то же мгновение самка выныривала из гущи ветвей, садилась рядом и выхватывала добытый самцом трофей. Она, конечно, умела и сама охотиться не хуже самца, но обычай есть обычай. Да самцу пора и привыкать к новой весенней роли кормильца, которую он подзабыл за долгую голодноватую зиму.

К середине апреля гнездо было готово. Как завершающий строительство штрих, самец принес и уложил в лоток несколько свежих сосновых веточек с зелеными иголками. А через два дня на мягком, выстланном сухими травинками лотке лежало первое яйцо — грязно-белое, без всякого рисунка. Самка

■ -щ,: лиш*-_ш»щщщщ^_1 !||ИЩ| i "' " Ш\

уже не покидала после этого гнезда, хотя инкубация шла не в полную силу, и птица периодически охлаждала яйцо, слегка привставая с него. Да и наседное пятно на ее груди еще не сформировалось полностью. Через два дня в гнезде появилось второе яйцо.

Чудесное это время — вторая половина апреля. Поля уже подсыхают, но все так же, как и при появлении первых проталин, будоражит забытый за зиму запах земли, свежий, зовущий, несущий надежды, будящий воспоминания. Вверху над головой стеклянным перезвоном висит немолчный хор жаворонков, над сырой низинкой кружат, то взмывая ввысь, то точно проваливаясь к самой земле, взволнованные чибисы, и их жалобные крики особенно гармонично включаются в общий фон жаворонкового хора. Над опушкой раз за разом бросается в свое дребезжащее пикирование бекас, с разлива весеннего ручейка внезапно с плеском снимается пара кряковых уток и начинает кружить вдалеке, отыскивая более спокойное место. И везде упорно пробивается молодая, по-весеннему яркая зелень.

В лесу все по-другому, но так же удивительно хорошо. На полянах среди елочек у самой земли качаются бело-желтые звездочки ветреницы, теплом веет от широких моховых кочек, сквозь слежавшийся войлок сухой осоки прямо на глазах, прокалывая зелеными остриями истлевшие прошлогодние осиновые листья, пробиваются ростки свежей травы. Под пологом ельника сумрачнее, но как-то даже теплее, сюда не проникает ветерок, обдувающий поляны. Там, где посветлее и на буграх снега уже нет, солнце в полдень, пробиваясь сверху между деревьями, как в колодцы, нагревает мох и слой опавших осенью листьев. Здесь уже синеют венчики печеночницы, лиловыми плантациями цветет медуница, оживленно снуют муравьи, проносятся в неверном, качающемся полете перезимовавшие лимонницы. Но снега под елями еще много, целые поля, хотя он и садится с каждой минутой, вытекая из леса тысячами переливающихся серебряными зайчиками ручьев. И над всем этим великолепием с утренней зари до темноты звучат голоса разной лесной птицы.

Солнце уже поднялось над лесом, но самец-тетеревятник все еще не покинул места ночевки — кроны старой сосны, поднимающейся среди сплошного ельника. Он сидит близко к стволу, совершенно неподвижно, и поэтому почти невидим. Но ему-то сверху открывается отличный обзор, он видит моховое болото и кормящихся на разогретом мху чибисов. Он видит шумных дроздов-рябинников, облюбовавших группу елей для гнездования и целой колонией занимающихся сейчас постройкой гнезд. Ему виден даже край поля, где на прошлогодней стерне черными точками бегают, дерутся и подпрыгивают токующие тетерева. Ястребу доступны все эти птицы, и он только выбирает самый верный, самый надежный, самый эффективный ход. Наконец вы-

бор, видимо, сделан. Тетеревятник развертывает короткие, широкие, закругленные на концах крылья и снимается с дерева. Неслышной серой тенью мелькает он среди ветвей, длинный широкий хвост позволяет ему почти без усилий маневрировать среди стволов. Вылетев на заросшую сеновозную дорожку, ястреб снижается к самой земле и несется, повторяя все изгибы дорожки, в сторону опушки и поля. Вот и поле, поднимающееся пологим бугром, и тетерева на склоне бугра, всего метрах в ста от края леса. Укрываясь за последними кустами, ястреб еще плотнее прижимается к земле, крылья его почти задевают торчащие стебельки, он увеличивает скорость и в считанные мгновения оказывается среди потерявших бдительность тетеревов. Точно взрыв, с грохотом крыльев, в мелькании белых и черных пятен, одновременно взлетают косачи и бросаются в разные стороны. Ястреб в доли секунды наметил добычу окончательно — это тетерев, отлетающий от тока в том же направлении, в каком двигается хищник. Какое-то время обе птицы движутся параллельно, ястреб выравнивает скорость, он уже чуть выше, затем тело его, послушное легчайшему движению хвоста, поворачивается набок, длинные лапы с растопыренными пальцами, вооруженными сильными кривыми когтями, выбрасываются вперед... и в этот момент птицы касаются друг друга, почти сталкиваются в воздухе. Кажется, от этого соприкосновения ничего плохого случиться не могло, так легко и мимолетно оно виделось со стороны. Но ястреб и тетерев уже больше не разъединяются, и оба кувыркающимся комком валятся на землю. С хлопаньем крыльев перекатывается комок по стерне, оставляя на ней пучки черных перьев, застывая на секунду, а затем снова продолжая беспорядочные броски. Косач отчаянно сопротивляется. Это — сильная птица, и весеннее плотное перо его, подобно кольчуге, противостоит даже дроби. Но он обречен: ястреб взял его лапами под крыло, длинные острые когти вошли глубоко между ребер, разорвали легкие и важные артерии, и сжимаются все сильнее и сильнее, нанося новые разрушения. Сам ястреб, откинувшись назад от возможных ударов конвульсирующих крыльев, теперь просто ждет конца. Он знает свое дело, и этот косач — далеко не первый.

Все слабее и слабее попытки тетерева вырваться, все дольше паузы между приступами борьбы, и вот тетерев затихает. Ястреб гордо взбирается на трофей, не уступающий в размерах ему самому. Осмотревшись внимательно, ястреб начинает ощипывать грудь косача, пуская по ветру черные, с металлическим отливом перья. Ощипав добычу спереди, он начинает вырывать куски мяса и не спеша их проглатывает, постоянно осторожно оглядывая окрестности. Но потом точно вспоминает что-то, быстро снимается и летит с остатками тетерева к лесу, к еловой гряде. Усаживаясь на свою излюбленную сосну, он издает негромкий призывный крик, и тотчас снизу из-за елей выле-

тает гораздо более крупная и массивная самка. Без всяких церемонии она подхватывает остатки тетерева и приступает к трапезе. Самец же сидит рядом и тщательно чистит клюв и когти. Затем он слетает, ныряет за ели и исчезает: теперь его черед согревать кладку до тех пор, пока не вернется самка.

Через семь дней после откладки первого яйца в гнезде их уже четыре — полная кладка. Все яйца совершенно одинаковы — одноцветные, без рисунка, грязновато-белые. Теперь насиживающая самка вовсе не покидала гнезда, и самец приносил свою добычу ей прямо на «рабочее место».

Наступил май. Зазеленела и распустилась листва на березах и осинах, отцвела черемуха, ушли из водоемов лягушки, тетеревиное бормотание и блеяние бекасов сменили раскаты и трели соловьев, скрип коростеля, флейтовые строфы иволги. Самка тетеревятника все так же прилежно сидела на гнезде, не отлучаясь ни на минуту. Оранжевый свирепый глаз ее горел над краем гнезда, тревожно и внимательно всматриваясь в соседние деревья, кусты и проходящую рядом с гнездовой елью старую лесную дорогу. И надо сказать, что тревога птицы была во всяком случае обоснованной: никто, кроме волка, не вызывает такой дружной ненависти среди лесников и охотников, как ястреб-тетеревятник. Здесь не помогают никакие разъяснения, никакие законы и даже штрафы, и, найди кто-нибудь наше гнездо, птицам бы несдобровать. Ястребы, как и соколы, активно защищают гнездо от человека, с криком пикируют на него, и убить в это время отважного родителя ничего не стоит. Но тихо было в еловой гряде, никто не проходил по лесной дорожке, безлюден был лес и прилежащее к заброшенной деревне поле.

А самец-тетеревятник весь отдавался охоте. Охотиться стало труднее: многие птицы сидели уже на гнездах и чаше делались добычей ворон, чем ястреба. Да и густая листва мешала охоте, затрудняя обзор, снижая видимость, но вместе с тем и маскировала самого ястреба, помогала сблизиться с добычей, обеспечивала внезапность его появления. Вообще внезапность нападения — это основной охотничий козырь тетеревятника. В отличие от соколов и орлов он не способен начинать решающую атаку с большого расстояния; его коронный номер — бросок накоротке, мгновенный, но верный. Поэтому тетеревятник имеет два излюбленных охотничьих приема: подкарауливание жертвы из засады и выпугивание и схватывание ее на особом охотничьем полете. Он обычно чередует эти два способа, а иногда и комбинирует, смотря по обстоятельствам.

Как правило, охотничий день самца начинается рано, при первых признаках рассвета. Это время, когда большинство лесных животных наиболее активно и подвижно. Проснувшись и стряхнув ночную росу с оперения, ястреб тут же слетает с излюбленной сосны недалеко от гнезда, ныряет к самой земле и несется на стремительном бреющем полете вдоль лесной дорожки, тяну-

щеися по еловой гриве от одной сенокосной поляны к другой и уходящей затем к полю. Появление тетеревятника всегда вызывает страшный переполох среди обитателей леса: смолкают песни, слышится тревожное чиканье дроздов, истерический вскрик сойки, пиньканье зябликов, но ястреб не придает этому значения — чем быстрее и ниже он будет лететь, тем меньше птиц его увидит, тем слабее будет расходящаяся кругами лесная тревога. И вот удача — на полянке, у самой дороги в траве прыгает дрозд-рябинник, деловито осматривающий землю в поисках насекомых. Легчайший поворот — лапы тетеревятника выброшены вперед, истошный крик дрозда и — тишина. Здесь же, прямо на земле, хищник ощипывает добычу и несколькими сильными движениями клюва, придерживая ее лапами, разрывает и проглатывает без остатка. Через минуту он уже снова несется вдоль дорожки всего в метре от земли, почти невидимый, но совершенно готовый к мгновенной атаке в любую сторону. Вылетев на опушку и не встретив ничего подходящего, ястреб поворачивает и летит ее краем, огибая густые куртины ивняка и стелясь над высокой травой. И опять ничего не взлетело из кустов и травы.

На самой грани леса и опушки стоит старая береза. Обильное солнце помогло ей вырасти густой, ветвистой и мощной. Тетеревятник поворачивает к березе и с ходу бесшумно ныряет в глубину ее кроны, в густое переплетение сучьев, не задев крыльями ни одной самой маленькой веточки, не шевельнув ни листочка. Он садится на один из нижних суков, близко к стволу, и замирает в долгой неподвижности, и птицы, поднявшие было привычную тревогу при его появлении, быстро успокаиваются и замолкают.

Птичья жизнь на опушке идет своим чередом. В густом кусту ивняка, невысоко над землей, бесформенной кучей веток темнеет гнездо сороки. В действительности оно очень удобно и комфортабельно, с теплым, выстланным тончайшими виточками лотком и надежной крышей из сучков и прутиков. В гнезде шесть серовато-пестрых яиц, и длинный хвост насиживающей самки высовывается в один из двух ходов в стене гнезда. На вершине маленькой елки поет певчий дрозд. Над кустами взвивается и ныряет обратно в токовом полете серая славка. На березовом суку по-прежнему неподвижно сидит ястреб-тетеревятник.

На крайних елях появляется сойка. Она ловко перепрыгивает в гуще еловых ветвей, а затем, соблазнившись чем-то на опушке, беспечно слетает в траву. В то же мгновение ястреб оживает и, бросившись вниз, над самой землей, в считанные секунды проносится те полсотни метров, которые отделяют его от увлекшейся охотой на ящерицу сойки. Ястреб даже не видит сойки, он просто кидается в шевелящуюся траву и почти наудачу сжимает длинные тонкие пальцы. Но техника его отработана блестяще — сойка даже не успевает вскрикнуть, а хищник, не присаживаясь, летит к гнезду. Он садит-

ся на край гнездовой платформы и кладет уже ощипанную сойку. Пока самка, встав с кладки, рвет и поедает добычу, самец совершает небольшой ритуал: он перелетает на тощую березку, неизвестно как забравшуюся в густой ельник, отрывает зеленую ветку с листьями, возвращается и кладет свое приношение рядом с яйцами. Для чего он украшает гнездо, неизвестно. Может быть, действительно только для красоты, а может быть, фитонциды свежей зелени поддерживают «санитарию» гнезда?

В начале июня, после тридцати пяти дней инкубации, проклюнулось первое яйцо. Через сутки в гнезде, рядом с тремя яйцами, уже лежал птенец, покрытый коротким, но плотным пухом, белым на нижней стороне тела и сероватым на спине. А еще через четыре дня на мягкой подстилке лотка, в окружении зеленых веточек березы, лежали уже все четыре птенца. Они родились с гораздо меньшим интервалом, нежели были отложены яйца. Сказалось то, что в первые дни инкубации самка практически не грела яйца, а только не давала им остыть до опасного уровня. Теперь она вставала с гнезда лишь для того, чтобы принять от самца добычу, разделать ее и покормить птенцов. Однако в отношениях супругов появились новые нюансы. Самка не только не позволяла самцу оставаться на гнезде с птенцами даже на минуту, но и не начинала кормить их в его присутствии. Передав очередной трофей, он вынужден был тотчас отлететь. Впрочем, ему и некогда было задерживаться у гнезда — с вылуплением птенцов заботы прибавилось.

На хорошем корме птенцы быстро крепли. На седьмой день они сменили первый пуховый наряд на второй, такой же, но более густой и пушистый. Сквозь него начали пробиваться первые пеньки будущих перьев. Несмотря на достаточную обеспеченность пищей, птицы не были дружны. Старший, который в первые дни заметно выделялся более крупным ростом, терроризировал всех остальных, Особенно трудно приходилось самому маленькому. Даже не будучи голодным, старший ястребенок постоянно преследовал малыша, пытаясь клюнуть его в глаз, хватая за угол рта. Особенно старался он, когда младший только что был покормлен, и на клюве видны были следы крови. Может, старший хотел отобрать съеденное или просил покормить его — кто знает? Но так или иначе, он все же разорвал рот малышу и выклевал ему глаз, после чего мать, увидевшая кровь, совершенно хладнокровно вытащила птенца из гнезда, обезглавила его и преспокойно съела. На взгляд человека это чудовищный поступок. Однако к диким животным человеческие мерки прилагать ни в коем случае нельзя. У природы свои законы, и они практически всегда жестоки, хотя в основе их лежит целесообразность, направленная, правда, не на отдельную особь, а на популяцию, на вид, на общность. Отношения хищника и жертвы — это одна из главных движущих сил эволюции и вместе с тем одно из наиболее жесто-

ких проявлении взаимоотношений животных. Мы, люди, принимаем это с позиции научного анализа, научной оценки, но очень часто протестуем, отвергаем этическую сущность (или по крайней мере стараемся ее не замечать). Нужно, однако, отчетливо представлять себе, что понятие жестокости — это чисто человеческая категория, неизвестная животным и поэтому к ним неприложимая. Объективно нет и не может быть животных симпатичных или отталкивающих, добрых или жестоких, даже если речь идет о противопоставлении доверчивого черноглазого косуленка и убивающего его волка или беркута. Такова грустная диалектика жизни, и человеку, его суду, его оценкам здесь места нет.

Расправившись с младшим братом, старший пытался перенести свою активность и агрессию на двух других, но те успели за это время окрепнуть и оказали должный отпор. А еще через неделю агрессивность старшего птенца постепенно пропала. Так в гнездах некоторых хищных птиц производится своего рода подгонка величины выводка к реальным запасам пищи и способности родителей ее добыть.

...Июнь перешел на вторую половину. Птенцы заметно подросли и вовсю одеваются в перо. Днем они стоят, вытянувшись на лапах, на краю гнезда, с интересом рассматривая доступный им участок леса — их новый мир. Самка по-прежнему не отлучается далеко от гнезда, но греет птенцов только ненастными ночами, когда дождь и холод заставляют их поднимать протестующий писк и жаться кучкой посреди лотка. Она еще кормит их, хотя ястребята пытаются клевать сами зажатую в ее когтях добычу. Только в начале июля, в возрасте четырех недель, начнут они сами разделывать и рвать то, что приносят им теперь родители.

Вот незаметно подошла и середина июля. Лето в разгаре. Листва давно уже потеряла весеннюю свежесть, огрубела. Выколосился хлеб в полях. Поспевает малина и черника, начали окрашиваться и зеленые еще ягоды брусники. Ночи теплы и коротки, днем во всей природе разлита какая-то особая летняя истома. Пряный запах сохнущего сена и цветов разносится с легким ветерком над лесными полянами и опушками.

Лес притих. Смолкли птичьи голоса, везде полно только начавших летать, только еще постигающих первые уроки жизни слетков. Но ястребята пока не поднялись на крыло, и корма им требуется теперь много — размером они почти со взрослую птицу. Птенцы уже не сидят днем в гнезде, а с неуемным любопытством путешествуют по ветвям ели, то поднимаясь к ее вершине, то исследуя нижние этажи. Они подолгу машут полностью сформировавшимися крыльями, помогают ими балансировать на ветках, но не решаются еще перелететь на соседнее дерево. Однако на ночь все собираются в гнездо, и мать ночует рядом с ними на соседнем суку. Самец остался верен избранной им еще

с ранней весны сосне, под которой скопилась уже целая коллекция погадок, птичьих перьев, сухих обрывков шкурок и других остатков летних трапез.

Охотятся теперь оба ястреба, обычно поодиночке, но иногда и в паре, когда на долю самца выпадает роль загонщика, а самки — перехватчика. Охотничий участок значительно расширился, теперь тетеревятники нередко залетают за пять-шесть и более километров, посещая не только прилежащее моховое болото, опушку и поле, но и деревню за болотом и еще более дальний лес. Они заметно разредили птичье население окрестностей гнезда. Это и понятно — сколько за эти месяцы гнезд осталось без хозяев, сколько выводков стали сиротами и погибли! Для ястребов ведь нет ни сроков, ни других ограничений.

И снова раннее утро. Солнце еще не показалось из-за мохового болота. После прошедшего ночью дождя в воздухе висит густая сырость, на траве и листьях деревьев — капли воды. Тетеревятник на своей сосне глубоко, с наслаждением встряхивается, избавляясь от осевшей на спину и крылья влаги, затем, развертывая крылья, падает вперед и быстро летит над лесной дорожкой. Но здесь ничего заслуживающего внимания нет, и хищник от поляны поворачивает, но не к полю, как обычно, а в противоположную сторону, к моховому болоту. Для облегчения пути он поднимается и так же стремительно мчится среди еловых вершин, не вылетая, однако, выше их линии. На подходе к болоту полет снова резко снижается, и вот уже ястреб несется вдоль кромки ельника, над самым мхом болота, среди корявых сосен, стоящих на плоских, поросших брусникой и голубикой кочках.

Тетерка с выводком провела ночь в густой траве на краю елового островка, недалеко от коренного берега, по которому тянется гряда высокого ельника. С рассветом выводок покинул травянистую окрайку острова и перешел на мох. Здесь посуше, нет напитанной водою травы, поголее, и тетеревята, не любящие мокнуть, разбрелись по кочкам, выбирая наиболее спелые ягоды голубики. Несмотря на предупреждающее поквохтывание старой тетерки, все пять тетеревят не спешат снова собираться в тесную стайку. Они уже хорошо летали, но жизненного опыта у них еще нет. Именно в это время молодежи очень свойственно чувство уверенности в себе, и это чувство нередко обманывает и приводит к беде.

Пути выводка по моховому болоту и тетеревятника вдоль кромки еловой гривы пересеклись. Ястреб шел немного в стороне, по совершенно открытому месту, без всякого прикрытия, и старая тетерка заметила его. Она громко тревожно кокнула, и сигнал этот предписывал тетеревятам замереть, вжаться в кочки. Учитывая, что тетеревятник идет с большой скоростью, это решение было бы оптимальным. Но разошедшийся широко выводок, не видя матери и не понимая, откуда опасность, растерялся, и два крайних тетеревенка

взлетели, причем один даже в сторону врага. Это решило его судьбу. Пологий вираж ястреба, и обе птицы как бы сталкиваются почти на встречных курсах. Живым клубком, посыпая моховые кочки перьями, они валятся на землю. Сопротивление молодого и слабого тетеревенка длилось секунды, а через минуту ястреб уже тяжело летел к гнезду. В лапах его безжизненной тряпкой раскачивался тетеревенок. А тетерка все еще квохтала, подзывая недостающего птенца.

Самка тетеревятника вылетела на охоту позже, когда солнце уже прибрало следы ночного дождя, и взяла направление в противоположную сторону. Миновав несколько полян среди ельника, она свернула с дорожки, над которой летела, и углубилась в высокий лес. Неслышно скользя среди толстых стволов громадных елей, направляя безукоризненный маневренный полет легким движением хвоста, она слегка поворачивала голову из стороны в сторону, осматривая пронзительными желто-оранжевыми глазами все вокруг себя. Она видела, как с земли по стволу ели вверх метнулась небольшая рыжая тень, и сразу же развернулась, заходя на атаку. Белка стремительно взлетела по коре до густых ветвей и пыталась затаиться, но птица точно пронзила колючую гущу и в мгновение очутилась рядом с белкой. Однако еще более быстрым движением белка шмыгнула на другую сторону ствола, и ястребу ничего не оставалось, как облететь дерево и зайти на вторую попытку. Если бы белка продолжала свою тактику, она бы спаслась. Но на этот раз нервы у нее не выдержали, и она допустила ошибку — бросилась на соседнюю ель, которая ей казалась более надежной. Этот маневр стоил ей жизни — в следующую минуту хищница направлялась знакомым путем к гнезду, где, разойдясь по ветвям, ожидали ее голодные птенцы.

В конце июля все три оставшихся ястребенка как-то вдруг одновременно начали перелетать с дерева на дерево, а потом принялись и за более дальние полеты. Сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и смелее они осваивали летное искусство. Но вечерами все же собирались в районе гнезда. Да и от родительской подкормки отказались они не скоро. Только еще через месяц после вылета из гнезда, в начале сентября, когда лист начал падать с деревьев, перешли они к самостоятельной жизни, незаметно улетели из еловой гряды, и дальнейшая судьба их неизвестна. А пара старых тетеревятников и сейчас живет на том же месте, потому что места эти глухие, заброшенные, и людей там нет.

Комментарий зоолога. Ястреб-тетеревятник — типично лесная птица, и его распространение отражает современную конфигурацию ареала естественных лесных насаждений (тайги, широколиственных лесов, отчасти лесостепи и лесотундры) на равнинах и в горах Европы, Азии и Северной Америки. Ни в безлесные тундры, ни тем более в пустыни и полупустыни он в гнездовое

время не заходит. В долготном направлении тетеревятник в бывшем СССР обитает от Карпат на западе до Камчатки и Сахалина на востоке.

Несмотря на достаточно обширный ареал, географическая изменчивость тетеревятника сравнительно невелика. Реально на территории бывшего Советского Союза живет пять или шесть подвидов, отличающихся друг от друга в основном интенсивностью окраски и размерами. Так, на севере европейской части России и в Западной Сибири распространены очень крупные светлосерые птицы, которые встречаются в Средней России только на зимних кочевках. Север азиатской части России и Камчатку населяет очень интересный совсем светлый подвид, часть особей которого — почти белые. На Кавказе, в южной Сибири и на юге Дальнего Востока живут представители некрупных темноокрашенных подвидов. На остальной территории обитает номинальный подвид.

Нужно заметить, что биологически тетеревятники из разных районов очень сходны. Везде это удивительно универсальный хищник почти с равным успехом добывающий как птиц, так и млекопитающих. Добычу тетеревятника составляют даже такие крупные животные, как глухарь и заяц-беляк, которые по весу более чем в два раза превосходят самого ястреба. Правда, таких животных могут взять только крупные самки. С другой стороны, в числе кормовых объектов тетеревятника зарегистрированы и мелкие певчие птицы, и мышевидные грызуны. Таким образом, круг жертв необычайно широк, хотя в каждой местности и даже для каждой пары особенно характерен сравнительно небольшой набор видов-жертв, то есть можно говорить о локальной и индивидуальной специализации. К сожалению, в числе кормовых объектов тетеревятника числятся и многие домашние птицы, и выпущенные в охотничьи хозяйства искусственно выращенные фазаны, куропатки и утки. Вместе с тем, тетеревятник — один из основных регуляторов численности врановых птиц — серой и черной вороны, сороки, и необыкновенная вспышка их численности должна не в последнюю очередь рассматриваться как результат последовательного многолетнего истребления этих ястребов.

Консервативен тетеревятник и в строительстве гнезд. В северных частях ареала он устраивает гнезда почти исключительно на хвойных деревьях, преимущественно на ели, в южных — на лиственных: на дубе, липе, березе. Нередко, однако, тетеревятник использует и чужие гнезда, прежде всего — канюка.

Численность тетеревятника, заметно подорванная преследованием человека в 40-50-х годах, сейчас понемногу восстанавливается. Он появился на гнездовье уже вокруг крупных городов, и известны случаи его гнездования даже в черте Москвы. Специальных мер охраны тетеревятника не предусмотрено. Он не занесен в Красную книгу. Однако отстрел его и разорение гнезд запрещены законом.

Тетеревятник сейчас, несомненно, — самая популярная ловчая птица, причем это справедливо для всех стран. Универсальность в охоте, добычливость, легкость обучения и, наконец, сравнительная простота приобретения этого ястреба делают его любимцем современных сокольников всего мира. Да и в старину, даже на заре соколиной охоты, он был верным помощником людей.

В роде ястребов насчитывается 46-47 видов, распространенных на всех континентах. Однако кроме тетеревятника только один заслужил славу настоящей ловчей птицы. Это — ястреб-перепелятник.

Внешне перепелятник поразительно похож на тетеревятника, просто копия, правда, вдвое уменьшенная. Распространен он в Европе и Азии, отчасти в Северной Африке, но не проникает, в отличие от тетеревятника, на Американский континент. Как и тетеревятник, перепелятник экологически связан с древесной растительностью, предпочитает мелколесья, разреженные леса, вырубки и опушки и поэтому по долинам крупных рек проникает на юг значительно дальше, нежели его более крупный собрат. В тундре и лесотундре перепелятник полностью отсутствует. Перепелятник — типичный орнитофаг, и мелкие грызуны в его питании играют незначительную роль. Основная жертва перепелятника в антропогенном ландшафте, пожалуй, воробьи, но берет он также и других мелких птиц — дроздов, скворцов, трясогузок, синиц, жаворонков. Гнездо всегда строит сам, очень хорошо пряча его в чаще леса. Яйца, в отличие от яиц тетеревятника, белые, с густыми красновато-бурыми пятнами: в кладке обычно четыре-пять яиц. Птенцы, как и у соколов, никогда не проявляют агрессии по отношению к младшим братьям.

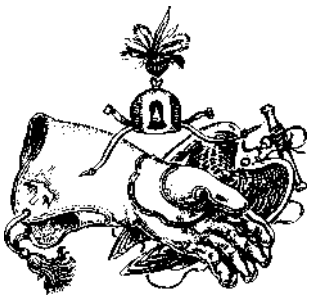
Охотничья специализация, способы охоты у перепелятника почти те же, что и у тетеревятника. Он ловит свою добычу обычно на быстром низком маневренном полете, подхватывая вспугнутых птиц. Использует и засады, подкарауливая жертву и бросаясь на нее из-за укрытия.

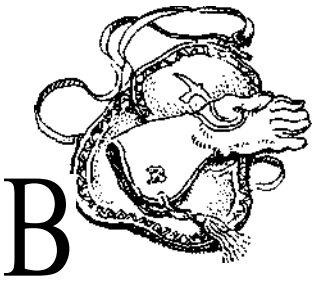
Сокольники издавна охотятся с перепелятником, причем не только ради спорта, ради лицезрения прекрасного полета этого маленького хищника, но и с сугубо практическими целями. Об этом мы расскажем позже...

Ну что ж. Мы заглянули в повседневную интимную жизнь представителей трех основных групп ловчих птиц: соколов, орлов, ястребов, посмотрели

их за повседневными заботами, поняли, чем они отличаются и в чем похожи. Можно сказать, мы изучили их образ жизни. Но решили ли мы ту задачу, которую поставили в начале этого рассказа? Поняли ли мы, почему же хищные птицы, как никакие другие, так импонируют человеку, так властно захватывают его воображение, почему охота с ловчими птицами пережила века, и не просто пережила, но пережила триумфально, несмотря ни на какие политические, экономические, социальные и даже биологические катаклизмы, которые за многие века потрясали человечество, меняли его духовные, этические и эстетические потребности и воззрения? Нам кажется, что если и не во всем поняли, то можем теперь это объяснить.

Хищные птицы, именно как хищники, демонстрируют собой вершину, сверхуспех творчества эволюции, ее естественных созидательных сил. Сам внешний облик хищной птицы, будь то сокол, орел или ястреб, при всех их различиях являет собой гениальность конструкции, необыкновенную продуманность и совершенство каждой черты при подкупающей простоте решений. В сочетании с неизъяснимой красотой и отточенностью движений, еще более подчеркиваемыми невероятными скоростями и безрассудной смелостью, хищные птицы просто не могли оставить равнодушным человека отдаленных эпох, особенно близкого к природе, пусть даже с его по сути невысоким еще уровнем духовного развития. По мере развития духовной сферы жизни человека этот восторг перед совершенством только креп, осознавался глубже, входил в культуру. Совершенство — всегда совершенство, и стремление к совершенству, почти обожествление его — одна из движущих сил развития человеческого общества. Пусть древние считали хищных птиц прекрасным произведением Творца, пусть для нас они — завершенный плод эволюции, венец одного из ее направлений, сущность нашего эмоционального восприятия хищной птицы не меняется. Сокол, орел, ястреб олицетворяют для нас те свойства, те качества, которые мы особенно хотим видеть в сильном человеке, — смелость, независимость, твердость духа, благородство, воплощенные в красоте, гармоничности движений, аристократической простоте. Очень это верный эпитет — аристократы неба.





Вехи истории

ехи истории соколиной охоты — это достоверно документированные свидетельства, которые человечество сохранило в древнейших исторических документах, летописях, произведениях искусства, памятниках культуры, предметах быта, литературных шедеврах давно ушедших времен. Собирая по крупицам эти свидетельства, оценивая их достоверность, выстраивая их в исторической последовательности, мы создаем более или менее вероятную картину возникновения соколиной охоты в том виде, в каком она дошла до нас из тьмы веков. Многих звеньев этой цепи еще нет, и их еще предстоит найти, но уже то, что мы твердо знаем, позволяет наметить основные эпохи, районы, рубежи, пути, связи и формы и даже детали становления этой совершенно особой формы человеческой культуры. То, о чем мы говорили раньше, не более чем полет фантазии. Сейчас же мы встанем на путь исторического исследования, хотя и здесь приходится допускать более или менее вольные трактовки. И даже при этом допущении полной картины истории соколиной охоты мы, вероятно, никогда не получим.

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ

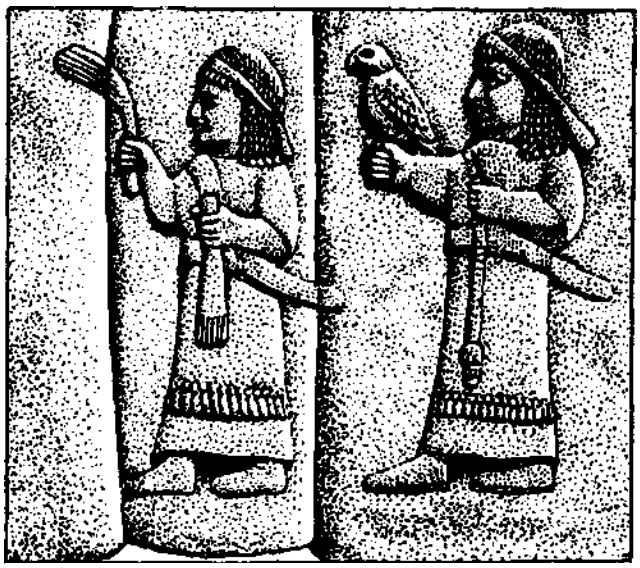
Самые древние свидетельства существования соколиной охоты приходят к нам с Востока, и, по-видимому, можно считать доказанным то, что именно Ближний, Средний или Дальний Восток первыми видели содружество соколов и ястребов с человеком. С Востоком связаны первые великие цивилизации мира, а соколиная охота, несомненно, является продуктом цивилизации: ловчие птицы не разводятся в неволе (во всяком случае, не разводились в те далекие времена), каждая птица должна была быть поймана и индивидуально обучена, а это требовало избытка свободного времени, невероятного терпения, изобретательности и особой чувствительности, что в принципе не характерно для отношения к животным со стороны примитивных народов. Кроме того, широкие, открытые степи и равнины, голые пологие горные склоны и безбрежные пустыни Востока, несомненно, были более благоприятны для развития соколиной охоты, нежели болота и густые леса древней Европы, населенные варварским германскими и славянскими племенами. По всей веро-

ятности, соколиная охота пришла в Европу в уже достаточно совершенном виде через каналы исламских цивилизаций на рубеже средних веков.

Большой соблазн представляет возможность связать происхождение соколиной охоты с древнейшей цивилизацией Египта. Действительно, в одном из магических текстов, относящихся ко времени XVIII династии, то есть к 1580-1350 годам до нашей эры, имеется изображение сокола, на голове которого надето нечто вроде клобучка. На другой таблице этого же текста показан сокол, сидящий на бревне, напоминающем специальную присаду для хищных птиц. И третий рисунок — сокол на спине газели. Многие историки расценивают эти изображения как бесспорное доказательство египетского происхождения соколиной охоты. Однако здесь нужно проявить особую осторожность. Дело в том, что в древнем Египте образ сокола олицетворял божество Хорус, и в этом статусе он отражен в многочисленных предметах религиозного культа. С другой стороны, в системе иероглифической письменности сокол был символом королевской власти и в качестве иероглифа встречается достаточно часто в различного рода документах. Кроме того, сомнения вызывают и сами рисунки из магического текста. Клобучок на голове сокола можно с большей долей вероятности рассматривать как головной убор фараонов. Рядом с соколом, сидящим на бревне, видна другая, длинноногая птица, по-видимому журавль, что разрушает представление об охотничьем сюжете. Наконец, сокол на спине газели изображен в спокойной позе, отнюдь не напоминающей борьбу птицы со зверем. Таким образом, все три сюжета не свидетельствуют с достаточной достоверностью об охотничьем характере этих сцен и скорее всего имеют религиозный или декоративный смысл. Даже на очень известной более поздней фреске, изображающей охоту фараона в папирусовых зарослях, птицы, которых охотники держат в руках и которые напоминают ловчих, в действительности скорее всего представляют собой подсадных уток, а не соколов или ястребов. Таким образом, вопрос о соколиной охоте в древнем Египте остается открытым, хотя полностью отрицать возможность ее существования здесь нельзя. Во всяком случае культ сокола не случаен.

Самое раннее бесспорное изображение соколиной охоты — барельеф на песчанике, обнаруженный немецким археологом Винклером при раскопках руин города Богазкаб в Малой Азии, на территории современной Турции. Барельеф относится к памятникам хеттской культуры и датируется XIII столетием до нашей эры. Он состоит из двух частей, на каждой из которых изображены две фигуры безбородых и, по-видимому, молодых людей, одетых в длинные однотипные одежды и имеющих одинаковые прически или головные уборы. Оба юноши вооружены чем-то вроде короткого меча, оба стоят в одинаковой позе, но один из них держит в руке пальмовую ветвь или опахало, тогда как у другого на правом кулаке сидит сокол или ястреб. Левой рукой этот юноша придер-

живает ремешок, идущий к ногам птицы. Изображение самой птицы, да и всей сцены, очень отчетливое и натуралистичное. По общей композиции, по идентичности весьма скромной одежды юношей можно заключить, что они являются свитой или слугами какого-то вельможи или правителя, изображение которого не сохранилось. Эта уникальная находка не только проливает свет на азиатское происхождение соколиной охоты, но и устанавливает ее минимальный возраст примерно в 3300 лет.



Барельеф хеттской культуры из раскопок Богазкаба в Малой Азии, датированный XIII веком до н.э.

Второе древнейшее и бесспорное изображение соколиной охоты — ассирийский барельеф эпохи царя Соргона II (722-705 до н.э.). Барельеф сделан тоже на песчанике и найден был английским археологом А. Лайардом в середине прошлого века близ Ниневии при раскопках руин дворца в городе Хорсабаде, бывшей столице Ассирии во времена Соргона И. На барельефе изображены две фигуры охотников и фрагмент леса — три дерева, вероятно, кедры. Один из охотников, высокий безбородый юноша, стреляет из лука. Второй, ниже ростом и с типичной ассирийской бородой, в левой руке держит копье, а на правой — сокола или ястреба, готовя птицу к напуску. На оригинале барельефа отчетливо виден ремешок, зажатый между большим и указательным пальцами охотника, а другим концом прикрепленный к лапе ястреба. И еще удивительная деталь: между деревьями изображены в полете одна за другой две птицы. Эта деталь может трактоваться двояко: либо это ловчая птица преследует добычу, либо птицы поражены стрелами лучника и просто падают вниз. Судя по динамичности поз летящих птиц, первая версия нам представляется более правдоподобной. Поскольку Лайард не сделал своевременно копии барельефа, а в описании допустил криминальное слово «кажется», ранние историографы соколиной охоты сообщению археолога большого значения не придали. Однако когда в начале XX века барельеф был перевезен в Лувр, и его фотографии и копии появились в ряде специальных публикаций, стало ясным, что речь идет о поистине бесценной находке. Хеттский барельеф тогда был еще не известен, и находка, относящаяся к VIII веку до нашей эры, произвела фурор среди историков соколиной охоты. На другом барельефе, происхо-

дящем также из Хорсабада, но найденном при раскопках руин дворца царя Синахериба (705 — 681 до н.э.). сноза обнаружено изображение охотничьей сцены — трое охотников, один из которых несет за плечами убитую газель, а в руке — зайца. Все вооружены луками, стрелами и копьями. Над охотниками летают пять птиц, крючковатые клювы которых и общие пропорции тела и крыльев позволяют с первого взгляда узнать в них ястребов.

Барельеф эпохи ассирийского царя Соргона II. VIII век до н.э.

Есть, однако, и другая, не лишенная оснований трактовка обоих ассирийских барельефов. Дело в том, что любая дичь при виде хищной птицы затаивается и все внимание обращает на врага в воздухе. Возможно, что этим пользовались охотники с луком, получавшие в таком случае возможность стрелять по удобной неподвижной мишени. Кстати, это хорошо перекликается с более поздними описаниями охоты в Древней Греции. Однако некоторые расшифрованные тексты времен расцвета Ассирии подтверждают тот факт, что охота с ловчими птицами ассирийцам была хорошо известна, причем почти в современном виде.

Хеттский барельеф и ассирийские находки, конечно, ни в коей мере не указывают на точное местонахождение прародины соколиной охоты. Но они — наиболее раннее документальное подтверждение осмысленного и тесного контакта человека с хищной птицей, основанного на общности интереса к охоте.

Несмотря на ограниченное число, а может быть и отсутствие убедительных доказательств, охота с ловчими птицами была также известна в Индии, хотя и не со столь давних времен. Наиболее ранние несомненные следы соколиной охоты встречаются в так называемых Законах Ману (примерно II столетие нашей эры). В этом интереснейшем литературном памятнике есть два любопытных раздела. В первом из них, регламентирующем перечень существующих профессий, наряду с дрессировщиками слонов упоминается «хранитель соколов», который является тренером ловчих птиц — соколов и ястре-

бов. В другом разделе указывается, что «хранители соколов» относятся к наименее уважаемой части социальной лестницы — к касте неприкасаемых (как, впрочем, и заводчики охотничьих собак). С современных позиций такая классификация заслуживает сожаления.

Хотя охота с ловчими птицами, таким образом, была известна в древней Индии, настоящего размаха и популярности она удостоилась здесь только после вторжения кочевников-монголов, а затем и проникновения исламской культуры, которая достигла расцвета в Индии к середине XIV столетия.

Многие историографы соколиной охоты называют в качестве ее родины Китай. Они утверждают, что охота с ловчими птицами практиковалась здесь еще за 2000 лет до нашей эры. Однако в основе этого утверждения нет достоверных источников, и все доводы при ближайшем рассмотрении оказываются основанными на сомнительных мифах и легендах, да и то базирующихся на косвенных данных. Так, например, китайский, историк и летописец Юн Чичьен сообщает, что Желтый Император имел на своих знаменах соколиное перо. Но помимо того, что само по себе соколиное перо на знамени ни в коей мере не может служить доказательством знания соколиной охоты, личность Желтого Императора, который, предположительно, захватил трон в 2698 году до нашей эры, специалистам по древней истории Китая представляется достаточно мифической.

Более весомые, хотя также не бесспорные, указания на существование соколиной охоты в древнем Китае содержатся в трудах историка Кунг Ши, который пишет, что Вэн Вант, правитель королевства Чу (689 — 677 до н.э.) любил охоту и использовал обученных соколов. Сомнение, однако, вызывает легенда, которую Кунг Ши приводит в доказательство своего утверждения. Легенда эта звучит примерно так: «Некто подарил императору сокола. В тот же самый день высоко в небе вдруг появилось большое пятно, и сокол взлетел ему навстречу. Вскоре на землю стали опускаться, подобно снегу, белые перья, и с неба, точно дождь, начали падать капли крови. А затем упала громадная птица, раскинув крылья на десятки ли» (ли — мера длины, равная 576 метрам). Несмотря на всю фантастичность легенды, ее можно с известной осторожностью рассматривать как прямое доказательство того, что китайцам соколиная охота была известна в VII веке до нашей эры, то есть чуть позже, чем ассирийцам. Не исключено, однако, что легенда относится даже к более ранним временам.

Значительно более надежные данные содержатся в летописи, оставленной Ву Чуном и относящейся к династии Лианг (502-557 н. э.), но повествующей о временах и событиях второго и первого столетий до нашей эры. В этой летописи прямо указывается, что Ли Хенг, один из наследников императора Мао Линга, наравне с собаками использовал для ловли фазанов специально выдрессированных соколов. К чуть более позднему периоду относятся многочислен-

ные свидетельства об охоте с ловчими птицами и о ее популярности во времена династии Хан (206 до н.э. — 220 н.э.). В частности, в одной из летописей, законченной в эру Хси Пинг (172—178 н.э.), прямо говорится, что император Тенг часто выезжал в государственные леса для охоты с собаками, соколами и ястребами. Есть и ряд других свидетельств того, что в начале текущего тысячелетия охота с ловчими птицами была уже широко распространена среди царствующих особ и китайской знати.

В Японию соколиная охота проникла значительно позже, по всей видимости, из Китая или Кореи. Последнее даже более вероятно, хотя никаких источников, подтверждающих существование охоты с ловчими птицами в Корее, нет. Первое официальное упоминание соколиной охоты в Японии содержится в хронике Нихон Шоки, завершенной в 720 году нашей эры и являющейся важным историческим документом ранней Японии. В хронике сказано, что на сорок третьем году правления императора Нинтоку (355 н.э.) была поймана странная птица и подарена императору. Император поинтересовался, что это за птица, и один из придворных информировал его о том, что таких птиц ловят в Пакчи (сейчас Корея, и отсюда версия о корейском происхождении соколиной охоты в Японии), что они называются соколами и их можно приучить к охоте. Император немедленно повелел придворному приступить к дрессировке сокола. Придворный обшил когти сокола кожей (?) и прикрепил к лапам бубенчики. Когда дрессировка была завершена, император взял сокола на охоту и, к своему великому удовольствию, поймал множество фазанов. После этого император Нинтоку часто выезжал на охоту, и успех постоянно сопутствовал ему. Более того, он сам обучил несколько ловчих птиц.

В другой хронике, известной под названием «Харима Фудоки», сказано, что уже во времена правителя Орджина Тену (270-313 н.э.) охота с ловчими птицами была известна в Японии. Какая из этих двух хроник ближе к истине, сказать сейчас трудно, однако хронологические различия столь невелики, что ими в принципе можно пренебречь. Мы склонны отдать предпочтение первой, так как она значительно лучше аргументированна, причем в ней сообщаются такие детали, которые с несомненностью говорят о глубоком знании дела. Кроме того, известно, что император Нинтоку понимал многие преимущества соколиной охоты и для надзора за ней создал даже специальную государственную службу, официально входящую в Высший военный совет.

Письменные и другие источники, свидетельствующие о существовании соколиной охоты в древней Персии и Аравии, крайне ограниченны. Это в известной мере связано с тем, что Коран не разрешал включать изображения животных и людей даже в орнамент, не говоря уж о более специальной живописи. Однако можно быть уверенным, что охота с ловчими птицами

практиковалась здесь задолго до появления первых надежных свидетельств. По всей вероятности, именно Персию следует считать своего рода «центром кристаллизации» соколиной охоты на Ближнем Востоке, откуда она распространилась в страны арабского мира. Подтверждением этого могут служить строки из поэмы арабского писателя Абу Дуад аль-Ияди (около 480-550). В одном из фрагментов поэмы говорится: «Раб, прислуживающий господину на охоте, должен быть так же быстр и проворен, как стремителен голодный сокол, бросающийся с облачного неба на франколина». И далее: «По приказу всадника лошадь несется, поднимая на скаку копыта к самому брюху, как падающий к земле сокол прижимает крылья к телу». В этом отрывке замечательно то, что сокол обозначается словом «бази», то есть чисто персидским термином. Это с несомненностью подтверждает, что соколиную охоту арабы приняли от своих иранских соседей. Забегая вперед, укажем, что слово «бази» используется также грузинскими и абхазскими сокольниками. Упоминание в этом фрагменте биологических деталей (стремительное падение сокола на добычу) и технические нюансы (содержание его голодным) свидетельствуют о тонком знании предмета и позволяют утверждать, что уже в V веке охота с ловчими птицами была достаточно обычна в Аравии, а еще раньше в Персии.

Иранское изображение сокольника, X век

Из других иранских источников в качестве наиболее раннего следует указать небольшую свинцовую пластинку, примерно X века, хранящуюся в Метрополитен-музее в США. Пластинка представляет собой изображение бородатого остроносого всадника в кольчужном одеянии и плоском шлеме, скачущего с соколом в правой руке. Добавим, что манера ношения сокола здесь совершенно современная.

Древнему еврейскому населению Палестины, хорошо знавшему хищных птиц, соколиная охота, по-видимому, была неизвестна. Интересно, что это незнание или неприятие существовало в тесном окружении арабских народов, уже в древности знакомых с соколиной охотой. Есть основания предпо-

лагать, что существовали какие-то специальные запреты, возможно, на религиозной почве. В поэтическом документе «Барух», происходящем, по-видимому, из Палестины, причина падения Принца Мира (Вавилона?) излагается так: «Они проводили свободное время с птицами воздуха и разрабатывали золото и серебро». Значение этого высказывания неясно, смутно и вполне может относиться к совершенно иным событиям. Однако общий тон его позволяет видеть некоторое неодобрение, несоответствие действующим обычаям палестинских евреев.

Вне Палестины евреи, как и арабы, переняли охоту с ловчими птицами от персов. В очень интересном документе, так называемом Вавилонском Талмуде, относящемся к IV столетию нашей эры, при обсуждении соблюдения дня субботы используется выражение «лошади сокольников» («сусу оф базиаран»). Примечательно здесь то, что первые два слова, обозначающие лошадь, — арамейского происхождения, а третье (сокольник) — чисто персидского. Есть в этом разделе Талмуда и второй любопытный оттенок: обсуждение возможности носить в субботу на руке живое существо (по канонам древних евреев работать, в том числе и переносить любые предметы, в этот день нельзя). Сама постановка вопроса о разрешении носить в субботу сокола на руке свидетельствует о том, что в другие дни недели это было нормальным занятием вавилонских евреев. В другом разделе Вавилонского Талмуда, где говорится о царе Давиде, прямо указывается, что тот не однажды отправлялся на охоту с сетями и соколами (причем снова употребляется персидское слово «бази»).

Так обстояло дело в Азии. А в Европе?

Казалось бы, в Древней Греции с ее давними и глубокими спортивными традициями соколиная охота должна была бы процветать. Однако, по-видимому, это не так. Среди многочисленных художественных памятников нет ни одного изображения сцен охоты с ловчими птицами. Правда, Гомер (около 850 г. до н.э.) в «Одиссее», говоря об афинских воинах, сравнивает их с грифами «с загнутыми крючковатыми когтями и клювами», которые, появившись с гор, нападали на малых птиц, живущих на равнине, взлетая под облака, атаковывали этих птиц и сбивали. «И люди радовались охоте», — добавляет поэт. Если и есть основания видеть в этом пассаже намек на знание соколиной охоты, то они чрезвычайно призрачны, ибо прежде всего грифы никогда не использовались, да и не могли использоваться для охоты.

Несколько ближе к сюжету настоящей соколиной охоты история, записанная величайшим энциклопедистом и философом античных времен Аристотелем (384-322 до н.э.). Аристотель сообщает об одном жителе Фракии, который с палкой в руках отправлялся на тростниковые болота и выпугивал разных птиц из густых зарослей. Ястребы, летавшие над болотом, бросались на них и заставляли уток и куликов снова искать убежища в тростниках, где

человек и сбивал их палкой. Фракиец будто бы даже делился с ястребами добычей, выпугивая часть птиц повторно, так что они попадали в когти хищников. Эта история если и не воспроизводит полностью картины соколиной охоты, то во всяком случае свидетельствует о существовании традиции объединяться на охоте с хищными птицами.

С некоторыми вариациями история эта повторяется на протяжении почти 600 лет. В ряде более поздних разнообразных литературных источников, в которых меняется место действия, ястребы уже имеют собственные имена, хватают дичь в воздухе и бросают ее охотникам, за что люди делятся добычей с птицами. В таком виде, например, пересказывает эту легенду греческий естествоиспытатель и историк Антигонус Каристус в III столетии до нашей эры, а позже — Фило Юдеус (20 г. н.э.), который приводит свидетельства многих греков и иностранцев в пользу того, что на охоте люди и хищные птицы действуют в сознательном контакте.

Наконец, философ-натуралист Элиан (около 200 г. н.э.) добавляет последнее недостающее звено в цепочке традиций и установлении контакта с хищными птицами. Он пишет в своей «Истории животных»: «Ястребы не менее, чем орлы, пригодны для охоты на уток и гусей, поскольку они скоро становятся ручными, привыкают к человеку и мало уступают орлам по величине. Как мне известно, во Фракии они помогают людям охотиться на болотах. Люди расставляют сети и прячутся, а ястребы, летая над болотом, пугают птиц, которые попадают в сети. Люди делятся с ястребами добычей, и те приучаются видеть в них кормильцев и охотно летят навстречу». Этот отрывок, хотя и несколько косвенно, но все же указывает на попытки, причем, видимо, успешные, приучения хищных птиц к совместной охоте. Правда, сама техника такой охоты резко отличается от тех форм, в которых она уже существовала в Ассирии, Персии и Аравии и которые дошли до наших дней, да и распространена она была нешироко.

Вместе с тем древние греки были хорошо осведомлены о соколиной охоте в нашем понимании этого термина. Еще в V веке до нашей эры историк Ктезиас подробно описал охоту с ловчими птицами в Индии. По его словам, индийцы охотятся на зайцев и лисиц не с собаками, а используют специально обученных орлов. Вслед за этим следует очень грамотное описание подготовки таких охотничьих орлов: индийцы берут их из гнезда, выращивают и затем обучают охоте, привязывая куски мяса к прирученным зайцам и лисицам и пуская молодого орла поймать эту живую приманку. Интересно, что в Индии до настоящего времени именно орлов используют .для охоты на более или менее крупных зверей. Но еще больший интерес представляет первое в истории описание дрессировки. Как мы расскажем в дальнейшем, современные методы тренировки ловчих птиц отличаются только тем, что сей-

час используется не живая, а искусственная приманка («вабило»). Есть и другие свидетельства глубокой осведомленности греков о способах охоты с ловчими птицами, знания о которых получены во время походов Александра Македонского в Персию и другие страны Востока.

Ко временам Александра Македонского относится и единственный известный материальный памятник, свидетельствующий о знании греками соколиной охоты. Это серебряная монета достоинством в одну тетрадрахму, выпущенная в 320 году до нашей эры в честь воинского начальника Птоломея Сотера. На монете изображен сам Сотер, сидящий на троне и держащий на перчатке орла.

Еще меньшей, чем в Древней Греции, популярностью пользовалась соколиная охота в Римской империи. Это вполне объяснимо: духовный уклад древних римлян, особенно привилегированных сословий, складывался в основном под влиянием постоянных захватнических войн, государственных переворотов, жестоких зрелищ в виде боев гладиаторов и травли рабов и преступников дикими зверями в цирках-бестиариях. В большинстве своем римляне были грубыми и практичными людьми, которые предпочитали добывать дичь с помощью сетей и птичьего клея. Тонкие радости соколиной охоты, терпение и чувствительность, необходимые для дрессировки соколов или ястребов, были им просто недоступны, чужды. Да и сама ничтожная эффективность соколиной охоты в сравнении с затраченным на подготовку ловчих птиц временем едва ли устраивала этих расчетливых прагматиков. Вместе с тем нет сомнения в том, что древние римляне, как и греки, были прекрасно осведомлены о существовании соколиной охоты, познакомившись с ней во время дальних военных походов. Подтверждением этого служит отрывок из стихотворной автобиографии некоего Паулинуса из Пеллы (около 335 г. н.э.), который пишет, что «мечтой его юности было иметь коня, быструю собаку и настоящего ловчего ястреба». Сохранились и немногие материальные памятники. Прежде всего это очень красивая фреска, украшающая одну из стен виллы Албани в Риме и относящаяся к 340 году до нашей эры. На фреске изображен одетый в «тогу победителя» патриций Вел Сатиес и его раб Арнза, который, вероятно, выполнял роль сокольника. Он держит на левой руке какую-то мелкую ловчую птицу, а правой рукой подстраховывает ее с помощью ремешка или веревочки. Второй материальный памятник — металлическая пряжка от боевого пояса римского воина, которую нашли при раскопках римских поселений на юге Франции, в Авейроне. Пряжка датируется примерно III столетием до нашей эры и изображает всадника в тоге, держащего на руке крупную хищную птицу, по всей вероятности орла.

Такая скудость материальных памятников свидетельствует о том, что, по-видимому, соколиная охота не только не зародилась в странах Средиземномо-

рья, но и практически в глубокой древности здесь не существовала. Ведь в этом районе известны многие тысячи греческих амфор и ваз, где запечатлены все детали быта тех времен. Сохранились и бесчисленные римские фрески, из которых лишь одна, как упоминалось, составляет счастливое исключение. Позже, уже в V веке нашей эры, сюжеты, связанные с соколиной охотой, становятся более обычными. Как пример можно назвать изумительную мозаику из города Аргоса, расположенного на Пелопонесском полуострове. В центральной части мозаичного панно изображен охотник, подходящий к соколу, только что овладевшему уткой. Изображение поражает своей живостью и мастерством древнего художника, несомненно хорошо знавшего соколиную охоту.

В центральных и северных частях Западной Европы первыми, наиболее ранними свидетельствами появления соколиной охоты многими исследователями признавались эпические народные произведения, в частности «Песнь о Нибелунгах», где, например, королева Кримгильда видит зловещий сон, в котором два орла убили ее любимого сокола. В песне о Сигурде рассказывается о соревновании двух ловчих кречетов (белого и черного) при охоте на цаплю. Однако источники эти не могут быть признаны достоверными свидетельствами: хотя описываемые события относятся ко времени нашествия гуннов и разгрома ими Бургундского царства (437 г. н.э.), сама легенда о Нибелунгах сложена уже в XIII веке и поэтому в отношении соколиной охоты просто бездоказательна.

Достоверная же информация о соколиной охоте у германских племен, обитавших в Западной Европе, появляется на рубеже древних и средних веков и содержится прежде всего в старинных законах, датированных VI — VII веками нашей эры. Эти законы свидетельствовали о преимущественно оседлом образе жизни германцев, основным занятием которых было сельское хозяйство. В этих условиях охота с ловчими птицами была известна и как развлечение немногочисленных привилегированных слоев общества, и как источник дополнительных средств к существованию средних сословий. Наиболее раннее правовое регламентирование охоты с ловчими птицами встречается в так называемом Салическом своде законов (около 500 г. н.э.). В этом знаменательном документе сказано: «1. Если кто-либо возьмет ястреба-тетеревятника из гнезда и вина будет доказана, виновный приговаривается к штрафу в 120 динариев. 2. Если кто-либо украдет ястреба-тетеревятника с присады (насеста) и вина его будет доказана, виновный присуждается к штрафу в 600 динариев. 3. Если кто-либо украдет ястреба-тетеревятника из дома и вина его будет доказана, виновный приговаривается к штрафу в 1800 динариев». Помимо штрафа, виновный во всех случаях возвращает ястреба и платит вознаграждение доносчику. В дополнительном разъяснении к этой статье закона указано, что 120 динариев штрафа уплачиваются и за ястреба-перепелятника.

Любопытно, что шкала штрафов закономерно возрастает от дикого, взятого из гнезда ястреба к украденному из дома, то есть обученному. Интересно и то, что перепелятник также охранялся законом и использовался для охоты, вероятно, крестьянами, хотя он значительно менее эффективен и добычлив. Тетеревятник для них был просто недоступен, тогда как перепелятник — самый обычный в природе вид, и поймать его не представляло труда.

Государственное регламентирование соколиной охоты находит отражение и в баварском законодательстве (примерно 635 г. н.э.). Штрафы за кражу или убийство ловчей птицы устанавливаются в зависимости от того, какую дичь она берет: самый высокий штраф полагался за ястреба, справляющегося с журавлем, несколько меньше — за ястреба, берущего гуся, и самый низкий — за охотника на уток. Законодательство регламентирует также владение и охрану особых участков леса, где гнездились хищные птицы, и даже устанавливает право собственности на отдельные гнезда. Вообще этот документ позволяет считать, что сокольничество в Баварии было развито достаточно высоко. Так, например, там говорится о собаках, специально обученных для ассистирования соколиной охоте, и штрафы за убийство такой собаки были значительно выше, чем за просто охотничью собаку. К сожалению, ловчие виды подразделяются по их способности брать ту или иную добычу, а не по видам, и поэтому невозможно определить, каких именно хищных птиц баварцы использовали для охоты.

В Лангобардском своде законов, изданном королем Ротхаром в 643 году нашей эры, впервые упоминаются так называемые Королевские леса , где деревья, на которых располагались гнезда ястребов и других хищных птиц, метились королевским клеймом, и где особенно суровым было наказание за браконьерство. Вообще король Ротхар был, по-видимому, первым знаменитым императором-сокольником (если не считать японского императора Нинтоку).

К VII веку нашей эры относится и известная легенда о святом Бавоне. По преданию, Бавон был сокольником и жил во Фландрии. Он был по ложному доносу обвинен в краже белого кречета и приговорен к повешению. Однако, когда невинная жертва уже стояла под виселицей и над ее головой кружились предчувствовавшие поживу вороны, появился пропавший кречет и сел на перекладину виселицы. Невинность Бавона стала очевидной, и он был освобожден. В память об этом событии было построено несколько церквей, одна из них — в центре ловли соколов Фалькнсварде, в Брабанте. Позже Бавон был канонизирован и стал чтиться покровителем сокольников.

Анализ германских законодательных актов и фольклора позволяет утверждать, что охота с ловчими птицами в Западной Европе в VI — VII веках нашей эры была уже достаточно популярна и соответственно высоко разви-

6"
62

та. Это было отнюдь не случайным способом добывания дополнительной пищи, а особой формой культуры, со своими правилами и канонами. Охотничьи аксессуары — лошади, специальные собаки и сами ловчие птицы — были атрибутами повседневной жизни древних германцев. Они использовали несколько видов хищных птиц, включая перепелятника, предпочитая брать их для обучения из гнезд (а не ловить взрослыми). Ловчие птицы использовались по нескольку охотничьих сезонов. Держали их на специальных присадах как вне дома, так и в помещениях. Иными словами, к VII веку нашей эры соколиная охота у германских народов сложилась почти в той форме, в какой мы застаем ее в значительно более поздние времена.

Это обстоятельство, а также отсутствие глубоких корней соколиной охоты в Древней Греции и Риме позволили многим историкам рассматривать соколиную охоту как производное раннегерманской или кельтской культуры. Сторонники теории кельтского происхождения сокольничества считают даже, что в конце средних веков охота с ловчими птицами из Западной Европы мигрировала в Китай, где ее застал и описал Марко Поло. Это, конечно, абсурд. Как мы уже упоминали, восточное происхождение соколиной охоты не может подвергаться сомнению, хотя точные даты и места установить трудно. Единственная допустимая и заслуживающая дискуссии точка зрения заключается в том, что происхождение соколиной охоты может быть полифилетическим, то есть иметь два или более независимых центра возникновения, из которых одни лежат в странах Востока, Азии, а другие — на территориях, заселенных тевтонскими и кельтскими народами. Доказать эту точку зрения, равно как и серьезно опровергнуть ее, достаточно трудно. Решение же спора о приоритете тевтонского или кельтского происхождения соколиной охоты в Европе едва ли имеет принципиальную важность, ибо речь может идти лишь об очень небольшом временном разрыве.

В вопросе о происхождении соколиной охоты мы, как уже подчеркивали, разделяем позицию американского исследователя соколиной охоты Ханса Эпстейна и единственной родиной охоты с ловчими птицами считаем страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Доказательства этому мы прежде всего видим в хронологии и географии наиболее убедительных материальных памятников, в биологических особенностях обсуждаемых территорий, в национальной и социальной специфике населявших их народов. Возникновение и становление соколиной охоты у раннегерманских племен скорее всего можно датировать II — III веками нашей эры. Это был особый период в истории человечества: он характеризовался крупнейшими перемещениями и миграциями народов, массовыми и дальними военными походами, смешиваниями цивилизаций, затем постепенным переходом к более или менее оседлому

образу жизни. Нет другого такого периода, когда сокольничество так легко могло быть занесено в Западную Европу. Это было время потенциальных и латентных возможностей. Носителями могли быть римские легионеры, подолгу служившие до этого в отдаленных азиатских колониях. Восточные готы около 200 года нашей эры поселились севернее Черного моря, в районе, очень подходящем для соколиной охоты, и могли перенять ее у местного населения, потомков сарматских всадников, пришедших туда из Персии. Если готы ввели в обиход стремена и шпоры, почему не допустить возможность освоения ими основ соколиной охоты? Или гунны, народ восточного происхождения, жители степей, прирожденные всадники и охотники, пронесшиеся неудержимой лавиной по Европе в V веке нашей эры и дошедшие до Италии, — они тоже могли посеять любовь к соколиной охоте в тех местах, куда завели их безумные мечты царя Аттилы. Вероятно, всей правды мы так никогда и не узнаем, как не узнаем и технических деталей самой охоты в этот период. Удовлетворимся же тем, что нам известно.

ФРИДРИХ II ГОГЕНШТАУФЕН

Средневековье еще по школьным учебникам представляется нам как эпоха феодального гнета, эпоха мрака, суеверий и невежества, эпоха религиозного фанатизма, инквизиции, жестокости, дикости. Все это действительно было. Но было и многое другое. Период времени между VI и XV веками, формально принимаемый за средние века, ознаменовался (наряду со всем упомянутым) своеобразным расцветом культуры, искусства, философии. Нотр-Дам и Реймский собор, храм Софии в Константинополе и Пизанская башня — это ведь памятники средневековья. Поэты Данте, Петрарка и Боккаччо, художник Джотто, реформатор Ян Гус, первопечатник Гутенберг и многие другие, имена которых известны теперь только специалистам-искусствоведам и историкам, жили в средневековье и подготовили своей жизнью приход грядущей эпохи Возрождения. И вполне закономерно, что на средние века падает удивительный прогресс соколиной охоты как особой формы культуры. Наиболее ярким материальным памятником этой культуры явилась книга «De Arte Venandi Cum Avibus». («Искусство соколиной охоты» или дословно «Искусство охоты с птицами»), написанная Фридрихом II Гогенштауфеном, императором Священной Римской империи, королем Сицилии и Иерусалима.

Фридрих II Гогенштауфен (1195-1250) был сыном германского императора Генриха VI и внуком Фридриха Барбароссы. Через свою мать Констанцию он был потомком норманнских правителей Сицилии, при которых Южная

Италия достигла небывалого расцвета сельского хозяйства, промыслов и торговли, заняв видное место в политической и экономической жизни Европы. Сам Фридрих II был одним из наиболее выдающихся и интересных деятелей своей эпохи. Его политическая деятельность, направленная на совмещение интересов Германии, Италии и Востока, была отмечена длинной чередой битв, осад, побед, крестовых походов и бесконечных интриг, направленных против римских пап, городов Северной и Средней Италии, множества европейских и восточных политических деятелей. Фридрих покровительствовал наукам, при нем был создан университет в Неаполе. Блестяще образованный, он написал ряд трактатов по математике, философии, естествознанию, оставил заметный след в архитектуре, свободно владел шестью языками, собрал большую коллекцию античной скульптуры. Фридрих II был неутомимым строителем и незаурядным архитектором. За свою относительно короткую жизнь (он умер в возрасте 56 лет) Фридрих II построил свыше двадцати замков и дворцов, часть которых в виде руин сохранилась до наших дней. Помимо замков император построил более шестидесяти небольших фортов и своеобразных укрепленных вилл, куда время от времени удалялся, чтобы отдохнуть от напряженной политической жизни и предаться любимой соколиной охоте (пример, взятый впоследствии на вооружение многими государственными деятелями). Около Фоггиса, одного из любимых Фридрихом замков, ставшего резиденцией императора в последние годы его жизни, располагался зверинец Сан-Лоренцо, где содержались слоны, львы, верблюды и другие заморские звери. Здесь же держали и множество охотничьих гепардов, приученных сидеть на специальном седле позади всадника. В замке Луцера, в провинции Апулия, бывшем также одной из главных резиденций, Фридрих содержал организованный по восточным канонам гарем из жен и любовниц под охраной евнухов. Будучи католиком, император тем не менее всю жизнь соперничал с Ватиканом, и гарем был задуман как изощренное оскорбление папе римскому, как знак непризнания его духовной и светской власти. А может он отвечал и собственным вкусам императора.

Однако самым любимым занятием императора «Священной Римской империи», главной сущностью его разнообразной и бурной жизни была соколиная охота. Именно в эту эпоху и в значительной мере под влиянием Фридриха II она окончательно сложилась, приобрела законченные формы, утвердила свои каноны, которые незыблемо прошли через последующие века. Воплощением этих канонов, обобщением всего опыта, накопленного веками, и явилась упомянутая уже нами книга «Искусство соколиной охоты».

Фридрих II писал свою книгу около 30 лет, по большей части собственной рукой, реже — диктуя свои мысли писцам. Написана она была на латыни, «языке богов», и долгое время существовала в виде нескольких рукописных ко-

пий. Изобретатель книгопечатания Гутенберг в ту пору ещё не родился. Эти копии в завершенном виде появились только после смерти Фридриха, дополненные его сыном, королем Манфредом. Известно два варианта манускрипта—в шести томах, более ранний, и в двух, появившийся позже. Первый вариант (на латыни) сохранился в количестве шести экземпляров. Два из них хранятся в университетских библиотеках Болоньи и Валенсии, остальные — в частных и общественных библиотеках в Париже, Нанте, Ренне и Оксфорде. Самый старый из них, хранящийся в Болонье, относится к XIII веку. Второй вариант, двухтомный, известен тоже в шести экземплярах. Один из них составляет гордость Папской библиотеки в Ватикане — старые распри, как видно, были забыты. Два экземпляра, в том числе и переведенный на французский язык, хранятся в Национальной библиотеке в Париже, по одному — в Национальной библиотеке в Вене, в библиотеке университета в Женеве и в Вюртембергской национальной библиотеке в Штутгарте.

В 1596 году в городе Аугсбурге, в Баварии, появилось первое типографское издание на латыни «Искусства соколиной охоты». Через полтора столетия, в 1756 году, «Искусство соколиной охоты» было переведено на немецкий язык и издано в городе Онолцбахе. Затем следует снова издание на латыни, вышедшее в 1788-1789 годах в Лейпциге. В 1896 году «Искусство соколиной охоты» было заново переведено на немецкий язык и опубликовано в Берлине. Наконец, в 1943 году в США впервые вышел в свет английский вариант книги, к настоящему времени уже трижды переизданный.

Совсем непросто в нескольких словах охарактеризовать эту удивительную книгу, не потеряв при этом ничего из того, что составляет ее уникальность и вместе с тем величие. В принципе, чтобы сохранить колорит, ее нужно было бы просто перевести. Ведь надо признать, что к ее подготовке Фридрих II подошел поистине по-научному и, добавим, по-царски. Вот, например, что пишет он в прологе к «Искусству соколиной охоты»: «Мы исследовали и изучили с величайшим тщанием и в мельчайших деталях все, что относится к этому искусству, упражняя мысль и тело, так что мы можем сейчас описать и объяснить все плоды собственного познания и опыта, полученного другими. Мы за большую плату собрали отовсюду лучших мастеров искусства соколиной охоты. Мы поселили этих экспертов в наших владениях, прислушиваясь к их мнениям, оценивая важность их знаний и запоминая все самое важное из их слов и действий». Воистину научный подход!

Книга «Искусство соколиной охоты» состоит из шести частей, каждая из которых подразделяется на ряд глав. Первая часть представляет собой обширный трактат, посвященный описанию строения и образа жизни различных птиц. Как это ни невероятно, но с античных времен, точнее, с эпохи Аристотеля, то есть с IV века до н.э. никто не пытался систематизировать и уж

тем более подробно описать многообразие форм и биологических особенностей птиц. По сути дела никто не шел дальше Аристотеля, в сочинениях которого было достаточно мистики и ошибок, основанных на том, что сам Аристотель птиц серьезно не знал и в большинстве случаев лишь использовал сведения, сообщаемые ему «очевидцами». В манускрипте же Фридриха II все идет от собственных наблюдений, от практического опыта общения с птицами. Поэтому творение Фридриха II можно с полным основанием считать первым по-настоящему научным трудом по орнитологии. Круг вопросов, рассматриваемых в этой части манускрипта, очень широк. Здесь и различные подходы к классификации, несколько примитивные, но отвечающие задачам книги, как-то: «птицы бывают наземные, водяные и нейтральные»; здесь сведения о питании и способах кормодобывания, о миграции птиц, размножении, строении тела птиц в целом и различных их органов, внешних и внутренних, об оперении и линьке. В этих описаниях больше всего поражает здравый смысл, отчетливый профессионализм, тонкость наблюдений при общей широте взгляда на организм птицы как единое целое. Подходы и концепции, достойные современных орнитологов высокой квалификации. Вызывает изумление, насколько автор «Искусства соколиной охоты» был впереди не только своих предшественников и современников, но во многом предвосхищал и открытия профессиональных зоологов будущего.

Совершенно особый интерес в этом разделе книги представляет первая глава, где Фридрих II формулирует свой основной взгляд на соколиную охоту и на охоту вообще. Глава так и называется: «Соколиная охота — самое благородное искусство охоты». Вероятно, здесь впервые дается определение самого термина охоты: «Искусство охоты представляет сумму человеческих знаний, направленных на овладение (силой или хитростью) животными для пользы человека». И далее: «Сама по себе охота представляет не что иное, как физическое и духовное испытание человека во время ловли животных». Очень интересные мысли, которые почти в деталях согласуются с современными представлениями об охоте как о сочетании спорта и использования животных в практических целях.

Фридрих II четко разграничивает охоту с помощью различных орудий («неживых предметов» — сетей, капканов, лука и стрел, копий и т.д.) и охоту со специально обученными четвероногими животными, подчеркивая большие трудности второй, требующей долгой и искусной подготовки собак, ловчих гепардов, хорьков и даже охотничьих рысей (?). А затем противопоставляет обе эти категории охоты искусству соколиной охоты как высшей, наиболее благородной и изящной формы духовного объединения человека с дикой хищной птицей. Это доступно лишь узкому кругу людей, способных к особым чувствам, к невероятным затратам времени и духовных сил. Клас-

совыи или сословный характер соколиной охоты напрямую здесь не подчеркивается, хотя в завуалированном виде просматривается сравнительно легко. Ниже, однако, достаточно отчетливо сказано, что истинное искусство соколиной охоты в основном доступно «благородным» людям и мало кто из представителей низших рангов общества имеет возможность овладеть им и применять на практике. И далее: «Можно с уверенностью утверждать, что духовно соколиная охота есть аристократический вид спорта».

Последующие две части (вторая и третья) представляют для нас, пожалуй, наибольший интерес. В них в концентрированном виде сосредоточена одна из важнейших составляющих соколиной охоты — характеристика разных видов хищных птиц, используемых для охоты, и подробное описание техники отлова, выращивания, содержания и вынашивания ловчих птиц, включая детальное описание амуниции и необходимого оборудования. Рассказывая о ловчих птицах, Фридрих останавливается на описании мест и сроков их гнездования, устройства гнезд, величины кладки и других особенностей размножения, линьки, миграций, способов охоты и добывания пищи. Эти биологические очерки не просто дань любопытству, их следует рассматривать как базис для сугубо практических наставлений: как найти гнездо, как забрать из него птенцов, как и где ловить взрослых птиц для обучения. Текст не может не удивлять необычайной тонкостью знания малейших оттенков жизни и повадок хищных птиц, знания особенностей смены возрастных нарядов, подвидовой и географической изменчивости окраски. Кроме того, можно составить представление о наиболее популярных видах, которые в те времена составляли главную радость и гордость сокольника., Это прежде всего кречет, затем балобан и, наконец, сапсан, которых Фридрих II относит к разряду «благородных». К менее благородным он причисляет только ланнера. Интересно, что хотя систематически балобан (F.cherrud) и ланнер (F.biarmicus) как разные биологические виды были дифференцированы только в 1555 году, значительно позже эпохи Фридриха II, он для обозначения этих птиц использует разные названия. Ястребов (тетеревятника и перепелятника), столь популярных сейчас, Фридрих хотя и знает, но касается лишь вскользь, замечая, что в будущем намерен посвятить им отдельную книгу (чего, увы, не успел сделать). Так же кратко упоминает он и об орлах, которых на Востоке использовали для охоты на крупных млекопитающих. Однако никаких специальных наставлений по охоте с орлами или их дрессировке Фридрих II не дает.

Собственно охотничьи разделы книги Фридрих II начинает с любопытнейшего описания физических и духовных качеств истинного сокольника, своего рода кодекса сокольника. Оно, без сомнения, может быть положено в основу представлений об идеале, о человеческой морали. Так, сокольник должен обладать чувством ответственности, любить работу, быть прилежным, проница-

тельным, обладать хорошей памятью, должен культивировать добро и избегать зла, обладать дерзающим духом и не знать страха. Кроме того, он должен обладать хорошим слухом и зрением, не быть слишком высоким или низким, тощим или жирным, должен уметь плавать, ездить верхом, не быть соней (равно как и не страдать бессонницей). Не должен быть слишком молод, так как юношеский темперамент может толкнуть его на нарушение правил охоты, а, кроме того, юноши легче начинают скучать при отсутствии ощутимых результатов. Абсолютно противопоказаны сокольнику лень, пьянство, несдержанный характер, чревоугодие. Пожалуй, немногие из нас окажутся полностью достойными стать сокольниками. Но все это оправданно, обоснованно. Например, какая связь между соколиной охотой и умением плавать? А вот какая: представьте себе ситуацию — сокол перелетел реку и опустился на землю на другом берегу. Охотнику остается только плыть за ним, что Фридрих II и иллюстрирует наивным, но очень выразительным рисунком.

Самыми важными, однако, в этом разделе остаются содержание и непосредственная подготовка ловчей птицы. Здесь мы находим рекомендации буквально по всем возникающим вопросам: как приучись сокола садиться на руку, как установить, здорова ли птица, как обустроить помещение для птиц и какие типы насестов лучше использовать. Подробнейшим образом описывается кормление, выбор и определение качества корма, купание и обрызгивание сокола водой, назначение, изготовление и применение вабила, клобучка и других предметов амуниции сокола, вязание специальных узлов, употребляемых в амуниции, использование бубенчиков, изготовление и назначение охотничьей перчатки и сокольничьеи сумки, в которой следует носить прикормку, транспортировка птиц. Особое внимание уделено работе с вабилом разных типов и вообще системе установления тесных контактов с птицей. Не забыты и такие детали, как правильная посадка на лошадь: птицу обязательно нужно держать не на левой, как при ходьбе, а на правой руке.

Лучшим объектом охоты для лучшей ловчей птицы — кречета Фридрих II считает журавля. Поскольку в природе кречет практически не нападает на журавлей, его приходится довольно длительное время обучать, используя для этого пойманных журавлей. Однако журавль очень даже может постоять за себя, а для сокола просто опасен: ударами шиловидного длинного клюва и сильных ног, вооруженных острыми когтями, он легко может убить любую хищную птицу (кроме разве что беркута). Поэтому перед началом тренировок журавлю обвязывают клюв и обжигают в пламени лучины когти, делая их тупыми и безопасными. Кроме того, журавлю заклеивают глаза, а на спину между крыльями привязывают кусок мяса. Только после этого журавль подготовлен для тренировки кречета. Сама тренировка состоит из последовательных напусков кречета сначала на бегущего, а затем и на летяще-

го журавля и продолжается до тех пор, пока сокол не научится расправляться с ним совершенно самостоятельно. Только тогда кречет готов к настоящему охотничьему напуску на вольного журавля.

Поскольку журавль значительно превосходит кречета по величине и силе, он может оказать отчаянное сопротивление, будучи уже поверженным на землю. Поэтому кречету следует оказать немедленную помощь. Для этого Фридрих рекомендует использовать специально обученных собак. Лучшей породой он считает грейхаундов — породу, практически исчезнувшую в наши дни. Собака должна быть быстрой, храброй и сильной, чтобы поспеть за птицами, причем нередко по топкому болоту или мелководью.

Заключительные части «Искусства соколиной охоты» предстают перед нами как своего рода инструкции по различным видам охоты с ловчими птицами — на журавлей с кречетом, на цапель с балобаном, на водоплавающих птиц с сапсаном. Центральное место, однако, как и можно было ожидать по предыдущей части, отводится именно охоте на журавлей с кречетом. Эта охота проводилась на открытых равнинах осенью, во время миграций птиц. Сущность, техника ее была проста: летящую или поднимающуюся с земли стаю особыми приемами разбивали на небольшие группы, а затем в воздух взлетали кречеты. Далее понятно. Описанная с необыкновенной точностью, мы бы сказали — в тончайших деталях, охота эта была, по-видимому, действительно наиболее трудной, захватывающей и спортивной, требовала особых качеств и особого умения как от ловчей птицы, так и от самого охотника. Нередко она складывалась трагически, и, нужно полагать, немало великолепных кречетов гибло в схватках с журавлями. Современными сокольниками как у нас, так и за рубежом, эта охота полностью забыта и представляется сейчас чем-то абсолютно нереальным.

Фридрих II считает, что балобан менее отважен, чем кречет. Кроме того, он, несомненно, и заметно слабее. Поэтому уделом балобана определена охота на цапель. Однако для балобана цапля тоже не представляет природной добычи и поэтому приучать его к ней необходимо постепенно. Методика в основном та же, что и при подготовке кречета к охоте на журавля, но цапле дополнительно связывают ноги. Охота проводилась на большую белую и серую цапель, более мелкие виды в качестве объектов охоты не были популярны. К охоте приступали в июне, когда в природе много молодых и еще не окрепших птиц, а уровень воды в прудах и болотах минимален. Позже, к осени, когда начинали прибывать мигрирующие с севера цапли, среди которых было много взрослых и сильных птиц, ловчий балобан уже набирался достаточного опыта и справлялся с ними легко и уверенно. С хорошо выношенными птицами охотились и весной, сразу по прилете цапель. Технология охоты была такой же, как при охоте на журавлей.

Нужно заметить, что взрослая цапля — тоже достаточно опасный, коварный противник (даже для человека); если она упала вместе с ударившим ее соколом на землю живой, его может ожидать мгновенный удар смертоносного клюва. Поэтому охотник должен тут же оказаться рядом и включиться в борьбу. Его роль проста: надо схватить цаплю за голову и воткнуть ее клюв в землю, предоставив соколу обезглавить жертву самостоятельно. Использование собак при охоте на цапель считалось опасным и не рекомендовалось.

Сапсана и ланнера также использовали для охоты на цапель, но в связи с их меньшей величиной это было скорее исключением.

Коронный же номер этих соколов — охота на уток, ибо здесь требуется прежде всего быстрота, молниеносность атаки, и именно этим славится сапсан. Кроме того, утки — естественная добыча сапсана, и поэтому в самом вынашивании сокола и его тренировке для него нет ничего необычного. Тем не менее эта охота также требует специальной подготовки птицы.

Прежде всего из крыльев кряквы изготовляется вабило. Путем упражнений с вабилом сокола приучают описывать круги над охотником, ожидая появления дичи. В этом коренное отличие подготовки ловчей птицы для охоты на уток и другую сравнительно некрупную дичь (при охоте на журавлей и цапель птицу напускают издали на уже видимую цель). Миссия охотника заключается в том, чтобы, двигаясь по богатым утками местам, постоянно следя за летающим над ним кругами сапсаном и контролируя дистанцию зовом и манипуляциями с вабилом, выпугивать уток из травы или с воды. Все остальное зависит от охотничьей сноровки сокола, его опыта охоты, стремительности атаки и азарта. Главное, подчеркнем еще раз, — это постоянный контакт птицы и человека, причем контакт осмысленный, хотя и поддерживаемый обычными приемами дрессировки. Если сокол стабильно держится на кругах невдалеке от охотника, не отлетает на большую дистанцию и выдерживает нужную высоту, можно считать дело сделанным и успех обеспеченным. Конечно, идеал достижим далеко не всегда, и сокол по тем или иным причинам нередко отлетал, терялся.

Описанием охоты с сапсаном завершается книга «Искусство соколиной охоты». Изучение ее заняло у нас немало времени, вызвало неожиданное чувство интимного соприкосновения с историей, с давно прошедшими временами и давно умершими, полузабытыми сейчас людьми, оставило даже у нас, детей XX века, глубокий след. И, прощаясь с этим удивительным памятником культуры, мы хотели бы сказать еще несколько слов о нем.

Особую ценность «Искусство соколиной охоты» представляет как научный исторический документ, впервые в истории человечества достоверно и в мельчайших деталях фиксирующий определенный этап развития соколиной охоты как особой формы культуры, ее состояние в средневековой Запад-

ной Европе. Такая исчерпывающая полнота не была достигнута ни разу ни ранее, ни позже. Благодаря творению Фридриха II мы знаем о соколиной охоте средневековья абсолютно все: детали содержания и вынашивания ловчих птиц, назначение и устройство их амуниции, способы и тонкости охоты с ловчими птицами. Мало того, в какой-то мере мы имеем представление даже о духовном укладе сокольников тех времен. Иными словами, у нас теперь есть надежная база для сравнения, надежная точка отсчета. Кроме того, нужно откровенно признать, что как практическое руководство по охоте с ловчими птицами книга не потеряла своего значения и сейчас. Нам придется неоднократно обращаться к ней в дальнейшем.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Нет сомнения в том, что книга Фридриха II Гогенштауфена и вся его деятельность оказали заметное влияние на развитие соколиной охоты в европейских государствах эпохи Возрождения вплоть до XVIII века. Но вместе с тем мы далеки от того, чтобы переоценивать значение «Искусства соколиной охоты». Рукописные варианты XIII и даже XV — XVI веков едва ли были сколько-нибудь серьезно доступны даже сравнительно ограниченному кругу королей, князей и их приближенных, составляющих высшую аристократию, не говоря уж о том, что для средних и низших сословий, а тем более азиатских народов этой книги просто как бы не существовало. Грамотных людей, особенно владевших латынью, в те времена было крайне мало. Поэтому основные, главные причины дальнейшего триумфального взлета популярности соколиной охоты в XVI — XVII веках, когда она стала излюбленным видом спорта всех классов и категорий общества и была провозглашена как одна из высших форм культуры (а так именно и было), следует искать в другом.

Рубеж XV и XVI веков ознаменовался совершенно поразительным взрывом человеческой активности, будто прорвало плотины и шлюзы, сдерживавшие зародившийся в недрах средневековья поток неистовой энергии мысли и духа. Этот рубеж был началом новой эпохи, эпохи возрождения, Ренессанса. Истоки Ренессанса, причины его возникновения можно объяснить крупными социальными изменениями, покачнувшейся властью феодалов и церкви, развитием производительных сил общества, консолидацией народных масс. Но поистине достоин удивления и не поддается объяснению тот феномен, что между 1450 и 1550 годами, то есть в интервале всего ста лет, родились, жили и работали такие разные, такие географически разобщенные и такие бесконечно одаренные люди, как ученые и философы Николай Коперник, Эразм Роттердамский, Томас Мор, реформатор Мар-

тин Лютер, мореплаватели Христофор Колумб, Васко да Гама, Магеллан, художники Гольбейн, Боттичелли, Микеланджело, Джорджоне, Тициан, Рафаэль, Босх, писатель Рабле и, наконец, бессмертный Леонардо да Винчи, в котором совместились все возможные и невозможные дарования (мы специально перечисляем только имена, известные каждому еще по школьным хрестоматиям и которые живы в веках). Во второй половине XVI века к этим именам добавляются десятки новых, не менее славных — Галилей, Джордано Бруно, Шекспир, Сервантес и другие. Эта удивительная волна расцвета науки, искусства, культуры и просто активной общественной деятельности, не замедляя темпа, не теряя высоты настроя, перекатывается в XVII век и постепенно спадает к середине XVIII века.

Соколиная охота в Западной Европе как особая форма культуры просто не могла не быть захвачена волной Ренессанса и действительно в известной мере повторила этот график. В XVI — XVII веках популярность ее достигает апогея, периода наибольшего расцвета. Политическая раздробленность Европы, характерная для этого периода истории, оказалась как бы дополнительной питательной средой, ибо каждый из десятков и даже сотен королевских, княжеских, баронских дворов считал соколиную охоту неотъемлемым атрибутом аристократического образа жизни, единственным достойным видом спорта и досуга коронованных особ и их приближенных, предметом роскоши, признаком благородства.

Литературные источники, относящиеся к соколиной охоте этого времени, сравнительно скудны, если не сказать большего. Кроме того, они нам почти недоступны. Поэтому представление о ее развитии и эволюции приходится в значительной мере делать умозрительно, на основе немногих литературных свидетельств, но главное — путем изучения многочисленных произведений искусства.

Эпоха Ренессанса, да и последующие два столетия породили необычайное разнообразие форм отражения соколиной охоты в искусстве. Здесь и полотна, написанные маслом или акварелью, гравюры на дереве и на меди, фрески, терракотовые, бронзовые и деревянные скульптуры, бронзовое литье в виде панелей, гобелены, резьба по слоновой кости, вышивки, монеты. Это вполне понятно: соколиная охота как массовое общественное явление, как своего рода культ ловчей птицы не могли не захватить воображение художников и скульпторов самых разных масштабов и стилей. Наибольшей популярностью в те времена, видимо, пользовался портрет со включением ловчей птицы как особой детали, подчеркивающей благородное происхождение и богатство оригинала. Среди таких полотен наибольшей известностью пользуется портрет с кречетом Роберта Чеземана, сокольника английского короля Генриха VIII, принадлежащий кисти Гольбей-

на Младшего и датируемый 1533 годом. Известны портреты и других выдающихся знатоков и любителей охоты с ловчими птицами. Среди них в первую очередь назовем фреску, изображающую папу Льва X, занимавшего папский престол в 1513 — 1521 годах и бывшего единственным из высших священнослужителей, не отвергавшим соколиной охоты. Папа представлен с тетеревятником, сидящим на высоко поднятой правой руке. Фреска принадлежит школе Симеона Мартини и до сих пор украшает одну из стен в папском дворце в Авиньоне. Не менее знамениты такие шедевры, как юношеский портрет маслом Филиппа Красивого, короля Нидерландов и Кастилии, изображенного с любимым ястребом-перепелятником на левой руке. Портрет относят к германской школе XVI века, хранится он в музее охоты в Париже. Невозможно оторвать глаз от семейного портрета Умберто де Сакрати, соратника Франческо Сфорца, правителя Милана первой половины XIV века. Сам Умберто правую руку положил на плечо жены, а на левой держит тетеревятника в нарядном клобучке. Портрет написан Валтасаром Естензе и хранится в Мюнхене. Наконец, среди длинного ряда удивительных по выразительности и живости портретов вельмож XVII века упомянем поясной портрет маслом дюка Христиана Людвига Брауншвейгского, держащего белого кречета на левой руке. В портрете прежде всего поражает невероятное богатство и изящество одежды вельможи и амуниции сокола, буквально сделанной из золота. Но не менее выразительно и само лицо дюка — холеное, высокомерное, с презрительной усмешкой на толстогубом рту сатира и чревоугодника.

Большое место в живописи того времени занимают и жанровые сцены, изображающие различные перипетии соколиной охоты. Все детали в них, сами ловчие птицы, амуниция, объекты охоты и охотники выписаны в большинстве случаев с поразительной тщательностью и подкупающей достоверностью. Изучение всех этих произведений искусства, больших и малых, приводит к нескольким важным выводам.

Прежде всего постепенно менялся сам дух соколиной охоты. Если во времена Фридриха II она была исключительным уделом сравнительно немногих мастеров, то к XVII веку становится достоянием массы придворных, приближенных к высоким особам. На смену своего рода аскетизму, суровому образу жизни сокольников средневековья приходит пышность, какая-то мишурность, помпезность. Охотничьи выезды теперь как бы демонстрируют богатство и могущество аристократии, внешне они напоминают парады. С XVI века в них обычно принимают участие многочисленные дамы (что было абсолютно недопустимо в средние века), кавалькады верховых охотников сопровождают десятки слуг, егерей, собак. Все это — яркое, броское зрелище, рассчитанное на внешний эффект. Конечно, было бы просто бес-

пардонной клеветой обвинять всех охотников эпохи Возрождения в отступничестве от древних законов соколиной охоты, в некомпетентности, в низкой квалификации. Нет, среди них было немало настоящих сокольников, не забывших веками сложившихся канонов, были мастера высочайшего класса, владеющие всем арсеналом приемов дрессировки птиц и охоты с ними. В их числе, между прочим, и Вильям Шекспир, который очень серьезно относился к соколиной охоте. Заядлыми сокольниками были знаменитые художники братья Ян и Губерт ван Эйк. Нужно заметить, что и многие короли прославились истинной, отнюдь не показной приверженностью к соколиной охоте. Так, у Генриха IV Наваррского (1553—1610), хорошо известного по роману Александра Дюма «Королева Марго», в личной сокольне было 96 ловчих птиц, у французского короля Людовика XIII (1601 — 1643) — 99 соколов: кречетов, балобанов и сапсанов.

И тем не менее в период самого расцвета соколиной охоты в ее обрядности уже начали звучать чуть фальшивые нотки. Тенденция эта прослеживается достаточно отчетливо.

Следствием этого, с одной стороны, было существенное расширение спектра видов хищных птиц, используемых на охоте, а с другой — почти полное отстранение от соколиной охоты народа, представителей не только низших, но и средних сословий. Последнее, правда, наблюдалось далеко не во всех странах, и Англия, например, достаточно длительный период истории сохраняла известный демократизм соколиной охоты. Своего рода дискриминация все же была и здесь, и проявлялась она в том, что каждой социальной категории было предписано охотиться только с определенным видом хищных птиц, причем указывался даже пол птицы. В книге «Поучения святого Албаса», датируемой 1486 годом, приведена следующая «квалификационная" таблица:

Императору	— беркут
Королю	— кречет (самка и самец)
Принцу	— сапсан (самка и самец)
Герцогу	— сапсан (без уточнений)
Графу	— сапсан (самка)
Барону	— сапсан (самец)
Рыцарю	— балобан (самка и самец)
Сквайру	— ланнер (самка и самец)
Даме	— дербник
Юноше	— чеглок
Крестьянину	— тетеревятник (самка)
Бедняку	— тетеревятник (самец)

Священнику — перепелятник (самка)
Служке — перепелятник (самец)
Бродяге — пустельга

Этот документ XV века (хотя он, возможно, и не имел силы закона) говорит о многом. Если Фридрих II за настоящих ловчих птиц полагал только кречета, балобана и сапсана, то здесь мы находим уже названия девяти видов. Он свидетельствует также о том, что привилегированным сословиям, к которым помимо королей, герцогов, баронов и графов отнесены также рыцари, помещики (сквайры) и даже благородные дамы и юноши, предоставлялось право охотиться с так называемыми длиннокрылыми (или «высокого полета») птицами, то есть соколами, тогда как уделом бедняков, включая сельское духовенство, были ястребы, то есть короткокрылые («низкого полета») ловчие птицы. Пустельга, составляющая привилегию самых низов общества, хотя и относится к соколам, но ловчей птицей ее вообще признать трудно. Разница между «длиннокрылыми» и «короткокрылыми» птицами существенна: охота с соколом труднее, менее добычлива, требует длительной подготовки птицы, но вознаграждает ее владельца красотой, напряженностью эмоций, азартом. Выносить ястреба несоизмеримо проще и быстрее, в охоте он надежен, и охотник никогда не останется с пустой сумкой. Но... охота эта, хотя тоже азартна, несколько напоминает промысел: той красоты, которую демонстрирует сокол, в ней нет. В определенном смысле это все равно что сравнивать борзых и норных собак: обе группы хороши, но по-разному.

В период расцвета соколиной охоты и дичь стала разнообразнее. Правда, охота на журавлей пошла на убыль прежде всего потому, что их стало заметно меньше, да и главные охотничьи угодья, расположенные, как правило, в лесных и болотных ландшафтах, не способствовали ее процветанию. Зато в добыче стали преобладать более мелкие птицы вроде куропаток, диких голубей, кроншнепов, коршунов и даже ворон, удодов, сорокопутов и жаворонков, на которых охотились, как мы уже упоминали, с дербником. Цапли, однако, оставались наиболее популярной дичью.

Широкое увлечение соколиной охотой родило повышенный спрос на хищных птиц. Поскольку охотничьи соколы нередко пропадают во время охоты, «отлетают», для удовлетворения нужд европейских сокольников ежегодно требовались действительно сотни птиц. Кречеты, бывшие наиболее ценимой птицей еще при Фридрихе II, представляли собой наиболее дефицитный товар и в последующие века. Поэтому неудивительно, что торговля ими стала существенной статьей дохода для целых слоев общества, а цены на птиц были очень высоки. Особенно ценились белые кречеты.

В Западной Европе охотились главным образом со скандинавскими, или — как их тогда называли — норвежскими кречетами. Столь же обычны были и исландские кречеты, среди которых достаточно часто попадались белые птицы. Гренландских кречетов в Европу привозили мало, ибо Гренландия тогда была сравнительно малодоступна, и птиц было трудно прокормить в течение длительного пути.

В Дании в ее владениях кречеты считались собственностью короля, и на их отлов требовалось специальное разрешение. После захвата Данией Норвегии в X веке на нее также распространилась королевская монополия на кречетов, которые в самой Дании не водились. Норвегия даже получила название Соколиного острова, и датский правитель Соколиного острова Гаакон уже в первый год своего владычества послал королю 50 кречетов. В дальнейшем, в XVI и XVII веках, право ловить соколов в Норвегии давалось различным людям, в основном голландским, немецким и фландрским сокольникам, которые, однако, должны были каждого третьего кречета передавать датскому королю за чисто символическую плату. Ловили они в основном слетков. Занимались отловом кречетов в Норвегии и англичане, причем иногда в значительных количествах. В хрониках зарегистрирован случай, когда один из английских ловцов, нарушив какие-то установления датских властей, был оштрафован ни более ни менее как на 100 кречетов, в том числе десять белых. Посылались кречеты из Норвегии в Англию и в качестве официальных подарков.

В XVIII веке ловля кречетов в Норвегии сдавалась в аренду, причем датский король помимо арендной платы получал с каждого арендатора по два кречета в год.

В Исландии после завоевания ее Магнусом Лагабетером в XIII веке и установления власти Дании кречеты тоже были признаны королевской собственностью, и на торговлю ими распространилась государственная монополия. В конце этого столетия (в 1277 г.) специальным законом устанавливалось, что кречеты принадлежат владельцам земли, на которой они живут, но король имеет право (или привилегию) ловить их на землях всех владельцев. Владельцам земель ловля кречетов не возбранялась, однако лицо, поймавшее кречета на чужой земле, уплачивало ее владельцу или арендатору две трети стоимости птицы, полученной от королевских сокольников при передаче им кречета.

Со второй половины XV века регламентация ловли кречетов в Исландии была существенно устрожена. Ловить кречетов разрешалось уже только природным исландцам, получившим особый патент на эту ловлю. Таких профессиональных ловцов, которые знали и ревностно охраняли каждое гнездо кречета, прекрасно владели способами отлова и содержания птиц было сравнительно немного — в разные годы до 10-24 человек. Несмотря на это, общая численность вывозимых птиц была значительной — от ста до двухсот крече-

тов в год. Все пойманные соколы за денежное вознаграждение передавались Великому сокольничему датского короля и перевозились в Копенгаген. Перевоз кречетов по морю был организован очень тщательно, чтобы исключить потери драгоценных птиц.

Из Копенгагена кречеты в качестве дипломатических подарков рассылались по разным странам — в Англию, Францию, Австрию. Однажды они были даже посланы в Россию — это было в 1763 году по случаю коронования императрицы Екатерины II. Распределение кречетов утверждалось лично датским королем. Соколы из Исландии никогда не поступали в продажу, и оставшихся нераспределенными птиц даже убивали. Так, в 1764 году, когда «урожай» был особенно велик и составлял 205 кречетов, 40 соколов было убито. Странное и непонятное варварство! Это тем более неоправданно, что строгие законы по регламентации ловли кречетов в Исландии, которые продержались практически без изменений на протяжение без малого 500 лет (всего за это время издано более 400 законодательных актов) предусматривали смертную казнь за убийство кречета.

В Швеции ловля соколов, по-видимому, никогда не являлась королевской привилегией и была открыта для всех желающих при условии уплаты налога, причитающегося за каждый поставленный на шведской земле скрадок.

Пойманных молодых, необученных кречетов из Скандинавии голландцы, немцы и бельгийцы, бывшие не только ловцами, но и торговцами, развозили затем по Средней Европе, в первую очередь по германским государствам, потом часть птиц везли в Брюгге, далее — в Париж, и уже то, что оставалось, поступало в Испанию.

Право первой покупки соколов у странствующих торговцев во многих европейских государствах принадлежало королевскому двору. Во Франции, например, выбор птиц производился специальным чиновником, распорядителем охоты — Великим сокольничим. В Нидерландах в 1539 году такую привилегию установил для себя король Карл V. В Англии право покупки птиц у странствующих торговцев для частных лиц ограничено не было, хотя отлов на территории этой страны помимо воли короля не разрешался никому.

Голландцы, которых мы упоминали уже неоднократно, вообще сыграли большую роль в развитии соколиной охоты и в торговле ловчими птицами. Они славились как наиболее искусные ловцы, и их способы вынашивания соколов считались наилучшими, образцовыми. Есть сведения, что даже в XVII веке, во время наибольшего расцвета соколиной охоты во Франции, король Людовик XIII и его приближенные дворяне посылали своих сокольников учиться в Голландию. В течение нескольких столетий своего рода центром голландских сокольников, откуда они разъезжались по Европе, было селение

Фалькенсвард (напомним, что Falke — это сокол) в северном Брабанте. Здесь, среди равнин и мозаики небольших озер, весной и осенью во время пролета скапливалась масса разной птицы, за которой всегда следуют хищники. Особенно много бывало здесь сапсанов, мигрирующих из тундр Северной Европы и Азии, но нередко также встречались и кречеты. Поэтому часть фалькенвардских сокольников отправлялась ловить соколов в Скандинавию, остальные же ловили птиц на месте. Именно отсюда в торговлю поступало большинство сапсанов, которых голландские сокольники сами же и приучали к охоте. Голландская школа как раз и славилась умением вынашивать не только молодых, хотя и вполне самостоятельных, птиц, но и взрослых. Заметим, что английские и шотландские сокольники в противовес этому были непревзойденными мастерами выращивания и вынашивания гнездарей, то есть птиц, взятых из гнезд еще птенцами.

Балобан, как и кречет, считался очень популярным в кругах сокольников XVI — XVII веков. Соответственно и спрос на этот вид был значительным, а если исходить из меньшей стоимости балобана и его универсальности в охоте, то, вероятно, он превышал спрос на кречетов: как ни говори, а кречет — птица королевская, тогда как с балобаном охотилось множество дворян более низкого ранга, составлявших свиту коронованных владык. Исторических материалов о ловле балобанов мало. Есть сведения, что основная масса их поступала преимущественно с островов и побережья Средиземного моря, где птиц отлавливали осенью во время пролета, а вся торговля была сосредоточена в руках греческих и венецианских купцов. Здесь же в ограниченном количестве ловили также сапсанов. В то же время балобан был сравнительно обычной птицей во всей южной части Европы, и трудно предположить, что здесь его также не отлавливали и непосредственно для охоты, и для продажи.

Тетеревятников, как и перепелятников, в основном брали прямо на местах их гнездования в лесных районах Европы и далеко не развозили. Ястребы вообще не фигурировали как объект торговли. Спрос на них, вероятно, был мизерный, так как эта птица «низкого полета» аристократов не привлекала, а крестьяне и другие бедняки, не имея денег на покупку, ловили и вынашивали ястребов сами.

Деятельность странствующих торговцев ловчими птицами была исключительно активной. Известно, например, что в XVI — XVII столетиях во Францию птицы поступали из Фландрии, Германии, России, Швеции, Норвегии, Сицилии, с островов Корсика, Сардиния и Болеарских, из Испании, Турции и даже Индии. Возможно, существовали какие-то международные ассоциации торговцев ловчими птицами, однако прямых указаний на это нет, и о деятельности самих торговцев, за исключением датчан и голландцев, практически неизвестно.

XVIII век внес дисгармонию в сложившуюся ранее и отлаженную систему соколиной охоты в Западной Европе. Приобретая все больший сословный, классовый характер, она уже целиком переходит в обиход аристократической знати, все более получает черты обрядности. Это в свою очередь заметно сужает ее жизненность, размах и масштабы. Примерно к этому же времени относится и отчетливое начало снижения численности ловчих птиц в природе, и прежде всего кречетов. Даже в Исландии, достаточно удаленной от центров соколиной охоты и находившейся под строгим государственным контролем, длившийся столетиями вылов кречетов не мог не отразиться на общем состоянии этого вида. Еще сильнее сказался пресс отлова на кречетах Швеции и Норвегии.

Но главный удар по соколиной охоте нанесло появление охотничьего огнестрельного оружия. Здесь сказались не только мода на новинку, но и экономические причины. Соколиная охота — дело дорогое, ведь сокола нужно не только купить, выносить и обучить тонкостям охоты, но и содержать, кормить, обслуживать в течение длительного неохотничьего сезона. Кроме того, соколы часто «отлетают», их нужно заменять, да и от болезней они гибнут легко. Даже сейчас, когда мы хорошо знаем эти болезни, когда у нас есть эффективные медикаменты, внезапная смерть кречета, балобана, тетеревятника от аспергиллеза — вещь более чем обычная, но вместе с тем и трагичная. Иными словами, содержание ловчей птицы — это постоянное беспокойство и постоянная трата денег. То ли дело ружье: поохотился, почистил его, повесил на стенку — и живи спокойно, не зная забот, до следующего сезона. Да и эффективность охотничьих ружей несравненно выше, нежели ловчих птиц.

Так вызревали внутренние причины заката соколиной охоты в Европе. Чтобы рухнуть, развалиться, она ждала только внешнего удара. И первый такой удар в конце столетия нанесла французская революция. Она полностью уничтожила государственный уклад, а с ним сословные привилегии главной опоры соколиной охоты — аристократии. Как и всякая другая, французская революция не удовлетворилась тем, что физически уничтожила своего врага, обезглавила на Гревской площади самих аристократов и их дам-сокольников, разграбила их дворцы, выжгла поместья. Она последовательно варварски, бездумно уничтожала также всю унаследованную ею культуру, сложившуюся веками, созданную руками людей. Ибо сказано: «Ломать — не строить!» К счастью, не во всем она преуспела, многое было спасено. Но с соколиной охотой во Франции было покончено — декретом Конвента она была объявлена аристократической забавой и поставлена вне закона.

То, что было начато французской революцией, довершил Наполеон. Длительный период тотальных войн, пронесшихся смерчем по всей Европе, окончательно разрушил соколиную охоту как форму массовой и древней культу-

ры. Последовавшее рождение капитализма и развитие промышленности со всеми сопутствующими этому обстоятельствами не оставили надежд на ее скорое возрождение. Лишь крошечные, чуть тлеющие очажки, откуда к нам, в наше время, протянулись тонкие, но прочные нити традиций, внушали и поддерживали мысль о бессмертии соколиной охоты.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ КУРСОМ

В то время, когда соколиная охота в Европе набирала силу, когда формировались и крепли ее традиции, когда Фридрих II Гогенштауфен строил свои замки и писал книгу о соколиной охоте, и даже задолго до этого в Азии она уже сложилась как форма культуры. В эти эпохи в азиатских бескрайних степях, жарких пустынях, в зеленеющих весной предгорьях рождались новые государства. Рождались, чтобы неслыханно расцвести и исчезнуть так же неожиданно и бесследно. Каждое из них знаменовало новый пласт культуры, в которой воплощалось все лучшее, о чем думали и мечтали люди. И соколиная охота передавалась, как эстафета, от одного народа другому.

К сожалению, ушедшие эпохи оставили мало следов соколиной охоты азиатского средневековья. Как правило, упоминание о ней встречается лишь в связи с деяниями крупных личностей, владык и полководцев-завоевателей — счастливых избранников истории, а те области жизни, которые лежали между этими взлетами человеческой энергии и удачи, остаются почти неизвестными. Мы поразительно мало знаем о деталях соколиной охоты этих эпох. Она несомненно была в широком обиходе у степных кочевников-гуннов, последний предводитель которых Аттила, возглавивший в V веке сокрушительные походы в Европу, носил на щите в качестве царской эмблемы изображение белого кречета. Известно, что соколиной охотой занимались огузы, предки современных туркмен, жившие в VI-XI веках в Приаралье, а также уйгуры, народность тюркской группы, заселявшая в IX веке огромные территории в Средней Азии, Китае и Монголии. По всей вероятности, большой популярностью пользовалась она и у сельджуков, сменивших в Средней Азии уйгуров в X веке. Один из основателей Сельджукской династии носил имя Торгул, что в переводе означает «алтайский кречет». Последний султан из этой династии, умерший в 1194 году, тоже именовался «сокольничьим» именем Туганшах (Белый Ястреб).

Интересные сведения об охоте на южном побережье Каспия, в государстве Саманидов, содержатся в памятнике таджикско-персидской литературы «Кабус-Наме», написанном на языке фарси в 1032—1083 годах. Автор,

Унсур аль Маали Кайкавус, в главе «Относительно охоты» повествует о том, что верховая охота с соколом или гепардом была привилегией знати. Он пишет: «Когда охотишься с соколом, то цари поступают двояко: цари Хордсана не пускают сокола с руки, у царей же Ирака обычай такой, что пускают они его собственной рукой. И то и другое можно, ибо если ты не будешь царем, как хочешь, так и делай, а будешь царем и захочешь пускать сам, то и это тоже можно. Только ни одного сокола не пускай больше одного раза, ибо царям не годится пускать сокола два раза. Пусти один раз и смотри, возьмет он дичь или нет, а потом бери другого, а того пусть разыщет сокольничий. Ведь целью царя на охоте должно быть развлечение, а не добывание пищи».

Для уйгуров, сельджуков и других тюркских народов, населявших Среднюю Азию в IX-XI веках, соколиная охота была прежде всего промыслом. С ловчими птицами, беркутами, ястребами и соколами, добывались животные величиной до джейрана, сайгака и волка, не говоря уже о зайцах, лисицах и различных видах птиц. Конечно, параллельно этому развивалась и чисто спортивная, развлекательная охота, которая стала уделом богатой знати. Позже, когда на территорию современной Средней Азии хлынули полчища воинственных монгольских народов, соколиная охота получила также статус военных упражнений, воинской подготовки. В те времена сложилась даже поговорка: «Соколиная охота — сестра войны».

Одним из наиболее удивительных феноменов средневековой Азии является Чингисхан (1155 — 1227). Он был не только великим государственным деятелем и полководцем, но и крупным специалистом по соколиной охоте, ее знатоком и ценителем, поставившим дело на государственный уровень. В этом отношении он напоминает Фридриха И, с которым, как это ни странно, жил в одно и то же время. Так необычно и неожиданно перекликается история далеких друг от друга, совсем разных стран.

Естественно, что Чингисхан не оставил, подобно Фридриху II, после себя книги. Скудные сведения о его деятельности в области организации соколиной охоты содержатся, однако, в жизнеописаниях, биографиях, принадлежащих современникам — путешественникам и придворным летописцам. Известно, что соколиная охота при Чингисхане была тесно связана с войсковой структурой, которая и придавала монолитность войску, ставшему в те времена непобедимым. Сам Чингисхан охотился с белыми кречетами, которых получал в виде подарков или дани. Основной же ловчей птицей были, вероятно, балобаны, в изобилии населявшие степные районы Азии. Техника самой охоты монголов, по-видимому, ничем не отличалась от той, что была в Европе.

Хорошими сокольниками были и сыновья Чингисхана, Джагатай и Октай, которые, по преданию, еженедельно посылали в Самарканд для разда-

чи народу по пятьдесят верблюдов, гружённых добытыми лебедями. Охотились Джагатай и Октай тоже с кречетами. Это предание, помимо прочего, свидетельствует об изобилии дичи в окрестностях Самарканда, то есть в местах, в настоящее время для охоты абсолютно мертвых. После смерти Чингисхана в 1227 году и после распада его гигантской империи соколиная охота надолго сохранялась в тех местах, куда ее впервые занесли войны великого завоевателя.

Традиции соколиной охоты Чингисхана и его сыновей продолжил внук Чингисхана Хубилай (1216-1294), пятый и последний монгольский Великий хан. Он захватил большую часть территории Китая и стал основателем династи Юань. По словам Марко Поло, итальянского путешественника, который долгое время служил у Хубилая, «татары имеют лучших соколов в мире и лучших борзых собак». Он рассказывает о громадной псарне («собачий город»), где были многие тысячи борзых.

В XIV веке Средняя Азия стала свидетелем и участником рождения второго феномена — Тимура, или как его называют на Западе, Тамерлана (1336—1405). Происходя из тюркизированного монгольского племени и не будучи Чингисидом в прямом значении (он породнился с потомками Чингисхана через женитьбу), Тимур носил титул эмира и создал огромную империю, охватывавшую помимо Средней Азии также Закавказье, часть Персии и Индии, которыми он правил от лица потомков Чингиса.

Как и Чингисхан, Тимур был не только великим полководцем, но и крупным знатоком соколиной охоты, которую последовательно распространял и поддерживал в захваченных им странах. Особенно он любил охоту с алтайскими кречетами. В истории Тимура, написанной его современником Али Шереффеддином, рассказывается, что в перерывах между походами Тимур в начале зимы отправлялся из своей столицы Самарканда на охоту в Бухару, где на озерах и болотах скапливалась масса водоплавающей дичи, в том числе лебедей. Сам Тимур со свитой выбирал подходящее место и ждал, пока многие десятки загонщиков с помощью барабанного боя поднимали птицу с воды. Здесь-то и напускал своих кречетов. В настоящее время озер этих не осталось и в помине.

Интересно, что большим любителем и знатоком соколиной охоты был современник и злейший враг Тимура турецкий султан Баязид I (1360—1403), прозванный Молниеносным. Его охотничий двор обслуживали 6 тысяч сокольников и 7 тысяч псарей. Ни один европейский король не мечтал о такой роскоши.

Эстафету соколиной охоты в Средней Азии в XV—XVI веках принял потомок Тимура Бабур (1483—1530), падишах Индии, основатель династии Великих Моголов. Его государство включало ряд районов Средней

Азии, современную территорию Афганистана и часть Индии. Столицей империи был Кабул. Будучи убежденным сокольником, Бабур брал своих ловчих птиц в военные походы и пользовался, как гласит молва, каждым подходящим случаем, чтобы испробовать их в новом месте и по необычной дичи. Однако излюбленным его занятием была охота на фазанов с ястребом-тетеревятником.

К сожалению, практически нет сколько-нибудь подробных данных о соколиной охоте в Персии, одной из древнейших «соколиных» держав. Лишь путешественник Адам Олеарий, посещавший ее в середине XVII века и бывший гостем шаха, упоминает, что у того было около 800 соколов. Однако из описания этого не ясно, идет ли речь действительно о соколах или о ловчих птицах вообще. Судя по всему, последнее ближе к истине.

Азиатский континент, будучи родиной соколиной охоты, тем не менее не давал таких ее бурных вспышек, как Европа в XVI-XVII веках. Никогда в Азии не происходило такой исключительной «аристократизации» соколиной охоты, декларируемой законодательными актами. Она всегда существовала как бы в двух планах: и как привилегия знати, и как промысел для простых людей — крестьян, ремесленников, мелких чиновников, торговцев. В первом случае главными ловчими птицами были крупные соколы, чаше всего балобаны, реже кречеты, сапсаны, шахины, во втором — ястребы: тетеревятники и перепелятники. Вместе с тем обе группы охотников объединяла в известной мере спортивная сторона охоты, азарт и искренняя привязанность к ее традициям. Все это обеспечивало значительно большую, нежели в Европе, устойчивость соколиной охоты, в известном смысле народность, ставившую ее вне зависимости от политических и военных катаклизмов. Поэтому и такого резкого разрушения, как в Европе, она не претерпела даже с приходом охотничьего ружья.

Изучение литературных памятников и старинных миниатюр показывает, что на просторах Средней и Центральной Азии все же выше ценились соколы, а в Афганистане, Индии, Персии — ястребы. По миниатюрам, иллюстрирующим мемуары Бабура (так называемые «Бабур-Наме»), видно, что даже придворная свита падишаха предпочитала тетеревятника. Еще в недавнем прошлом в Афганистане в ходу было такое изречение: «Тетеревятник — король, самец тетеревятника — министр, перепелятник — принц, сокол (балобан) — солдат». Любопытно, что охотник с ястребом на руке освобождался от оплаты любых транспортных средств.

Предпочтение сокола или ястреба прямо связано с общим обликом наиболее характерных ландшафтов: в открытых степных местностях сокол был наиболее удачлив, в речных долинах с тугаями или в сильно «закустаренных» местностях более эффективным оказывался ястреб. Такая же за-

кономерность прослеживается в Средней и Малой Азии и в значительно более позднее время.

Особую роль играла охота с беркутом, которая была уже практически настоящим промыслом. Есть основания предполагать, что по времени возникновения она даже значительно древнее охоты с другими ловчими птицами. Охота с беркутом была наиболее популярна в открытых степных районах, прилежащих к горам, где пастухи-кочевники добывали птиц для обучения. Изначально основные объекты охоты с беркутом — степные и пустынные копытные (сайгак, джейран), которых добывали на мясо. Позже спектр объектов расширился, и с беркутом стали также охотиться на волков, лисиц, зайцев. О древности этой охоты говорит прежде всего то обстоятельство, что она формировалась, по-видимому, параллельно с выведением особой группы борзых собак — среднеазиатских тазы и тайганов, следы происхождения которых уходят своими корнями в необозримо далекие времена. Конная охота с комбинацией борзых и беркутов, по мнению некоторых специалистов, была наиболее древней, в каком-то смысле примитивной по происхождению, но не по технике, ибо дрессировка птиц для такой охоты требовала особой виртуозности от их владельцев. Существовали, да и сейчас еще кое-где сохранились, специальные приемы такой дрессировки. Путешественники-европейцы далекого прошлого свидетельствуют, что первым этапом подготовки беркута было приучение его садиться на отрезанную голову сайгака и рвать мясо. На втором этапе птице предлагали брать живого сайгачонка, и уж затем ее пробовали на взрослой антилопе. Совместное использование борзых и беркутов (что требует особой дополнительной тренировки) делало охоту по-настоящему высокопродуктивной. Сейчас, насколько нам известно, этот метод используется только в Туркмении, в глубинных Каракумах, где с борзыми-тазы и балобаном охотятся на зайца-толая. Надо полагать, туркменские охотники — хранители особых, наиболее древних традиций.

Вереница дат, имен, названий народов и стран, исторических фактов, которая прошла перед читаталем, вполне может внести некоторую путаницу в его представление о времени и месте возникновения соколиной охоты. Поэтому мы решили сделать что-то вроде краткого резюме, изложить свою точку зрения на этот счет. Оказалось, однако, что даже у нас, двух авторов, она не совпадает, может быть, в этом и нет ничего удивительного. Ведь в мире действительно существуют, как уже говорилось, две основные точ-

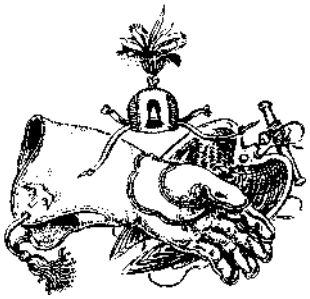
ки зрения на возникновение соколиной охоты, и каждая из них имеет своих последователей. Первая точка зрения: соколиная охота возникла неодновременно в различных частях нашей планеты, на разных континентах (полифилетическое происхождение). Другая: соколиная охота — достояние какого-то одного региона планеты, какого-то географического центра, то есть имеет монофилетическое происхождение. Кто прав?

Изначально соколиная охота, несомненно, возникла и развивалась как чисто материальная культура того же общего порядка, как земледелие, животноводство или охота вообще (сети, капканы, ловчие ямы, лук и стрелы). Как известно, все эти культуры имеют, по-видимому, полифилетическое происхождение (как и сам человек, в конце концов). Далее, древнейшие материальные памятники соколиной охоты, о которых мы говорили ранее, имеют очень широкую географическую привязку, даже в пределах Азии — от Китая и Японии до современной территории Ирака и Турции. Да и более позднее распространение соколиной охоты охватывает Европу, Северную Африку, гигантские территории Центральной, Средней и Малой Азии, Дальнего Востока. Спорадичность же, случайность достоверных находок материальных памятников соколиной охоты и отсутствие их в промежуточных районах или разновременность их происхождения еще ни о чем не говорит. Это может быть следствием отсутствия в этих регионах письменности или других форм закрепления древней культуры, ведь не все же народы умели рисовать фрески, выкладывать мозаику, тесать барельефы на камне. Как известно, отсутствие доказательств не есть доказательство. Поэтому тезис о полифилетическом возникновении соколиной охоты пока не может быть отброшен.

С другой стороны, все территории планеты, где с давних времен процветает соколиная охота, географически все же в значительной мере связаны, между ними нет непереходимых барьеров. В Центральной Африке, Америке, Австралии соколиной охоты определенно никогда не было. Гигантские по масштабам миграции народов Азии, дальние военные походы, торговые и политические связи, наконец, вполне могли при соответствующих благоприятных условиях обеспечить широкую «транспортировку» соколиной охоты из какого-то единого центра на громадные расстояния. По мнению сторонников монофилетической теории, кроме того, строго специализированная соколиная охота, которая может быть связана только с определенным типом ландшафта, о чем мы рассказали ранее, в принципе вообще несравнима с такими многофакторными материальными культурами, как животноводство или земледелие. И, наконец, главный козырь — сложная амуниция ловчих птиц (клобучки, бубенцы, опутенки, должик и другие предметы), не менее сложные способы их обучения, сама техника

охоты показывают такое удивительное единство, сходство, практически идентичность на громадных территориях и отрезках времени, что это почти убеждает в единстве их происхождения, в существовании единого центра происхождения. Относительно конкретного места расположения такого центра также имеется несколько суждений, но мнение о том, что он был в степных районах Азии не оспаривается никем.

Мы предлагаем читателю взвесить и оценить все «за» и «против» каждой из этих гипотез и сделать выводы самостоятельно. За собой мы оставляем право наблюдателей, но не судей.



«Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лёт...»

«Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча...» — эти по-настоящему поэтические слова взяты из замечательного документа «Урядник сокольничьего пути», живого и самобытного памятника соколиной охоты в России, свидетельства расцвета этой охоты в середине XVII века. Соколиная охота в России — совершенно особое явление, совершенно особая глава в истории этой формы мировой культуры.

ИСТОКИ

Соколиная охота с ловчими птицами в нашем Отечестве имеет древнюю историю, и корни ее на Руси следует искать вероятно, в глубине VIII-IX веков, задолго до того, как в Европе родился Фридрих Гогенштауфен, а в Азии — Чингисхан. К сожалению, документальных свидетельств этого самого раннего периода, за небольшими исключениями, не сохранилось.

Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что в обиход восточных славянских племен соколиная охота пришла от их южных соседей, и прежде всего от хазар, тюркоязычного кочевого народа, создавшего в V веке государство, границы которого охватывали современный Дагестан, Приазовье, Крым, Подонье, Нижнее Поволжье. Покоренные гуннами и ассимилировавшиеся с ними, хазары как самостоятельная общность существовали вплоть до X века, и, возможно, славяне издавна были связаны с ними политическими, торговыми, а подчас и военными отношениями. Есть основания считать, что если соколиную охоту к хазарам занесли гунны, то от них она перешла уже к восточным славянам где-то на рубеже IX века. Во всяком случае именно в конце этого века, согласно преданиям, первым на Руси построил в Киеве соколий двор древнерусский князь Олег, умерший в 912 году. Интересно, что сам Олег, видимо, не был большим охотником. Но, несомненно, еще задолго до появления княжеского сокольего двора ловчих птиц начали использовать для охоты «простые» люди, для которых добывание гусей, лебедей и уток, вероятно, было важным подспорьем в их повседневной жизни.

Преемник Олега, князь Игорь Рюрикович, княживший в 912 — 945 годах, как и его сын Святослав Игоревич (957—972 годы правления), был и выдающимся охотниками, посвящавшими охоте все свободное время. Однако главной добычей их была крупная дичь — вепри, олени, лоси, медведи, а о соколиной охоте ни в каких документах той эпохи не упоминается. Сын Святослава, знаменитый Владимир Красное Солнышко (или Владимир Святой), в период правления которого (980 —1015) произошло крещение Руси, в соответствии с былинным эпосом тоже был знаменитым охотником, причем в двух былинах (об Илье Муромце и о Чуриле Пленковиче) имеются эпизоды, прямо связанные с соколиной охотой. Вместе с тем в летописях тех времен охотничьи подвиги великого князя Владимира отражения никакого не нашли; возможно, что столь важное событие, как крещение Руси, «забило» в летописях все остальное. А может быть, этот мягкий по характеру князь действительно был чужд охоте. Нет сомнения, однако, в том, что соколиная охота все это время существовала, хотя, вероятно, все же по сравнению с охотой на крупного зверя имела второстепенное значение. Тем не менее сын Владимира князь Ярослав Мудрый (время правления—1019—1054) издал первые законодательные акты, регламентирующие соколиную охоту. В этом законодательстве, между прочим, укреплялась частная собственность на ловчих птиц и предусматривалось наказание большим штрафом кражи соколов. Как и Олег, Ярослав не очень любил охоту. Будучи физически слабым, хромым, он предпочитал ей рыбную ловлю на «удицу». Однако соколиная охота к тому времени вышла уже на столь высокий уровень, захватила так много сторон общественной жизни, что возникла необходимость ее правовой регламентации.

Ярослав Мудрый известен как строитель Софийского собора в Киеве, воздвигнутого в честь победы над печенегами. Во внутреннем убранстве собора есть замечательные фрески, изображающие различные бытовые сцены того времени. Среди них привлекает внимание несколько фресок, запечатлевших сцены охоты на кабана, медведя, оленя. Но самое интересное для нас — это фреска, где изображен ястреб-тетеревятник, атакующий зайца. Рисунок заметно стилизован, но узнать и хищника, и добычу не представляет труда. Правда, ястреб показан без всякой охотничьей амуниции, как, впрочем, и на двух других фресках, где изображения спокойно сидящих ястребов просто помещены в овале или круге. Несмотря на отсутствие амуниции, эта фреска в сочетании с другими может трактоваться только как сцена охоты с ловчими птицами. Насколько нам известно, это первое в русском искусстве изображение подобного сюжета.

Сын Ярослава Мудрого, великий князь Всеволод I, имел охотничий Красный двор на берегу Днепра, один из участков которого назывался Соколий Рог. Это было довольно обширное пространство, изрытое оврагами и лишь

кое-где покрытое деревьями. Местность была благоприятна для охоты с ловчими птицами, откуда и произошло название. Вероятно, при Всеволоде, да и позже, там также содержали и обучали соколов и ястребов.

Как замечательный, выдающийся охотник прославился великий князь Владимир Мономах (1053—1125), внук Ярослава Мудрого, человек безмерного мужества и силы. Хотя он, как и многие его предшественники-князья, охотился преимущественно на крупную дичь, в том числе на живших еще тогда диких быков-туров («Тура мя два метала на розех и с конем», — как пишет об этом Мономах в своем знаменитом «Завещании потомкам»), он держал также ловчих соколов и ястребов, уделяя им особое внимание в «Завещании» («и в ловчих ловчий наряд держал, и в конюхах, и о соколах, и о ястребах...»).

Летописные свидетельства много позже неоднократно возвращаются к упоминанию соколиной охоты как важной черты повседневного быта русских князей. Ее безоглядно любили и князь Святослав Северский, и его сын князь Игорь, невольно «прославившийся» неудачным походом на половцев в 1185 году, воспетым в «Слове о полку Игореве». Летопись утверждает, что даже в плену князь не изменил своей привязанности и охотился с ястребами («Половцы волю ему даяхуть, где хочет, ту ездяшеть и ястребом ловяшеть»).

С переходом в XIV веке централизованной власти к Москве меняется вся постановка охоты, в том числе и соколиной. Первые московские князья не были охотниками и в этом отношении не шли ни в какое сравнение с богатырями-князьями южной Руси. На протяжении XII-XV веков в московских летописях охота как княжеская забава как бы отсутствует. Как пишет В.О. Ключевский, скопидомство было основной чертой москвичей, и все, что их интересовало в охоте, — это возможности поживиться. Поэтому Иван III, да и другие князья, в том числе и Дмитрий Донской, ревниво охраняют свои «сокольничьи и ловчий пути». Лишь великий князь Василий III (Иванович) резко изменил отношение к охоте.

Однако ни в летописях, ни в свидетельствах европейцев, бывших при дворе Василия III, нет ни малейшего упоминания о соколиной охоте: князь всецело отдавался сражениям с медведями и травле зайцев с борзыми и гончими, хотя соколов у него было много.

После внезапной смерти Василия III в 1533 году власть унаследовал его трехлетний сын, впоследствии знаменитый Иван IV Грозный. В историческом плане фигура Ивана Грозного очень сложна, противоречива, и мы не будем останавливаться на анализе его личности и роли в истории. Как и отец, он любил охоту, но предпочитал ей травлю людей медведями. Не чужд он был и соколиной охоты, однако достоверных сведений об этом пристрастии царя крайне мало. Некоторый свет на отношение Ивана Грозного к охоте и ее состояние в те

времена проливает хорошо известная легенда о Святом Трифоне Сокольнике, использованная А.К. Толстым в его романе «Князь Серебряный».

Иван Грозный охотился однажды в богатых водоплавающей дичью угодьях около села Напрудного (сейчас это северная окраина Москвы). Во время охоты «отлетел» один из любимых белых кречетов царя, за которым ухаживал молодой сокольничий Трифон Патрикеев. Иван Грозный дал сокольничему три дня на розыск птицы, после чего Трифона ожидала смертная казнь. Можно представить себе его отчаяние. Все эти три дня сокольничий провел в Сокольническом лесу в поисках кречета, но никаких следов его не нашел. На третий день вечером, когда надежда покинула юношу, он присел на склоне холма у пруда и от усталости и отчаяния задремал. Во сне ему явился его покровитель Святой Трифон на белом коне и с белым кречетом на руке. Святой объявил сокольничему, что его кречет сидит на сосне в Мытищинской роще, неподалеку от пруда, где тот задремал. Пробудившийся Трифон отправился в указанное место, легко разыскал кречета и доставил его царю. В память чудесного избавления от смерти он построил на месте охоты сначала небольшую «обыденную» часовню, а позже — церковь. Такова легенда, отчетливо перекликающаяся с легендой VII века о фландрском сокольнике Бавоне, о которой мы уже рассказывали.

Эта небольшая церковь — очень интересная и своеобразная постройка, на фундаменте из дикого камня, со стенами из тесаного белого камня, новгородской архитектуры. На внутренней стене церкви была фреска, изображающая Святого Трифона. Святой представлен в виде юноши в зеленой рубашке и кирпично-красном, вьющемся позади плаще, на белом коне в пышной сбруе (это единственное изображение в виде всадника), на правой, отведенной назад руке юноши — распростерший крылья белый кречет. Трифон едет по зеленому склону, слева вдалеке — гора, справа — белый одноглавый храм. Фреска удивительно красива, необычна, несколько неожиданна по гамме красок, характерной для московской школы иконописи. В настоящее время она перенесена в Государственную Третьяковскую галерею, правда, хранится в «запаснике» и, к сожалению, недоступна обозрению.

Сама церковь несколько раз перестраивалась. В 1812 году французские солдаты похитили из нее утварь и золотые сосуды. Сейчас она реставрируется. Изучение церкви специалистами в последнее время показало, что на основе архитектурного и археологического анализа ее постройку следует датировать концом XV века, то есть задолго до Ивана Грозного. Это заставляет усомниться и в самой легенде, вернее, в связи истории сокольника Трифона с постройкой часовни и церкви. Известно, что предки сокольника, близкие к великому князю Ивану II, имели печати с изображением распростершего крылья кречета, а изображение всадника с ловчей птицей на руке встречается

ся на великокняжеских монетах. Вероятно, народная молва просто сместила во времени несколько разных событий. Тем не менее легенда красива и едва ли стоит вносить в нее научные коррективы. Очевидно, что легенда о Трифоне, действие которой разворачивается в XVI веке, удивительно соответствует по своей основе западноевропейской легенде о Бавоне, относящейся к VII веку. Но имеется и более раннее аналогичное сказание — их японский эквивалент. В известном литературном памятнике «Ямато-Моногатари» — сборнике танка (традиционных пятистиший) — приводится такая история.

Один из императоров, живших, вероятно, не позднее VII века, очень любил соколиную охоту. Был у него невиданно красивый и смышленый сокол. Имя ему дали Ивадэ — по названию уезда, где он был пойман. Император дорожил этой птицей и собственноручно пускал ее на охоту. Уход за соколом был доверен одному дайногону, сведущему в тонкостях соколиной охоты, и тот днем и ночью находился возле Ивадэ, занимался с ним, кормил его. И все же однажды (как уж это случилось?) сокол исчез. Дайногон был в крайнем замешательстве, повсюду искал его, но нигде не находил. Он посылал людей на поиски в горы, но птицы и там не было. Некоторое время дайногон не докладывал о пропаже, но император обычно каждые два-три дня наведывался взглянуть на любимца. Делать было нечего, и сокольник отправился во дворец. Пока он докладывал о пропаже, император не промолвил ни слова. «Может быть, он не расслышал», — подумал дайногон и повторил еще раз. Император лишь пристально глянул ему в лицо. Совсем потеряв голову от страха, дайногон решился сказать: «Я повсюду искал вашего сокола, но нигде не мог его обнаружить. Как же теперь быть? Соизволите хоть слово молвить!» И император произнес:

Думаю я в молчании,
Не в силах говорить.

Прекрасная история! Очень японская. Можно себе представить, какие бурные потоки клокотали в сердце императора. Жизнь сокольника могла оборваться по одному его движению, но что в смерти и что во всем прочем... Несравненный Ивадэ. Сокол...

Интересно, что в Великих Четьях-Минеях, повествующих о житиях святых мучеников, нет упоминания о какой бы то ни было связи Святого Трифона с соколиной охотой. Указано лишь, что в юности он пас гусей, что ему с детства была дарована сила чудотворная, что он известен многими чудесами, спасавшими людей от различных напастей. Точно так же, уже после кончины, вмешался он в судьбу молодого сокольника, спасши его от неминуемой смерти. Только после этого чуда его стали именовать Трифоном Сокольни-

ком, а изображать с соколом на руке. Впрочем, канон разрешает писать образ и без сокола. В Новодевичьем монастыре в Москве есть очень известная икона Святого Трифона, изображенного с белой птицей на левой руке. Трудно, однако, решить, кречет это или голубь. Хочется думать, что кречет.

Еще меньше известно об отношении к соколиной охоте Бориса Годунова. Имеется свидетельство англичанина Горсея, посетившего Москву, о том, что царь Борис пригласил его однажды на охоту «посмотреть, как кречеты гонятся на лету за журавлями, цаплями и дикими лебедями, по-царски забавляясь своими острыми когтями, но не думая рвать или убивать добычу». В этом высказывании так много непрофессионализма, что все оно в целом вызывает недоверие.

Есть зато вполне достоверные сведения о другом деятеле этой эпохи — боярине Федоре Романове-Захарьине, отце будущего царя Михаила Романова. Есть прекрасный портрет Федора Романова, принадлежащий кисти И.Е. Репина. Красавец, первый шеголь, прекрасный наездник и страстный любитель соколиной охоты, он был обвинен доносом в заговоре на Годунова, насильно пострижен в монахи и сослан в Антониев-Сийский монастырь под именем инока Филарета. Однако в монастыре Федор Романов не смирился. Приставленный к нему пристав Воейков в 1605 году так докладывал Годунову: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про птицы ловчие и про собаки...» Через одно поколение наследственность возьмет свое!

В летописях содержатся крайне отрывочные сведения о соколиной охоте Лжедмитрия и царя Василия Шуйского. Никаких деталей, к сожалению, нет, и, учитывая общий характер «смутного времени» и все сопутствующие ему обстоятельства, можно предполагать, что она в этот период была в полном забросе. Только воцарение сначала Михаила, а затем Алексея Романовых коренным образом изменило эту ситуацию и возвело царскую соколиную охоту в России на новую, необычайную высоту.

Летописи и другие старинные документы фиксируют преимущественно события главного порядка. Поэтому в них нет, да и не могло быть, описания быта крестьян и прочего простого люда. Охота с ловчими птицами, в первую очередь с ястребами, несомненно, была повседневным занятием этих людей, промыслом, а в отдельных случаях и средством к жизни. Несомненно также, что государственные катаклизмы, принося разорение народу, не могли отразиться на промысловой охоте с ловчими птицами так губительно, как это было в отношении царской охоты. На огромных просторах Российской империи промысловая охота с ловчими птицами конечно же продолжала существовать. Но, к сожалению, нам о ней, о ее географии, формах, традициях—ничего не известно.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

Не уделяя большого внимания соколиной охоте, московские правители «доромановского» периода XIV—XV веков тем не менее отлично знали цену ловчим птицам и с успехом использовали соколов, особенно кречетов, в качестве «дипломатического оружия» при установлении связей и контактов с чужеземными странами. Использовались ловчие птицы и как подарки или награды также «своим» людям в пределах России.

Еще в XIV веке ханы Золотой Орды получали от русских князей ловчих птиц в счет дани, причем в довольно значительных количествах. Позже, в 1468 году, замечательный русский землепроходец Афанасий Никитин в своей известной книге об Индии писал: «Яз ждал Новегороде две недели посла татарского Ширваншина Асанбекова, а ехала с кречеты от великого князя Ивана, а кречетов у него 90». В 1491 году Иван III заключил с крымским ханом Менгли-Гиреем договор, в который был включен пункт о поставке русскими кречетов в ханскую сокольню. В 1504 году Иван III послал восемь кречетов своей дочери Елене, которая была замужем за великим князем Литовским Александром. В том же году шесть кречетов было послано с кречетником Гардингером австрийскому императору Максимилиану. При посещении Иваном III Новгорода в 1476—1477 годах новгородцы преподнесли ему среди прочих даров семь кречетов и одного сапсана. Поскольку подношение было очень дорогим (золото, серебро, деньги, вина, заграничное сукно, кони), очевидно, что кречеты ценились достаточно высоко. Известно, что Василий III посылал кречетов крымскому хану Саик-Гирею. При Иване Грозном кречетов также посылали в Англию в подарок королеве Елизавете. На просьбу Стефана Батория о присылке ему белых кречетов Грозный ответил, однако, отказом, мотивируя его отсутствием хороших птиц («были прежде у меня кречеты добрые, да поизвелись...»). Это вызвало крайнее недовольство польского короля.

Несколько забегая вперед, укажем, что и первые Романовы, взойдя на престол в 1613 году, активно продолжали традиции, заложенные их предшественниками. Трудное положение Московского государства в начале и середине XVII века вызвало усиление дипломатической деятельности, и подношения драгоценных кречетов и сапсанов стали применяться даже значительно чаще. Так, ловчие птицы регулярно посылались в Турцию, Персию, Крым, реже и более эпизодически — в Англию, Польшу, Данию, Грузию, хивинскому хану, бухарскому эмиру, калмыцкому хану. Значение этих подарков было различным. Сильным государствам, способным на агрессивные действия против Москвы, посылались так называемые поминки — нечто вроде дани или взятки. Тем же, которые были в той или иной степени зависимы от воли

московских правителей, в знак благожелательности посылалось «государево жалование», то есть поощрительный подарок. Наконец, для улучшения отношений с государствами равной мощи и значения ловчих птиц отправляли в качестве даров. Посылки птиц в Турцию, Персию, Крым относились к первой категории, в Грузию и «в степь» — ко второй. Дары посылались в Англию, Данию, Польшу.

В первой половине XVII века турецкому султану в Константинополь ежегодно посылали по двадцать кречетов и по пять ястребов, причем всех птиц в полном наряде, в дорогой амуниции, в сопровождении особого торжественного посольства. По мере улучшения международного положения России и укрепления ее позиций на Ближнем Востоке «поминки» султанам становились все скуднее, пока не прекратились вовсе. Однако в 1645 году к этому способу политического давления пришлось снова прибегнуть: в Константинополь было направлено посольство боярина Телепнева для улаживания недоразумений, связанных с захватом казаками Азова. В качестве подарка султану Ибрагиму посольство вручило двадцать шесть кречетов. Это, однако, были последние «поминки» туркам.

Регулярное отправление «поминок» в Крым длилось с 1615 по 1670 год. Самому Крымскому хану слали ежегодно по пять кречетов и по два ястреба, а его главному министру («калге») — по два кречета и по одному ястребу.

Персидскому шаху кречетов посылал еще Борис Годунов, а затем «поминки» отправляли до середины XVII века. Привозимые из Москвы кречеты считались у персов, по свидетельствам очевидцев-путешественников, лучшими ловчими птицами и ценились необычайно высоко. Интересно, что если по пути из Москвы в Тегеран какая-нибудь птица гибла, то посольство все же передавало шаху голову и крылья умершего кречета. Каждый раз отправлялось по 28 кречетов и по 2 ястреба-тетеревятника, причем все в полной богатой амуниции. Среди посылаемых кречетов обязательно должны были быть несколько белых и вдобавок еще так называемый почетный кречет («честник») — белый кречет (естественно, самка) в наряде, украшенном золотым шитьем и драгоценными камнями. Естественно, что посылка таких ценных даров способствовала решению даже самых щекотливых и сложных вопросов.

В Бухару кречетов посылали лишь дважды, в 1622 и 1675 годах. Хивинскому хану Исфендиару в Ургенч только в 1641 году был послан кречет в полном наряде. Калмыцкий хан в 1660 году получил трех кречетов — Москва старалась настроить хана против Польши и спровоцировать нападение на Крым. В Грузию царю Теймуразу по три-десять кречетов слали по разным поводам несколько раз в период между 1637 и 1660 годами.

В Данию кречетов отправляли в 1663 году. Их везли царские послы, выполнявшие щекотливую миссию — необходимо было ликвидировать трения,

возникшие в связи с отступлением России от выполнения обязательств, принятых в договоре о военной взаимопомощи. Благодаря ценному подарку датчане пошли на уступки. И, как говорят сейчас, «вопрос был решен положительно». В 1664 году пять или шесть кречетов было отправлено в Польшу. В Англию кречетов посылали дважды — в 1618 и 1662 годах, причем англичане, не видевшие ранее сибирских птиц, пришли в восторг и объявили их лучшими в мире. Во второй раз, в 1662 году, русские послы князь Петр Прозоровский и дворянин Иван Желябужский передали от русского царя английскому королю Карлу II богатый подарок ко дню бракосочетания. Этот подарок, имевший несомненно политическую подоплеку, состоял из восьми кречетов, двух сапсанов и пяти ястребов-тетеревятников.

В 1675 году посол Николай Спафарий, посланный в Пекин и ехавший через Сибирь, вез в подарок китайскому богдыхану несколько отборных кречетов. Посылки ловчих птиц за рубежи России в качестве подарков осуществлялись обычно специальными посольствами и лишь в редких случаях доверялись купцам («гостям»).

Естественно, что при таком спросе кречетов постоянно не хватало. Кроме того, с юга, особенно из Крыма, к царю постоянно шли просьбы о присылке или разрешение на покупку ловчих птиц. Поэтому требовался хорошо отлаженный отлов кречетов и других ловчих птиц, причем отлов не только централизованный, но и достаточно надежно регулируемый. Неудивительно, что добывание ловчих птиц на Руси с древних времен сложилось в строгую систему, в особый промысел, хорошо оснащенный и имеющий глубокие традиции.

«УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ»

Михаил Романов вступил на престол в 1613 году. Среди задач, которые молодой царь поставил перед собой и целью которых была ликвидация последствий «смутного времени», значилось и восстановление охоты как одного из важных проявлений государственного уклада. Михаил во многом преуспел, выполняя эту задачу, однако его, как и многих предшественников, в большей мере интересовала охота на медведей. Тем не менее он организовал отлов и доставку кречетов. Известно также, что он неоднократно охотился с ловчими птицами, причем всегда в компании с сыном Алексеем, своим наследником. Это свидетельство говорит о том, что ловчие птицы в царской охоте уже были, но принадлежали они, по-видимому, царевичу.

После смерти Михаила в 1643 году трон занял Алексей Михайлович. По свидетельствам историков охоты, он был самым замечательным, единственным в своем роде царем-охотником. В охоте он искал эстетическое удов-

летворение, жил охотой. Вместе с тем человеком он был сложным и, стараясь не порвать со стариной, в то же время делал первые шаги для сближения с Западом. В.О. Ключевский так описывает его характер: «Древнерусская набожность (царя) имела довольно ограниченное поле действия, поддерживала религиозное чувство, но слабо сдерживала волю. От природы живой, впечатлительный и подвижный, Алексей страдал вспыльчивостью, легко терял самообладание и давал излишний простор языку и рукам». Остается, правда, совершенно непонятным, почему Ключевский, так тщательно изучивший и описавший характер царя, ни разу не упоминает о его охотничьей страсти.

К птицам Алексей был неравнодушен с самого раннего детства и еще ребенком держал в клетках чечеток, воробьев и другую птичью мелочь. Начала соколиной охоты Алексей познал под руководством своего «дядьки» (воспитателя), боярина Морозова, у которого был собственный «соколиный двор». Боярин Морозов даже устраивал что-то вроде состязаний, в которых показывали свое искусство русские и иностранные сокольники, приглашенные из голштинского посольства. Летописи умалчивают о результатах этих состязаний. А жаль!

Алексей Михайлович был разносторонним охотником. В ранней молодости он с равным удовольствием ходил на медведя, тешился кабаньей и заячьей охотой, не забывая, естественно, и ловчих птиц. Однако постепенно соколиная охота вытеснила все остальные, и в зрелом возрасте он целиком переключается на ловчих птиц. Среди царского окружения он подобрал себе верных и надежных помощников, хорошо знакомых ему еще с детства, — его сверстников, боярских детей Афанасия Матюшкина и Василия Голохватова, которым полностью вверил все непосредственное ведение большого и капризного соколиного хозяйства. Он не ошибся в выборе, и кречеты его всегда были в полном порядке. Надо сказать, что и сам Алексей Михайлович очень внимательно и вдумчиво подходил ко всем сторонам соколиной охоты: он внимательно изучал каждого сокола, отмечал отличительные черты в приемах охоты и даже мог оценить свойства и качества птицы задолго до того, как она сама их показывала в работе. На охотах он отмечал и записывал, сколько ставок делал каждый сокол и какой «верх» брал (то есть насколько поднимался вверх для атаки). Удивительно его внимание к птицам, поступающим в «кречатню» (так стали в XVII веке называть сокольи дворы). Алексей Михайлович сам давал имена новым соколам, указывал, как их учить и применяться к индивидуальным свойствам каждой птицы. Он был постоянно в курсе всех событий в кречатне, поддерживал дисциплину среди многочисленной ее обслуги, щедро одаривая прилежных деньгами и одеждой и так же щедро наказывая батогами и плетьми провинившихся. Он писал Афанасию Матюшкину: «А будет вашим небрежением Адарь, или Мурат, или Булат, или Стреляй, или Лихач, или Салтан ум-

рут, и вы меня и не встречайте», то есть готовьтесь к опале. Сейчас-то мы хорошо знаем, как непросто было избежать опалы: соколы гибнут сравнительно часто. Находясь в отъезде или походе, царь постоянно письменно запрашивал помощников о здоровье птиц, а если те заболевали, то чем и как их лечат. Пожалуй, так не заботился он даже о своей семье.

На охоту с птицами царь выезжал часто, с весны до осени, в среднем через день, а иногда и по два раза на дню, когда погода особенно располагала к охоте. На охоту выезжали рано поутру, на восходе солнца, или после раннего завтрака, но чаще «до и после столового кушанья», то есть после полудня. Любимых мест царской охоты с соколами было несколько. Особой любовью Алексея Михайловича пользовалось село Коломенское, древняя вотчина московских князей, расположенная на высоком берегу Москвы-реки. Останавливался царь во дворце, а охотился на низком противоположном берегу. Эта местность представляла собой одну из самых красивых московских окрестностей, а для соколиной охоты — самую удобную из-за обилия заливных лугов. В апреле, во время половодья, здесь останавливалось огромное количество водоплавающей птицы, и поэтому ранней весной охоты здесь устраивались особенно часто. В Коломенском располагалась одна из двух царских кречатен, что также определяло привязанность Алексея Михайловича к этим местам.

Сейчас Коломенский дворец, сохранившийся довольно хорошо (держится и Соколья башня), объявлен памятником культуры и реставрируется. Странно и тревожно стоять сейчас над крутым спуском к Москве-реке и смотреть на расстилающиеся на противоположной стороне ее луга. Так и видишь завораживающую картину: верховых в ярких красных, синих, желтых кафтанах, в высоких меховых шапках, скачущих среди многочисленных озерков, брызги воды, летящие из-под конских копыт, и белых стремительных птиц, набирающих высоту и молниеносно бросающихся вниз на поднимающихся с воды бесчисленных уток, цапель, лебедей. Точно слышишь издалека азартные крики охотников, подбадривающих царских кречетов. И все новые и новые крылатые стрелы, белые, серые, срывающиеся с расписных перчаток сокольников и уносящиеся вверх, к светлому, солнечному небу... Но нет уже ничего этого, застраиваются последние куски лугов, чернеют картофельные огороды с кривыми заборами, а небо сплошь расчерчено линиями электропередачи... А по территории дворца, ахая и что-то бурно обсуждая, снуют толпы иностранных туристов...

Реже посещал Алексей Михайлович другие охотничьи владения — села Измайлово, Семеновское, Покровское, Хорошево. В селе Измайлово (ныне сохранился Измайловский лесопарк, где ранее был «зверинец», то есть держали зверей для садок) условия для охоты были менее благоприятны, но царь имел там хозяйственный хутор, который любил показывать иностранцам. Близ села

Семеновского, где располагалась вторая царская кречатня, на озерах и прудах за счет царской казны прикармливали диких уток, которых нередко и ловили соколами. В Сокольницах, или Сокольничьем поле, жили царские сокольники и вынашивались ловчие птицы.

Выезды царя на обычную охоту совершались довольно скромно, просто, буднично, без парадности. Царя сопровождали только люди, непосредственно занятые охотой, в основном верховые сокольники. Но в тех случаях, когда охота устраивалась для всей царской семьи или в ней принимали участие знатные иностранцы, поездки были пышные, многолюдные и шумные, с большими церемониями. На охоту выезжали в каретах, в сопровождении бояр, окольничих, думных дворян, стольников, среди которых истинные охотники как бы стушёвывались. Участвовали в таких выездах и женщины — приближенные царицы.

Собак при охоте с ловчими птицами при Алексее Михайловиче не использовали, да такие породы и не были тогда известны на Руси. Но к выбору лошадей относились с большой серьезностью. Настоящих охотничьих лошадей приводили из Ногайских степей, где специальные люди закупали их целыми партиями по пять-шесть тысяч. Из этих табунов царь сам отбирал лошадей для себя и сокольников.

Алексей Михайлович охотился почти исключительно с крупными соколами, среди которых кречеты, несомненно, занимали ведущее положение. По свидетельству многочисленных иностранцев, на царской кречатне были самые лучшие в мире кречеты. По географическому принципу они делились на холмогорских и сибирских. Кречеты были разных мастей — «красные» (белые), «подкрасные» (полубелые), «крапленые» (с серым верхом и темными пестриками на белой груди), «серые» и «цветные» (?). Среди них были «дикомыты», то есть кречеты, перелинявшие («помытившиеся») во взрослый наряд еще на свободе, и «молодики» (сеголетки), которые делились на две категории — гнездарей, взятых непосредственно из гнезда еще птенцами, и слетков, уже покинувших гнездо и летающих с родителями. Дикомыты вынашивались значительно труднее, зато были сильнее и быстрее воспитанных человеком молодиков, которые, однако же, по причине легкой дрессировки все же предпочитались. Самки были дороже самцов («челигов») из-за более крупных размеров.

Комплектование и пополнение ловчих кречетов в царской кречатне — дело достаточно сложное, его организации и Михаил Федорович, и Алексей Михайлович отдали много сил. Собственно говоря, сам промысел кречетов существовал издавна, с появления первых русских князей-охотников, однако Романовы во многом его усовершенствовали и поставили под строгий контроль.

Несколько меньшей популярностью пользовались сапсаны, хотя их тоже было довольно много. Интересно, что ни в одном документе не упоминается балобан, бывший в те времена достаточно заметной фигурой в соколиной охоте других стран. Может быть, балобаны проходили как кречеты?

Помимо кречетов и сапсанов в царской кречатне содержались «дремлиги» (дербники), кобчики, ястребы и, возможно, орлы. О последних, однако, есть только непрямое упоминание — в одной из описей фигурируют «орловые клобучки». Сами же птицы нигде не упоминаются.

Дербников использовали для охоты на мелкую птицу, в основном жаворонков, причем пускали сразу двух соколов, работавших дуэтом: одна птица била жаворонка сверху, а другая, нападая снизу, не давала ему сесть на землю. Хорошо поставленные дербники высоко ценились («Угодительна и потешна дремлигова перелазка и добыча»). Кобчик, как известно, загадочная птица: на воле ловит чудесно, будучи же пойман, быстро привыкает к человеку, но уже ничего не ловит. Тем не менее царские сокольники знали секреты, как обучить кобчика, и царь не раз любовался их полетом (полет, как он говорил, «добровиден»). Каких ястребов держал Алексей Михайлович, неизвестно, однако, вероятно, это были тетеревятники, так как есть указание на белых ястребов. Вообще ястребы были в некотором загоне.

Как упоминалось, у Алексея Михайловича было две кречатни, одна в Коломенском, а другая в Семеновском. Обслуживало их более трехсот сокольников. Коломенская кречатня была построена позже Семеновской, вероятно в 1650 году . Кречатни представляли собой особое помещение («сушило»), разделенное на чуланчики, где на особых колодках поодиночке сидели ловчие птицы. Помещение кречатни отапливалось, вход в него посторонним людям строжайше запрещался. На царских кречатнях господствовала железная дисциплина, и всякий недосмотр наказывался очень сурово. Ловчие птицы составляли «государеву заповедь», то есть монопольную царскую собственность, и продавать их частным лицам строго запрещалось. Сам же царь дарил иноГда кречетов своим приближенным боярам. Уход за ловчими птицами заключался в их регулярном кормлении, лечении заболевших и главным образом в вынашивании, систематическом приучении к охоте. Кормили ловчих птиц в определенные часы только самым свежим мясом (говядина, баранина), но в основном голубями, для чего содержался специальный «голубиный двор», где было свыше ста тысяч пар голубей. Голубей собирали у крестьян, несших «голубиную повинность», но обычно корма не хватало, и часть голубей прикупали.

Есть сведения, что в царских кречатнях содержалось до трех тысяч ловчих птиц*. Ежегодное поступление — около двухсот птиц. Подсчитано, что по курсу рубля на 1890 год затраты на прокорм птиц без учета стоимости пи-

тания и жалованья помытчиков (ловцов), содержания сокольников, покупки ловчих птиц, амуниции и других расходов составляли ежегодно 75 тысяч рублей. Цифра весьма и весьма значительная, даже для царской казны. Если бы не «голубиная повинность», такие расходы были бы и царю не по карману. Кречеты нередко заболевали, что всегда было чревато серьезными неприятностями для персонала кречатни. Чем они болели и как их лечили — неизвестно. Из переписки Алексея Михайловича с Матюшкиным можно понять, что основными медикаментами были «целебные» травы. В их силу и эффективность, однако, трудно поверить.

Обучение птиц охоте, вынашивание, строилось по той же принципиальной схеме, по которой работали сокольники Фридриха II Гогенштауфена и которая действует по сей день. Несомненно, традиции эти несоизмеримо старше и превратились давно уже в незыблемые каноны, в равной мере обязательные для вынашивания птиц во всем мире. Естественно, однако, что каждому веку и даже каждой местности свойственны некоторые особые тонкости, отличительные детали. Были такие детали и в кречатнях Алексея Михайловича.

Прежде всего, заслуживает внимания тот факт, что Алексей Михайлович лично следил почти за каждой птицей и давал письменные советы, если был в отъезде. Мы уже говорили, что у царя был необыкновенно верный глаз и он сразу как бы видел психическую организацию каждой птицы. Второй интересный момент — это притравка соколов на ослепленные жертвы («первослепы»). Такими жертвами были в первую очередь коршуны и «осорья» (болотные луни). Впоследствии эти виды становились регулярной дичью для выношенного таким способом кречета или сапсана. Наконец, еще одна интересная деталь. Прежде чем пускать сокола на вольную опасную и крупную птицу, его специально обучали справляться с нею. Для этого при кречатне держали множество цапель, журавлей, сарычей, коршунов, «осорий», «орлаков» (?). При первых напусках на цапель и журавлей царь обязательно присутствовал самолично и давал «ценные указания». Цаплям и журавлям поначалу на клюв надевали специальный футляр, потому что эти птицы могут очень и очень за себя постоять, причем в равной мере как в полете, так и на земле. Вспомните, что Фридрих Гогенштауфен помимо футляра обжигал огнем лучины журавлям еще и когти. Вообще Алексей Михайлович старался обязательно присутствовать при всех первых пробах новых кречетов, записывал число ставок (бросков на дичь) и радовался, если его предварительные оценки птицы оказывались верными.

Охотились в те времена на любую птицу, которую видели в воздухе. Помимо водоплавающей дичи (уток, гусей и лебедей) часто добычей сокола были цапли, коршуны, болотные луни, даже «чернь» (галки, грачи, вороны).

Редко, но попадали «на прицел» и журавли. Надо сказать, что тогда из цапель, журавлей и других птиц, мало съедобных с нашей точки зрения, умели готовить изысканные блюда, секрет которых утрачен навсегда.

Охота на водяную птицу проводилась по особым канонам. Царь верхами выезжал к озеру и занимал позицию, откуда мог наблюдать всю сцену охоты. Сокольники с птицами заезжали с другой стороны, пускали («откидывали») одного кречета, который на кругах набирал необходимую для атаки высоту. Как только кречет «стал в лету», то есть вышел на нужную высоту, к царю посылался гонец с докладом, после чего по знаку царя сокольники начинали бить в тулумбасы (бубны) и поднимать птицу с воды (точно так же в свое время охотился Тимур). Если первый кречет промахивался, пускали второго. При охоте на гусей предписывалась особая осторожность — когда сокол сбивал из стаи гуся и садился на него или боролся с ним на земле, остальные гуси могли броситься на сокола и сильно потрепать, если не убить совсем. Это было известно каждому сокольнику тех времен.

Амуниция ловчих птиц, или как ее еще называли, убор, бывала двух родов — полевая и парадная. Она, как и сейчас, состояла из клобучка, опутенок (или обносцев, ногавок, обножей), должика и колокольцев (подробнее мы остановимся на описании амуниции позже). В состав парадного убора входили еще нагрудник и нахвостник, имевшие чисто декоративное назначение. Полевая амуниция делалась из кожи и простой прочной материи без украшений, тогда как для изготовления парадной использовались сафьян, червленый бархат, шитые шелка, парча, а на отделку шли пряденые золотые и серебряные нити, жемчуг, а в отдельных случаях и драгоценные камни. Колокольца изготовлялись из меди, серебра и даже золота. Интересно, что жемчуг, которым очень часто обшивались различные детали кречетиного парадного наряда, никогда не использовался для украшения ястребов.

Все наряды ловчих птиц готовились в специальной государственной мастерской. Ценность наряда согласовывалась с достоинствами птицы, для которой он предназначался. Парадный убор царских кречетов поражал искусной работой, роскошью и удивительной гармонией цветов, он как нельзя лучше сочетался с блеском и красочностью торжественных парадных охот или смотров, на которых кречеты — царские любимцы — блистали золотом, серебром и драгоценными каменьями, поражая воображение иностранцев.

Первые Романовы значительно изменили саму организацию царской охоты в рамках обшей государственной системы. При Михаиле Федоровиче (и, видимо, еще раньше) вся царская охота состояла в ведении Конюшенного приказа. Она подразделялась на птичью, которой управлял сокольничий (при Михаиле сокольничим был думный дворянин Гаврила Пушкин), и зверовую, во главе которой стоял ловчий Московского пути. Около 1620 года обе эти

части были объединены и поставлены под начало ловчего Московского пути. Должность же сокольничего была упразднена. В царствование Алексея Михайловича, примерно с 1655 года, ловчим Московского пути стал уже знакомый нам стольник Афанасий Матюшкин, друг и единомышленник царя, который, таким образом, возглавил всю царскую охоту.

При Алексее Михайловиче был создан так называемый приказ тайных дел. Здесь были сосредоточены и разбирались под личным руководством самого царя государственные дела первой важности (посольские, военные) и дела, лично касавшиеся особы царя. Вот в этот-то приказ с пугающим названием и была переведена вся соколиная охота, которая, видимо, рассматривалась и как государственной важности дело, и как мотив, лично касающийся августейшей особы. Что ж, русские цари любили, умели и, главное, имели возможность пошутить. Зверовая же охота осталась в ведении Конюшенного приказа.

Очень пристально занимался Алексей Михайлович и внутренней реорганизацией системы и службы соколиной охоты. Он утверждает много новых должностей. В числе прочих им в 1650 году введена высокая должность подсокольничего, которую занял очень проверенный и сведущий дворянин Петр Хомяков.

Практическая организация соколиной охоты при Алексее Михайловиче заключалась в создании «статей» (что-то вроде отделов), по которым были расписаны все ловчие птицы. Во главе статьи стоял начальный сокольник, которому непосредственно подчинялись рядовые сокольники, кречатники, ястребники. Начальный сокольник нес ответственность за целость и здоровье всех царских ловчих птиц.

Упомянутый нами анонимный документ «Урядник сокольничьего пути» (точнее: «Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути»), написанный если не самим царем, то кем-то из его близких людей, но, несомненно, по его мысли и под его редакцией, как раз и представляет собой устав, кодекс сокольника и описание особого обряда, церемонии, посвященной переводу рядового сокольника в начальные сокольники. Впервые эта церемония была проведена при «пожаловании» рядового сокольника Ивана Ярыжкина в начальные. С тех пор обряд получил права гражданства и сопровождал все аналогичные передвижения по службе.

Церемония эта проводилась обязательно в присутствии царя, и праздничная торжественность подчеркивала значение этого события. Вновь назначенный начальный сокольник произносил особую клятву или присягу, его жаловали горностаевой шапкой, расшитой сокольничьей перчаткой, перевязью с сумкой-гамаюном и другими атрибутами сокольника, а также денежным подарком. Церемония заканчивалась торжественной трапезой, после че-

го новый начальный сокольничий приступал к исполнению своих многочисленных, порой нелегких и ответственных обязанностей.

Каждый сокол царской охоты, независимо от вида, имел собственное имя. И самки, которые были крупнее и ценились особенно дорого, и самцы (челиги) получали исключительно мужские имена. Не совсем ясно даже, знали ли наши предки, что это были птицы одного вида, но разного пола? Самку называли просто «кречет», а самца — «кречатий челиг». Большинство имен давал сам царь, и, надо сказать, они в какой-то мере отражали характер конкретного сокола, его отличительные приметы. Кроме того, в этих именах слышна даже какая-то поэтическая нотка. Вот некоторые из них: кречеты — Бумар, Боярин, Мурат, Алай, Нагай, Булат, Свертяй, Гамаюн, Ширяй, сапсаны — Беляй, Юдруг, Обирон, Сирив, Стреляй.

В последнее десятилетие своей жизни Алексей Михайлович по полгода, а то и по году не выезжал на охоту. Здоровье его пошатнулось, и в августе 1675 года он скончался. С его смертью, с приходом в Россию новой эпохи, новых веяний соколиная охота быстро и безвозвратно уходит в область преданий.

Заслуга Алексея Михайловича не только, а может и не столько в том, что он возродил соколиную охоту на Руси, сохранил для нас ее обрядность. Он заново и как-то удивительно поэтично раскрыл ее внутреннюю красоту. Своим глубоким, самобытным пониманием этой культуры он перевел ее из сферы материальной в сферу духовную. Весь его подход к соколиной охоте — это поиск и нахождение эстетического наслаждения от зрелища истинной красоты соколиного лета. Он чувствовал сам и научил чувствовать других особое дарование соколов, их способность приносить людям захватывающую радость, способность как бы оправдывать надежды людей, какое-то даже сопереживание сокола и человека. По той роли, которую царь Алексей Михайлович играл в прогрессе соколиной охоты в России, он очень напоминает Фридриха II Гогенштауфена.

ПОМЫТЧИКИ

Как мы уже рассказали, потребности в ловчих птицах в России и для самой царской охоты, которая насчитывала единовременно до трех тысяч птиц, и для посылки их за рубеж были очень значительны. Учитывая и сравнительно высокую смертность кречетов от болезней, а также постоянный «отлет» во время охоты, конечные цифры представляются просто астрономическими. Откуда же бралось это громадное количество кречетов и других соколов?

Люди, для которых добывание кречетов и других соколов для царской охоты было и профессией и единственным средством к существованию, назывались помытчиками (от слова «помыкать» — ловить, забирать).

Институт помытчиков сложился очень давно, вероятно, не позже XIII века. Добывание крупных соколов, сапсанов и кречетов составляло разряд государственного промысла, и для его осуществления русские князья посылали на север особые «ватаги» (артели), или населяли специальными людьми села и слободы в местах лова, или поручали это местным сельским жителям. Так постепенно сформировалась особая социальная группировка, получившая обобщенное название помытчиков. Сам промысел соколов был основан на оброчном начале, а помытчики считались слугами государевыми, или княжескими (царскими) оброчными. По своему положению и правам они резко отличались от обыкновенных крестьян («черных людей») и представляли собой привилегированную группу свободных промышленников, обязанных сдавать в казну лишь небольшой оброк. Помытчики были свободны от всяких даней и пошлин, не обязаны были обеспечивать подводами и санями проезжих чиновников и курьеров, а также кормить их самих и их коней, что ложилось обычно тяжелым грузом на простых крестьян. Более того, помытчики были неподвластны ведению и суду княжеских, а позже и царских наместников (кроме случаев убийства и разбоя), а поэтому «праведники и доводчики», то есть приставы и следователе, не имели права вмешиваться в их дела и не могли брать с них обычные в те времена поборы. В случае жалоб на помытчиков их разбирал сам великий князь или боярин-сокольничий. Помытчики имели право держать себе в помощь наемных людей из разных сословий, которые также пользовались всеми привилегиями помытчиков. По мере укрепления централизованной власти на Руси льготы помытчикам возрастали, что свидетельствует о повышении роли соколиной охоты в государственном укладе. При Грозном, например, семья помытчиков Блазновых получила в полное владение значительную территорию на севере, где были гнезда кречетов и сапсанов. Кроме того, Блазновы на десять лет были освобождены от обычного соколиного оброка.

За все эти льготы помытчики платили ежегодный оброк соколами. Каждая община помытчиков доставляла на княжескую сокольню по три живых кречета в год, а иногда и значительно больше: при Федоре Иоанновиче, например, двинским и каргопольским помытчикам была установлена ежегодная норма в два кречета полубелых, три «крапленых» и тридцать пять серых. Кроме помытчиков, соколов иногда доставляли и частные лица («охочие помытчики») — стрельцы с Колы, архангельские крестьяне и «самоеды» (ненцы и другие представители малочисленных народностей).

Добывали соколов в самых разных местах. Еще между 1294 и 1304 годами великий князь Андрей Алексеевич получал кречетов из Заволочья. Ох-

ранные грамоты печорским помытчикам давались Иваном Калитой. В XIV веке помытчики добывали кречетов и сапсанов по Печоре, Уралу, в Заволочье, у Перми и даже на Новой Земле. Однако главной «житницей» крупных соколов были побережья Баренцева и Белого морей, особенно Терский берег. Добывали соколов и на Канином Носу. В старинных документах упоминаются еще и ростовские (Ярославской губернии), переславские, юхотские (с 1632 года) помытчики. Однако поскольку кречеты в этих местах не гнездятся, роль этих помытчиков, вероятно, сводилась только к отлову сапсанов и ястребов-тетеревятников.

Особенно эффективно работали двинские помытчики. Они ловили кречетов и сапсанов большими артелями, человек до сорока и более, причем в состав артели входили как оброчные общинники, так и посторонние люди, нанятые общиной и называвшиеся кормленщиками, то есть работающими за корм, за питание. Помимо питания они получали и денежное вознаграждение в зависимости от успешности работы.

В XVII веке, при Алексее Михайловиче, поставки кречетов всеми этими помытчиками уже не могли удовлетворить сильно возросшие потребности царских кречатен. Дело в том, что приток кречетов к этому времени отчетливо сократился. Если в начале царствования Михаила Романова в Москву от двинских помытчиков поступало ежегодно до ста и более кречетов, то к концу его число это уменьшилось вдвое. Социальное и экономическое положение помытчиков к этому времени ухудшилось, и они стали предпочитать другие, более доходные промыслы. Кроме того, пойманных соколов, притом лучших и самых ценных, помытчики научились тайно («воровски») сбывать на сторону, и птицы эти частенько уходили даже за границу. По сути дела царю не с чем стало охотиться и нечего посылать по дипломатическим нуждам. Поэтому в 1632 году Михаил Федорович специальной грамотой грозно предупредил всех помытчиков о необходимости безоговорочно выполнять «нормы» и слать в Москву не менее ста кречетов разных мастей ежегодно, суля в противном случае самые суровые кары. Вступивший на престол Алексей Михайлович еще более ужесточил контроль за помытчиками, но соколов все равно не хватало. Поэтому начиная с 1652 года была организована ловля их в Сибири, где, по слухам, водились самые лучшие птицы. Для организации ловли из Москвы были посланы лучшие царские сокольники Михей Тоболин и Игнатий Кельин с помощниками. Основными центрами ловли были выбраны Тобольск и Тюмень с прилежащими волостями. К лову было привлечено в первую очередь коренное население («татары»), которому пойманные птицы засчитывались как дань (ясак). Затем к отлову присоединился разный люд: пешие и конные казаки, посадские, пашенные и оброчные люди и просто «гулящие люди» (или — по со-

временной терминологии — «бичи»). Не имея ни навыков, ни традиции настоящих помытчиков, весь этот народ, стремясь получить законные льготы, писался в помытчики. Естественно, что на первых порах никакого толку от них не было. Однако через три-четыре года власти смогли четче обрисовать круг людей, которые проявили способности к ловле птиц и которым можно было доверять. Постепенно и в Сибири сложилась собственная общность высококвалифицированных помытчиков, и приток кречетов, причем очень высокого качества, начал постепенно расти. Что было очень ценно, так это возможность регулярно получать из Сибири белых ястребов, которые, хотя и считались дешевле кречетов, все же представляли существенный интерес, особенно в качестве дипломатических подарков. Сибирские города сначала давали 10 серых кречетов, 15 челигов в год, а «красных» (белых) кречетов — «сколько даст Бог уловлено будет».

Затем в 1675 году норма доставки соколов в Москву была увеличена до 25 как серых кречетов, так и челигов при сохранении той же оговорки в отношении белых кречетов. Из Сибири велено было доставлять только кречетов и кречатьих челигов, остальных же птиц предписывалось отпускать на волю. Видимо, стоимость доставки их из Сибири была сочтена чрезмерной. После кончины Алексея Михайловича ловля кречетов в Сибири была сокращена, а в 1687 году прекращена вовсе.

Ловля соколов была сопряжена с большими опасностями, ибо кречеты нередко гнездятся на скальных обрывах, в почти недоступных каменных нишах. Помытчики предпочитали брать гнездарей прямо из гнезд, слетков же приходилось ловить с помощью различных снастей. Пойманные птицы до отправки в Москву оставались на руках у помытчиков, которые обязывались беречь их и докладывать воеводам о их здоровье. Если перевозка пойманных птиц в Москву затягивалась по каким-либо причинам, помытчики вынашивали соколов и отправляли их затем уже готовыми к охоте. Правда, случалось это довольно редко. На всех птиц составлялись списки с указанием, каких именно, где и кем добытых птиц везут помытчики.

Перевозка птиц производилась по зимнему первопутку. Со всего Европейского Севера соколов везли на Холмогоры и Вологду, а оттуда уже напрямую в Москву. Иногда же везли водой: в 1669 году по рекам доставили в Москву 77 кречетов из Двинской Земли. Везти птиц надо было с большой осторожностью, чтобы они не побились, не поломали перьев, не заболели. Держали соколов во время транспортировки в возках или в особых ящиках, обитых изнутри войлоком и рогожей. Ехать разрешалось только медленно, поднимать возки и ящики предписывалось со всеми мерами предосторожности, чтобы не испугать птиц и не помять им рулевых и маховых перьев. Кормили птиц в дороге оленьим и другим мясом. Вообще весь длинный путь был сплошной нервотрепкой,

и можно представить себе, с каким облегчением вздыхали помытчики, передав, наконец, свой груз в Москве царскому сокольничему.

Сами помытчики в дороге должны были остерегаться всяческих соблазнов. Вот какой наказ был дан в декабре 1662 года боярскому сыну Елизару Гавриловичу, возглавлявшему транспорт с царскими кречетами из Сибири в Москву: «А едучи ему Елизару дорогою, самому беречись от пьянства накрепко и служилых людей и помытчиков... от всякого пьяного питья, и от табаку, и от зерни, и от всякого воровства и от блядни унимать...» Нелегко, наверно, было «унимать» этих здоровых и едва ли слишком нравственных молодых мужиков после длительного пребывания в безлюдных диких местах. Не менее опасались власти и разного рода обмана. Вот отрывок из «Наказной грамоты» двинского воеводы Чаадаева, датированной 1670 годом и выданной «выборному целовальнику» Сеньке Санову: «Что птиц будет помкнуть красных и подкрасных и крапленых кречетов и челигов, ястребов белых и тех птиц не подменивать и никому по дружбе и по свойству и в подарках не отдавать, и Московского Государства людям и заморским немцам не продавать и хитрости никакие над птицами не чинить». Видимо, подозрения были небезосновательны, так как сохранились свидетельства, что в XVII веке кречеты на русских кораблях временами попадали даже в руки английских охотников.

Несмотря на различные льготы, на постоянную царскую поддержку и хорошие доходы, жизнь помытчиков отнюдь не была легкой, и добровольно решиться на нее могли только люди, которые видели в своей профессии призвание, которые любили и понимали кречетов и сапсанов, знали все тонкости их жизни. Неудивительно, что среди истинных помытчиков столь обычны были своего рода династии, насчитывавшие много поколений. Это в большинстве своем было мужественное и честное племя настоящих русских людей.

УМИРАНИЕ

Приход к власти Петра I был первым и самым тяжелым ударом по соколиной охоте в России. Петр не имел ни малейшей склонности ни к какой охоте, а к соколиной особенно, считал, что она отвлекает от государственных дел. В 1695 году он сократил число сокольников, обслуживавших кречатни, с 300 до 50 человек, а соколов к тому времени осталось всего 49. Немногим позже была упразднена кречатня в Коломенском. Странно, что Петр, такой отзывчивый ко всему западному, так много взявший из Европы — и хорошего, и плохого, остался совершенно равнодушным к тогдашнему повальному увлечению соколиной охотой, бывшей в те времена еще в полном расцвете во многих европейских государствах.

В длительный период истории, последовавший за смертью Петра и характеризовавшийся сложнейшими политическими, экономическими и социальными процессами, практически не нашлось места для соколиной охоты в русском обществе и русском быту. И тем не менее соколиная охота в России, умирая, не умерла. В XVIII веке помытчики продолжали ловить кречетов, даже в Сибири к Приуралье. В точно таких же возках, как и при царе Алексее Михайловиче, их везли из Тюмени в Туринский острог, оттуда на Верхотурье, потом через Соль-Каменную, Кай-Городск, Соль-Вычегодск, Великий Устюг, Тотьму, Вологду. Ярославль и Переславль-Залесский на Москву. Здесь кречеты поступали в обер-егермейстерскую контору, в подчинении которой была теперь оставшаяся в единственном числе Семеновская соколятня (уже не кречатня). Отсюда ловчие птицы на охотничий сезон посылались в столицу — в Петербург. Охотились с ними в основном царские родственники и приближенные царских особ. Известно, что и некоторые царицы, в том числе Елизавета Петровна и Екатерина II, принимали участие в охоте с дербниками на жаворонков, однако это, по-видимому, была уже просто царская забава. Обещающим охотником был Петр II, сын царевича Алексея и внук Петра I. Но ему было чуждо все русское, в том числе и русский уклад соколиной охоты, да и умер он рано, в возрасте пятнадцати лет. Последняя официальная охота с ловчими птицами была в 1856 году по случаю коронации Александра II. Но какая это была охота — просто из-под Оренбурга башкиры привезли беркутов и пускали на подсадных волков и лисиц.

Поступления ловчих птиц в XVIII веке в основном шли от архангельских солдат, бывавших на Поное, Кильдине, а в устье Печоры — в Пустозерске. Двинские помытчики ежегодно снаряжали два корабля — один к Зимнему и Терскому берегам Белого моря, другой — к становищам Гаврилову, Харлову, Пасову, на Семь Островов и на Кильдин. Все это и сейчас самые кречатьи места.

Двинским помытчикам, которые пережили благополучно все невзгоды петровского времени, в 1731 году было «повелено ловить птиц в угодьях всяких людей безвозбранно» и доставлять в Москву ежегодно по 20 кречетов и 30 кречатьих челигов. В 1732 году такое же разрешение получили ростовские помытчики. Лов соколов по-прежнему подчас бывал интенсивным. Например, в 1775 году, вскоре после подавления восстания Пугачева, в Семеновскую соколятню поступило 83 сокола и среди них четыре кречета (остальные, вероятно, были сапсаны).

В 1787 году, во время царствования Екатерины II, закончили свою деятельность ростовские помытчики. Большинство остальных соколиных промыслов развалилось уже при Александре I, около 1800 года. Дольше всех

просуществовали казанские помытчики, которые поставляли сапсанов до 1827 года.

С наступлением XIX века тончайшие нити традиций русской соколиной охоты, тянувшиеся из глубокой старины, сохранило в основном мелкое дворянство. С ловчими птицами охотился проникновенный поэт русской природы СТ. Аксаков. В его книге «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855) живо и поэтично описана охота на перепелов с ястребом-перепелятником в Оренбургской губернии, способы добывания и вынашивания ловчих птиц. Не со всеми выводами и рекомендациями Аксакова можно безоговорочно согласиться, но прельщает удивительная, почти детская непосредственность и образность его восприятия даже чисто технических деталей.

Последней вспышкой организованной русской охоты с ловчими птицами было создание в 70-х годах в Петербурге Общества соколиных охотников , учредителем которого стал К.П. Галлер.

Константин Петрович Галлер (1845 — 1888) был, несомненно, человеком незаурядным и заслуживает особого упоминания. Учился он в Кадетском корпусе и в Петербургской консерватории, но от военной карьеры вскоре отказался и позже стал известным музыкальным критиком, композитором, собирателем народных песен и педагогом. Он написал множество романсов, небольших произведений для фортепьяно, смычковых квартетов и хоров, две симфонии и даже оперу «Марьина роща», которая, впрочем, так и не была поставлена. Композитор — и соколиная охота? Казалось бы, какая тут связь? И все же Галлер больше всего прославился именно как сокольник. Прекрасный пример того, что истинный сокольник определяется не внешними обстоятельствами, каковы бы они ни были, а внутренним призванием. Галлер охотился в различных районах Российской Империи, в том числе и на Кавказе, используя многие виды хищных птиц — у него были перепелятники, тетеревятники, кобчики, дербники, сапсаны, балобаны. Насколько можно понять, любимой птицей Галлера все же был тетеревятник. Его ловчие птицы неоднократно участвовали в зарубежных выставках и отмечались различными призами. Галлер опубликовал несколько весьма толковых статей по соколиной охоте (преимущественно методического плана) в журнале «Природа и охота» и в английских периодических изданиях.

Общество соколиных охотников просуществовало недолго и ознаменовало свою деятельность выпуском в 1884 году памятной медали, на лицевой стороне которой был изображен сокол в полной парадной амуниции, сидящий на охотничьей перчатке. На самой перчатке — известное изречение царя Алексея Михайловича: «Делу время, потехе час». К сожалению, никакой подробной информации о деятельности Общества не сохранилось.

Может быть, еще более яркой фигурой среди сокольников тех времен был Н.П. Данилов. Сейчас уже невозможно установить, кем был этот человек по происхождению и профессии, по всей вероятности, биологически образованным мелким помещиком или служащим (может быть, лесничим), но совершенно очевидно, что в его лице мы имеем дело с охотником исключительно высокой квалификации, глубоким знатоком хищных птиц и охоты с ними, а кроме того, превосходнейшим писателем и острым публицистом. Главное его сочинение — статья в сборнике «Природа» (1877) под названием «Заметки о видах ястребов (Astur) и об охоте с ястребом-перепелятником (A. Nisus L.)». Статья поражает подлинной эрудицией, глубиной и обширностью понимания предмета в сочетании с необыкновенным богатством чувства и языка. В этой статье Данилов прежде всего легко и беспощадно расправляется с М.П. Вавиловым, автором известной (и, добавим от себя, отнюдь не худшей) книги «Охота в России во всех ее видах» (1873), содержащей раздел об охоте с ловчими птицами. Вавилов имел неосторожность расхвалить охотничьи достоинства ястреба-тетеревятника, что и вызвало бурю: Данилов, убежденный поклонник перепелятника, обрушился и на Вавилова, обвинив его во всех видах некомпетентности, и на самого ястреба, для которого не нашлось иных слов, нежели «тупая, бескрылая, воровская птица». Надо полагать, Вавилов и не думал, что его с душой написанный труд вызовет такую убийственно злую (и, на наш взгляд, не всегда справедливую) критику. Попутно Данилов разделался и с Аксаковым, обнаружив в его сочинении десятки грубых промахов (что, впрочем, не помешало Данилову признавать Аксакова великим писателем-охотником). Любопытно, что и вступившийся за честь тетеревятника на страницах «Природы и охоты» Галлер, несмотря на заботливо отпущенные в адрес Данилова обильные комплименты, был также немедленно зло осмеян в статье Данилова «Ответ на возражения г-на Галлера против моих статей об охотах соколиной и ястребиной», помещенной в той же «Природе и охоте».

Но помимо скандальной брани статьи Данилова содержат поистине бесценные сведения об охоте с перепелятником, об отлове, вынашивании и содержании ловчих птиц. Читая, например, описание процесса изготовления опутенков, плетенных из конского волоса, или медных бубенчиков, невольно проникаешься пониманием того, с какой любовью и ответственностью относился к этому делу настоящий сокольник, сколько неподдельного искусства, изобретательности, ювелирного мастерства и знания вкладывал он в свою работу. Можно только сожалеть, что не дошли до нас, не сохранились эти произведения русских мастеров, свидетельствующие о глубочайшей самобытности соколиной охоты на Руси.

Сейчас мало у кого есть возможность и время копаться в старых журналах и знакомиться с подлинными статьями Н.П. Данилова, имеющими более

чем вековой возраст. Вместе с тем это такое своеобразное, неповторимое, исполненное таланта творчество, что мы чувствуем себя просто обязанными донести его до читателя хотя бы в виде отрывка, цитаты. Вот, послушайте:

«Да, статья г. Аксакова о ястребах — это терн в лаврах венца его славы как охотника-писателя!.. До того профанировать охоту, так злоупотреблять ее именем и так уродовать ее значение — непростительно!... Приемы птичьих и звериных промыслов с их внешних сторон, конечно, могут больше или меньше подходить к приемам той или другой охоты; но цели охоты и промысла совершенно различны: в последнем важней всего (если не самое важное) — добыча, а в первой — вещественно-бескорыстное удовольствие, наслаждение самым процессом охоты. И чем акты этого процесса продолжительнее и вместе с тем чем они скорее и сильнее могут возбудить в нас чувство охотничьего наслаждения, восторга, тем благороднее, тем изящнее, тем выше охота!

Травля лихими ястребами-перепелятниками резвых птиц в своем роде очень картинна и очень увлекательна. Лихой ястреб на сильном гону не машет непрерывно — более или менее часто — своими крыльями, как ястреб тупой или посредственно резвый. Лихач летит в таком случае полетом кречета (или полетом дербника), то есть делает крыльями редкие, раздольные взмахи, между которыми его крылья остаются постоянно почти совсем прижатыми к его телу, так что вам кажется, будто ястреба ровными, мерными толчками бросает вперед какая-нибудь посторонняя сила: так стремительно быстры и потому так мало заметны бывают редкие взмахи его крыльев. Обыкновенно он гонит очень низко, над самой землей, независимо от того, как летит от него птица. И ежели она летит гораздо выше ястреба, то он, подобравшись под нее снизу, взмахнет так быстро, будто сверкнет вверх — и птица в его лапах!.. В таком гоне особенно картинны те моменты, когда ястреб на своем воздушном пути переносится через встречающиеся кусты, заросшие высоким бурьяном полевые межи. В эти моменты вы не заметите ни малейшего движения в крыльях лихого ястреба: он кажется тогда не живой летящей птицей, а скорее легким мячиком, который на быстром водяном течении мелькнул через крутую волну.

Еще больше картинны те моменты, когда от лихого ястреба птица, не видя спасения в лете, упадет на землю; ястреб взмывает над нею тем выше, чем он резвей. При этом взбрасываясь почти вертикально вверх, он ни на секунду не выпускает из глаз упавшей птицы, для чего или наклоняет голову на грудь, или слегка в гордой осанке перегибает ее через плечо, смотря по тому, как он или не долетит немного до упавшей птицы, или несколько перелетит точку ее падения. В таких положениях лихой ястреб просто очарователен!..»

Мы специально сохранили этот отрывок в его первозданной целостности для того, чтобы читатель мог полнее прочувствовать прелесть и стиля, и са-

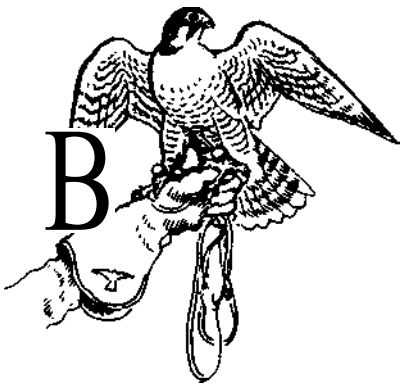
мого авторского восприятия охоты с ястребом. Сейчас так не пишут, да и не чувствуют. И напиши Н.П. Данилов побольше, он, несомненно, вышел бы в классики охотничьей литературы, подобно Е.Э. Дриянскому с его бессмертными «Записками мелкотравчатого».

Вообще между русской охотой соколиной и охотой псовой, такой, какова она была в прошлом веке, наблюдается удивительное сходство: та же верность старинным обычаям и традициям, та же самобытность и выразительность терминологии, непонятная постороннему лексика, те же неистовые, безумные страсти, переживания, потрясающие человеческую душу до самых сокровенных глубин. Мы еще раз перечитали «Записки мелкотравчатого» и убедились, насколько глубоки здесь параллели. Вот отрывок из «Записок», где ловчий Феопен рассказывает о своих чувствах при «набросе» стаи гончих на волчье логово: «Наше дело тож бывает задачливо... Конечно, насадить на гнездо не штука, да поди вот, тут ведешь к месту, душа в тебе перемирает, не знаешь, ногой которой ступить, а тут какой с нагулу, отметный — пырь тебе в собак. Как удержать? Не на вожжах!.. Помянули, зарвались, а там,глядишь, гнездо, сажен за тридцать, в сборе, на лежке, и расплылось, словно масло по каше... тогда, поди накликай, снуй по заплеткам! Нет хуже того дела... наказание... хоть изорвись — ничего не поделаешь! Изволите сами знать, каково бывает — как матка из-под молодых примет на себя стаю да волочает ее на хвосту... кажется, так бы вот в землю живой ушел!» Опасаясь вызвать недовольство читателя по поводу излишнего пристрастия нашего к старым книгам, не можем все же не удержаться от соблазна привести еще один отрывок из того же памятника охотничьей литературы — рассказа о том, как стая гончих «помыкает» по волчьему выводку, когда она правильно «насажена» на логовище: «В острове в один миг, как будто упавшая в пропасть, взревела стая. Но что это были за звуки! Это был не взбрех, не лай, не рев — это прорвалась какая-то пучина, полилась одна непрерывная плакучая нота, слитая из двадцати голосов: она выражала что-то близкое к мольбе о пощаде, в ней слышался какой-то предсмертный крик тварей, гаснущих, истаивающих в невыносимых муках. Кто не слыхал гоньбы братовской стаи, тот может вообразить только одно: так должна кричать собака, когда из нее медленно тянут жилы или сдирают с живой кожу...» Прислушайтесь снова к музыке слов. Это же прямая перекличка с описанием полета «лихача». Обеднел наш язык, оскудели чувства и духовные порывы. Как ни говори, а ружейная охота, во всяком случае в ее современном исполнении, не дает, не пробуждает таких первобытно ярких чувств. Контакт с борзой или соколом все же выше, одухотвореннее, чем с ружьем. Пожалуй, промежуточное положение занимает современная охота с подружейной собакой или с гончими. Интересно, что настоящая псовая охота, несмотря на глубокую деграда-

цию, вполне, впрочем, объяснимую и закономерную, так же как и соколиная охота, пронесла через все гонения основные традиции прошлого.

Статьи Аксакова, Галлера, Данилова, а несколько позже В.А. Клеменца в «Природе и охоте» высвечивают еще один крайне интересный момент — существование в России в XIX веке достаточно массовой промысловой охоты с ловчими птицами. Несомненно, она существовала и ранее, но до конца столетия оставалась как-то в тени и в литературе отражения не находила. Распространение промысловой соколиной охоты охватывало в основном южные районы — Предкавказье, юг Украины, Нижнее и Среднее Поволжье, Оренбургскую губернию, Южный Урал. Основными ловчими птицами промысловых охотников были ястребы — тетеревятник и перепелятник, а главными объектами — фазаны (в Предкавказье), утки, перепела, куропатки, а из зверей — зайцы. Несмотря на сравнительно широкую географию промысловой охоты с ловчими птицами, экономическое значение ее было, по-видимому, незначительным. Во всяком случае, в известной книге А.А. Силантьева «Обзор промысловых охот в России» (1898) упоминается только Казахстанско-Среднеазиатский район, который представляет собой совершенно иной традиционный центр соколиной охоты, со своими собственными этническими особенностями и собственной историей. Нет, однако, сомнений в том, что промысловая соколиная охота юга России в гораздо большей мере связана с традициями, обычаями и приемами, заимствованными у казахов и башкир, нежели непосредственно с княжеско-царскими охотами, обособившимися от азиатских еще в XVI-XVII веках. Особенно справедливо это для Поволжья, Оренбургской губернии и Южного Урала.

Есть основания предполагать, что промысловая южнорусская охота с ловчими птицами пережила спортивную, хотя и сравнительно ненадолго: наступление XX века с его войнами и политическими потрясениями знаменовало собой конец соколиной охоты во всех ее видах и на всей территории Российской Империи (за исключением казахстанско-среднеазиатского и кавказского очагов) задолго до ее окончательной гибели в 1917 году.



Возрождение

озрождение — именно так можно назвать то, что произошло с соколиной охотой в середине 1950-х годов, после более чем двухвекового забвения. Удивительным образом интерес к этому благородному виду спорта, к этой особой форме культуры не только почти внезапно возродился в странах ее былого расцвета, но и охватил новые, в прошлом индифферентные к нему континенты — Северную Америку, Австралию, Африку. Соколиная охота стала едва ли не глобальным увлечением, успешно конкурируя с ружейной охотой, а подчас и вытесняя ее. В определенном смысле она, как и в XVIII веке, стала модой. Для широкого читателя это утверждение может показаться откровенным преувеличением, перегибом. Действительно, как может средневековая забава ужиться, да еще иметь успех в современном обществе, построенном по совершенно иным принципам, исповедующем другие идеи, основывающемся на неизвестной ранее материальной базе? Постараемся же аргументировать свое заявление.

Ничто не возникает без причин, и в основе второго рождения соколиной охоты также лежат совершенно объективные причины. Их несколько, но главных, пожалуй, четыре.

Прежде всего, середина XX столетия характеризуется повсеместным резким повышением интереса к охране природы, стремлением к общению с природой и прежде всего к общению с животными. Напомним, что именно в этот период сложились наиболее мощные и активные международные организации по охране природы типа Международного союза охраны природы (МСОП) и Всемирного фонда охраны природы. Необыкновенно оживилась природоохранная деятельность и в национальных рамках. Целую эпоху в это время создали книги профессора Бернгарда Гржимека, Ольдо Леопольда, Джеральда Даррела, Джой Адамсон, посвященные охране диких животных и успешно соперничавшие с детективами и фантастикой. Все это послужило причиной своего рода перелома в отношениях человека и дикого животного. Люди почувствовали, что общение с животным несет им новую, очень нужную и почти не испытанную ранее радость, что оно становится необходимостью перед угрозой глобальной урбанизации и сопутствующего ей экологического кризиса. Это чувство породило многие общественные явления, в том

числе такие противоречивые, как фантастический взлет международной торговли дикими животными, особенно попугаями и мелкими тропическими ткачиками и вьюрками. И хотя в торговле животными сейчас много негативных моментов, это не должно затушевывать основного: человек испытывает острую нужду в общении с животными. Одна из форм такого общения, причем одна из прекраснейших форм, — соколиная охота. Как сфера взаимопонимания, как форма тесного духовного контакта с дикими животными, соколиная охота почти неповторима, ибо она предусматривает прочные двусторонние связи с совершенно вольным и изначально отнюдь не расположенным к человеку существом, каковым является дикий сокол, ястреб или орел. Неверно было бы представлять себе взаимоотношения охотника и принадлежащей ему ловчей птицы как механический результат дрессировки, как господство человека над птицей вследствие надлома ее психики, нарушения ее индивидуальности под влиянием жестоких приемов вынашивания. Да, конечно, приемы вынашивания ловчих птиц могут расцениваться как жестокие, но они не ломают психики птицы. Они только создают предпосылки для возникновения качественно новой системы взаимоотношений с человеком-хозяином — охотником. Во время же самой охоты оба партнера — и человек, и птица — проникаются удивительным духовным пониманием, в основе которого лежит (помимо общности цели) настоящая взаимная привязанность, а в идеальных и не таких уж редких случаях — настоящая дружба или, если хотите более точное выражение, любовь. Поэтому неудивительно, что при общем стремлении к общению с животными соколиная охота как средство именно духовного общения не осталась вне поля зрения. Такого духовного единения с человеком могут достичь только врановые птицы, дикие гуси и попугаи, но и они всегда будут чуть насторожены даже в присутствии хозяина и далеко не всегда позволят человеку на воле взять себя в руки. Даже попугай, отлично знающий хозяина, вылетев из клетки на волю, чаще всего не идет на зов хозяина. А сокол или ястреб, единственные среди птиц, делают это по первому зову. Нужно лишь найти верный и надежный путь к их сердцу, а этого достигают только через любовь и ровное, доброжелательное отношение.

Многие могут возразить, что хищные птицы мало интеллектуальны, что любимое их занятие — сидеть неподвижно, устремив взгляд в пустоту. Абсолютно неверно мнение, так как оно основано на наблюдении птиц в зоопарке. Там действительно хищники относятся к числу скучнейших экспонатов. Но попробуйте понаблюдать из укрытия за человеком, сидящим в одиночной камере и приговоренным к пожизненному заключению, особенно на четвертый-пятый год заточения. Признаемся, что такие наблюдения тоже приведут к выводу об однообразии и скучности поведения вершины эволюционного

творения. Нет, хищные птицы — живые и игривые существа. Только проявляются эти свойства тогда, когда птице хорошо, когда она чувствует в своем хозяине-человеке друга, когда имеет возможность общаться с ним в полной мере. Сокол, например, может часами играть с мячиком, бросая и ловя его, точно убегающего мышонка.

Что же заставляет птицу, плененную человеком, птицу, познавшую волю и вольную охоту, лишь недавно потерявшую свободу и снова почувствовавшую радость ничем не ограниченного полета, вернуться к хозяину? Обрекать себя снова и снова на длительное сидение с клобучком на голове, который закрывает свет и погружает птицу в длительную ночь? Ведь не те же жалкие кусочки мяса, которые птица получает из рук человека. Бессмысленно было бы объяснять все это какими-то якобы возникшими условными рефлексами. Нет, это все та же любовь, та же общность чувства необходимости контакта, родившегося от сопереживания во время охоты, от беспредельного доверия птицы к человеку...

Вторая причина возрождения соколиной охоты заключается в следующем. Время после второй мировой войны — это эпоха возрастающего интереса к истории, и прежде всего к истории культуры, к самим памятникам культуры. Наиболее яркое следствие этого роста интереса к культурному наследию человечества — взрыв туризма, своего рода паломничества по историческим местам. Другое следствие — непреодолимая тяга к возрождению старинных обрядов, древних обычаев, забытых атрибутов ушедших в прошлое культур. Процессии крытых брезентом повозок в сопровождении вооруженных кольтами в винчестерами всадников — память первопроходцев североамериканских прерий. Визит в реставрированный средневековый замок. Смена караула перед королевскими дворцами. Дерзкий рейс на «Кон-Тики». Путешествие в минувшие века. Какое притягательное искушение! И соколиная охота как особая форма культуры, с ее многовековыми традициями, лишь чуть модернизированными, с ее богатейшей и красочной атрибутикой, с ее азартом и духом соревновательности, предоставляет бесчисленные возможности и шансы для такого путешествия в прошлое. Выходя с соколом на перчатке в луга или на болото, современный человек испытывает те же самые эмоции, переживает те же самые чувства, которые когда-то, много веков назад владели Фридрихом Гогенштауфеном или царем Алексеем Михайловичем. Разве не упоительна возможность такого перевоплощения, разве не волнует, не притягивает такой удивительный шанс заглянуть в душу людей, давно покинувших нашу Землю, практически забытых и известных нам лишь по учебникам истории да немногим портретам?..

Третья причина возрождения соколиной охоты — деградация охоты ружейной. Конечно, о серьезной деградации говорить еще рано, но... судите са-

ми. Настоящей дичи, во всяком случае в Европе, становится все меньше и меньше, и охотники в значительном большинстве переключаются на охоту по искусственно выращенной дичи — фазанам, куропаткам, кряковым уткам. А стрелять такую дичь — это просто искусство стрельбы, что далеко не равноценно искусству охоты. Ружейная охота на дикую птицу регулируется с каждым годом все строже и строже, вступить в охотничье общество в Европе и Северной Америке довольно сложно. И дорого. Да и частное владение на землю во многих странах служит существенным ограничением: если раньше владельцы земли, как правило, не протестовали против визитов охотников, то теперь, когда почти каждый хочет участвовать в охране животных, ситуация в корне изменилась. Получить разрешение на охоту в частных владениях практически невозможно. А сокольники оказываются в гораздо более выгодном положении. При охоте с соколом или ястребом в сущности почти безразлично, выращен ли фазан или куропатка в инкубаторе или в гнезде под дикой птицей. Кроме того, спектр дичи у сокольников существенно шире и включает виды птиц, которые полностью игнорируют обладатели ружей. Законы, регулирующие охоту, к сокольникам менее строги, и часто сроки охоты с ловчими птицами значительно длиннее, чем для ружейников. Да и ревнители охраны природы смотрят на сокольников гораздо более благосклонно. В результате охота с ловчими птицами по мере роста ее популярности понемногу начинает теснить ружейную, одну за другой отвоевывая позиции, утраченные в этом соревновании двести с лишком лет назад. Конечно, ни о какой ее победе в ближайшем обозримом будущем говорить не приходится, ибо выносить сокола всегда будет в десятки и сотни раз труднее, нежели купить ружье и право на охоту с ним. Однако место под солнцем сокольники уже завоевали, и как сложится ситуация в дальнейшем — сказать трудно.

Наконец, говоря о причинах современного успеха соколиной охоты, нельзя не упомянуть еще один важный фактор — рост богатства, рост благосостояния, рост обеспеченности людей в ряде стран, с которым так или иначе связано и увеличение свободного времени. Об этом, кстати, свидетельствует и география возрождения культуры соколиной охоты — нигде она не проявляется так отчетливо, как в наиболее развитых государствах Западной Европы и Северной Америки, а также в странах арабского мира. По всей вероятности, нельзя также сбрасывать со счетов и влияние «инстинкта подражания» — хорошие примеры, как и дурные, заразительны, и мы при всем желании не можем полностью исключить возможность действия «веяния моды». Скорее всего оно проявляется достаточно отчетливо.

Интересно, что в различных районах мира, где соколиная охота переживает сейчас эпоху возрождения, ведущие факторы различны. В Западной Ев-

pone, по-видимому, почти в равной степени действуют все перечисленные нами выше. В Северной Америке, где нет традиций в области соколиной охоты и исключительно богаты возможности охоты ружейной, ведущей силой, пожалуй, можно считать стремление к общению с дикой птицей. То же самое следует сказать и в отношении Австралии. В арабских же странах ситуация совершенно иная — здесь наряду с древними традициями культуры появилась и другая причина — неслыханный приток в страну золота, что и дало импульс новому расцвету соколиной охоты.

Эпоха возрождения соколиной охоты ознаменовалась некоторой модернизацией самого процесса охоты. Однако введенные новшества отнюдь не затронули основных традиций и обрядовой стороны. Пожалуй, все многообразие новшеств сводится к замене верховой лошади автомобилем (да и то далеко не везде и не всегда) и «оборудованию» ловчих птиц портативными радиопередатчиками, что несравненно облегчает поиски отлетевшего сокола или ястреба. Целиком к достижениям эпохи Возрождения следует отнести и разработку технологии вольерного разведения, в том числе искусственное осеменение, искусственное инкубирование яиц, лечение болезней хищных птиц. Естественно, что все это стало возможным только благодаря достижениям общего прогресса научных знаний. Вероятно, именно поэтому проблемы разведения соколов в вольерных условиях при Фридрихе Гогенштауфене или Алексее Михайловиче даже не возникали, хотя в принципе разведение хищных птиц значительно дешевле, нежели их отлов на местах исконного гнездования.

Ничто не рождается из ничего. Поэтому современным возрождением соколиной охоты мы обязаны тем энтузиастам, которые, как уже говорилось ранее, протянули нити традиций через трудное для соколиной охоты время, через годы и десятилетия всеобщего непонимания и неприятия, враждебного или равнодушного отношения общества. Эти одиночки-энтузиасты, отмеченные, как нам представляется, особой генетической печатью, какими-то наследственными духовными качествами, объединялись, находя друг друга в толпе врагов, в союзы и клубы, не давая заглохнуть древним традициям, постоянно поддерживая и охраняя их, как поддерживали первые люди огонь в плетенках, выложенных пластинами сланца. Их труд неоценим, и поэтому, говоря о сегодняшнем состоянии соколиной охоты в разных странах, мы при возможности будем начинать именно с этих удивительных людей, которым соколиная охота обязана своим возрождением. К сожалению, однако, сведения об этих людях крайне скудны.

Первое знакомство с Западной Европой — взгляд сверху. И когда самолет снижается над Брюсселем, Парижем или Берлином, зрелище предстает поистине удручающее: однообразие ровных квадратов и прямоугольников полей, напоминающее гигантскую шахматную доску, нарушается лишь серыми громадами индустриальных районов. Не оживляют пейзажа и прорезающие его ленты шоссейных дорог, заполненных разноцветным потоком автомобилей, или многорядные линии электропередачи. Кажется, что природы в нашем понимании здесь уже не осталось и, естественно, ни о какой охоте даже речи не может быть.

Но это пессимистическое ощущение при более близком знакомстве оказывается ошибочным. И в дальнейшем, путешествуя уже по земле, не устаешь удивляться, как много сделано людьми для того, чтобы сохранить, а подчас и восстановить заново природу, в наибольшей степени приблизить ее к тому, что в учебниках экологии называется оптимальным антропогенным ландшафтом. А это означает максимальную экономическую ценность, возможную биологическую полноту и, что особенно важно, устойчивость. В тех масштабах, в каких это доступно в перенаселенной Европе, задача, в общих чертах, выполнена. Все это создает возможности и условия для охоты, в том числе и для охоты с ловчими птицами. Конечно, сложностей и трудностей много, но без них ведь ничего не бывает. Да и не вся Европа — индустриально-аграрный центр.

Есть еще места, где заводские трубы не загромождают горизонт.

В современных условиях практически любая форма человеческой деятельности, начиная с борьбы за власть и терроризма и кончая сохранением здоровья и обретением радости, может быть только коллективной, организованной и в той или иной степени регламентированной обществом. Соколиная охота не является исключением, и сокольники поняли это достаточно давно. К объединению, к созданию союзов они стремились еще в позапрошлом веке. Первое такое объединение возникло в 1772 году в Англии под названием «Конфедерация сокольников Великобритании», известная также как Сокольничий клуб. Основателями Конфедерации были граф Георг Орфордский и полковник Торнтон. Она насчитывала 56 членов, существовала за счет членских взносов (достаточно высоких) и содержала наемных сокольников, выписанных из Голландии. Мы уже говорили о том, что голландские сокольники образовывали собственную «школу» и пользовались мировой славой как непревзойденные мастера вынашивания ловчих птиц. Среди профессиональных сокольников, обслуживавших членов Конференции, были такие известные мастера, как Ян Даамс, Франк ван дер Хойвелл, Ян Пеллс, братья Бот.

Сами ловчие птицы составляли общественную собственность и содержались в специальном помещении с оборудованными вольерами в Дидлингтоне, где была штаб-квартира. В 1783 году в собственности Конфедерации было 32 сапсана, 7 исландских кречетов и 13 тетеревятников, полученных из Германии. Охота производилась как весной, с первой недели марта до 31 мая, так и осенью; конкретные сроки, по-видимому, устанавливал сам президент Конфедерации в зависимости от степени подготовленности ловчих птиц и организации квартир для сокольников и гостей. Охотились члены Конфедерации на их собственных землях в разных районах Англии, предпочитая окрестности Кембриджа, равнины Солсбери (где сейчас проводятся эксперименты по реинтродукции дрофы), болота графства Норфолк, долину реки Северн на западе страны. В соответствии с канонами, унаследованными с прошлых веков, охотники выезжали в поле верхом в сопровождении пеших помощников-сокольников, которые несли по нескольку ловчих соколов на специальной раме. Для охоты использовались почти исключительно сапсаны, и лишь значительно позже, уже в XIX веке, в число фаворитов вошел и тетеревятник. Основную добычу в те времена составляли цапли и коршуны, причем наравне с черным коршуном добывали и сравнительно обычного тогда красного коршуна, позже почти полностью исчезнувшего на Британских островах. Значились среди объектов охоты и вороны.

Любопытен и крайне своеобразен способ охоты на коршунов, описанный в старинных английских документах. В ясную погоду коршун, особенно красный, любит парить высоко в небе. В этом положении он недоступен сапсану, который должен набрать достаточную высоту для атаки. Для того, чтобы заставить коршуна спуститься к земле, использовали особую приманку в виде совы (скорее всего болотной), к лапам которой привязывали хвост добытой ранее лисицы. При виде перелетающей над землей совы с предполагаемой «добычей» коршун немедленно бросался в атаку, быстро снижаясь и становясь в свою очередь удобным объектом для нападения ловчего сапсана. Интересно, что такая имитация «добычи» в лапах хищника известна сейчас достаточно широко и используется в арабских странах для ловли балобанов, о чем мы расскажем в дальнейшем.

Позже добыча сокольников стала более разнообразной, к ней добавились некоторые болотные птицы, а позже — кролики. Однако роль фаворита перешла от коршунов, которых стало заметно меньше, к цаплям. Тогдашняя охота на цапель была также очень своеобразной, она сейчас совершенно не практикуется и заслуживает специального описания. Лучшим временем для нее считался период, когда в гнездах цапель были птенцы, и взрослые птицы вынуждены были регулярно возвращаться в колонию с кормом. Для охоты выбирались колонии, окруженные полями, что позволяло уже издали видеть приближаю-

щихся цапель. В таких колониях сокольники еще с ранней весны подновляли гнезда и устанавливали некоторую охрану. В назначенный день после полудня они занимали исходные позиции так, чтобы перехватывать птиц, летящих с мест кормежки обычно против ветра. При появлении на горизонте цапли сокольники выжидали ее на себя и в наиболее удобный момент пускали ловчих птиц, обычно двух сапсанов. Первое, что делала испуганная цапля,—это отрыгивала весь запас корма для птенцов, и когда там бывала крупная рыба, она немедленно становилась желанной добычей сокольников. Судьба же самой цапли в схватке с парой сапсанов решалась в несколько минут, и почти всегда не в пользу цапли. Правда, во время неравного боя птицы удалялись от места засидки сокольников довольно далеко, но всегда наготове были оседланные кони, так что и здесь особых трудностей не возникало.

Чуть позже, чем Конфедерация сокольников Великобритании, но также еще в XVIII веке, в Шотландии создалась Ренфрюширская ассоциация сокольников. Ее основателем был Малькольм Флеминг, один из предков которого был близок к королю Шотландии Джеймсу IV, и прославился как мастер соколиной охоты, получивший в подарок от короля соколиный клобучок, украшенный серебряными аппликациями с жемчугами. Шотландские сокольники не пользовались услугами голландских мастеров, они имели собственные традиции в вынашивании ловчих птиц, охотились преимущественно на белых куропаток, а превыше всего ценили охоту на вальдшнепа, который в значительном количестве держался в густых кустарниковых зарослях. Однако после смерти Флеминга в 1819 году Ассоциация захирела и к 1830 году окончательно распалась.

К 1840 году начался идейный разброд и в Конфедерации. В итоге из нее выделилась группа сокольников, которая по рекомендации и под руководством Эдуарда Ньюкома, одного из лучших и наиболее активных охотников того времени, создала совместно с голландскими мастерами самостоятельное англо-голландское общество, получившее название Королевского клуба сокольников в Лу (по имени городка в Голландии, где была основная резиденция Клуба). Клуб получил поддержку и покровительство нидерландского принца Оранского и его брата Александра, которые выхлопотали для членов клуба разрешение охотиться на территории Голландии. Первоначально клубу принадлежало около 20 соколов, но затем их коллекция была существенно пополнена, в том числе и кречетами, пойманными на пролете в Норвегии. Основную добычу составляли все те же цапли, которых в сезон охоты, то есть с 10 мая по 10 июля, добывали ежегодно около полутора сотен. Членский взнос составлял довольно крупную по тем временам сумму — 100 голландских флоринов в год. Охотились верхом, причем в охоте иногда принимала участие королевская чета. Королева Нидерландов с соколом на руке си-

дела, как было принято в те времена, в седле боком, опустив ноги на одну сторону лошади. В 1859 году Клуб сокольников в Лу прекратил свое существование, а гнездовые колонии цапель, поддерживаемые членами клуба, были разорены местными жителями. Англичане же, члены клуба, вернулись на родину. Вернулся и неутомимый Ньюком, по инициативе которого в 1864 году создается новое объединение сокольников Англии, получившее название Старого клуба сокольников. Первоначально он насчитывал только семь членов (в том числе индийского магараджу Дулипа Сингха). Старый клуб сокольников оказался исключительно долговечным, он пережил несколько подъемов и глубоких спадов (особенно после смерти Ньюкома в 1871 году), однако в конце концов выстоял и по сути дела оказался той основой, тем фундаментом, на котором много позже, уже в XX веке, создался современный Британский клуб сокольников.

Возникновение Британского клуба сокольников датируется ноябрем 1927 года, а первым президентом его был избран один из главных инициаторов нового общества — Джордж Блеккол-Саймондс. В настоящее время Британский клуб сокольников имеет штаб-квартиру в Аллингтоне и объединяет основную массу сокольников Англии — около 1000 человек.

На протяжение всего периода возникновения, распада или трансформации различных объединений сокольников на Британских островах шла и эволюция самой соколиной охоты. В качестве добычи цапли и коршуны сменились куропатками, воронами, сороками, дикими голубями, горлицами, кряквами, грачами и даже такой мелочью, как жаворонки и скворцы. Большое место в добыче стали занимать и дикие кролики. Все это хорошо увязывается с увеличением роли ястребов — тетеревятника и перепелятника, а также дербника, хотя сапсан и кречет по-прежнему оставались птицами экстра-класса. Интересно, что на старых фотографиях, в той или иной мере отражающих мотивы соколиной охоты, фигурируют только крупные соколы и полностью отсутствуют ястребы. Их как бы даже стыдятся.

Существенно демократизируется в этот период и сама охота с ловчими птицами. Если в списках членов первых сокольничьих обществ почти исключительно числятся лорды или высокие военные чины, то в начале XX века перед фамилией сокольника все чаще и чаше стоит невзрачное «мистер» или в лучшем случае эсквайр (землевладелец). Многие из них — совсем молодые люди, почти юноши.

Еще несколько моментов заслуживают упоминания в связи с эволюцией соколиной охоты в Англии. К концу XIX века относится появление значительного количества женщин-сокольниц и переход к пешему передвижению. Последнее вполне согласуется с составом добычи: для того, чтобы охотиться на грачей, сорок и голубей верховая езда совершенно не обязательна. Нако-

нец, в этот же период непременным помощником сокольников становятся легавые собаки, в первую очередь английский сеттер и пойнтер, что связано с растущей модой на охоту на граусов и серых куропаток.

Судьба соколиной охоты в Англии — совершенно особый случай. Именно на истории охоты с ловчими птицами в Англии наиболее отчетливо демонстрируется преемственность традиций при их постепенной подгонке к меняющимся условиям жизни. То, что мы называем связью времен. На Британских островах рождаются новые оттенки соколиной охоты, которые позже перешли в пользование других европейских сокольников — расширение спектра добычи, использование легавых собак, общее удешевление охоты, ее демократизация. Но особенно ценный и новый вклад — создание союзов, коллективная структура охотничьего сообщества, придающая ему устойчивость обособленной социальной ячейки. В других странах попытки создать такие общества или клубы в XIX веке не увенчались успехом. В частности, в 1890-х годах в Германии с идеями создания ассоциации сокольников выступал прекрасный знаток соколиной охоты, автор многих публикаций барон Кристоф фон Бидерманн. Несмотря на его огромный авторитет, идея эта воплотилась только почти через тридцать лет после его кончины.

Сейчас подавляющее большинство сокольников мира объединено в различные национальные союзы и общества. Старейшим из таких союзов в Европе по праву считается Германский орден сокольников. Он был создан в 1923 году в Лейпциге небольшой группой энтузиастов, куда входили не только любители соколиной охоты, но и ученые-орнитологи. Одним из основных инициаторов был Ренц Валлер, художник-анималист, написавший впоследствии несколько книг о соколиной охоте. В задачи Германского ордена сокольников входило воскрешение обычаев, традиций и самой практики охоты с соколами, ястребами и орлами, изучение и охрана хищных птиц, поддержка и пропаганда соколиной охоты средствами искусства и литературы. После второй мировой войны, в 50-х годах, из состава Германского ордена сокольников выделилась группа, образовавшая самостоятельный независимый союз, получивший название Ордена германских сокольников. В ФРГ зарегистрировано более тысячи сокольников (примерно10% всех сокольников входят в более мелкие союзы, и около 20% занимаются соколиной охотой самостоятельно и ни с какими организациями не связаны). Наиболее сильным и богатым объединением остается Германский орден сокольников. Штаб-квартира его размещается в Бонне. Почетным председателем на протяжении многих лет избирался ныне покойный Гейнц Брюлль, один из крупнейших знатоков как соколиной охоты, так и биологии хищных птиц, написавший несколько превосходных книг. Германский орден сокольников связан тесными контактами с Германским охотничьим союзом,

имеет самостоятельные отделения в каждой провинции, регулярно выпускает собственный ежегодник («Германский орден сокольников»), в котором на очень высоком уровне освещаются все вопросы и проблемы, связанные с охраной хищных птиц и изучением их биологии. Само собой, не остаются в стороне и практические вопросы соколиной охоты, хроника и особенно исторические исследования. Раз в два года члены германского ордена сокольников съезжаются со всей страны на торжественные собрания, для проведения которых каждый раз выбирается новое место. Обычно таким местом является какой-нибудь старинный охотничий замок. В качестве гостей на собрания приглашаются сокольники из других стран мира (Англии, Испании и других государств Западной Европы, а также из США, Канады, Японии и даже Мексики). Центральной частью программы является, конечно, коллективная охота в прилежащих к замку угодьях. В состязаниях ловчих птиц в наибольшем числе участвуют тетеревятники, значительно меньше сапсанов и всего по нескольку птиц (иногда по одной) кречетов, лайнеров, балобанов, краснохвостых канюков, беркутов, перепелятников и других еще более редких птиц. Основную добычу обычно составляют зайцы-русаки, дикие кролики, фазаны, серые куропатки и, конечно, вороны, грачи и прочая «чернь». Завершаются собрания торжественным парадом, протекающим по древним традиционным канонам.

В Австрии, как и в ФРГ, существуют две основные и сравнительно молодые организации любителей соколиной охоты, отношения между которыми дружественными отнюдь не назовешь. Первая была создана по инициативе Франца Адамеца вскоре после окончания второй мировой войны, в 1949-1950 годах. Первоначальное полное название ее — Союз по охоте с ловчими птицами, их охране и изучению. Позже оно было заменено более коротким — Австрийский Союз Сокольников. Союз объединяет большую часть активных охотников с ловчими птицами и организован по принципу региональных групп. Ежегодно все группы собираются на генеральном съезде Союза, который сопровождается большой коллективной охотой. Союз любителей охоты с ловчими птицами в своей деятельности связан с Международным советом по охоте и охране дичи. Основная ловчая птица в Австрии — тетеревятник, с которым охотятся на куропаток, кекликов и зайцев-русаков.

Вторая организация сокольников возникла значительно позже, в середине 60-х годов, и возглавляет ее удивительно активный и очень опытный сокольник Альфред Ландшютцер. Он привлек к участия в работе созданного им Ордена австрийских сокольников в качестве иностранных членов любителей из двадцати семи стран Европы и Америки, сам постоянно путешествует (в 1970 году был и в Москве), состоит членом ряда зарубежных организаций сокольников, провел несколько международных встреч сокольников в Вене.

Надо заметить, что соколиная охота в Австрии практиковалась задолго до возникновения обоих этих обществ. Так, в мировую историю охоты с ловчими птицами вошел замечательный знаток этой охоты граф Фредерик Менсдорф-Поуилли, который первым после периода упадка воскресил ее в Австрии еще в 20-х годах. Охотился он не только с тетеревятником, но и с сапсаном, самкой по кличке Трефовая Дама.

Возрождение соколиной охоты произошло и в бывшей Чехословакии. Истоки чешской и словацкой охоты с ловчими птицами восходят к периоду, предшествовавшему возникновению Великоморавской империи, то есть к самому началу IX века. Из так называемых Фулдских хроник 869 года известно, что великий князь Святоплук (871-893), правивший Великоморавской империей, уже брал с собой соколов на охоту. Позже большая часть этой империи оказалась в пределах венгерского государства, и соколиная охота прошла всю эволюцию, характерную для Средней Европы. В XVIII веке венгерский король Франтишек I отменил все привилегии любителей соколиной охоты в связи с жалобами помещиков на потраву полей конными охотниками. К середине XIX века соколиная охота на территории Словакии полностью отмерла.

Однако время вносит свои коррективы в развитие всех областей духовной жизни человеческого общества, и к середине XX века в Чехословакии уже существовало несколько разрозненных и не имеющих официального статуса кружков сокольников, в том числе в Чехии в Ричанах, Праге, Градце-Краловом, а на территории Словакии — в Рожняеве, Братиславе, Литовском Градке и других городах. Естественно, что мысль об их объединении не могла не прийти в головы любителей и поклонников этого древнего и красивейшего спорта. В результате по инициативе двух активистов соколиной охоты, Святоплука Дубравы и Иржи Свободы, в ноябре 1965 года в Градце-Краловом состоялась первая встреча сокольников Чехословакии. Встреча носила неофициальный характер и была посвящена предварительному обмену мнениями с государственными органами, ведающими охотой. Однако результатом встречи стало дополнение охотничьего устава и регламентация Клуба сокольников. На этой основе в ноябре 1967 года на учредительном собрании в городе Опочне был основан Клуб любителей соколиной охоты при Центральном совете Общества охотников. Клуб, таким образом, получил официальный статус и в качестве штаб-квартиры выбрал Градец-Кралов. Несколько позже, в июне 1969 года, в соответствии с новым законом о чехословацкой федерации, охотничье общество разделилось на чешское и словацкое. Разделились, естественно, и сокольники.

Учредительное собрание Словацкого клуба любителей соколиной охоты состоялось в апреле 1971 года в Зволене. Собрание утвердило основы нового клуба: организацию и структуру, порядок вступления в клуб и сдачи экзаме-

нов, правила соколиной охоты. В 1972 году был принят устав клуба. Поскольку этот устав наиболее полно и наглядно отражает современные тенденции в развитии соколиной охоты в Европе, приведем некоторые выдержки из него:

«Клуб объединяет членов Словацкого охотничьего общества, которые активно занимаются соколиной охотой, при условии, что они успешно сдали экзамен по правилам соколиной охоты и воспитанию ловчей птицы;

— в качестве ловчих птиц могут использоваться ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник и пустельга».

Так же лаконично изложены в уставе и цели клуба: развитие традиционной словацкой соколиной охоты, улучшение охраны диких птиц, сотрудничество с органами охраны природы и научными организациями, пропаганда соколиной охоты и охраны природы.

В Словацком клубе любителей соколиной охоты первоначально было зарегистрировано около 200 охотников, в том числе более 100 членов и около 50 кандидатов. В их распоряжении было около 70 ловчих птиц, из которых почти 90 % составляли ястребы-тетеревятники. Сапсан, беркут, перепелятник — редкие, штучные птицы у сокольников Словакии.

Устав, задачи и структура Чешского клуба любителей соколиной охоты почти такие же, хотя членов в нем несколько меньше.

Польша — страна с глубокими и древними традициями соколиной охоты. Своеобразие природных условий и обилие дичи были той главной базой, на которой во времена средневековья развилась польская культура охоты с ловчими птицами. В соответствии с хрониками Балла Анонима, Винцента Кадлубка и Яна Длугоша, ее основы были заложены королями Болеславом Храбрым, Болеславом Кривоустым и Мешко Старым еще в X-XI веках, то есть хронологически приблизительно синхронно с появлением соколиной охоты в Древней Руси. Расцвет соколиной охоты в Польше падает на XII — XV века. Видимо, строилась она по образцам, заимствованным от западных соседей Польши, хотя и с особым национальным оттенком.

Так, например, в польской средневековой иконографии образ женщины с соколом служит персонификацией воздуха или чувства чутья или вкуса. В других случаях то же изображение символизирует надежду. Образ рыцаря с соколом олицетворяет фальшивую дружбу, кутеж, надменность. Для периода Фридриха Гогенштауфена эти мотивы были абсолютно чужды.

Начиная с XVII века наступает период постепенного упадка культуры охоты с ловчими птицами, и в XIX — первой половине XX века она исчезает в Польше практически полностью. Помимо общих причин, характерных для Европы в целом, здесь, вероятно, сказалось и географическое положение Польши как арены опустошительных войн России и западных держав, а также политические катаклизмы.

Возрождение соколиной охоты в Польше происходило практически в то же самое время, что и в Чехословакии, но шло несколько более извилистым путем. Оно началось в ноябре 1972 года с письма инженера Ч. Селицкого, одного из тех одиночек-сокольников, которые, будучи мастерами высокого класса, длительное время вынуждены были удовлетворять свою страсть к соколиной охоте почти нелегально из-за отсутствия ее законной регламентации. В своем письме, адресованном председателю Польского союза охотников, Селицкий убедительно показал необходимость такой регламентации и придания соколиной охоте в Польше официального статуса. Письмо возымело действие. Была создана группа экспертов, куда помимо самого Селицкого вошло еще несколько таких же энтузиастов соколиной охоты, и эта группа разработала предложения о создании в структуре Польского союза охоты секции ловчих птиц. Окончательное решение о такой секции было принято уже в декабре 1972 года, причем ей было дано имя «Гнездо сокольников». Ч. Селицкий, 3. Пиеловский и другие члены группы экспертов вошли в президиум секции. Вскоре она начала именоваться клубом, хотя фактически оставалась структурным подразделением Польского союза охотников. Секция организовала в 1973 году курсы по подготовке сокольников, куда активно пошла молодежь, в основном из среды учащихся техникумов. В 1977 году были проведены занятия на вторых курсах.

Сложность проблемы заключалась в том, что поступать на курсы и затем становиться членами «Гнезда сокольников» имели право только члены Польского союза охоты. При приеме на курсы на это обстоятельство закрывали глаза, но после их окончания дело обернулось неожиданной стороной: курсы закончило 250 человек, из которых членов Союза было всего 90. Из них 45 являлись членами «Гнезда сокольников», и 45 — кандидатами. Положение же остальных оказалось неопределенным: не будучи членами «Гнезда сокольников», охотиться с ловчими птицами они не могут, а вступить в Союз охоты (что автоматически открывает двери в «Гнездо сокольников») было практически невозможно. Дело это обсуждалось на разных уровнях, но реальных просветов не видно.

Практической охотой с ловчими птицами в Польше до недавнего времени занималось около 50 человек. Основной и почти единственной ловчей птицей был и остается ястреб-тетеревятник. «Гнездо сокольников» ежегодно организует международные встречи и охоты с участием гостей из других стран. Только во время таких встреч у польских сокольников появляется шанс увидеть работу с сапсаном или беркутом.

Мы не станем утомлять читателя детальной историей возникновения всех объединений и союзов соколиных охотников в Европе в середине XX века. Их много, и то, что мы уже рассказали, дает достаточно наглядную и реа-

листичную картину всех вариантов их возникновения. Однако чтобы представлять себе общие масштабы явления, кратко остановимся на современной ситуации во всей Европе в целом.

В Англии помимо упоминавшегося Британского клуба сокольников в 1962 году возник Клуб сокольников Уэльса, возглавляемый долгое время выходцем из Венгрии, опытным и активным сокольником Лораном де Бас-тией. В клубе сейчас более 300 членов. Чуть позже созданы Североанглийский сокольничий клуб, куда вошли и шотландские охотники, и Ирландский клуб сокольников. Во Франции существуют два союза сокольников, из которых более крупным является Национальная ассоциация сокольников, насчитывающая свыше 200 членов. В Испании, где охота с ловчими птицами особенно популярна, в середине XX века создалась Ассоциация испанских сокольников, насчитывающая более 100 членов. В Швейцарии охотники из всех 26 кантонов объединяются в едином союзе — Объединении швейцарских сокольников, куда входит около 50 членов. В Бельгии активно работают два сокольничьих общества — Клуб Марии Бургундской, куда принимают всех граждан этой страны, лишь бы был сделан членский взнос и сданы экзамены, и самостоятельное Объединение сокольников Бельгии, членом которого могут быть только «чистокровные» фламандцы (в Объединении признается лишь фламандский язык). Сокольников в Бельгии немного — не более 60. В Италии любители соколиной охоты объединены в Кружке сокольников Италии, куда входит всего 20 человек. Судьба их незавидна, так как охотиться в этой стране разрешено только с птицами, выращенными в специальных питомниках, а таких питомников в Италии нет. Поэтому итальянские сокольники, в том числе их лидер доктор Умбер-то Капрони ди Талиэдо, предпочитают охотиться за границей, в основном в Испании и Шотландии. Самое маленькое объединение сокольников -в Дании: Датский сокольничий клуб состоит всего лишь из десятка членов, причем охотиться им приходится тоже за рубежом — в Дании, как, впрочем, и в Швеции, и в Финляндии, охота с ловчими птицами запрещена. Около ста членов насчитывает Союз сокольников Голландии. Очень активную работу ведет Отдел соколиной охоты при венгерском орнитологическом обществе — самой молодой Венгерской ассоциации сокольников, объединяющей более 50 членов и кандидатов.

В апреле 1968 года в Дюссельдорфе на конференции представителей сокольничьих союзов и клубов Англии, ФРГ, Италии, Голландии, Австрии и Швейцарии была учреждена Международная ассоциация сокольников. Проект ее организации, структуры и программы был подготовлен популярнейшим английским сокольником, бывшим президентом Британского клуба сокольников, автором ряда книг по соколиной охоте Джеком Маврогордато, которого

друзья в знак всеобщей любви звали просто Мавро. На этой же учредительной конференции Мавро был избран председателем новой ассоциации.

Задачи, поставленные перед ассоциацией, были очень объемны и важны: установление тесного контакта между объединениями сокольников, координация деятельности по охране хищных птиц, контроль за ввозом и вывозом ловчих птиц, контроль численности хищных птиц во владении охотников, пропаганда соколиной охоты средствами искусства и массовой информации, воздействие на законодательство разных стран в целях повышения его природоохранной эффективности. Позже ассоциация провозгласила свой устав и кодекс сокольника, которые, несомненно, достойны самой высокой оценки. Однако в целом ассоциация довольно долго была мертворожденной; возможно, роды ее были преждевременны. И только в 1984 году на годичном съезде Германского ордена сокольников в Хамбахе ассоциация была реанимирована. Председателем ее был избран молодой бельгийский лидер соколиной охоты Христиан де Кун, который сразу же проявил активную деятельность. Он установил тесные контакты с Международным советом охоты, с исполкомом СИТЕС (Международная конвенция по ограничению торговли редкими животными и растениями), с национальными союзами и клубами сокольников, начал участвовать во всех встречах сокольников и орнитологических конгрессах и конференциях, выпускать квартальный бюллетень ассоциации. Международная ассоциация сокольников приняла ряд новых членов, в том числе польский союз «Гнездо сокольников», начала активно вмешиваться во все международные программы, связанные с охраной хищных птиц, обеспечивая их более успешное проведение. Конечно, времени пока прошло немного, но у сокольничьей общественности есть все основания возлагать на ассоциацию большие надежды.

Приведенных материалов достаточно, чтобы убедить самого недоверчивого и пессимистично настроенного читателя в том, что факт возрождения соколиной охоты в Европе сомнений не вызывает. Не возникает сомнений и в том, что именно Европа с ее социальными, культурными, демографическими и экологическими особенностями стала мировым центром возрождения соколиной охоты как явления, как области человеческой деятельности. То, что произошло или происходит на других территориях и континентах, непосредственно связано с процессами, характерными прежде всего для Европы (или является следствием этих процессов).

Возрождение соколиной охоты и своего рода трансплантация ее в современное общество, как упоминалось, мало сказались на самой технике охоты и не привели к серьезной перестройке или изменению общих традиций и обрядов, то есть внешней стороны. Вместе с тем, несомненно, в социальной сущности ее отчетливо просматриваются качественно новые стороны, не противоречащие, однако, оставшейся неизменной сущности духовной,

центральным стержнем которой является тесный и дружеский контакт с хищной птицей.

Первое и очень важное качественное отличие заключается в стремлении сокольников создать своего рода общность, объединяемую полным сходством, совпадением интересов, причем в возможно большем масштабе. Вспомните, в период средневековья сюзерен охотился в компании вассалов, в которых он видел только помощников, но отнюдь не участников охоты. Духовная удовлетворенность принадлежала ему, и только ему одному. Но тогда, в период расцвета, соколиная охота не нуждалась в поддержке. Позже, в XIX веке, отстоять (или сохранить) права соколиной охоты делается все труднее и труднее, и как ответ на это ухудшение обстоятельств рождаются первые союзы сокольников в Англии. Степень коллективизма соколиной охоты резко увеличивается, однако это вряд ли приводит к обеднению ее духовной сущности. Скорее наоборот, новая ситуация увеличивает возможность сопереживания, то есть делает соколиную охоту богаче, полнее. Отсюда — стремительный рост числа клубов, союзов, объединений. И, наконец, третий этап — стремление к международному единству, к становлению особой инфраструктурной сокольничьей державы, способной на основе всесторонней взаимопомощи противостоять все более ухудшающейся внешней ситуации. Прекрасным орудием для проведения в жизнь этого лозунга служат международные встречи с коллективными охотами, которые проводятся сейчас каждый год и практически во всех странах, где есть организованные сокольники. Эти же встречи, обставляемые почти со средневековой пышностью, способствуют сохранению и поддержанию традиций и обрядовой стороны — выкладыванию так называемой штреки (особого порядка демонстрационного расклада добычи), исполнения охотничьих гимнов, поддержания всей атрибутики соколиной охоты — особой формы одежды сокольников, снаряжения, амуниции птиц. Какая-то даже состязательность в этом плане. Активным средством международного общения являются иностранное членство в сокольничьих союзах. Наконец, созданная Международная ассоциация сокольников обещает со временем вырасти в мощную организацию. А ведь совсем недавно ни малейшего намека на связи российских и европейских сокольников даже не предполагалось.

Вторая отличительная черта современной соколиной охоты — широкое развитие охотничьего туризма. Основные места охотничьего паломничества сокольников из высокоиндустриальных стран, например из ФРГ,— Венгрия, Словакия, а нередко и Канада. Английские сокольники выезжают преимущественно в Шотландию, в горные ее районы. Весьма популярны также равнинные районы Испании. А некоторых любителей разнообразия заносит даже

в Марокко, Тунис, Пакистан, на Филиппины, в Восточную Африку. Естественно, что охотничий туризм только укрепляет всю систему соколиной охоты и в дальнейшем, вероятно, получит еще более мощное развитие.

Естественно также, что возрастает разнообразие объектов добычи. Классические объекты охоты — журавли, цапли, лебеди, гуси, коршуны — полностью сейчас забыты. В Шотландию люди едут охотиться на граусов, в Испанию — на кекликов, в Венгрию — в основном на выращенную в вольерах дичь — серых куропаток и фазанов, а также зайцев-русаков. По всей Европе очень популярной и доступной дичью служит дикий кролик. Активно рекламируется комплексная охота на кролика с тетеревятником, спаниелем и хорьком-фреткой, которая «выталкивает» кролика из норы. Ну и, конечно, неизменной добычей остается вся «черная семья»: ворона, грач, сорока. Следует, пожалуй, добавить, что помимо традиционной (или ставшей традиционной) добычи сокольники берут решительно все, что поймает ястреб: горностая, хомяка, белку, дятла, дрозда, жаворонка и даже полевку. Это не мелочность, а внимание к труду ловчей птицы.

Постоянно расширяется и спектр самих ловчих птиц. Несомненно, основная классика здесь сохранилась, и наибольший восторг сейчас, как и раньше, вызывают сапсан, балобан, кречет, ланнер, шахин. Но в действительности их давно обогнал количественно ястреб-тетеревятник, который заслужил свою удивительную популярность не менее удивительной универсальностью и легкостью вынашивания. По сути дела он сейчас стал основной, а во многих странах и единственной ловчей птицей. Правда, соколов сейчас и достать-то нелегко. Нередким в сокольничьих руках стал беркут. Очень быстро набирает популярность ястреб-перепелятник. Одним из ярых его пропагандистов был упоминавшийся уже английский сокольник Дж. Маврогордато. Его монография об охоте с ястребами по живости и художественности не уступает цитированной нами ранее статье Н.П. Данилова. Параллельно с традиционными для Европы видами хищных птиц в качестве ловчих все чаще используются экзотические или просто необычные виды. Видимо, перспективными видами оказались «американцы» — краснохвостый сарыч и мексиканский сокол, а из европейских птиц — орел-карлик, ястребиный орел. Среди современных сокольников много оригиналов, которым, видимо, возможность обратить на себя внимание публики значительно важнее, нежели успешная охота. Поэтому в числе ловчих птиц нередко встречаются такие виды, которые хотя и редки, но абсолютно бесперспективны. Пожалуй, здесь справедливо то, что мы уже сказали о современной добыче сокольников: любая хищная птица может сейчас фигурировать в качестве ловчей. Только зачем? Да и принципиальных возражений сейчас звучит немало: улетевшие «иностранцы» могут действительно «засорить» исконно европейскую, аборигенную фауну.

Сама современная соколиная охота в Европе отлилась в две принципиально различные формы — коллективную и одиночную (или небольшой группой из двух-трех человек). Коллективные охоты практикуются в основном во время годичных или других собраний, и в них участвуют иногда десятки сокольников.

Вот как проходила одна из недавних международных встреч, хозяевами которой были словацкие сокольники а гостями — мы.

Организаторы сформировали четыре группы, две из которых составляли охотники с ястребами, третью — с беркутами и четвертую — с соколами. Эти команды охотились в разных угодьях, причем каждый день на новых местах. Что же эти угодья собой представляли? Почти сплошь поля озимых, кукурузная либо пшеничная стерня, неубранные еще плантации сахарной свеклы. Монотонность агроландшафта нарушалась незначительными по площади забурьяненными неудобьями. Клетки полей разделены лесополосами и дренажными канавами с куртинами невысокого тростника. Почти повсюду в поле зрения поселки, а то и пригороды какого-нибудь районного центра. Вероятно, большинство наших охотников скептически отнеслось бы к перспективе поохотиться здесь. Между тем это вполне типичная картина для высокоорганизованного охотничьего хозяйства Центральной Европы. Обилие дичи здесь поразительно. Местный охотовед сообщил, что для своей приписной территории в 4600 га общество охотников имеет следующий годовой план: отстрел фазанов — 2000 штук, отстрел и живоотлов зайцев — по 800 штук, отстрел косуль — 23 головы.

Очень характерно, что встреча проходила за неделю до официального начала ружейной охоты, и сокольники, таким образом, получали серьезную привилегию. Подобная практика давно устоялась и полностью оправданна, ибо по количеству добыча охотников с птицами не идет ни в какое сравнение с ружейной, шума в угодьях при соколиной охоте не бывает и, что существенно, не бывает подранков.

... Раннее утро первого дня охоты. Парадное построение. Сокольники в зеленой охотничьей униформе и шляпах с перьями стоят длинной шеренгой. У каждого на красиво отделанной кожаной перчатке его крылатый помощник. Торжественно звучат охотничьи рога и валторны. После краткой приветственной речи команды рассаживаются по своим автобусам, и вскоре они в угодьях.

По краю зеленого поля озимых растянулись цепью охотники с тетеревятниками. По команде распорядителя цепь двинулась вперед. На поднявшуюся дичь разрешается напускать ястреба только тому, из-под кого эта дичь пошла. После напуска другие сокольники останавливаются и продолжают движение лишь после того, как напустивший вновь возьмет своего ястреба на

руку. Это правило соблюдается возможно строже, так как при одновременном посыле на дичь двух ястребов они нередко бросаются друг на друга, а это почти всегда имеет плохие последствия. То тут, то там, порой из-под самых ног, выскакивают русаки и несутся по озими. Зайцев много, и среди массы молодняка выделяются «профессора», ловко и уверенно уходящие мощной сметкой из-под самых когтей тетеревятника. Большинство ястребов, вложившись в последний бросок, после пролова прекращают преследование и садятся на землю. Однако некоторые, демонстрируя прекрасные скоростные качества и завидную вязкость, гонят зверя и сто и двести метров, делая при этом несколько атак, и в конце концов ловят его. Но это еще не высший класс, «профессора» есть и среди ястребов. Это те, что при хорошей скорости обладают и отменной техникой залова. Они могут взять матерого русака весом до 5 кг прямо с первой атаки. Здесь уже синтез искусства сокольника, физических данных птицы и ее опыта.

...Озимь осталась позади. Цепь охотников подравнивается — впереди ее ждет поле только что скошенной кукурузы с вклинившимся прозрачным перелеском и дренажными канавами — явно фазаньи места. Охотники идут настороженно, они полны внимания. Подбираются и ястребы: их перья прижаты, зоркие глаза ловят малейшее движение. Вдруг совсем близко с шумом взмывает первый петух. Ближайший охотник с азартным криком бросается наперерез и на ходу сильным, но плавным взмахом посылает своего ястреба вперед. Такое стартовое ускорение лишает уже набиравшего было скорость фазана всех преимуществ. Ястреб тут же достает его и, нырнув под петуха, одновременно переворачиваясь через крыло на спину, хватает его снизу. Все произошло мгновенно, и через пару минут об удаче напоминает лишь огненный фазаний хвост, торчащий из сумки счастливого охотника. Цепь движется дальше, но, конечно, далеко не у всех дела идут столь успешно. Напустить ястреба накоротке — это уже удача. Чаще же фазан успевает разогнаться, и тогда задача ястреба становится очень сложной, редко какой выдерживает напряженную стайерскую гонку и не позволяет фазану уйти в спасительный тростник или заросли ежевики. Приблизительный подсчет показал, что на один успешный напуск в среднем приходилось не менее десяти-пятнадцати безрезультатных.

Охота команды с беркутами на зайцев по своему проведению ничем принципиальным от ястребиной не отличается. Беркут не имеет такого стартового рывка, как тетеревятник, и после напуска заяц успевает уйти далеко вперед. Затем расстояние начинает неуклонно сокращаться, хотя полет орла и не производит впечатления стремительного (обманывают размеры птицы), и метров через сто заяц бывает настигнут. Следует атака, но и здесь русак имеет немало шансов уцелеть, так как после первого пролова беркут очень

редко начинает вновь набирать скорость и продолжает преследование. Обычно он остается на земле или делает широкий круг и летит на призывно поднятую перчатку хозяина. Вообще пеший строй современных беркутчи не очень вписывается в окружающий ландшафт. Невольно вспомнишь, насколько естественно выглядит конный киргиз с беркутом где-нибудь в безлюдье предгорий Терскей-Ала-Тоо. Все же нужно отметить, что большинство привезенных на встречу беркутов были хорошо подготовленными рабочими птицами. Запомнилась крупная самка из ФРГ, на счету которой за 10 охотничьих сезонов более 200 зайцев, несколько лисиц, четыре косули и молодой волк.

По-другому строится охота с соколами. Сокольники, сопровождаемые несколькими легавыми и группой болельщиков, останавливаются у начала дренажной системы, заросшей тростником и кустарником, где наверняка проводит день немало фазанов. От группы отделяется охотник с самцом сапсана, который кажется неожиданно маленьким, прямо-таки игрушечным в причудливом ярком клобучке на голове и с бубенцами на лапах. На основание хвоста хозяин прикрепляет крохотный, размером с ноготь, радиопередатчик. Теперь, куда бы птица ни улетала, ее можно будет найти. Вот клобучок снят, сокол немного посидел, привыкая к яркому свету, распушил перья, встряхнулся и, легко взмахнув крыльями, поднялся в воздух. Он полетел на ветер, постепенно набирая высоту, развернулся назад, прошел высоко над хозяином и скрылся впереди за лесополосой. По команде руководителя собаки начали поиск, и вся группа вслед за сокольником двинулась вдоль фазаньих зарослей. Сокол в это время уже летал на стометровой высоте широкими кругами, держа в центре хозяина и снующих по тростнику пойнтеров. Иногда птица отлетала слишком далеко, превращаясь в черную точку, тогда хозяин криками и взмахами вабила возвращал ее назад. Первая стойка не заставила себя ждать, но молодая собака не удержалась и без команды бросилась в кусты. Самка фазана взлетела в тот момент, когда сокол, уйдя далеко вперед, разворачивался на обратный курс. В пологом снижении он бросился в погоню, каждую секунду увеличивая скорость. Пронесся низко над нашими головами и, немного не достав фазанку, успевшую нырнуть в лесополосу, взмыл свечой в небо. Пока раздосадованный хозяин собаки занимался с ней повторением пройденного, кортеж двинулся вперед и сразу вновь остановился. Стойка! Теперь все было по правилам. Сокольник крикнул сапсана, да тот и сам увидел замершего пойнтера, зашел с набором высоты на ветер и занял идеальную для атаки позицию. В тот же момент собака была послана, и с громким хлопаньем, почти вертикально вверх из тростника вырвался петух-фазан. Он уже сложил хвост и стал постепенно отклоняться по ветру, переходя на характерный скользящий полет. Сапсан резко завалился через крыло и вошел в крутое пике. Через мгновение скорость такова, что разли-

чим только соколиный контур да слышен приводящий в трепет сердце сокольника шуршащий свист. Траектории птиц пересеклись, сокол взмыл, гася скорость, и с разворота пошел вниз на летящего комом к земле петуха, а ветер уносил горсть медных перьев из основания фазаньей шеи, куда пришелся разящий удар острых когтей.

Вечером, в густых осенних сумерках, при свете воткнутых в землю факелов на травяной площадке выкладывается вся добытая за день дичь. Снова звучат трубы, распорядитель охоты поздравляет сокольников с удачей и благодарит хозяев. Скрупулезный протокол сообщает, что за три дня охоты было добыто 164 зайца, 40 фазанов, 12 грачей, одна кряква и... две серые полевки, ставшие жертвами самого маленького, но особо верткого самца-тетеревятника.

Индивидуальная охота несоизмеримо интереснее, красивее и спортивнее, но она и много дороже, а поэтому доступна не каждому. Она особенно развита в северных частях Англии и в Шотландии, где обитает прекрасная дичь — граус. Англичане вообще консервативны и почти не принимают участия в коллективных «забавах» коллег с материка. Они предпочитают современную классику: выезжают вдвоем или втроем в угодья на «лендровере» в сопровождении двух-трех пойнтеров и четырех-пяти выношенных сапсанов. Собак поочередно пускают в поиск, а сокол занимает свою позицию в небе.

...На стремительном галопе, высоко подняв голову и схватывая верхним чутьем запахи, идет в правильном челноке пойнтер. Как бы не обращая на собаку внимания, широкими свободными кругами ходит в высоте сокол. Не спеша следуют за собакой охотники, любуясь работой своих друзей и помощников, обмениваясь негромкими замечаниями, посматривая на пологие зеленые склоны гор, на деревни с колокольнями внизу, в долине. И вот пойнтер прихватил запах куропатки. Короткая потяжка, и он уже замер на мертвой стойке, белым изваянием рисуясь на рыжеватом фоне мохового склона. Тотчас меняется и поведение сокола: он заходит под ветер и занимает нужную для атаки позицию. Без большой торопливости подходят охотники к собаке. Команда, быстрая подводка — и с треском, в пестром мелькании крыльев из-под кочки взрывается нераспавшийся еще выводок граусов. А сокол уже готов, он мгновенно и безошибочно наметил себе добычу — и вот в свисте рассекаемого воздуха, почти прижав крылья, он, словно становясь невидимым, молниеносно устремляется вниз. Удар, сноп перьев — и сапсан уже сидит на поверженной добыче. Подошедшая собака обнюхивает убитого грауса, дружески тыкает носом расправившего крылья сокола и ложится рядом. Дело сделано. И такая во всем этом красота, такая законченность, такое совершенство, что истинному сокольнику плакать хочется. От счастья.

А потом в поиск пускается другая собака, наблюдавшая все из окна «лендровера», а в небо уходит второй сокол, а иногда и два сразу. Так течет день.

Прекрасный охотничий день. Жаль только, что верховые лошади, чувствовавшие охоту не хуже собак, ушли в область преданий.

Ну и, конечно, совершенно новый аспект соколиной охоте придают сейчас природоохранные тенденции общества. Мы вернемся еще к этому, но сейчас укажем лишь, что практически во всех странах резко ужесточилось национальное и международное законодательство по охране хищных птиц. Отлов взрослых соколов и ястребов повсеместно запрещен (что вполне оправданно, так как именно от наличия взрослых птиц зависит судьба популяции). Налагаются сильные ограничения и на взятие птенцов из гнезд, даже при условии, что часть их будет оставлена. Не менее серьезные регуляционные меры проводятся и в отношение торговли и вообще пересылки, ввоза и вывоза ловчих птиц. Выход из этого положения сокольники нашли в разведении соколов и ястребов в вольерных условиях — транспортировка птиц, выведенных в неволе, ограничениям не подлежит. Особенно успешным стало разведение после разработки методов искусственного осеменения. Это был просто революционный переворот. Ежегодная продукция сапсанов в вольерах измерялась многими десятками птиц.,а позже и сотнями. В результате сейчас во всей Европе сокольники охотятся почти исключительно с птицами, полученными в питомниках.

Помимо бесперебойного снабжения сокольников ловчими птицами и серьезного вклада в восстановление диких популяций хищных птиц, искусственное разведение в его современных формах привело еще к одному поразительному феномену — получению разнообразных межвидовых гибридов. Именно благодаря искусственному осеменению сейчас получены гибриды между такими систематически, морфологически и экологически далекими видами, как, например, сапсан и пустельга, не говоря уже о гибридах от взаимного скрещивания крупных соколов вроде кречета, балобана и сапсана. Интересно, что в охотничьем отношении гибриды (как правило, более крупные и сильные, нежели исходные формы) оказались исключительно перспективными. Уникальность же их внешнего вида, окраски придает гибридам особую привлекательность и даже экономическую ценность — гибриды до последнего времени не подпадали под действие природоохранного законодательства. В этой связи следует заметить, что коммерческое «производство» гибридов владельцами частных питомников год от года набирает темпы. Да и число таких питомников неуклонно растет.

СОКОЛ НАД БАШНЯМИ ЗАМКА

Если мысленно перенестись в обстановку Западной Европы эпохи Средневековья, то есть в XI-XII века, то первое, что поразит глаз, будут величественные и мрачные силуэты замков на горных вершинах. Эти замки — прибежище тогдашних хозяев жизни, крупных феодалов, в руках которых была сосредоточена вся светская власть. И таких хозяев было немало.

В архитектурном плане эти замки достаточно однородны, хотя, конечно, каждый из них имел собственное «лицо». Объединяло же их функциональное сходство, где главным была неприступность для врагов. Построенные на вершинах с крутыми склонами, недоступных для подвоза примитивных стенобитных машин, окруженные высокими стенами из тесаного камня, опоясанные глубокими, заполненными водой рвами, с боевыми башнями на опасных направлениях, с прочными подъемными воротами, с запасами продовольствия, с автономными источниками питьевой воды, они действительно способны были выдержать продолжительную, подчас многолетнюю осаду даже хорошо вооруженного войска.

Существовало два основных типа замков: собственно замки, где владельцы-феодалы вместе со свитой жили постоянно, и крепости, где в мирное время размещался только воинский гарнизон и куда в случае войны укрывалось все мирное население. Замки были обширнее, там были многочисленные помещения для приемы гостей и торжественных событий, ристалища для рыцарских турниров и конечно же соколиные дворы. Планировка и интерьер крепостей был проще, аскетичнее и, если так можно выразиться, прагматичнее.

По мере концентрации светской государственной власти, по мере создания новых типов вооружения, прежде всего огнестрельного оружия, оборонительные функции замков и крепостей снижаются. Часть их постепенно разрушается и превращается в живописные руины, часть становится летними резиденциями многочисленных европейских королей и правителей высокого ранга. Такие замки и крепости, поддерживаемые и даже реставрированные в период Ренессанса, сохранились до наших дней и демонстрируют великолепие и пышность жизни прошедших эпох. Неудивительно, что они стали самой эффективной приманкой для современных многомиллионных толп туристов.

Мы не случайно позволили себе несколько отклониться от главной нашей темы и посвятить несколько строк описанию средневековых замков и крепостей. Между ними и проблемой охраны хищных птиц просматривается прямая связь.

Рост числа питомников в сочетании с повышением интереса к хищным птицам и проблемам их охраны несколько неожиданно породили в конце

1970-х годов принципиально новое явление — демонстрацию хищных птиц в свободном полете перед обширной аудиторией туристов и любителей природы. Это действительно новое направление в экологическом воспитании людей, в пропаганде охраны хищных птиц!

Впервые мы стали свидетелями такого зрелища в 1989 году в Англии, в Соколином центре в Ньювенте. Этот Соколиный центр был создан в 1967 году известным английским сокольником Филиппом Глейзером для разведения хищных птиц и сов, а также для реабилитации (лечения) хищников, попавших в беду — налетевших на провода, угодивших в капкан, сбитых автомобилем. Вот там-то мы и увидели первые шаги этого удивительного аттракциона. Руководитель центра Джемайма Парри-Джонс, тоже известный специалист по хищным птицам, вышла на лужайку около вольер со своим помощником, держа на руке обыкновенного канюка. Отойдя от помощника метров на сто, Джемайма подбросила канюка в воздух, и тот, сделав два небольших круга, опустился на поднятую руку помощника. Эта нехитрая операция повторилась несколько раз. Все было удивительно обыденно: повседневные костюмы участников, неинтересная птица, примитивная дрессировка. Но уже тогда можно было рассмотреть за всем этим большое будущее.

И оно пришло, это будущее! Сметливые немцы и австрийцы первыми поняли эстетическую привлекательность старинных замков и крепостей и объединили массовый туризм (а замки сейчас — популярнейший объект международного туризма!) с демонстрацией полета хищных птиц, придав всему зрелищу исторический колорит и высочайшую театрализованность. Результат: на каждом из таких объектов ежедневно на протяжении всего теплого периода проводится по два сеанса, а по субботам и воскресениям — по три. Каждый сеанс — по полтора-два часа. Плата: от 5 до 10 немецких марок с человека. Посещаемость: от двух до четырех миллионов человек в год. Возьмите калькулятор и посчитайте! Залезая в чужие доходы, нужно учесть, что аренда замка стоит недешево, что нужен штат квалифицированных помощников, которые стоят денег, что нужен корм для птиц, собак, лошадей. В принципе, доход конечно есть, но не так уж он велик, как может показаться на первый взгляд. А трудов, изобретательности, хлопот масса! Покоя и рутины нет.

Нам удалось посмотреть соколиное «шоу» в Германии (замок Розенбург) и в Австрии (замок, который тоже называется Розенбург, крепость Хоенверфен и руины крепости Ландскрон). Владельцем первых двух австрийских «шоу» является спонсор нашей книги Йозеф Хибелер, и его демонстрация в Розенбурге произвела самое острое, самое запоминающееся впечатление.

Само представление здесь происходит на обширном, хорошо ухоженном газоне, в центре которого расположен небольшой фонтан. С одной стороны

газона — галерея с каменной балюстрадой и рядом скамеек вдоль нижней части, которые к началу сеанса заполняются пестрой толпой зрителей. С противоположной стороны газон ограничен белыми перилами, сразу за которыми отвесно обрывается крепостная стена. Ее подножие утопает в вершинах могучих дубов, окружающих замок и подступы к нему.

Открывают представление четверо трубачей в ярких красно-сине-золотых костюмах, в широкополых шляпах со страусовыми перьями. Резко и непривычно звучат древние охотничьи мелодии, как бы возвращая зрителей в минувшие века. А на специальное возвышение по звуки рогов выходит сам Йозеф Хибелер, главный режиссер и дирижер представления. На нем белая рубашка, поверх которой надет кожаный жилет, зеленая шляпа и такие же зеленые штаны по колено с ослепительно белыми гетрами. Весь костюм выдержан строго в стиле «ренессанс». И это не бутафория, это подлинная одежда сокольников XVI века!

С микрофоном в руке Йозеф с видимым удовольствием рассказывает об истории соколиной охоты, о жизни хищных птиц, о необходимости их охраны. А затем снова звучат трубы, открываются тяжелые боковые ворота и на газон, как видение из далекого прошлого, выезжает всадник с балобаном на перчатке. Одет он так же, как и Йозеф, и на галопе раздуваются белоснежные рукава рубахи и трепещут страусовые перья на зеленом берете. Еще миг, и сокол уже в воздухе, уже над башнями замка. Завороженно смотрят на стремительно несущуюся птицу туристы, вероятно в первый раз в жизни осознающие красоту и элегантность соколиного полета. А в руке у всадника вабило, оно описывает круги над его головой, и, повинуясь инстинкту, балобан устремляется вниз, на воображаемую добычу. Умелым движением всадник меняет направление полета вабила, сокол промахивается и взвивается ввысь, чтобы снова повторить атаку. Еще три-четыре ставки балобана, и всадник бросает вабило высоко вверх, а сокол теперь уже без помех ударяет желанную цель и грациозно планирует на землю. Зрители бурно аплодируют. Номер завершен, и всадник, взяв птицу на руку, исчезает в воротах. А навстречу ему выезжают два новых всадника: мужчина и молодая женщина, кавалер и дама. Оба с соколами на руке. Конечно же внимание всех приковывает дама. Она красива, из-под шляпы вьются в воздухе золотистые волосы, но (и это может быть главное!) она одета в «амазонку» и сидит в седле боком, поперек лошади. Эту забытую сейчас посадку и эту одежду никто из зрителей никогда не видел. И опять на всех снисходит дыхание далекого прошлого! И снова звучат аплодисменты.

Прекрасная пара объезжает газон на коротком галопе, пускает соколов в небо, и снова стремительно птицы расчерчивают в воздухе пространство над башнями. На этот раз демонстрируется парный полет, и он восхищает зрителей вдвойне.

Затем наступает очередь другим хищным птицам показать свое летное искусство. Поочередно в воздух поднимаются орел-могильник, канюк, орлан-белохвост, красный коршун, тетеревятник и даже... филин! Завершает демонстрацию тройка грифов, которых для придания стартовой скорости приходится сбрасывать с башни. Тем не менее грифы умело подхватывают струи воздушных потоков, и уже через несколько минут эти громадные птицы представляются черными точками в бездонной синеве неба. Вернувшись на землю и опустившись на газон, они смешат зрителей неуклюжими прыжками.

Некоторые из птиц настолько увлекаются свободным полетом, что исчезают где-то позади замка. Но не стоит за них беспокоиться! Каждая птица несет на себе радиопередатчик, и по окончании демонстрации будет найдена с помощью специального локатора и поймана.

Обмениваясь впечатлениями, расходятся зрители. Им предстоит еще посетить музей истории соколиной охоты, пройтись по залам и комнатам замка, посидеть за кружкой пива в ресторане. А за воротами уже формируется новая группа желающих посмотреть на птиц и мысленно совершить путешествие в Средневековье.

А что же происходит в замке, когда нет представления? Мы проследили жизнь обитателей замка с восхода солнца до темноты и убедились — это работа не для ленивых!

У Йозефа в замке Розенбург три штатных помощника, которые в основном работают с птицами и участвуют в сеансах демонстрации полетов. С восходом солнца начинается кормление птиц (а их около сотни!), уборка мест их размещения. На территории замка, но вне досягаемости посетителей, располагается питомник, где разводят соколов и некоторых других хищных птиц — питомник нуждается в специальном наблюдении и обслуге. Есть и конюшня на пяток лошадей — их нужно накормить, почистить, убрать стойла. Нужно провести ежедневную уборку всех помещений замка, в том числе и музея. И ежедневная многочасовая дрессировка птиц: во время сеанса сбоев быть не должно, а для этого внутренний настрой каждой птицы нужно полностью контролировать. В целом, работы хватает!

Очень важно, чтобы демонстрационный центр располагался вблизи от популярных туристических трасс. Характерный пример — крепость Хоенверфен. Она расположена на крутом холме, у подножья которого в XI-XII веках пролегал один из путей воинов-крестоносцев, двигавшихся на юг, к Константинополю и далее, для освобождения Гроба Господня, главнейшей христианской святыни. Сейчас тысячи и тысячи туристов-паломников в летние месяцы поодиночке, семьями и группами повторяют этот путь пешком или на велосипедах. В отличие от крестоносцев они идут хорошо ухоженной дорогой, где через каждые четыре-пять километров стоят уютные маленькие гос-

тиницы, предлагающие хорошую пищу и недорогой ночлег. Большие рекламные вывески рекомендуют каждому посетить крепость и окунуться в прошедшие эпохи. Как отказать себе в таком удовольствии? И от главного русла паломников постоянно отрываются ручейки желающих подняться на крутой склон холма и стать гостями Йозефа Хибелера, полюбоваться свободным полетом соколов и старинными костюмами сокольников. Познавательное зрелище и коммерция гармонично сливаются в единое целое.

Идеи создания таких же аттракционов тревожат умы наших московских сокольников. И место для организации показа хищных птиц у нас имеется. Это усадьба-музей Коломенское, излюбленная охотничья резиденция царя Алексея Михайловича. Не хватает только напористой инициативы, и, конечно же, финансовой поддержки. Может быть, среди читателей этой книги найдутся предприимчивые спонсоры и воплотят идею?

Так сейчас обстоит дело с соколиной охотой в Европе. Возродившись после двухвекового перерыва, сохранив в неприкосновенности свои традиции, свою культуру, она, несмотря на значительные трудности и противоречия, вышла на новый уровень развития, прочно удерживает свое место в современном обществе, вовлекая все новых и новых поклонников в свою орбиту, распространяя свое действие на такие важные области, как охрана природы. В подтверждение этого укажем, что в настоящее время в европейских странах — Швейцарии, Англии, Голландии, Дании, Италии, Франции — только в клубах и союзах, вступивших в Международную ассоциацию сокольников, состоит более 500 членов. С учетом стран или союзов, еще не вошедших в эту Ассоциацию, а также «неорганизованных» сокольников, число которых достаточно велико, общую численность активно действующих сокольников в Европе можно определить не менее чем в 10 тысяч человек. Среди них очень высок процент молодежи, в том числе женщин.

Завершая рассказ о возрождении соколиной охоты в Европе, хочется еще раз помянуть добрым словом английских сокольников. Именно благодаря их усилиям и, возможно, островному положению самой Англии сохранились все традиции соколиной охоты, сохранилась связь времен.

СОКОЛ И НЕФТЬ

Казалось бы, какая связь может быть между соколом и нефтью? И действительно, до сравнительно недавнего времени такой связи не было. Разве что сокол случайно испачкается нефтью, выступившей на поверхность, и, естественно, погибнет. Но времена меняются, и очевидная связь соколиной охоты с нефтью проявилась неожиданно, но очень отчетливо...

На протяжении веков крупные соколы, в основном балобан и в меньшей степени сапсан, были неотъемлемой деталью интерьера бедуинских шатров. Четыре вещи составляли тогда особую гордость кочевника: арабский чистокровный скакун, верховой верблюд, собака породы салюки и охотничий сокол. Это не было прихотью, символом престижа или богатства, подтверждением высокого социального ранга хозяина. Это было всего лишь средством регулярно видеть на столе (а вернее, на разостланной на полу палатки скатерти) мясное кушанье. Не было иного пути добыть дичь у кочевников, кроме охоты с соколом и салюки (другие породы собак по религиозным канонам считались нечистыми и к человеческому жилью не допускались). Салюки — очень древняя порода короткошерстных борзых южного типа, имеющая много общего с нашими среднеазиатскими тазы и тайганами. Сотню лет назад бедуины с помощью балобана и салюки сравнительно легко добывали газелей, причем сокол главным образом не давал ей бежать, атакуя ударами в голову, а собака завершала охоту, схватывая и удерживая газель до подхода охотника: по мусульманским обычаям, мясо считалось годным в пищу только в том случае, если живому животному с молитвой перерезали горло и спускали хотя бы немного крови. Позже, с появлением в стране вездеходного автотранспорта, газели стали редкостью, и число охотничьих животных ограничилось пустынным зайцем-толаем, пустынной дрофой-джеком и крупным сухопутным куликом-авдоткой. Никакого ажиотажа вокруг охоты не возникало, это было повсеместное дело, промысел пищи. Сокол должен был накормить не только охотника, но и себя. Не существовало в то время и продажи ловчих птиц: кочевник сам ловил себе сокола, вынашивал его и весной, после окончания сезона охоты, выпускал.

В 30-х годах на Аравийском полуострове нашли нефть, и все переменилось. На арабских шейхов, владельцев бесплодной до тех пор земли, свалилось неслыханное, неописуемое богатство. Среди пустыни с фантастической скоростью начали расти сказочные современные города, своими архитектурными ансамблями и роскошью соперничающие с красивейшими городами Европы и Америки. Но денег у шейхов было так много, что ни строительство городов и дворцов, ни покупка самых дорогих и изысканных развлечений не могли не только исчерпать их, но даже хоть сколько-нибудь заметно убавить. И тогда на сцене появилось, как высшая ценность, то, что нельзя купить — увлечение соколиной охотой. Естественно, что она была обставлена соответственным образом.

...Раннее октябрьское утро. Солнце красным, четко оконтуренным кругом едва появилось над цепью невысоких гор, протянувшихся по горизонту. Ощутимо холодно, и этот холод в сочетании со скупым светом нарождающегося дня делает пустыню еще более мрачной и безжизненной, чем она есть на

самом деле. Не вносят разнообразия в монотонный пейзаж ни сухие русла потоков, образовавшихся во время весенних дождей, ни чахлые заросли пожелтевшей полыни, кандыма и других пустынных растений. Ветер посвистывает в стебельках сухой травы. Человеку здесь жить нельзя.

Медленно движется вереница автомашин, осторожно преодолевая едва заметные, но опасные рытвины и кочки, вползая на пологие холмы и более уверенно спускаясь в низины. Впереди несколько лендроверов и военизированных джипов далее, следуют тяжелые крытые грузовые машины высокой проходимости, три больших бензовоза с громадными цистернами, какие-то специальные установки, закрытые темными чехлами. Кажется, что это тайно пробирается военный десант, совершая рейд по тылам противника. Но в джипах и шоферских кабинах видны не солдаты, а люди в белых, розовых или черных бурнусах, с цветными, свободно ниспадающими на плечи, повязками на головах. На руках у сидящих в лендроверах и джипах людей видны птицы, обряженные в нарядные клобучки.

Один из сидящих в головном лендровере надевает наушники радиотелефона и, переключив расположенную на приборном щитке рацию на передачу, что-то быстро говорит, а потом переходит на прием и долго слушает. Затем, сделав знак шоферу, открывает дверцу и машет рукой. Автомобильная процессия останавливается. А издали уже спешит еще один джип, поднимая скупой шлейф пыли. Это разведчик, который нашел то, что искал. Это современные арабские охотники на джека. Это — Пакистан.

Быстро и слаженно разбивают лагерь люди в бурнусах. Видно, что это привычная для них работа. Поставлены большие шатровые палатки, рядом — чуть поменьше — для кухни и запасов продовольствия. Из-под стянутого чехла появляется мощный бензиновый электрогенератор, который подает ток не только на осветительные лампы, но и к холодильникам, электроплитам, для подогрева води, запас которой хранится в одной из цистерн. На всякий случай здесь же и оружие — новейшие военные автоматы. Все системы жизнеобеспечения. Благодаря этому, охотничий отряд может неделями и месяцами независимо жить в совершенно безводной и потому безжизненной пустыне.

С одной из машин сгружают и запас топлива — сухие сучья саксаула, привезенного за сотни километров. Электричество электричеством, а без костра, без запаха дыма лагерь не кажется законченным, уютным и привычным. Пока на огне закипает вода в тяжелом металлическом кувшине, охотники устраивают на отдых ловчих птиц. Около главной палатки расставлены похожие на грибы насесты и тумбы, обтянутые дорогой красной кожей, украшенные медными кнопками. На них на некотором расстоянии друг от друга рассаживают до трех десятков соколов. В основном это балобаны, но среди них есть и несколько сапсанов и даже два белых кречета. Впрочем, кречетов пускать в полет и не бу-

дут — они для красоты, они слишком редки и дороги, они вроде знамени, которое подтверждает богатство и могущество хозяина и главы отряда шейха Магомета бин Рашид аль Мактоум из Бахрейна.

Пока ставился лагерь, солнце поднялось высоко, и на пустыню легла недолгая осенняя жара. Люди в палатках в ожидании выезда на охоту тихо беседуют, неустанно и безостановочно перебирая четки привычным автоматическим движением. Они могут сидеть так часами, не скучая и не томясь бездельем, ибо на Востоке такое безделье — повседневная и важная работа мужчин. Соколы накормлены и, нахохлившись, прикрыв под клобучками глаза, нежатся в лучах солнца. Джипы заправлены горючим, с них сняты брезентовые крыши, с сидений даже пыль стерта. А сам шейх в своей роскошной палатке, обложившись твердыми сафьяновыми и шелковыми подушками, полулежит в одиночестве на бесценном иранском ковре с Кораном в руках — он человек образованный и богобоязненный и жизнь строит по законам предков. По возможности, конечно.

Но вот миновал полдень, и шейх выходит из палатки. Мгновенно оживляется весь лагерь. Шоферы, подбирая полы длинных одежд, спешат к автомобилям. Охотники разбирают ловчих птиц и рассаживаются в лендроверах и джипах. Механизированная кавалькада трогается. Шейх — в головной машине.

За чертой лагеря джипы перестраиваются в цепь. Скорость теперь значительно больше, чем утром на марше. Поднимая шлейфы легкой пустынной пыли, машины несутся по направлению к отдаленным предгорьям, не обращая внимание на рытвины и кочки. Ничего, что толчки и удары отдаются железным грохотом, — все равно по окончании охоты эти дорогие автомобили просто оттащат на свалку и для следующего выезда купят новые.

Охотники, придерживая сидящих на левой руке соколов, внимательно смотрят по сторонам, острым тренированным глазом мгновенно схватывая все детали ландшафта. Вот из-под крайней машины вырывается заяц и бурым комочком стремительно катится к спасительным кустикам кандыма. Шофер резко тормозит, джип идет юзом, его догоняет и накрывает облачко пыли, но когда оно через несколько мгновений рассеивается, один из охотников уже выскакивает наружу, молниеносным движением сдергивает клобучок с балобана и пускает птицу за зайцем. Не набирая высоты, подобно тетеревятнику сокол стелется над землей и в считанные секунды настигает беглеца. Однако в последний миг заяц дважды резко меняет направление, балобан проносится мимо, и, пока озадаченный сокол перестраивается для новой атаки, заяц ныряет под спасительные ветки кустарника. Птица растерянно взмывает вверх. Но уже подбегает охотник, путаясь в бурнусе и размахивая руками, и зайцу снова приходится выскакивать на открытое место. Бросок балоба-

на — и вот он уже бьется на земле, слившись в единое целое со схваченным им зверьком. Еще несколько секунд, и охотник, наступив сандалиями на задние лапы зайца, оттянув за уши голову, чиркает острым ножом по его горлу, не забыв, конечно, скороговоркой прошептать волшебную формулу: Алла бисмилла иль рахман! (Делаю во имя Аллаха!), а затем переманивает балобана снова на руку. Вся сцена заняла не более пяти минут. Экипаж джипа снова на местах, и дорога к предгорьям продолжается с удвоенной скоростью: надо догнать ушедшие вперед машины. Заяц пойдет позже на корм соколам. Интересно, что никогда араб не пустит за зайцем сапсана. Считается, что в короткой борьбе с зайцем сапсан поломает или помнет перья.

Еще полчаса езды по бездорожью. И вот, наконец, долгожданное событие: острый глаз одного из охотников первым замечает дрофу-джека. Она до этого лежала, купаясь в пыли, но при виде автомобилей из любопытства привстала, и это погубило большую осторожную птицу. Вся цепь машин мгновенно останавливается. Стараясь не шуметь и не делая резких движений, охотники выбираются наружу с соколами на руках. Но охота на джека — вещь особая, из-за нее снаряжена вся эта дорогая экспедиция, и поэтому на сцену первым выходит сам шейх. Это его привилегия.

Джек — птица сильная, и поэтому для охоты на нее используют только более крупных самок сапсана или балобана. При приближении человека джек может повести себя двояко: в одних случаях он взлетает, в других — начинает быстро убегать по земле, не поднимаясь в воздух. На взлетевшую птицу пускают чаще сапсана. Несмотря на кажущуюся медлительность взмахов, джек благодаря мощным широким крыльям летит очень быстро и при виде сокола поступает так же, как ворона или жаворонок, — начинает резко набирать высоту. Тогда, если старт был удачным и джек взлетел на большом расстоянии от охотника, догнать его и выйти на нужную для атаки позицию над дрофой — непростая задача даже для такого прекрасного летуна, как сапсан. И надо сказать, случаи, когда сокол отказывается от дальнейшей погони и признает свое поражение, вовсе не редки. Но если сапсан опытен, силен и в хороших охотничьих кондициях, зрелище его атаки на джека действительно почти не имеет равных по азарту и напряженности борьбы. Впрочем, балобан тоже в таких ситуациях достаточно надежен.

Иначе складывается ситуация, когда дрофа надежду на спасение возлагает на свои быстрые ноги. Тогда в выгодном положении оказывается балобан с его более длинными сильными лапами и способностью брать добычу на земле. Настигнув в низком полете убегающего джека, балобан делает почти свечку, взвиваясь мгновенно на значительную высоту и атакуя бегущую птицу сверху, стараясь прежде всего взять ее за голову или шею. По сути дела это тот же прием, который балобан использует при охоте на зайца. Молодые

и более слабые джеки обычно становятся легкой добычей сокола, однако старая и сильная дрофа оказывает отчаянное сопротивление, парируя атаки балобана мощными ударами крыльев. И опять же далеко не всегда сокол оказывается победителем. Если же он, устав от безрезультатных атак, приземлится около дрофы, та применяет свое последнее средство защиты: она с силой пускает в сокола струю жидкого помета. И горе соколу, если этот «выстрел» будет удачным: клейкие экскременты джека отмыть потом нелегко, во всяком случае для охоты в тот день сокол потерян.

Но вернемся к охотникам. Усевшись в тени машин, они с интересом следят за своим господином. А сам шейх с любимым сапсаном на приподнятой к плечу руке осторожно идет к джеку, держась несколько наискосок, чтобы не спугнуть его раньше времени, максимально выиграть расстояние, дать больше шансов соколу. В шаге сзади следует главный ассистент и телохранитель шейха с балобаном на руке на тот случай, если джек не взлетит, а начнет убегать. Обе птицы — и сапсан, и балобан — уже без клобучков, готовы к напуску, обе видят джека и заметно нервничают. В напряжении и сами охотники. Но вот впереди — мелькание широких крыльев, глухой всплеск взлета, и джек уже несется прочь, быстро забирая вверх. Мгновенным движением, совпавшим с рывком сокола, шейх освобождает его, и сапсан устремляется вверх, спеша выиграть необходимую высоту, вырвать метры и секунды у уходящего все далее и далее джека. На глазах сокращается расстояние между летящими птицами, но вместе с тем растет и разрыв по вертикали — сокол точно ввинчивается вверх по широкой дуге. Обе птицы уже высоко, но сапсан быстрее и выше, и уже ясно — джеку не уйти от атаки. Еще секунды — и сапсан, найдя нужный угол падения, поймав необходимую высоту, собрав крылья и втянув голову, опрокидывается в стремительное падение. Промахнуться по такой большой цели почти невозможно, и удар сокола воспринимается как нечто должное. В воздухе разлетаются светлые перья, джек резко качнулся в полете, но не падает, выправляется и снова набирает высоту. Свечой уходит вверх и сапсан, которого первая неудача вовсе не обескуражила. Его задача — снова набрать нужную высоту, не отрываясь от джека по горизонтали. Это достигается через две-три минуты, и вторая атака, такая же стремительная и красивая, как первая, завершает дело: после удара сокола джек безжизненным комом валится на землю, а сапсан, выровнявшись после броска, присаживается на тело еще шевелящейся жертвы, стараясь схватить ее клювом за шею. Охотники, которые остались далеко позади, видят все перипетии боя и громким криком восторга приветствуют сокола. Бросившись в машины, они, обгоняя друг друга, спешат к месту схватки. Короткая формула смерти, быстрое движение ножа — и минутой позже джек брошен в лендровер, сапсан уже на руке, на голове у него клобучок,

а возбужденные охотники горячо обмениваются впечатлениями. Один только шейх спокоен и внешне равнодушен, ибо так подобает владыке, так подобает настоящему мужчине. Но и у него в душе такая же буря, и благодарность его любимому соколу беспредельна.

К вечеру отряд возвращается в лагерь с десятком зайцев и четырьмя Джеками. Все счастливы, хотя потерялся один из балобанов. Джеки идут на плов, зайцами сегодня накормят соколов. Солнце быстро опускается к горизонту. Время вечернего намаза — все население лагеря склоняется на молитвенных ковриках, и к вечернему небу летит дружная молитва: «Алла акбар...» Затем ужин, и лагерь затихает до утра. Так день за днем на протяжении двух, а то и трех месяцев.

Было бы заблуждением, однако, думать, что современная соколиная охота на Ближнем Востоке является лишь средством с шиком истратить деньги. Здесь просто в некотором роде совпадение: золото только помогло воскресить и поднять на новую высоту то, что в прошлом составляло важную часть жизни и культуры народа, но не могло реализоваться из-за вульгарной бедности, из-за тяжелой борьбы за жизнь, где этой культуре и духовной потребности принудительно отводилась сравнительно ограниченная и сугубо прагматическая роль.

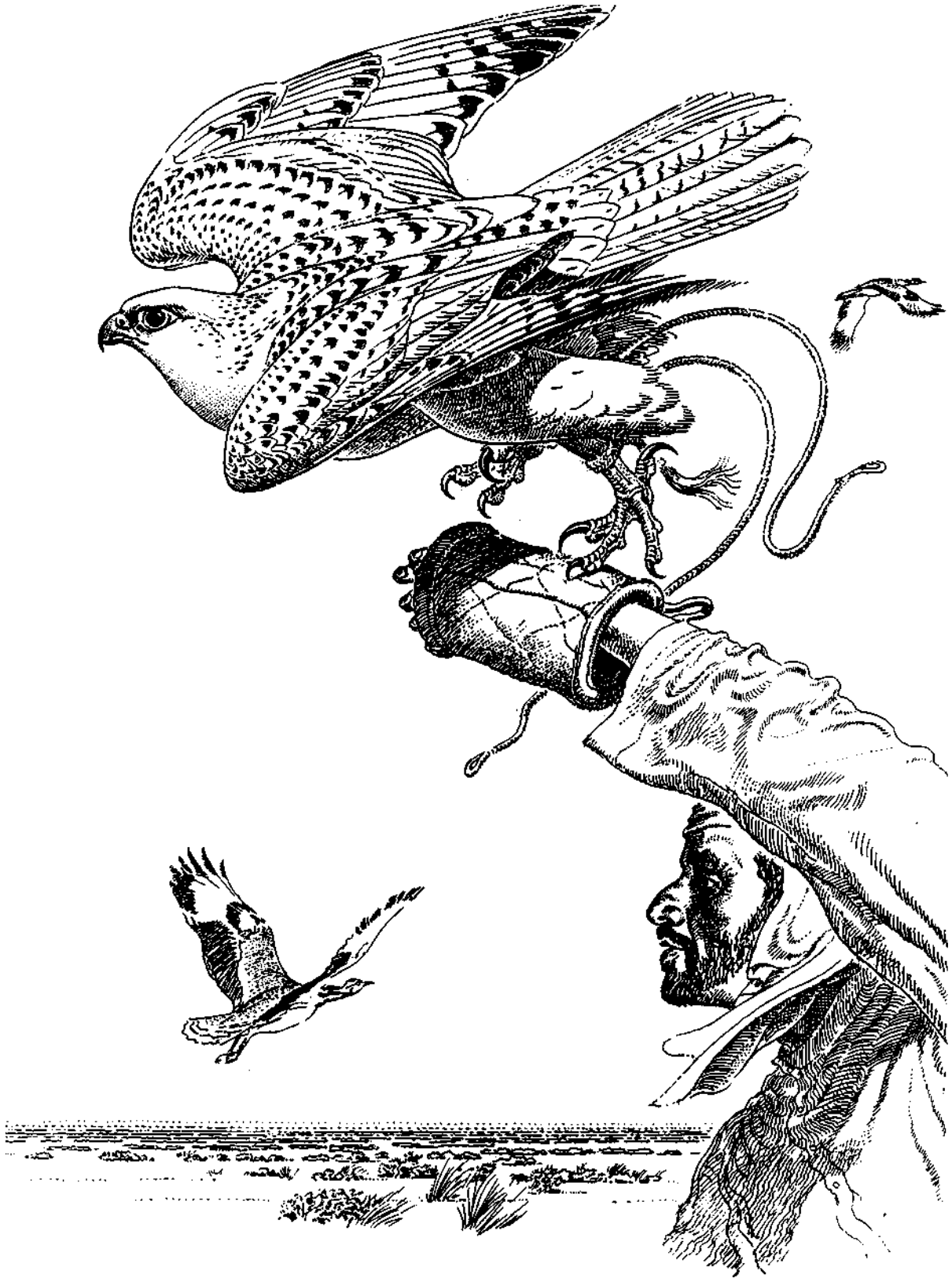
Арабы были и остались превосходными охотниками и знатоками соколиной охоты, самих ловчих птиц. Как и наши среднеазиатские сокольники, они различают множество форм ловчих птиц в зависимости от вида, возраста, происхождения, причем ставят диагноз при самом поверхностном взгляде на птицу, настолько для них очевидна разница, которую мы сейчас почти не улавливаем, даже профессиональные орнитологи. Они могут часами тропить след джека в сухой каменной пустыне, где для глаза белого человека, европейца, даже заметить один-единственный отпечаток лапы почти невозможно. Размяв в пальцах кусочек помета джека, араб по его составу определяет, что джек ел накануне и где он поэтому кормился, а значит, где его можно найти сегодня.

В странах Аравийского полуострова гнездятся четыре вида соколов, однако ни один из них для охоты не пригоден. Поэтому использование взятых из гнезда птенцами и выращенных человеком птиц арабским сокольникам полностью неизвестно. До последнего времени всех находящихся в обращении ловчих птиц отлавливали сами охотники и только во время их осенних миграций. Как уже упоминалось, наибольшую ценность представляют более крупные самки балобана, которых используют при охоте на джека и пустынных зайцев. Самцов сапсана и балобана, а также иногда и ланнера пускают только на авдоток в связи с большой маневренностью их полета. Впрочем, эта охота — скорее забава, и такие ловчие птицы большой ценности не представляют. Рябки

и голуби также иногда составляют добычу сокольников, но гораздо реже. А другой добычи в пустынях просто нет, и поэтому ассортимент ее в быту арабских сокольников так ограничен. Совершенно не используются на Аравийском полуострове в качестве ловчих птиц такие популярные в Европе виды, как тетеревятник, тем более дербник. Лишь на севере, на побережье Средиземного моря, в Сирии, у границ Турции охотятся на перепелов с ястребом-перепелятником. Но это, вероятно, уже влияние турецких охотников, для которых расцвет соколиной охоты давно миновал, а возрождения не наступило, и которые довольствуются сейчас лишь охотой с перепелятником.

Поскольку легавые собаки и спаниели (как и другие породы, кроме салюки) для арабов запретны, охота с соколом производится только с руки. Интересно, что арабы носят балобана очень высоко, приподнимая его над плечом (считается, что зрение у него лучше, нежели у сапсана, и он дальше видит дичь), а затем уж охотник, ориентируясь на поведение сокола, двигается в нужном направлении. Как упоминалось, соревнование в популярности между сапсаном и балобаном в последние годы складывается в пользу последнего. Это происходит по нескольким причинам, из которых немалое значение имеет меньшая требовательность балобана к условиям содержания, особенно в жестком пустынном климате. Да и добыть его сравнительно легче: если сапсанов ловят лишь в довольно узкой прибрежной полосе у Персидского залива, то балобана в соответствующее время легко встретить (а следовательно, и поймать) почти во всех внутренних частях Аравийского полуострова. Нужно, однако, заметить, что в последние годы ситуация изменилась. Численность балобана сократилась, и сейчас на осеннем пролете его тоже можно встретить лишь по морским побережьям, куда и съезжаются все ловцы соколов.

Способов ловли соколов у арабских народов несколько, но один особенно своеобразен. Первоначально с помощью обычной сетяной ловушки добывают сравнительно мелкого и слабого сокола-лаггара. Тонкой ниткой ему сшивают веки, временно ослепляя таким образом несчастную птицу. Затем к лапам подвязывают небольшой шар, сделанный из верблюжьей шерсти, к которому в свою очередь крепятся многочисленные петли из плетеного конского волоса или капроновой лески. Ловушка готова. Выйдя или выехав на машине в подходящие места, охотник разыскивает отдыхающего сокола, балобана или сапсана, и пускает в полет своего ослепленного лаггара. Не видя ничего впереди себя, лаггар летит неровным, неуверенным полетом, невольно неся подвязанный к лапам шерстяной шар. Со стороны можно безошибочно расшифровать эту картину: лаггар поймал какую-то тяжелую добычу и с трудом тащит ее в укромное место. Отобрать у собрата добычу — одно из правил соколиной жизни, и поэтому более сильный сокол немедленно броса-



ется в погоню, догоняет лаггара и, поднырнув под него, старается выхватить ношу. И конечно, тут же попадает в одну из петель. Обе птицы, отчаянно размахивая крыльями, валятся на землю. Как ни силен балобан, а утащить сопротивляющегося лаггара он не может. Да и охотник времени даром не теряет: как правило, в считанные секунды балобан становится его добычей.

Как и европейские сокольники, арабы используют при вынашивании сокола вабило. Арабское вабило сделано из четырех крыльев джека и никакой мясной добавки не несет. На руку владелец сманивает сокола с вабила кусочком мяса. Хорошо выношенный сокол переходит на руку и без всякой подкормки. На все вынашивание сокола и подготовку его к охоте арабскому сокольнику требуется от недели до 20 дней. Кстати, арабы почти не используют бубенцов.

Пришедшая в последнее время мода на соколиную охоту внесла совершенно новую струю в жизнь арабских народов Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна, Кувейта, Катара. Ловчие птицы стали знаменем престижности, цена на них резко возросла, а, следовательно, изменилось их значение и как предмета торговли. Сейчас ежегодно используются для охоты не менее 3 тысяч обученных крупных соколов, в подавляющем большинстве балобанов. Из них несколько менее тысячи оставляется на второй сезон, остальные же либо улетают во время охоты, либо их выпускают весной по окончании охотничьего сезона, который длится с октября по апрель. Арабы выпускают этих птиц не из сочувствия или человеколюбия, а по той простой причине, что держать их жарким летом тяжело, и соколы плохо линяют в неволе в тех условиях. Поэтому нет уверенности,что к сезону охоты они будут в нужной кондиции. Около 2-3 тысяч птиц, в основном рождения текущего года, сейчас ежегодно изымается из популяции, чтобы удовлетворить запросы рынка. Далеко не всегда эта цифра может быть достигнута, и поэтому конъюнктура постоянно меняется. Это породило нездоровый ажиотаж не только в самих странах Аравийского полуострова, но и в Европе. В ряде арабских городов в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах образовались регулярные рынки ловчих птиц, которых привозят для продажи не выношенными, а свежепойманными. Ловят этих птиц преимущественно в Сирии, Афганистане, Пакистане, Иране и некоторых странах Аравийского полуострова. А сейчас и в Среднеазиатских странах СНГ и России. Наиболее крупный из таких рынков в Абу-Даби. Сейчас к торговле подключились и европейцы, разводящие соколов в частных питомниках. Тем не менее, цены на них продолжают оставаться сравнительно высокими. Особенно дороги межвидовые гибриды, о которых мы говорили ранее. Естественно, что такие цены порождают и контрабанду, ибо вывоз соколов практически из всех стран Европы запрещен.

Иначе обстоит дело с главной добычей — Джеком. Он полностью исчез во всех пустынях Аравийского полуострова, и арабские шейхи снаряжают сейчас охотничьи экспедиции в Пакистане, где зимующих Джеков еще много. Пакистан принял закон о запрете охоты, но, боясь испортить отношения с братьями-мусульманами и заботясь о притоке валюты, не вводит его пока в действие. В последние годы арабские охотники зачастили и в страны СНГ — Казахстан, Туркмению, Узбекистан. И истребление джеков продолжается.

Между тем арабские сокольники начинают присматривать новые места для охоты и, в частности, обращают взгляды на Африку, где обитает несколько видов дроф. Если все пойдет так и далее, судьба этих дроф может решиться в считанные годы.

Много общего между соколиной охотой в странах Аравийского полуострова и в Европе. Но и различия не менее разительны и знаменательны, они сказываются даже в самих причинах возрождения соколиной охоты. Можно полагать, что для европейца соколиная охота в Аравии навсегда останется чем-то замкнутым, недоступным пониманию.

СОКОЛЬНИКИ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Как мы уже говорили, охота с ловчими птицами пришла в Японию сравнительно поздно, только в IV веке, из Китая или Кореи, когда императору Нинтока была подарена хищная птица, которую один из придворных опознал как сокола, пригодного для охоты. Этому же придворному поручалось и обучить подаренную птицу, что и было с успехом выполнено. Есть, однако, указания на то, что это был вовсе не сокол, а горный ястребиный орел (Spizaetus nipalensis). Сейчас трудно с достоверностью решить, какая из версий более правдоподобна. На наш взгляд, в подтверждение первой говорит тот факт, что сокол-сапсан сравнительно многочисленнее на гнездовье в Японии, чем ястребиный орел. Кроме того, в более поздних литературно-исторических источниках в качестве ловчих птиц, используемых японцами, ястребиный орел упоминается крайне редко, тогда как сокол назван в числе главных. Вместе с тем, по-видимому, сравнительно скоро практически единственной ловчей птицей у сокольников страны Восходящего Солнца стал ястреб-тетеревятник, причем эти ястребы ввозились преимущественно из Кореи. Особенно ценились белые и вообще светлые птицы.

Охота с ловчими птицами быстро завоевала широкую популярность, однако на протяжении столетий оставалась привилегией императорской семьи и дворянства. В VI веке была создана школа, готовившая специальных собак

для ассистирования сокольникам, а в 701 году организовалась и особая школа сокольников. Сама охота с ловчими птицами неоднократно подвергалась гонениям и запретам. Так, в соответствии с требованиями господствовавшего тогда буддизма, в VII — VIII веках, в период правления династии Нара, она была запрещена, затем в течение длительного периода то открывалась, то снова запрещалась. Известно, что в 1644 году сегун Йемитсу в качестве подарка ко дню рождения сына получил из Кореи двадцать уже выношенных тетеревятников. Есть сведения о том, что уход за ловчими птицами и особенно их лечение возлагались тогда на корейских специалистов-сокольников. В это же время постепенно развилась торговля ястребами, в которой в качестве продавцов выступали все те же корейцы. Приняты были даже особые законы, регламентирующие правила ввоза ловчих птиц в Японию и направленные главным образом на установление карантинных мер. Были случаи, когда на основании этого закона крупные партии тетеревятников (до 120 и более птиц) были возвращены в Корею по подозрению в заболевании.

В эпоху Хейан в Японию переселился знаменитый китайский сокольник, известный под японским именем Ойо Канемицу, который привез с собой старинное описание соколиной охоты в Китае. Его методы вынашивания ястребов были настолько успешными, что привлекли внимание всех японских охотников. Дабы удержать китайского мастера в Японии, ему предложили выбрать жену из тысячи придворных красавиц. Надо полагать, что выбор этот был непрост, однако Канемицу с ним справился. В результате этого брака у Канемицу родилась дочь, которую назвали Акемихикари и которая впоследствии стала не менее талантливым охотником, нежели ее отец. В день свадьбы Ойо Канемицу передал дочери 18 книг и более 36 устных инструкций со всеми тайнами и секретами его метода вынашивания ястребов. Эти методы, получившие позже название Майори, пополненные имевшимся уже у японцев опытом, стали основой современной теории и практики вынашивания ловчих птиц в Японии.

С приходом к власти сегуна Цунайоши из династии Токугава начались гонения на соколиную охоту. Будучи убежденным буддистом, Цунайоши наложил строгий запрет на все виды охоты, в том числе и на охоту с ловчими птицами. В 1684 году была прекращена и торговля ястребами с Кореей. После его смерти, однако, все постепенно вернулось «на круги своя». Вновь была создана система охотничьих резерватов, среди которых самым крупным был заказник Отомеба, площадь которого составляла более 160 тысяч гектаров. Последующие правители из династии Токугава (Кеики, Леуте, Иеяси, Йошимуне и другие) были не только убежденными поклонниками охоты с ловчими птицами, но и подлинными мастерами этого дела. Именно при их содействии соколиная охота в Японии в XVII — XVIII веках достигла своего

расцвета и нашла максимальное отражение в поэзии, живописи, танце. Особенно прославился сегун Йеяси, который умер в возраста 75 лет и буквально накануне кончины добыл с помощью своих тетеревятников 25 журавлей, 8 лебедей и бесчисленное множество уток.

В эпоху Токугава охотники с ястребом получали специальное дополнительное вознаграждение в виде земельной собственности у подножия Фудзи. Содержание охотников повышалось, если они находили гнездо тетеревятника в природе, и размеры этого повышения зависели от числа молодых ястребов, взятых из найденного гнезда. Нужно заметить, что привилегии эти были весьма значительными: самураи-сокольники постоянно нуждались в средствах, а собственная земля у подножия священной горы Фудзи была не только залогом более или менее обеспеченного существования, но и серьезного политического престижа. Определенные привилегии получали и владельцы земель, на которых производилась охота с ловчими птицами: они получали право носить меч и иметь помимо имени также и фамилию, что в древней Японии служило признаком высокого происхождения.

Интересно, что для кормления ловчих ястребов существовала специальная «дружина», ежедневно занимавшаяся только отловом мелких птиц, которые и использовались в качестве корма.

К концу XIX столетия охота с ловчими птицами в Японии резко пошла на убыль. Несмотря на то, что сокольники этого времени (эпоха императора Мэйдзи) сохранили все искусство, перешедшее к ним со времен правления Токугава, в 1866 году круг сокольников ограничивался лишь группой приближенных к императору сановников. К концу века охота с ловчими птицами рассматривалась как непонятная прихоть владыки. Император Мэйдзи имел лишь одного сокольника — очень известного охотника Мурокоши Сентаро, которого позже сменил не менее знаменитый Кобаяши Утаро. К началу XX века культура соколиной охоты окончательно уходит из обихода императорского двора и среды дворян-самураев, вытесненная дешевым огнестрельным охотничьим оружием. И только немногие одиночки, энтузиасты и мастера этой культуры, ведшие, как правило, бродячий образ жизни, сохранили и пронесли через десятилетия традиции и методы истинно японской охоты с ловчими птицами, которые крайне самобытны, совершенно отличны от методов, применяемых на западе, и мало знакомы европейцам.

Причины угасания соколиной охоты в Стране восходящего солнца частично те же, что и в Европе в XIX веке. Это прежде всего отчетливое смещение социальных интересов, приводящее к забвению многих традиций прошлого. Разрушительную роль революций в Японии взял на себя стремительно нарождающийся капитализм, сопровождаемый активной милитаризацией страны. Велика была и конкуренция охотничьего огнестрельного оружия.

Но ряд обстоятельств несет черты особой самобытности и характерен в первую очередь для островного государства, каким является Япония. Это прежде всего острый дефицит мест для охоты: практически вся земля, кроме горных лесов, поделена на сугубо сельскохозяйственные участки с высокой агрокультурой или занята поселениями. Биологическая емкость таких угодий значительно ниже, чем естественных, и соответственно этому заметно снизилось и количество пригодной для охоты дичи. Насколько можно судить по рисункам и гравюрам, посвященным охотничьим сюжетам, в далеком прошлом основными объектами охоты были журавли, лебеди, дикие гуси, в том числе белые гуси, редко залетные птицы, захватывающиеся, по-видимому, во время миграций гуменниками или белолобыми гусями. Из более мелких птиц особой популярностью пользовались дикие утки разных видов, цапли, фазаны, водяные курочки, а из зверей только зайцы и кролики. К середине XX века этот набор поскромнел: журавли и лебеди были взяты под полную охрану, а остальные охотничьи птицы стали концентрироваться на специально охраняемых природных территориях — в заповедниках и других резерватах, где охота строго запрещена и бдительно контролируется активистами многочисленных природоохранных обществ и союзов. К середине XX века наметилось и еще одно явление: немногочисленные к тому времени сокольники потеряли связь друг с другом, изолировались, в какой-то мере замкнулись в покорном ожидании полного «вымирания» охоты с ловчими птицами. Часть из них, особенно из числа городских жителей, стали просто выращивать дома сизых голубей, а затем вывозить их куда-нибудь на пустырь, где и пускали по ним тетеревятника. Но разве это хоть в какой-нибудь степени эквивалентно настоящей соколиной охоте? Казалось, многовековой охоте с ловчими птицами в Японии приходит конец.

Однако в начале 60-х годов те немногие сокольники, которые продолжали стойко держаться за вековые традиции, как бы обрели второе дыхание. Возможно, произошло это не без влияния Запада, но так или иначе они стали объединяться. Началось с совместных тренировок ловчих птиц. Затем было снято два фильма о соколиной охоте, которые не только способствовали сближению уже существующих сокольников, но и привлекли много новых сторонников этой охоты, в том числе и из среды молодежи. Благодаря усилиям таких энтузиастов, как Арие Нива из города Нагоя, Цуюоши Куто из Уваджима, Шигехико Нива из префектуры Ибараки, к 1970 году образовался первый союз сокольников Страны Восходящего Солнца — Клуб сокольников Японии. Самобытные традиции были сохранены.

В 1972 году Клуб сокольников Японии вступил в Международную ассоциацию сокольников. По последним сведениям в нем более 25 членов, активно охотящихся с ловчими птицами. Клуб арендует охотничьи угодья, где оби-

тает довольно разнообразная дичь. Охотятся японцы сейчас, как и раньше, почти исключительно с ястребом-тетеревятником, на вынашивание которого затрачивается от одной до двух недель. Сезон охоты длится с начала зимы до наступления лета. По окончании его японцы, в отличие от арабов, ястребов не отпускают. Лучшим временем охоты на диких гусей считается январь и февраль, в те же месяцы охотятся и на фазанов, диких уток добывают на протяжении всей зимы, а водяных курочек — в мае и июне. Сами методы охоты практически не отличаются от тех, что практикуются в Европе.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА ЗА ОКЕАНОМ

Нет никаких исторических и достаточно надежных свидетельств того что охота с ловчими птицами когда-либо практиковалась на Северо-Американском континенте в прошлом. Древнее население Южной Америки (майя, инки, ацтеки) также, по-видимому не использовало хищных птиц для охоты, хотя хорошо знало их и определенно выделяло из ряда прочих птиц, считая символом благородства и храбрости. Таким образом, в отличие от Европы и Азии американская соколиная охота не имеет, по существу, истории. Это, однако, не мешает ей быть исключительно популярной как в Соединенных Штатах, так и в Канаде, а в самое последнее время и в Мексике.

Как в США, так и в Канаде законодательство, регулирующее охоту с ловчими птицами в отдельных штатах и провинциях, крайне неоднородно. Вместе с тем федеральное законодательство устанавливает определенные минимальные стандарты, необходимые для получения разрешения на содержание и использование хищных птиц для охоты. В одних штатах и провинциях соколиная охота поднята на очень высокий организационный уровень, в других — попросту запрещена. Может быть, по тому простому принципу, что запретить всегда легче, чем регулировать и поддерживать в должных границах.

Вот некоторые основные требования североамериканских законов к приему в немногочисленное привилегированное сословие сокольников. Каждый, кто хочет приобщиться к охоте с ловчими птицами, прежде всего должен получить разрешение, своего рода лицензию. Кандидат должен достичь возраста 14 лет и сдать специальный экзамен в письменной форме. В программу экзамена входят вопросы, связанные с биологией хищных птиц, содержанием и вынашиванием, природоохранным законодательством и регулированием охоты. Он должен также подготовить помещение для содержания ловчих птиц и всю амуницию, которые инспектируются и должны получить одобрение сотрудника Государственного департамента охоты и охраны дичи. Существуют три класса или разряда сокольников: класс новичков, класс обычных охотников и масте-

ров. После выполнения всех перечисленных требований кандидат в сокольники получает звание сокольника низшего класса, ему разрешается иметь одну ловчую птицу — американскую пустельгу или краснохвостого канюка, но отнюдь не сапсана или кречета. Сменить птицу он имеет право лишь единожды в год. В течение двух лет новичок практикуется под постоянным контролем сокольника одного из старших классов, которому разрешается иметь не более трех учеников единовременно. Полноценным сокольником новичок может стать только по достижении лет, после чего получает право держать уже двух ловчих птиц. Сокольник высшего класса, мастер, должен иметь как минимум пятилетний стаж охоты в предыдущем («обычном») классе, и ему разрешено иметь до трех ловчих птиц любого вида. Сокольники всех классов могут при наличии специального разрешения отлавливать в природе в пределах соответствующих норм взрослых и годовалых хищных птиц, но только во время осеннего пролета. Птенцов из гнезд для выращивания и воспитания имеют право брать только сокольники двух высших классов. Всякая купля-продажа хищных птиц из природы на Северо-Американском континенте полностью запрещена. Это очень важная и ценная деталь: она начисто снимает с соколиной охоты легкий привкус коммерции, который, как ни крути, все же свойствен ей в Европе и в странах арабского мира. Таковы в общих чертах основные требования федерального законодательства к охоте с ловчими птицами. Однако многие штаты и провинции, где она практикуется, включают дополнительные требования и условия, устрожающие или детализирующие (не выходя за рамки федерального закона) общие правила. Например, в штате Мэн сокольник-мастер может иметь не более двух учеников. В некоторых штатах возраст вступления в категорию новичков поднят до 16 лет. В штате Нью-Йорк сокольник при взятии птенца из гнезда обязан организовать (и оплатить) охрану оставшихся в гнезде птенцов от енотов и других хищников. Во многих штатах введен дополнительный налог (обычно в размере 10 долларов) на право заниматься соколиной охотой, который поступает в бюджет штата. Очень распространенное явление — специальные советы по соколиной охоте, которые обычно состоят из пяти и более сокольников высшего класса, профессиональных орнитологов и деятелей охраны природы, работают на общественных началах и контролируют всю деятельность сокольников на территории соответствующих штатов (включая выдачу рекомендаций для взятия птенцов из гнезд и контроль за этим). Ввоз хищных птиц в страну и экспорт их за рубеж контролируется специальной службой, выдающей соответствующие разрешения и организующий необходимый карантин (обычно около 90 дней). В последнее время карантинные меры стали необходимы даже при перевозе сокола или ястреба из одного штата в другой. Это, конечно, типичный перегиб. Действительно, создается парадоксальная ситуация: будучи вольной птицей, сокол может беспрепятственно

перелететь из одного штата в другой даже просто для охоты, а после поимки его человеком нуждается для этого в длительном содержании в карантинном помещении. Впрочем, перевозки хищных птиц, а тем более вывоз их за рубеж или ввоз из других стран — дело сравнительно редкое. Американские сокольники чаше всего импортируют ланнера, которого сейчас часто и успешно разводят в Европе, а вывозят преимущественно краснохвостого канюка, быстро завоевывающего популярность у европейских сокольников. Для Америки это одна из наиболее обычных хищных птиц в природе.

Сокольники отдельных штатов или провинций (если речь идет о Канаде) организованы в клубы или местные союзы. Эти местные организации сокольников очень различны по числу членов. Например, Клуб сокольников штата Колорадо включает около 150 членов, Клуб штата Нью-Йорк — более 200, тогда как аналогичный союз в штате Виргиния состоит всего из 22 сокольников, а штата Мэн — даже из четырех сокольников! Надо заметить, что часть сокольников к клубам не присоединяется и охотится индивидуально, что в принципе не запрещается законом. Все клубы и союзы сокольников Канады и США объединены в Североамериканскую ассоциацию сокольников, которая насчитывает более 1500 членов, представлена в Международной ассоциации сокольников, имеет устав и эмблему, выпускает журнал.

Американские сокольники используют много видов ловчих птиц. Наиболее интересными, ценными и в определенном смысле престижными являются, конечно, сапсан и кречет, а также местный эквивалент балобана — мексиканский сокол. Вместе с тем очень популярны также тетеревятник, американский перепелятник, ланнер и, как мы упоминали, краснохвостый канюк и американская пустельга. Надо заметить, что часть сокольников, в строгом смысле слова, не охотится с ловчими птицами, а наслаждается зрелищем их полета, и вот здесь-то американская пустельга и демонстрирует свои исключительные лётные качества, красоту и грациозность, хотя применительно к понятию ловчей птицы она, грубо говоря, ничего не стоит.

Американское законодательство по охоте с ловчими птицами, несомненно, наиболее продуманное и эффективное в мире. Может быть в связи с этим, а может, и по каким-то другим причинам американские сокольники относятся к числу наиболее дисциплинированных, умелых и бескорыстных. Хотя в Америке охотятся и на фазанов, и на водоплавающую дичь, для американского сокольника не меньшее наслаждение доставляет охота на более мелких и полностью «несъедобных» птиц, которых в других странах с трудом относят к числу охотничьих объектов. Для американских сокольников охота — это практически исключительно спорт. Впрочем, здесь трудно быть всеобъемлюще компетентным судьей, и возможно, чувства, которые испытывает сокольник в Шотландии или арабский шейх, напускающий балобана на

джека, ничуть не менее ярки и спортивны, чем американца или канадца. Нам посчастливилось принимать участие в соколиной охоте в Америке, в штате Нью-Йорк, и это одно из прекраснейших воспоминаний из прошлых времен. Может быть, потому, что нашим хозяином был легендарный Том Кейд, профессор Корнеллского университета, организатор Фонда сапсана, инициатор грандиозных работ по разведению и восстановлению популяции реинтродукции сапсана в США.

...Раннее осеннее утро, ясное, но нежаркое, скорее прохладное. В небольшом военизированном джипе кроме нас Том Кейд с сапсаном на руке и за рулем Прескотт Уорд (или просто Скотт), профессиональный орнитолог, специалист по хищным птицам. Поразительно непохожи эти два американца: Том — суховатый, почти совершенно лысый, далеко за пятьдесят, немногословный и сдержанный, Скотт — плотный, миловидное лицо с коротко, по-военному подстриженными усиками, возраст — около тридцати пяти, живой и экспансивный. Оба в ярко-оранжевых жилетах, еще издали бросающихся в глаза. Такие жилеты — обязательная одежда охотников, ибо только что открылся сезон охоты на оленей, и лес полон вооруженных луками и винтовками стрелков. Разумная мера предосторожности. Интересно, что лучники, для которых сезон начался двумя неделями раньше, имеют право охотиться в камуфлированных комбинезонах и куртках. Они даже лицо раскрашивают мазками желтой и зеленой краски, в двух шагах пройдешь — и не заметишь.

Дорога плавно ведет нас с холма на холм. Сами холмы в большинстве случаев поросли лесом, низины и пологие склоны распаханы, кое-где окруженные сетчатой изгородью зеленеющие пастбища с черно-пегими бычками и телочками. Типичный агроландшафт: фермы с изящными силосными башнями и красными сельхозмашинами, желтая стерня, бурые лохматые стебли кукурузы. Лес на холмах не золотой, как наши осенние леса, а ярко-красный, местами просто фиолетовый. Ничего похожего на дичь, во всяком случае с нашей точки зрения. Только группа из четверых охотников в оранжевых жилетах вытаскивает к дороге, к стоящей у обочины машине, только что убитого белохвостого оленя.

Внезапно наш джип резко тормозит и останавливается. Том и Скотт пристально смотрят влево от шоссе, вполголоса переговариваются. Но мы ничего интересного не видим. Тем не менее американцы выходят, и мы следуем их примеру. И тут же замечаем стайку из семи-восьми некрупных птиц, перелетающих среди кукурузных стеблей соседнего к дороге поля. В бинокль их хорошо видно: размером с дрозда, пестрая спинка, золотисто-желтый низ с отчетливым черным «галстуком» на горлышке. Луговые трупиалы! Дичь, прямо скажем, не классная. Но разве в размерах или в названии дело? И наши друзья-американцы готовятся к охоте со всей серьезностью. Сапсан, самец в пер-

вом возрастном наряде, уже без клобучка, внимательно смотрит с руки Тома то вверх, то куда-то в невидимую нам даль, как могут смотреть только крупные соколы. А Скотт обряжается по-иному: через плечо на широком брезентовом ремне у него уже висит довольно объемистая коробка, на голове наушники, а в руке небольшой прямоугольник из тонких металлических трубочек, укрепленный на деревянной ручке. Все это — коробка, наушники и рамка — соединено цветным изолированным проводом. И тут мы замечаем, что к одному из хвостовых перьев сапсана, с нижней стороны хвоста, прикреплен миниатюрный радиопередатчик с коротким тонким проводком — антенной. Весь передатчик не более капсулы, которую используют для того, чтобы проглотить особо горькое лекарство. Все становится понятным: рамка в руках Скотта — это антенна-пеленгатор, ящик — это батареи питания, а наушники — это просто наушники. Через них он будет слышать сигнал, подаваемый трансмиттером, то есть радиопередатчиком, укрепленным на хвосте сокола.

И вот сапсан слетает с руки Тома, довольно долго летит низом, как-то неуверенно взмахивая крыльями. Кажется, что птица вот-вот сядет на землю, но нет, она постепенно набирает темп, а с ним и высоту. Еще несколько долгих секунд — и сапсан уже над ближайшим лесом, он уже видится лишь мельтешащей точкой, а еще немного спустя исчезает за деревьями. Полное ощущение, что он исчез навсегда. Но, глядя на напряженное лицо Скотта, видя, как медленно и осмысленно он поворачивает антенну-пеленгатор, мы понимаем, что он в постоянном контакте с радиопередатчиком на хвосте сокола и опасности нет. Действительно, через две-три минуты сапсан вдруг выныривает из-за деревьев. Теперь он высоко в воздухе, взмахи крыльев сильны и часты, полет уверенный, мощный. Птица заходит на широкий свободный круг, не выпуская нас из поля зрения.

А Кейд уже перелез через невысокую изгородь, отделяющую делянку кукурузы от кромки шоссе, и быстро идет к тому месту, где мы в последний раз видели луговых трупиалов. Чтобы привлечь внимание сокола, он иногда покручивает над головой вабило, испуская одновременно странный пронзительный и короткий крик, что-то вроде звонкого «хей!». Как-то не вяжется этот легкомысленный выкрик с достоинством профессора одного из крупнейших университетов США. Но Том абсолютно невозмутим, и мы понимаем, что все происходящее в порядке вещей. Значит, так и надо.

Трупиалы долго не показываются. Видимо, пока мы отвлеклись и рассматривали телеметрическое оборудование Скотта, они перелетели незаметно дальше к краю поля. Но в конце концов Том настиг их, и они поодиночке начали вылетать у него из-под ног, с неохотой покидая заросли кукурузы. Видимо, они уже заметили сапсана и знали, что ничего хорошего им ждать не приходится.

Двух первых трупиалов сокол пропустил. То ли сразу не увидел их, то ли позиция была неудобна для атаки, но, так или иначе, птицы улетели с миром. Когда же из кукурузы выпорхнул третий трупиал, все мгновенно изменилось. Совершенно без всякой подготовки сапсан нырнул к земле. Именно нырнул, как прыгает с вышки спортсмен-ныряльщик. Скорость этого нырка была так велика, что птица стала почти невидимой, словно растворилась в воздухе, и на ее месте возник резкий свистящий звук, который оборвался негромким шлепком. Трупиала, который летел не выше двух метров над землей, точно швырнуло вниз, и он упал в зеленую траву лужайки, обрамлявшей кукурузное поле. Раскинув мгновенно крылья и распустив хвост, сокол виртуозно затормозил, снизил скорость и, став снова видимым, сел прямо на добычу, прикрывая ее развернутыми крыльями. Все это заняло от силы несколько секунд; мы еще не успели очнуться от столбняка, в который повергла нас атака сапсана, а он уже начал ощипывать злосчастного трупиала.

Но поедать добытую птицу не полагается даже сапсану, и Том быстро и умело переманил его на перчатку, обрядил в клобучок и забрал уже изрядно потрепанного трупиала. Впрочем, через несколько минут клобучок был снова снят, и сокол получил возможность с комфортом воспользоваться своей добычей, сидя на руке Тома.

Еще полдня мы ездили по полям и холмам, повинуясь причудливым изгибам шоссе, но охотничье счастье отвернулось от нас; ничего подходящего мы не встретили. Но мы и так были счастливы: мы воочию убедились, что классическая соколиная охота в Северной Америке нашла свою вторую родину. Мизерные размеры нашей добычи ничуть не омрачали нашего восторженного состояния.

Увлечение соколиной охотой захватило и Мексику. Не имея собственных традиций, мексиканцы, как и их северные соседи, охотно развивают традиции европейских сокольников. Всего в Мексике сейчас более 200 сокольников, большинство которых живет в столице. Среди сокольников многие обладают большим опытом.

Охотятся в основном с местными птицами — краснохвостым канюком, краснокрылым и пустынным канюками, американским балобаном, но иногда используют также сапсана и беркута. В 1985 году образовался Союз мексиканских сокольников, который насчитывает пока около 30 членов. Возглавляет Союз очень энергичный и опытный сокольник Фредерико Медрано.

Женщина с соколом на перчатке

Ружейная охота — почти исключительно привилегия мужчин. Нечасто увидишь женщину с ружьем в лесу или на болоте. И только журнал «Охота и охотничье хозяйство» в своих мартовских номерах из года в год убеждает нас в том, что и среди женщин есть настоящие мастера охоты.

Действительно, в искусстве стрельбы, особенно стендовой, женщины не уступают мужчинам, а по остроте переживаний может быть в чем-то и превосходят. Но традиционно все-таки реальный расклад жизни, жизненные обязанности, да и физические возможности определяют то, что женщина с ружьем скорее исключение, чем правило. Несколько иначе складывается ситуация с женщинами-сокольницами, по крайней мере в Западной Европе и Америке.

Нет никаких свидетельств того, что женщина хоть как-то соприкасалась с соколиной охотой в раннеисторические времена. Да и в средние века, в эпоху Фридриха Гогенштауфена, сложившиеся к тому времени каноны соколиной охоты, как уже упоминалось, с их жестокими требованиями серьезной физической подготовки и сурового аскетизма просто исключали присутствие женщин на охоте. Женщина появлялась в обществе сокольников только в «нерабочее» время. Насколько можно судить по старинным рисункам, привлекали женщину в это время скорее всего не ловчие птицы, а сами сокольники мужского пола, молодые, сильные и энергичные парни. В принципе это можно понять, явление вполне житейское, и судить средневековых красавиц было бы несправедливо.

Анализ старинных гравюр показал, что первое массовое прикосновение женщин к процессу соколиной охоты относится, по-видимому, к концу XV века. Но и тогда в кавалькадах сокольников они были как бы украшением, часто сидели на крупе лошади позади охотников и никогда не держали ловчих птиц на перчатке. Положение коренным образом изменилось в начале эпохи Возрождения, когда женская красота, культ женщины были подняты на особый пьедестал. Поклонение женщине стало своего рода стимулом развития многих общественных явлений, неотъемлемой принадлежностью искусства, да и всех других сторон культуры и быта. На картинах и гравюрах этого периода уже не редкость видеть женщин с ловчими птицами на руке, участву-

ющих в охоте на равных правах с мужчинами. Нет нужды подчеркивать, что охотой занимались лишь аристократки. Приблизительно к этому времени, по-видимому, относится возникновение особого способа дамской посадки в седле, когда обе ноги всадницы расположены по левую (изредка по правую) сторону лошади. Роль правого шенкеля играет стек, вдетый крючкообразной рукояткой в специальное кольцо на подпруге. При такой посадке всадница держит поводья в левой руке, а правой придерживает за петельку рукоятку стека. Тогда же, когда на правой руке сидит ловчая птица, приходится от стека отказаться. Надо добавить, что новая манера верховой езды потребовала и соответствующего наряда. Так, было «сконструировано» платье для верховых выездов с длинной и сравнительно узкой юбкой, которое получило, как и сама манера сидеть в седле боком, название амазонки. Современная посадка, несомненно более удобная и надежная, не без основания считалась неприличной. Амазонки были в большой моде вплоть до начала нашего века.

Первой персонализированной сокольницей была герцогиня Мария Бургундская (1457 — 1482), супруга короля Максимилиана I, императора «Священной Римской империи». Правда, в историю соколиной охоты она вошла при трагических обстоятельствах: во время скачки, увлеченная зрелищем атаки ее любимого кречета на стаю гусей, герцогиня не сдержала коня, и он, перепрыгивая через ствол поваленного дерева, упал, увлекая за собой всадницу. Когда свита придворных подскакала к месту происшествия, герцогиня была мертва. Случись такое с мужчиной, все сочли бы это рядовым случаем и скоро забыли бы о трагедии. Но смерть двадцатипятилетней красавицы, баловня судьбы, была воспринята современниками как мрачное проявление рока, как перст судьбы, фатальная неизбежность. Недаром среди нескольких картин, отражающих это событие, есть любопытная гравюра, где выезжающая на охоту герцогиня окружена невидимыми ее спутникам тремя фигурами смерти. Судьба Марии Бургундской так запечатлелась в памяти поколений, что и сейчас один из клубов сокольников на территории бывшей Фландрии носит ее имя.

История не сохранила имена сокольниц XVI — XVIII веков. Запечатленные на многочисленных гравюрах, посвященных охотничьим сценам, они, к сожалению, анонимны. Что же касается женских портретов с соколом или ястребом на руке, то здесь всегда остается сомнение, не является ли ловчая птица просто деталью, подчеркивающей благородное происхождение или высокое общественное положение изображенной особы. Кстати, таких портретов немало, и некоторые из них относятся к шедеврам мировой портретной живописи, как, например, портрет неизвестной дамы с соколом, относимый к голландской школе XVI века и украшающий картинную галерею в Лувре.

Ранее мы упоминали, что не чужды соколиной охоте были две русские императрицы, Елизавета и Екатерина II. Нам представляется, однако, что

охота с дербником для этих дам была скорее всего случайной забавой, а не сколько-нибудь серьезным увлечением. Возможно, они просто любили иногда полюбоваться полетом сокола. В середине XIX века более значительную память оставила королева Нидерландов София. Мы уже упоминали о ней, когда рассказывали об английском Королевском Клубе сокольников в Лу, охотничьи угодья которого находились в Нидерландах. Королева София часто принимала участие в охотничьих выездах членов этого клуба на равных правах с мужчинами. В седле она по моде тех времен сидела боком, однако, будучи левшой, предпочитала правостороннюю посадку. Сокола тем не менее держала все же на правой руке.

Возрождение соколиной охоты в середине XX века знаменовало массовое вступление женщин в ряды сокольников. Мы проанализировали около сотни групповых фотографий членов различных объединений сокольников в странах Европы, сделанных в последние 30 лет, и установили очень интересный факт: на этих фотографиях до 20% охотников составляют девушки. Если же вычислить среднюю величину, то она оказывается равной приблизительно 8-10%.

Некоторые из современных женщин-сокольниц уже сейчас оставили заметный след в развитии и популяризации соколиной охоты. Одной из первых, возможно, заслуживает упоминания англичанка Эмма Форд. Она впервые выносила охотничьего ястреба, когда ей исполнилось лишь восемь лет. Впоследствии вместе со своим мужем Эмма Форд собрала хорошую коллекцию ловчих птиц и постигла все премудрости охоты с ними. В 1979 году по приглашению шейха Заида, президента Объединенных Арабских Эмиратов, Эмма Форд вместе с мужем изучала соколиную охоту в странах Ближнего Востока. По возвращении в Англию в 1982 году она заложила основу Британской школы сокольников, первого специального центра по обучению приемам соколиной охоты. В том же 1982 году Эмма Форд, будучи настоящим практикующим сокольником, опубликовала книгу «Сокол в вольере и в поле». Помимо традиционных вопросов, связанных с историей соколиной охоты, описанием амуниции и методов тренировки соколов и ястребов, в книге большое внимание уделено содержанию и разведению хищных птиц, причем при ее чтении не покидает чувство, что автор имеет собственную точку зрения на все основные проблемы, обладает немалым собственным опытом. Книга включает несколько приложений, в том числе очень интересный словарь специальных терминов, что придает ей дополнительную ценность.

Вторая современная патриотка соколиной охоты — уже упоминавшаяся нами Джемайма Парри-Джонс. Дочь известного английского сокольника Филиппа Глейзера, она с детских лет интересовалась животными и природой. Однако когда пришло время выбирать жизненный путь, Джемайма выбрала музыку: два года она проучилась пению в музыкальном театре в Гилдфорде,

а затем еще три года в Королевской музыкальной академии в Лондоне. Видимо, дебют Джемаймы в качестве профессиональной певицы был не особенно удачным, так как она вскоре по завершению курса в академии уехала в деревню, имея спутниками собаку, двух кошек, трех попугаев, двух кроликов, двух хищных птиц и черепаху. Она присоединилась к своему отцу, который к тому времени уже создал знаменитый Соколиный центр в Ньювенте. В 1981 году Джемайма с мужем выкупили Соколиный центр у Филиппа Глейзера и стали полновластными его хозяевами.

Подобно Эмме Форд, Джемайма также написала очень интересную книгу о соколиной охоте, которая вышла в свет в 1988 году. Книга эта имеет несколько иной профиль: поскольку Джемайма в меньшей степени относится к настоящим охотникам, а скорее просто любит хищных птиц, основная тема книги — содержание, вольерное разведение и охрана хищных птиц. Вместе с тем личный практический опыт, полученный при работе в питомнике, делает книгу Парри-Джонс незаменимым пособием при разведении соколов, ястребов, орлов,сов.

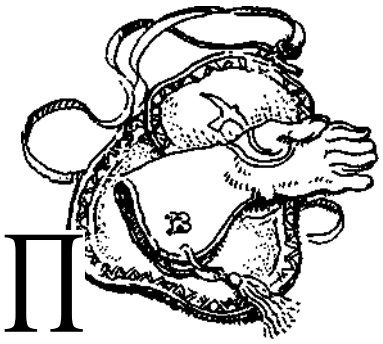
Совсем иначе вспоминается нам американская сокольница Фрэнсис Хаммерстрем. Фран родилась в 1907 году в Бостоне, в старой и очень богатой семье. Как и Джемайма, она с детских лет была тесно связана с дикими животными, но прежде всего увлекалась охотой, причем не ловчей, а с оружием. Обладая неровным, а вернее, необузданным характером, в котором главным было проявление независимости, она прожила сложную и интересную жизнь. Будучи учеником известного деятеля охраны природы Олдо Леопольда, Фран Хаммерстрем и сама вошла в историю сохранения и изучения животного мира Северной Америки как один из наиболее ярких и активных деятелей. По ее инициативе в Висконсине создалось Общество сохранения лугового тетерева, почти исчезнувшего при уничтожении аборигенных прерий. Это Общество откупило значительные территории, где был создан специальный заповедник. В настоящее время этот вид восстановился и процветает. Работы Фран по биологии лугового тетерева, его поведению остаются непревзойденными и по сей день. Широко известны и ее иследования по хищным птицам, особенно по американской пустельге.

После смерть мужа она в полном одиночестве жила в странном доме среди лесов Висконсина. Дом остался недостроенным после того, как в середине прошлого века все мужчины из семьи, владевшей им, ушли на гражданскую войну и не вернулись. В доме гигантский очаг с чугунным котлом для варки пищи, старинные чугунные же печи для обогрева зимой, старинная мебель, но нет горячей воды и газа. Большим диссонансом здесь выглядят современные компьютеры и факс. Умерла Фран в этом же доме совсем недавно, в 1998 году, в возрасте 92 лет.

Любовь к охоте с ловчими птицами пришла к Фран тогда, когда она начала изучать биологию американской пустельги. Ее привязанностью стал, однако, беркут, с которым Фран успешно охотилась долгие годы. Впрочем, она не одинока — в Европе женщины-сокольницы нередко также отдают предпочтение охоте с беркутом.

Женщины-сокольницы, причем охотники высокого класса, использующие даже таких крупных птиц, как беркуты, многочисленны сейчас во всех странах Европы. Есть они и в Америке. Судя по старинным миниатюрам, охотились женщины с соколом и в Иране. Однако в странах арабского мира и в Японии соколиная охота по настоящее время является безоговорочной привилегией мужчин. Не встречали мы женщин и среди соколиных охотников Грузии.

Массовый приход женщин в соколиную охоту не случаен. Она требует от своих приверженцев особого духовного склада, особой душевной чувствительности, мы бы добавили — нежности и чуткости в обращении с гордой и свободолюбивой птицей в сочетании с терпением и настойчивостью. Всеми этими качествами большинство женщин обладает в полной мере, нередко превосходя мужчин. Женщина с соколом на перчатке — это реальность сегодняшнего дня. Реальность, которую ждет большое будущее.



Как стать сокольником

По большому счету, отвечая на вынесенный в заголовок вопрос, следует твердо сказать, что сокольником стать нельзя, им нужно родиться. Это несомненно. Но также несомненно и то, что в семье потомственного киргизского беркутчи не каждый рождающийся сын наделен необходимым состоянием души. Конечно, он имеет преимущество перед московским мальчишкой, ему несравненно легче освоить азбуку и грамматику обращения с птицей, научиться, в конце концов, ловить зайцев, кекликов и лисиц. Но это все не означает, что он станет истинным сокольником, как не становится поэтом любой, осиливший грамоту. И в этом отношении преимущество сына киргизского беркутчи перед московским мальчишкой вовсе не очевидно. Сокольник — это не тот, кто просто владеет ловчей птицей, и не тот, кто получил определенный запас знаний и навыков обращения с ней, это даже не тот, кому все это позволяет добиваться результатов на охоте. Названное, конечно, необходимо, но как элементарная основа, фундамент совершенно особого явления человеческой деятельности. Настоящий сокольник начинается лишь тогда, когда, сливаясь в ощущениях со своим крылатым другом, он сам обретает крылья и способность разделять с ним упоительный экстаз полета. Тогда бег времени замирает — секунды ястребиной угонки и мгновения броска сокола кажутся долгим и насыщенным действием. Каждый взмах крыла, неуловимый поворот головы или молниеносный выброс соколиных лап навстречу добыче воспринимаются как свои собственные. Промах птицы оборачивается почти физической усталостью, а ее победа наполняет сладостным чувством высоты и парения.

Однако для того, чтобы научиться плавать, нужно как минимум войти в воду. В сокольничьем деле так же: понять свои перспективы или бесперспективность можно, лишь окунувшись в практику общения с ловчими птицами. В ряду других охот соколиная — одна из самых сложных и тонких, и связано это с тем, что ее орудием является живое существо, простое содержание которого выливается порой в нелегкую задачу. Знаток и почитатель соколиной охоты, один из основоположников экологической науки, американский профессор Олдо Леопольд писал полвека назад: «За два с половиной цента можно купить пулю и убить цаплю, которая стала бы трофеем сокола

только после долгих месяцев, если не лет, тщательной подготовки и сокола, и сокольника... сокол из-за малейшей ошибки в обращении с ним может либо «стать домашним», либо навсегда исчезнуть в небесной синеве».

За долгие века сокольники узнали о хищных птицах очень многое, и способы общения с ними оформились в стройные системы наиболее рациональных методов и приемов. Отлов птиц, их выращивание и содержание, обучение и использование в охоте разработаны так детально, что для изложения всех нюансов даже одного раздела потребовалась бы отдельная книга. Мы сужаем свою задачу до описания принципиальных основ практики охоты с ловчими птицами. Это своего рода техминимум, а говоря спортивным языком — школа или обязательная программа, без овладения и творческого осмысления которой немыслимо достижение высот мастерства.

ГДЕ ВЗЯТЬ ПТИЦУ?

Всесторонне оценив свои возможности и твердо вознамерившись посвятить себя охоте, начинающий сокольник встает перед первой серьезной задачей. Необходимо обзавестись птицей. Для этого есть три основных пути: приобрести ее в специальном питомнике, взять молодого, еще нелетного птенца из гнезда или поймать дикую птицу.

В США и Канаде, в европейских странах, где развита современная соколиная охота, питомники рассматриваются практически как единственный источник обеспечения желающих редкими видами пернатых хищников. Все крупные соколы, а также орлы всюду тщательно охраняются, и изымать их из природы разрешается в крайне редких случаях. Поэтому сокольникам совершенно нереально рассчитывать на такой способ обзаведения сапсанами, кречетами, балобанами и беркутами. В охотничьем законодательстве многих стран однозначно говорится, что такие виды разрешено использовать для охоты только в случае, если птицы рождены в неволе. Причем питомники по их разведению должны быть официально зарегистрированы специальными государственными органами. Человеку, купившему здесь птицу, выдается соответствующий документ, а птице — «удостоверение личности» в виде неразъемного кольца с номером. Кольцо надевается на лапу птенцу вскоре после вылупления, и через неделю-другую снять его уже невозможно. Это кольцо, не нарушив его, нельзя будет переставить на другую птицу. Такой порядок представляется вполне целесообразным и отвечающим задачам сохранения редких видов, поскольку природе не только не наносится ущерб, но иногда она может и обогатиться за счет не столь уж редких отлетов птиц во время дрессировки или охоты. __

Цены на выращенных в вольерных центрах хищников достаточно высоки. Для сапсанов, например, их можно сравнить с ценами наиболее престижных и дорогих охотничьих собак. Походя такую птицу не купишь; как правило, — это всесторонне взвешенный, осознанный шаг опытного сокольника, имевшего дело с менее сложными в обращении и не такими ценными птицами. А это уже определенная гарантия хорошего содержания, квалифицированной дрессировки и правильной охоты, то есть тех условий, которые позволяют соколу сохранять прекрасную форму в течение долгих лет.

У нас в стране разведение редких соколов делает первые шаги, и существующие питомники не могут пока обеспечить запросы всех сокольников. Тем не менее и для нас возрождение охоты с соколами возможно только на основе развития их искусственного разведения. Виды хищников, численность которых позволяет не опасаться за их судьбу, в первую очередь тетеревятник, перепелятник, некоторые мелкие соколы, могут быть отловлены в природе. Причем каждый отлов охраняемых законом хищных птиц допустим лишь после получения специального разрешения. На этом мы еще остановимся, а пока попытаемся разобраться в специфике возрастных групп птиц и оценить их плюсы и минусы с точки зрения сокольничьей практики.

В охоте с ловчими птицами принято очень тщательное и подробное деление пернатых хищников в зависимости от их возраста, а также времени их поимки, что имеет важное значение для оценки охотничьих качеств птиц и применения при работе с ними тех или иных способов дрессировки. Русские, например, сокольники с давних времен пользовались такой терминологией. Птицы, вынутые из гнезд и выкормленные в неволе, назывались гнездарями. Тех, что ловили после вылета из гнезд и до поздней осени, именовали слетками. Слеток, пойманный ближайшей зимой и весной и еще не линявший, назывался молодиком (весенних молодиков называли вешняками). Если ловчую птицу ловили во вторую осень ее жизни после первой линьки, она называлась розмытом. Название это происходит от старинного слова «мыть», то есть линька. Наконец, птица, пойманная в возрасте нескольких лет, а точнее, от двух лет и старше, была уже дикомытом. Причем возраст дикомыта определялся числом линек. Например, когда говорили о соколе трех мытей, имелась в виду птица по четвертому году. Слеток или гнездарь, перезимовавший и затем перелинявший в неволе, назывался пересалом или старым.

Подобная или близкая классификация существует во всех традиционных регионах охоты с ловчими птицами, и, чем глубже корни этого занятия, тем подробнее и изощреннее системы возрастных, экстерьерных и других критериев. Так, казахские беркутчи выделяют семь основных категорий только для возрастного деления беркутов, каждая из которых очень точно соответствует научным представлениям современной орнитологии. Опытные кир-

гизские охотники разграничивают беркутов по окраске, размеру и особенностям строения не менее чем на двадцать групп, представители каждой из которых имеют особые ловчие качества.

Какую же по возрасту птицу предпочтительнее выбрать начинающему сокольнику и что лучше для опытного? Чем отличаются гнездари от слетков, а слетки от дикомытов? Традиционно и не без основания считается, что основные преимущества гнездарей— в легком привыкании к человеку и сравнительно простом вынашивании, однако по охотничьим качествам и физической кондиции они уступают птицам других категорий. Безоговорочно с этим согласиться нельзя. К преимуществам гнездарей можно добавить и способность (иногда просто феноменальную) обучения охоте на несвойственную для вида добычу, их привязанность к хозяевам. В опытных руках они превращаются в достаточно ловких, сильных, быстрых и добычливых птиц. Однако именно в «опытных руках», ибо, как ни странно, именно гнездари требуют высокой квалификации сокольника и ответственного к себе отношения. Не столь уж велика беда,если слабо подготовленный человек не сможет реализовать заложенных в птенце качеств; много хуже то, что неумелые действия зачастую приводят птиц к гибели еще до начала вынашивания или превращают их в уродливые создания, печальный финал которых почти всегда бывает предрешен. Не случайно во многих странах начинающие сокольники не допускаются к работе с гнездарями. В США для этого необходимо иметь практический стаж не менее чем двух лет.

Со слетками проблем меньше. В физическом отношении это уже сформировавшиеся птицы, имеющие к тому же некоторый опыт охоты. Опыт этот возникает не вдруг, поэтому птицы, добытые под зиму, ловят гораздо лучше, чем в начале осени. Обладая податливой еще психикой, слетки по легкости дрессировки мало отличаются от гнездарей и в наибольшей степени годятся для начинающих. Перелинявшие на воле розмыты, пойманные во вторую осень их жизни, часто считаются лучшим материалом для сокольника. Птица достигла полного развития, а количество пойманной за год добычи трансформировалось в надежный стереотип охотничьего поведения. Общение с такими птицами хоть и сложнее на первых порах, чем со слетками, но каких-то принципиальных трудностей в вынашивании не возникает.

Иное дело взрослые хищники, прельщающие в первую очередь большим охотничьим опытом и великолепной статью. Дрессировка их ставит проблемы, решить которые не всегда под силу и самому опытному специалисту. Закрепленная годами тактика охоты и определенные, устоявшиеся приемы ловли нередко входят в противоречие с новыми задачами и требованиями сокольника, которому далеко не всегда удается сломать «закостенелый» стереотип. Тогда остается либо подстроиться под птицу, либо с ней расстаться.

И все же именно среди таких птиц встречаются порой самые выдающиеся ловцы.

Утвердившись в намерении взять гнездаря, необходимо иметь в виду, что чем птенец моложе, тем легче будет установить с ним контакт. А возможность легкого приручения и сравнительная простота вынашивания и есть основной довод сторонников работы с гнездарями. На гнездарях, правда, иногда останавливаются и по причинам чисто «техническим»: далеко не простое дело — отлов подросших слетков и тем более взрослых птиц, хотя и выращивание птенцов до подъема на крыло представляет немалые трудности. Хлопот, естественно, тем больше, чем моложе взятый гнездарь, зато такие пуховички с первого же дня относятся к человеку с полным доверием, и смена «родителей» происходит без стресса. Это становится очевидным, когда забираешься в гнездо с недельными птенцами. Они совсем не боятся бескрылого пришельца и обычно начинают дружно пищать, требуя корма. Так происходит, даже если самка недавно их накормила и зобики у них полны. Взрослые птицы регулируют процесс кормежки, стараясь равномерно распределять принесенную добычу и не допуская перекорма. Остатки самка обычно доедает или уносит с гнезда. Нормирование в кормлении пуховиков очень важно, поскольку в раннем возрасте торможение аппетита у них отсутствует, и сокольничья практика знает немало случаев гибели соколят и ястребят от несварения непомерных порций пищи.

Опасность перекорма в определенной степени теряет актуальность к 3-4-недельному возрасту, когда идет активный рост контурного оперения, быстро развиваются маховые и рулевые перья. Тут бы, казалось, самое время брать птенцов. Однако сейчас, увидев человека, они будут уже шарахаться от него почти как взрослые. Молодняк в месячном возрасте прочно импринтирован на родителей и воспринимает всех посторонних крайне негативно. Характерно, что к ястребам это относится в большей степени, чем к соколам. Птенцы тетеревятника, взятые в 15-20-дневном возрасте, могут долго дичиться, не даваться в руки и даже, будучи голодными, отказываться от еды. С соколятами контакт устанавливается быстрее и бывает он гораздо более прочным.

Итак, чем моложе птенец, тем легче складываются его отношения с человеком, но выращивание ставит перед хозяином немало проблем. С другой стороны, довести до подъема на крыло оперившегося гнездаря много легче, а вот для завоевания его полного расположения потребуются усилия. Лучше поэтому выбирать компромиссный вариант — брать птенца (если речь идет о птицах размером с тетеревятника) в возрасте около 20-25 дней, когда маховые и рулевые перья выйдут из «пеньков» на 1-1,5 см. Возможность контролировать гнездо, следя за возрастом его обитателей, бывает далеко не всегда,

и некоторые отклонения от оптимального срока забора птенца большой беды не представляют. В конце концов, все зависит от опыта — профессионально подготовленный специалист вырастит полноценную птицу и из пуховичка, взятого в первый же день после вылупления.

Прежде чем отправиться за птенцами, нужно со всей тщательностью подготовить снаряжение. Гнезда хищников часто располагаются на высоких деревьях и обрывах, забраться куда без вспомогательных средств бывает очень трудно, а то и невозможно. Для лазания по гладким стволам деревьев хорошо обзавестись специальными «кошками» типа тех, что применяются десантниками пожарной лесоохраны. Они легки, компактны, быстро надеваются на ноги и почти не мешают при ходьбе. Очень практичны веревочные лестницы из капронового фала сечением не менее 8 мм. Ступеньки-перемычки делаются из отрезков того же фала, их концы (2,5-3,5 см) прикладываются к основным веревкам и накрепко приматываются тонким капроновым шнуром, смазанным соответствующим водостойким клеем. Ширина ступенек около 15 см, расстояние между ними 35-45 см. Для того, чтобы лестница держала форму и не спадалась, на ступеньки могут быть надеты алюминиевые трубки, причем для облегчения веса их можно надевать не на каждую перемычку, а через одну или через две. Обычно бывает достаточно иметь 20-метровую лестницу. К одному концу ее привязывается прочный фал большой длины с грузиком для перебрасывания через ветку дерева, к которой подтягивается лестница. Конец фала с грузиком, вернувшись на землю, должен быть прочно закреплен, чтобы надежно удерживать лестницу с человеком. Усовершенствованный вариант такой системы представляет собой лестницу с металлическим крюком на конце, при помощи которого она зацепляется за нужную ветку. В этом случае отпадает необходимость в прочном, а следовательно, и тяжелом возвратном фале, который заменяется легким шнуром, привязанным к концу крюка. При определенном навыке метания грузик легко утягивает тонкий шнур на большую высоту. Лестница подтягивается наверх и надежно цепляется крюком за ветку.

Для лазания по скалам необходимо иметь хотя бы элементарное альпинистское оборудование: основную и страховочную веревки, грудную обвязку, «беседку» и др. В арсенале альпинистов есть множество приспособлений, очень полезных и при лазании по деревьям. Например, основная веревка с парой «жумаров» (специальных зажимов, надеваемых на веревку), снабженных веревочными стременами, вполне заменяет описанную лестницу, а по весу и компактности дает большой выигрыш. Поэтому не следует упускать случая получить профессиональную консультацию по этим вопросам в альпинистских или туристических клубах.

Заранее нужно подготовить и контейнер для птенцов — хорошо вентилируемую емкость с крышкой, желательно округлой формы. Вполне удобна не-

большая корзина, обтянутая изнутри мягкой тканью. На дно помещается хороший (не менее 5 см) слой подстилки, которую можно сделать на месте из сухой травы и мха. Не следует использовать вату, которая может налипать на глаза, забивать клюв и дыхательные пути птенцам.

Теперь осталось взять моток прочного шнура, на котором контейнер с птенцом спускается с гнезда вниз, и отправиться в дорогу. Взобравшись на гнездо, нужно устроиться поудобнее и без спешки, хорошенько рассмотреть птенцов, убедившись в отсутствии у них травм и других заметных повреждений. Затем, если в планы входит обзаведение птенцом определенного пола, надо попытаться выбрать именно такого. Опытный глаз редко ошибается в определении гнездарей даже в пуховом еще наряде. Самки, как и у взрослых, отличаются более крупными размерами, однако этот признак не всегда срабатывают. Представим, что самец вылупился на один-два дня раньше самки, тогда к двухнедельному возрасту она может его еще не догнать, но уже будет иметь сравнительно более крупные лапы с толстыми цевками, сечение которых приближается к эллипсу (у самцов — более округлое), широкую голову и крупный клюв. Да и все сложение отличается большей мощью и грубоватостью. Искушенный сокольник старается еще в гнезде разглядеть имеющиеся в птенце задатки, ибо такие качества, как быстрота реакции, энергичность, смелость начинают проявляться очень рано. Один казахский беркутчи говорил как-то, что большое внимание обращает на глаза, вернее, на взгляд птенца, который, по его мнению, говорит о многом.

Ни в коем случае нельзя забирать из гнезда всех птенцов, что может побудить пару не гнездиться на этом месте в следующем году. Взрослые птицы вполне спокойно перенесут изъятие, если в гнезде останется хотя бы один птенец, который даст возможность реализовать родительский потенциал практически полностью. И вот птенец со всеми предосторожностями водружен в контейнер и спущен на шнуре вниз. По полной программе теперь нелишне окольцевать оставшихся и собрать с гнезда «образцы» приносимой им добычи (пищевые остатки кости, перья, обрывки шкурок и т.д. — стоит поискать и под гнездом). Кольцевание хищных птиц в гнездах дает орнитологам очень ценный научный материал, а собранные остатки корма после их определения могут дать представление об основной добыче родителей будущего ловца, а, значит, в какой-то степени о его собственных задатках.

Дома лучше всего устроить для птенцов искусственное гнездо круглой или овальной формы с невысокими краями, которые возвышались бы над уровнем подстилки на 3-4 см. Для остова такого гнезда очень хороша нижняя часть широкой корзины. На дно помещается 5-7-сантиметровый слой подстилки, которая для разных видов, в соответствии с их биологическими особенностями, может быть из разного материала. Для соколят хорош мелкий,

размером с горох, промытый гравий, речной песок, торф; для ястребят подойдут сухие ветки. Причем на дно укладываются более толстые, а на них — тонкие. Для совсем молодых птенцов можно сделать мягкую подстилку из сухой травы, которую придется часто менять, так как влажное сено, солома, стружки являются благоприятной средой для развития болезнетворных грибков. Этого серьезного недостатка лишен высушенный мох сфагнум, он очень мягок и гигроскопичен, а главное, обладает антисептическими свойствами. В ястребиных гнездах почти всегда можно найти свежесломанные зеленые ветки обычно богатых фитонцидами хвойных пород, которые, вероятно, помогают поддерживать хорошее санитарное состояние. В искусственном гнезде такой элемент интерьера также не повредит.

С первых же дней птенцы хорошо ориентируются в гнезде и знают его край, через который пускают струйки помета. Случаи выпадания из гнезд у хищников крайне редки, но все же лучше подстраховаться и поместить гнездо в центр широкого ящика с низкими бортами. Его дно вокруг гнезда застилается хотя бы обрывками газетной бумаги, которые ежедневно меняются.

В зависимости от размеров гнезда в нем можно держать несколько птенцов, но лучше не более трех. Такая группа начавших оперяться гнездарей, как правило, не требует дополнительного обогрева, о чем можно судить по их поведению. Мерзнущие птенцы сбиваются в кучку, подбирают под себя лапы, стараются вклиниться головой между соседей, тело их дрожит. Если же они часто дышат открытым клювом и ложатся, раскинув крылья и лапы, им жарко. В зависимости от этого следует либо повысить температуру, занеся гнездо в теплое помещение и поставив под лампу (иногда достаточно покрыть птенцов мягкой тканью), либо добиться снижения температуры, затенив гнездо или проветрив помещение. Помещение должно быть обязательно сухим, хорошо проветриваемым, но защищенным от сквозняков. И конечно же к будущим охотникам должен быть закрыт доступ диким и домашним хищникам.

Важным условием правильного развития, особенно молодых птенцов, являются солнечные ванны, которые устраиваются по возможности ежедневно в нежаркие утренние и вечерние часы и продолжаются не менее часа.

Подросших гнездарей с вышедшим контурным оперением лучше поместить на просторную полку, где они могли бы активно двигаться, размахивать крыльями, играть с ветками от подстилки, остатками пищи и другими подходящими предметами.

Когда содержат птенцов хищных птиц в питомниках, их рацион состоит обычно из 5-6 недельных инкубаторских цыплят, японских перепелов того же возраста, белых мышей и крыс. Это практически стерильные животные, опасность заражения от которых минимальна. В сокольничьей же практике

на корм гнездарям часто идут сизые голуби, врановые и другие дикие птицы, а также пойманные в природе мышевидные грызуны. Всех их нужно вскрывать и тщательно осматривать, не допуская скармливания животных, зараженных глистами и имеющих какие-либо патологические изменения внутренних органов.

Для птенцов в возрасте до месяца рекомендуется следующий способ кормления. С предназначенного на корм животного снимается шкурка, удаляется голова, зоб, пищеварительный тракт, лапы и крылья. Подготовленная таким образом тушка целиком пропускается через мясорубку. Если фарша получилось много, его можно положить в полиэтиленовый пакет и хранить в холодильнике, не забывая разогревать перед кормлением до комнатной температуры, погружая пакет в теплую воду. Перед раздачей корм смачивается физиологическим раствором (9 г поваренной соли на 1 л воды) или раствором Рингера, применяемым в ветеринарии. В первую неделю жизни птенцов кормят с интервалом в 3-5 часов и перерывом на ночь в 8—10 часов. Каждую последующую неделю число кормлений сокращается на одно и доводится до двухразового.

Неперевариваемые части пищи, такие как шерсть, перья, роговые образования, осколки костей и др., в желудке хищных птиц склеиваются в слизистый комочек, называемый погадкой, и отрыгиваются. Сокольники традиционно считают этот процесс важным и необходимым, способствующим очищению верхнего отдела пищеварительного тракта, и это действительно так, хотя при кормлении чистым мясом, когда погадке формироваться не из чего, птицы особого дискомфорта не испытывают. Однако чистое мясо не может быть для птенцов полноценным кормом, таким, как мясокостный фарш, и при введении его в рацион (если его доля достигает 50%) потребуются витаминно-минеральные добавки. Обычно хищники сбрасывают погадку утром, и если к первому кормлению птенец этого не сделал, при условии, конечно, что накануне он получал неперевариваемый материал, обязательно следует ее дождаться и только после этого покормить. При длительной задержке кормить все же придется, но нужно будет ограничиться порцией чистого мяса.

Как мы уже знаем, аппетит у молодых гнездарей безграничен, и они могут требовать еды постоянно. Здесь нужно проявлять твердость, не забывая, что перекорм, особенно до двухнедельного возраста, может иметь самые печальные последствия. К очередному кормлению птенец должен не только «просидеть» зоб, но и освободить желудок. С зобом все ясно, он на виду, а как узнать, пуст ли желудок? Это тоже не сложно: он хорошо прощупывается внизу живота, ближе к основанию правой ноги. Желудок должен быть мягким и иметь розовый цвет, а если он просвечивается через кожу темным пятном и имеет уплотнение, время кормежки еще не подошло. При перекорме

птенец может отрыгивать часть пищи и выглядеть некоторое время больным, тогда нужно дать ему поголодать (возможны перерывы до 12 часов) и прийти в норму, дождавшись, пока он запросит есть. И вообще предлагать пищу, пока гнездарь молчит, не стоит.

Недокорм, который встречается в практике реже, может дать тем не менее весьма неприятный эффект, особенно во время интенсивного роста оперения. На маховых и рулевых перьях (на контурных тоже, но они не столь важны) появляются так называемые переслежены — светлые поперечные полоски, по которым перья со временем обламываются, ухудшая летные качества птицы и доставляя ее хозяину лишние хлопоты.

Случается, что из гнездарей вырастают очень крикливые птицы. Это обстоятельство, учитывая «вокальные» способности всех крылатых охотников, не только стоит нервов окружающим, но и здорово мешает в работе. Причину чаще всего нужно искать в неправильном общении с молодняком, когда птенец видит хозяина только во время кормления. Это быстро закрепляется, и каждое появление человека вызывает просто-таки истеричное требование своего куска, а при групповом содержании птенцов эффект усиливается. Исправлять крикунов — дело нелегкое, поэтому с первого же дня воспитанник должен как можно больше видеть воспитателя в самых разных ситуациях, не связанных с кормежкой. Для исправления дефекта неплохие результаты иногда дает частое кормление уменьшенными порциями, притупляющими чувство голода.

При отлове слетков и взрослых хищных птиц ставная сеть является универсальней снастью как для соколов, так и для ястребов. Для ставной сети используется капроновая дель с ячеей 70 — 100 м для отлова тетеревятника и крупных соколов и 50-70 мм для перепелятника и мелких соколов (для последних нить должна быть более тонкой, «паутинного» типа). Прямоугольное полотно дели 6-8 х 2-2,5 м, «посаженное» по верхнему краю длинной стороны на толстую капроновую нить, сшивается продолжением посадочной нити по коротким сторонам встык. Полученный «рукав», высота которого равна ширине полотна дели, подвешивается за посадочную нить к вершинам четырех двухметровых прутьев, воткнутых в землю. Подвеска должна быть чуткой и обеспечивать опадение сети при ударе по полотну боковой стороны. Внутрь установленной сети помещается манная птица (обычно голубь), привязанная к вбитому в землю колышку. Хищник бросается на приманку чаще сбоку, сбивает сеть и запутывается. Снасть устанавливается в наиболее посещаемых хищниками местах и возможно чаще проверяется. Для повышения эффективности ловли манная птица привязывается «на вспарку» или другим способом, позволяющим ловцу из укрытия заставлять ее активно двигаться, привлекая внимание хищников. Хорошо замаскированное укрытие (шалаш)

устраивается в 50-70 м от сети в месте с хорошим обзором. Наилучшее время отлова — ранние утренние и вечерние часы.

Кроме ставной сети применяются и более специализированные ловушки. Для ястребов это кутни с разными вариантами насторожки, автоматические лучки, понцы; для соколов — силковые системы: поножи, жилеты и др.

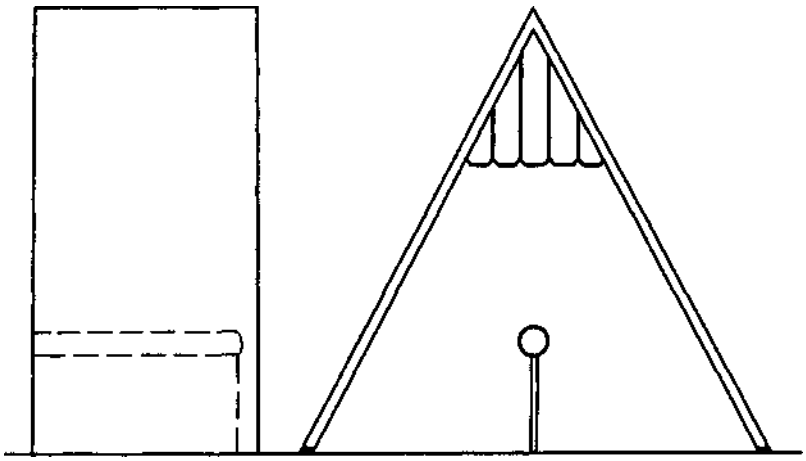
СОДЕРЖАНИЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ

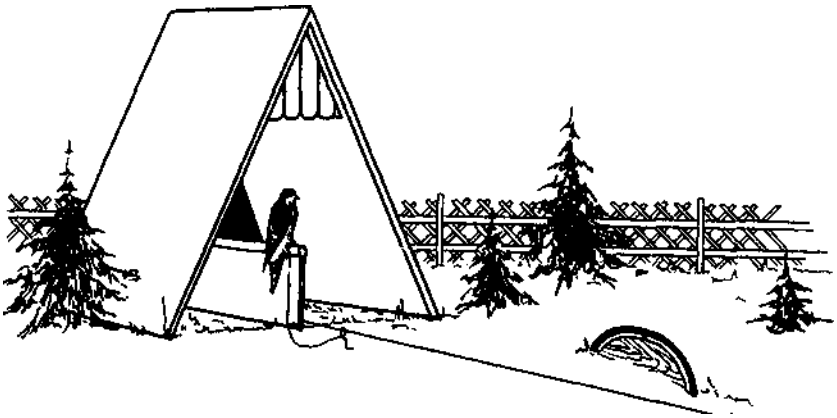
Помещение. Для круглогодичного содержания ловчих птиц помещение должно быть сухим, светлым, хорошо проветриваемым, исключать возможность повреждения оперения, когтей и т.д., иметь укрытие от ветра и атмосферных осадков. Пол может быть засыпан 10-сантиметровым слоем мелкого гравия, речного песка или таким же слоем торфа. Торф очень хорошо адсорбирует помет и устраняет запах. Его можно не менять месяцами, лишь удаляя по мере необходимости верхний слой. Деревянное, пластиковое или резиновое покрытие нужно чистить не реже двух раз в неделю.

Практичны индивидуальные помещения, состоящие из закрытой части и смежной с ней открытой вольеры. В случае необходимости иметь в закрытой части окна они должны быть забраны вертикальной решеткой. Для вольеры рекомендуется прочная капроновая мелкоячеистая (8-10 мм) дель, о которую, в отличие от металлической сетки, птицы не повреждают маховые и рулевые перья.

Помещение оборудуется присадами. Для ястребов целесообразно применять разные типы дуг, для соколов — так называемые стулья. Поверхность, на которой сидит птица, обшивается толстым сукном или обвивается войлоком. Отличным материалом является «астротурф» — пластиковое щетинистое покрытие, прекрасно массирующее стопы лап сидящих на нем птиц. В теплое время года в вольере устанавливается купалка — широкий сосуд с невысокими (около 10 см) краями, который для удобства птиц утапливается в грунт. На дне следует положить резиновый коврик. Выношенные птицы, особенно летом, могут содержаться на привязи в простых по конструкции домиках при условии защищенности территории от бродячих собак и других хищников. Между присадои, находящейся внутри домика, и другой присадои, расположенной перед ним на расстоянии 5-10 м, над самой землей натягивается тросик или стальная проволока. На тросик надевается металлическое кольцо, к которому привязывается конец должика ловчей птицы. Такая система дает возможность хищнику перелетать с присады на присаду и получать дополнительный тренаж.

Кормление. Это основной компонент правильного содержания ловчих птиц. Перекорм и недокорм равно недопустимы. Пища должна быть свежей





и по возможности разнообразной: тушки цыплят, перепелов, голубей, врановых, воробьиных птиц, лабораторные мыши и крысы, нежирная говядина, конина, баранина, мясо кролика и др. Категорически недопустимо попадание в корм хищным птицам соли.

В период работы крупные соколы и тетеревятник получают пищу один раз в сутки. Перепелятник и мелкие соколы — виды с более интенсивным обменом веществ — имеют двухразовое питание. Дважды, утром и вечером, следует кормить во время сильных морозов и крупных птиц.

Конкретные нормы кормления каждой птицы определяются опытным путем. Они зависят от индивидуальных особенностей, температуры воздуха, физических нагрузок и других причин. Перекормленная птица становится вялой и плохо управляемой, у нее быстро появляется одышка. Недокорм ослабляет хищника и также делает его неспособным к интенсивной работе. В тяжелых случаях развивается прогрессирующая дистрофия с летальным исходом. Поэтому нормирование рациона является определяющим условием поддержания

рабочей кондиции птицы, а следовательно, эффективности ее работы. Лучший способ установить норму кормления — контроль веса птицы (взвешивание до и после каждого кормлениями, соотнесение количества получаемого корма с восприимчивостью к дрессировке и работоспособностью. Взвешивание крупных птиц проводится с точностью до 10 г, а мелких — до 5 г. При определенном навыке состояние упитанности можно определять прощупыванием грудины птицы. Если киль грудины выдается слишком резко, а мышцы дряблы, птица истощена, если киль почти не прощупывается — птица ожирела. У птицы в рабочей кондиции киль должен хорошо прощупываться, а мышцы быть упругими. Однако полностью этот и подобные ему тесты не могут заменить контрольного взвешивания даже для опытного сокольника.

Для снижения веса ожиревшей птицы помимо сокращения рациона применяется кормление вымоченным в воде мясом. Кусочки мяса интенсивно моют в теплой воде, пока они не побелеют, или оставляют вымачиваться в течение нескольких часов (до суток).

Непереваренные остатки пищи (осколки костей, перья, шерсть и т.д.) формируются в зобу у хищных птиц в виде погадки и в определенное время, обычно утром, выбрасываются через рот. Регулярное сбрасывание погадки свидетельствует о хорошем состоянии птицы. Не следует кормить птицу, не освободившуюся от нее. Если отсутствие погадки связано с ослаблением или болезненным состоянием хищника, полезно покормить его чистым мясом.

Ловчих птиц обычно кормят вечером, после тренировки или работы, однако, если их используют утром, время кормежки переносят на утренние часы. В процессе работы для улучшения контакта с человеком кормление всегда производят на руке.

Недопустимо кормить птиц мясом павших или больных животных. Мясо стреляных животных во избежание свинцового отравления необходимо освободить от дроби. Нежелательно использовать мясо, неоднократно замороженное и отмороженное.

Линька. Это очень важный процесс, от протекания которого зависит качество оперения, что в свою очередь определяет летные качества ловчих птиц. Линька у пернатых хищников продолжительна: она начинается в гнездовой период, продолжается все лето и заканчивается осенью. Все это время птицы должны получать усиленное питание (однако излишняя упитанность нежелательна) и особенно хороший уход. Проще всего на время смены маховых и рулевых перьев помещать птиц в вольеру и не давать летать, поскольку повышенная упитанность снижает возможности управления их поведением. С другой стороны, выведение на столь длительный срок птицы из режима полетов отрицательно сказывается на физическом состоянии и контакте с че-

ловеком. Поэтому хорошо выношенных птиц, особенно соколов, целесообразно и во время линьки использовать для полетов с несколько сниженной интенсивностью.

При этом необходим особенно тщательный контроль веса и бережное отношение к растущим, еще неокрепшим перьям. Ход линьки может быть стимулирован добавлением в рацион щитовидной железы млекопитающих или ее гормона.

Используемые для практической работы птицы нередко повреждают важные для полета маховые и рулевые перья. В случае, если перо просто замято и его стержень не надломлен, его легко выправить, обильно смочив горячей водой или подержав над струей пара из чайника (не задевая при этом тела). Если же перо сильно надломлено, необходимо произвести «подперивание» — замену поврежденной части. Эта часть ровно отрезается острым скальпелем и удаляется. Из запасных перьев, которые специально для этого собираются во время линьки, систематизируются и хранятся, выбирается замена. В срез поврежденного пера вставляется металлический штифт — заостренный с двух сторон стержень трехгранного сечения, на который надевается «запасная» часть. Штифт предварительно смазывается клеем. Если перо обломано близко к основанию, там, где стержень представляет собой пустую трубку, подперивание происходит аналогично, но вместо металлического штифта используется отрезок стержня пера чуть меньшего диаметра. Этот отрезок, смазанный клеем, должен туго входить в трубки стыкуемых частей.

У содержащихся в неволе хищных птиц могут непомерно отрастать клюв и когти, которые следует время от времени приводить в норму. Переросший кончик крючка клюва можно откусить острыми кусачками (но так, чтобы не задеть живых тканей), а затем придать клюву правильную форму, понемногу срезая излишки по ходу слоев рогового чехла в направлении от основания клюва к его вершине. Так же и с теми же предосторожностями подрезаются когти. Для обеспечения нормального самочувствия птицам следует систематически проводить дегельминтизацию и освобождение от пухоедов.

НАРЯД ЛОВЧЕЙ ПТИЦЫ

Несмотря на удивительную консервативность всего того, что связано с соколиной охотой, выражающуюся, в том числе, в отсутствии принципиальных отличий в снаряжении птицы и человека за долгие и долгие века, мы видим и изменения в устройстве основных атрибутов, отмирание некоторых из них и рождение новых.

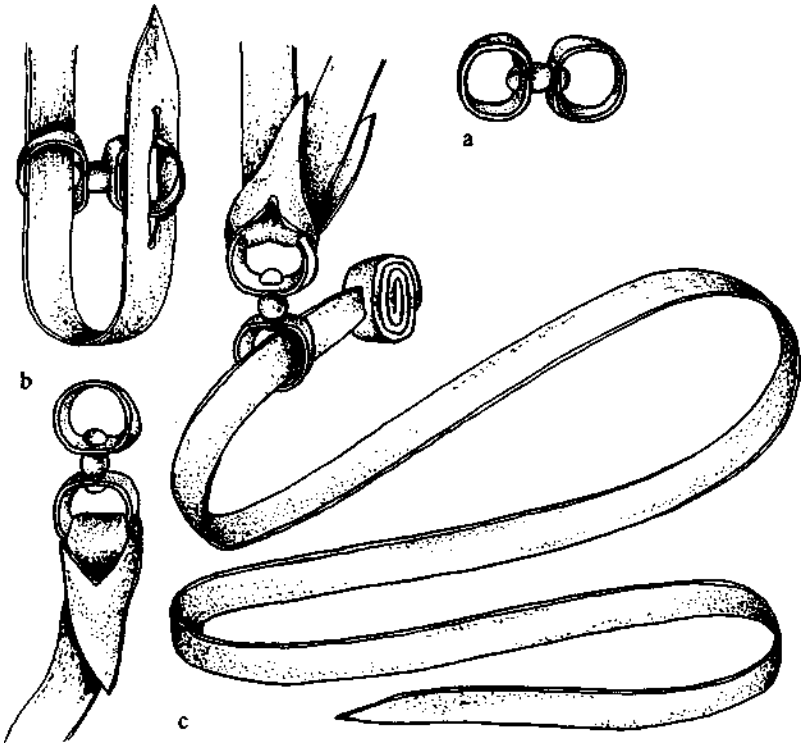
Эволюция во времени затейливо переплетается с традициями разных регионов, отражая развитие любых аспектов человеческой культуры со всеми переходами от прямой функциональности до высших проявлений роскошества. Давайте взглянем хотя бы на некоторые варианты основных предметов птичьего оборудования и попытаемся представить себе не столько длительность пройденного ими пути, сколько суть их предназначения.

ОПУТЕНКИ

Несомненно, что первым изобретением первого сокольника должно было стать приспособление, при помощи которого он мог привязывать к себе (пока еще физически) крылатого помощника. Вероятно, в результате очень длительных мук поиска был завязан, наконец, примитивным узлом длинный пучок конского волоса или измочаленных лубяных волокон, а может быть, узкая полоска невыделанной кожи, на цевке когтистой лапы. Первая задача решена — птица не может улететь, как только того пожелает, но несовершенные «узы» рвались, размокая в дожди и пересыхая под солнцем, узлы распускались или жестко сдавливали лапы, птицы калечили суставы и в кровь сдирали покровы плюсен... И тем не менее, из тьмы веков человек вышел, крепко держа сидящую на руке птицу.

То, что надевается на лапы ловчих птиц для удержания их на руке или привязывания, у русских сокольников называется «опутенками», «путцами», «обносцами», «обножами» и другими производными от этих терминов словами. В том виде, в котором мы их сейчас знаем, они использовались и тысячу лет назад и, вероятно, гораздо раньше. В своей знаменитой книге Фридрих II очень подробно описывает устройство всех элементов соколиного наряда и его изображение опутенок вполне можно было бы поместить в любое современное пособие. По Фридриху II это кожаный сужающийся к одному концу ремешок длиной около 20 см. На широком конце имеются два продольных разреза для завязывания вокруг плюсны птицы классической незатягивающейся петли. Тут же показано, как вяжется эта петля. По простоте и практичности такие путцы полностью соответствуют образу императора, утверждавшего строгую аскетичность искусства соколиной охоты.

Иное дело другой выдающийся сокольник — царь Алексей Михайлович. Усложнилась сама конструкция опутенок, которые состояли как бы из двух частей: «ногавок» или «онучек» — манжет 2,5-3 см шириной, обертывавших цевку, и «сильцев» или «коротцев» — плетеных шнурков или ремешков длиной 20-30 см, прикрепленных одним концом к ногавкам и имеющих на другом металлическое кольцо. В царской охоте различались полевые и парадные



элементы птичьего наряда. Полевые ногавки делались кожаными или суконными и подшивались тонким и легким сукном. На парадные же шел дорогой бархат ярких цветов, шелк, атлас, сафьян. По желтому, голубому, оранжевому фону делалось шитье волоченым золотом, серебром, северным жемчугом; подкладка обычно была из тафты или бархата. Сильца плелись из пряденого золота и шелков, а их колечки изготавливались из чистого или позолоченного серебра, а то и из золота.

На Востоке с давних времен в ходу были опутенки, искусно сплетенные из конского волоса. Ногу птицы охватывает плоская, шириной в большой палец часть, образующая глухую манжету и переходящая в четырехгранный или круглый шнур с петлей на конце. Подобные путцы применяли и русские сокольники еще в середине прошлого века. Так, корифей спортивной охоты с перепелятником Н.П. Данилов в качестве наилучших именно для этого вида рекомендовал опутенки, плетенные из восьми прядок по четыре волоса с подкладкой на ногу из сукна или бархата.

Очень интересные опутенки старого традиционного типа применяют афганские охотники с ястребами. Они изготавливаются из пестрой хлопчатобумажной пряжи и имеют оригинальный способ крепления на лапу. Эти путцы удобны тем, что не натирают лап. быстро снимаются и надеваются, а вроде бы не очень прочный материал в условиях местного климата оказывается

вполне долговечным. Нитяные и волосяные плетеные опутенки и сейчас распространены в арабских странах, Пакистане, Афганистане, однако в наших среднеазиатских республиках таких не увидишь.

В Киргизии, Казахстане и Туркмении наибольшее распространение имеют сыромятные ремешки, расширенные на одном конце (охватывающем лапу) и гладко спущенные к другому. Ширина ногавки для ястребов и соколов делается разной: для ястребов — шире (около 2,5 см), для соколов — уже (1,5 см). Связано это с тем, что ястребы в целом более беспокойны на руке, чаще «сбрасываются», стартовый рывок у них сильнее, а цевки более тонкие и длинные. Словом, ястребы более требовательны к качеству опутенок и нередко получают травмы плюсен от узких или недостаточно мягких ногавок. Помимо описанного варианта, практически идентичного по размерам, строению и способу завязывания на лапе тому, что изобразил в своем трактате Фридрих II, в Средней Азии можно встретить и другие. В Туркмении на балобанов часто надевают короткие (10-12 см) опутенки, сшитые из нескольких слоев плотной ткани. Один конец, охватывающий лапу, наглухо зашивается, к другому пришивается колечко. Весьма интересно, что некоторые туркменские сокольники одновременно используют два типа опутенок — домашние и охотничьи. Охотничьи — это легкие и недлинные сыромятные ремешки, а домашние изготовлены из грубой крученой шерстяной веревки толщиной в палец и длиной около 40 см. Они достаточно тяжелы и неуклюжи для того, чтобы вне охоты сокол имел большие физические нагрузки и посильнее уставал.

С особым тщанием киргизские и казахские охотники подходят к экипировке беркутов, хотя и здесь можно увидеть примитивные ременные опутенки, удерживающиеся на лапах при помощи одинарной затягивающейся петли с ограничителем (чтобы не сильно сдавливалась лапа и не нарушалось кровообращение). В норме же большинство беркутчи вкладывают в это изделие гораздо больше сил, времени, да и души. Наш алма-атинский друг Абдылхак Турдыбаев, делает, например, так. Толстый и прочный сыромятный ремень распускается вдоль на восемь хвостов, но не до конца, так, чтобы 10 см ремня остались неразрезанными. Из восьми хвостов вяжется круглая плетка длиной 40 см, конец которой заделывается 1,5-сантиметровым отрезком медной трубки с закрепленным в ней стальным колечком. Таким образом, коротец — свободная часть опутенки — готов. Остается сделать ногавку, охватывающую лапу беркута. Для этого на противоположные части ремня, оставшегося нераспущенным, нашиваются 2-3-сантиметровые сыромятные петли, «смотрящие» в разные стороны. Затем из мягкой выделанной кожи вырезаются две накладки, которые помещают снизу и сверху сыромятной ногавки. В одной из накладок делают две небольшие поперечные прорези, через которые просовывают пришитые к ремню петли. Эта сторона ногавки будет внеш-

няя, и накладка здесь по ширине лишь немногим превышает ширину сыромятного ремня. Внутренняя же накладка должна быть шире (5 см), и ее край, обращенный к пальцам, следует сделать зубчатым, что придаст ему дополнительную мягкость. Сложенные вместе части ногавки (ремень с петлями и две накладки) накрепко сшиваются по краям двумя продольными швами. Чтобы надеть такую опутенку, конец петли с колечком продевается в противоположную (дальнюю) петлю, ногавка затягивается вокруг цевки беркута и конец продевается во внутреннюю петлю, делая узел нераспускающимся.

Подобные же опутенки изготавливаются и для ястребов, с той лишь разницей, что к сыромятному ремешку ногавки пришивается только внутренняя накладка с зазубренными краями, а коротцы не плетутся из восьми хвостов, а делаются из одного спущенного к концу ремешка, длина которого 30 см.

Какие опутенки ставили на своих птиц грузинские сокольники много веков назад, мы не знаем, но можем предположить, что это было нечто производное от персидско-арабских вариантов. Сегодня же многочисленные базиери Черноморского побережья Кавказа оснащают перепелятников на редкость однотипно, впрочем, вероятно, так же, как и их турецкие коллеги, занимающие соседний регион Причерноморья. Однотипность эта понятна, если иметь в виду, что более 90% сокольников практикуют один и тот же способ охоты — ловлю перепелок во время осенней миграции. Прекрасное знание перепелятника, еще более, чем тетеревятник, требовательного к экипировке, выработало очень простые и функциональные опутенки, как нельзя лучше подходящие этому виду. Кавказские путцы состоят из двух отдельных частей: ногавки и ремешка. Ногавки в виде квадрата с трехсантиметровой стороной и сильно скругленными углами вырезаются из упругой, но мягкой, хорошо выделанной кожи. Из такой же кожи вырезаются и ремешки длиной 25 и шириной около 0,5 см. Ногавка накладывается на цевку лапы ястреба, плотно оборачивается вокруг ремешком, который, проходя сквозь отверстия, проделанные в ногавке, прочно скрепляет всю систему. Края ногавки, прилегающие к ноге, делаются бахромчатыми — покрываются частыми надрезами на глубину около 3 мм.

Чем опутенки длиннее, тем удобнее держать их в руке, что особенно важно для беспокойных ястребов, однако длинные ремешки, развевающиеся на лапах, мешают птицам и нередко становятся причинами трагедий, захлестываясь с ходу за ветки или попадая в расщелины камней. Поэтому в сокольничьей среде появлялись и появляются попытки максимально освободить птицу от всего чужеродного. Опытный русский сокольник В.А. Клеменц настоятельно советовал такой вариант. Цевки птицы обшивались двухслойными ногавками с подкладкой из мягкого сукна и покрытием из хорошей кожи. Непосредственно к ногавкам пришивались металлические колечки, в которые и продевался должик. Один его конец был наглухо прикреплен к перчат-

ке, а на свободном имелась небольшая продольная прорезь для надевания на большой палец (после того как должик был продет в колечки). Несомненные преимущества—в быстром освобождении птицы от привязи, в полном отсутствии тянущихся за ней ремешков, а также в том, что при неожиданном броске с руки птица не травмирует связок на ногах, поскольку рывок равномерно распределится на обе ноги, в какую бы сторону птица ни дернулась.

Очень схожая система, известная как модификация Эймлера, по имени предложившего ее бывшего президента Британского клуба сокольников, широко распространена среди современных западных охотников с ловчими птицами. Суть ее в том, что накладываемые в виде браслетов ногавки скрепляются у самых цевок металлическими люверсами с достаточно широкими для продевания ремешков отверстиями. Система очень проста и эффективна, дело лишь за люверсами и приспособлением для их установки. Ремешки длиной 20-25 см имеют на одном конце не проходящий в отверстие люверса «бутон». Эймлер фактически разделил опутенку на две части: выпущенная птица несет на лапах лишь ногавки, а коротцы остаются у хозяина. К положительным моментам такой системы относится и то, что свободно вращающиеся в люверсах коротцы в какой-то степени предохраняют от скручивания опутенок сидящей на привязи птицы, особенно если она непоседлива и часто сбрасывается с присады.

Несмотря на множество вариантов опутенок, существовавших и существующих, забытых и «изобретенных» вновь, наибольшее распространение и по сей день имеют простые кожаные ремешки типа тех, что были описаны Фридрихом II. Лучший материал для них — хорошо выделенная телячья кожа, мягкая, прочная и устойчивая к размоканию. Сыромятные ремешки использовать не следует, хотя их часто можно видеть на птицах в среднеазиатских республиках. Намокнув под дождем или в сырой траве, такие опутенки делаются крайне непрочными, а высыхая, становятся жесткими и ломкими. В сухом климате Казахстана или Киргизии с этим еще как-то можно мириться, но в более влажных местах отлеты птиц, обрывающих сыромятную амуницию, просто неизбежны.

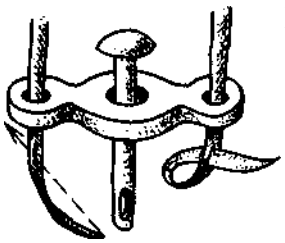
Опутенки, как и другие кожаные принадлежности наряда ловчей птицы, время от времени смазывают каким-либо животным жиром(азиатские сокольники предпочитают бараний), касторовым маслом или другими средствами ухода за кожей. При первых же признаках износа ремешков — появлении трещин, надрывов, вытягиваний — опутенки должны быть немедленно заменены. Обычно самому неспокойному ястребу хватает двух пар опутенок на год при непременном условии хорошего качества кожи и регулярного ухода за ней.

Для того чтобы привязать ловчую птицу к присаде, а иногда и к перчатке, употребляется специальный шнур или ремень, который у русских соколь-

ников наз няя, и накладка здесь по ширине лишь немногим превышает ширину сыро-
но метров мятного ремня. Внутренняя же накладка должна быть шире (5 см), и ее край,
Узкий ко обращенный к пальцам, следует сделать зубчатым, что придаст ему дополни-
цах опуте тельную мягкость. Сложенные вместе части ногавки (ремень с петлями и две
жика, об накладки) накрепко сшиваются по краям двумя продольными швами. Чтобы
Соко надеть такую опутенку, конец петли с колечком продевается в противопо-
зовали до ложную (дальнюю) петлю, ногавка затягивается вокруг цевки беркута и ко-
ной окол нец продевается во внутреннюю петлю, делая узел нераспускающимся.
пристегив Подобные же опутенки изготавливаются и для ястребов, с той лишь раз-
делался к ницей, что к сыромятному ремешку ногавки пришивается только внутренняя
нечник пр накладка с зазубренными краями, а коротцы не плетутся из восьми хвостов,
система н а делаются из одного спущенного к концу ремешка, длина которого 30 см.
с некотор Какие опутенки ставили на своих птиц грузинские сокольники много ве-
должик к ков назад, мы не знаем, но можем предположить, что это было нечто производ-
но имеющ ное от персидско-арабских вариантов. Сегодня же многочисленные базиери
Совр Черноморского побережья Кавказа оснащают перепелятников на редкость од-
стве сыро нотипно, впрочем, вероятно, так же, как и их турецкие коллеги, занимающие
тить долж соседний регион Причерноморья. Однотипность эта понятна, если иметь в ви-
жьей шер ду, что более 90% сокольников практикуют один и тот же способ охоты — лов-
толстом к лю перепелок во время осенней миграции. Прекрасное знание перепелятника,
лечки опу еще более, чем тетеревятник, требовательного к экипировке, выработало
ный и пр очень простые и функциональные опутенки, как нельзя лучше подходящие это-
пестрой му виду. Кавказские путцы состоят из двух отдельных частей: ногавки и ре-
При с мешка. Ногавки в виде квадрата с трехсантиметровой стороной и сильно скруг-
с присадь ленными углами вырезаются из упругой, но мягкой, хорошо выделанной кожи.
смягчающ Из такой же кожи вырезаются и ремешки длиной 25 и шириной около 0,5 см.
смысл так Ногавка накладывается на цевку лапы ястреба, плотно оборачивается вокруг
применял ремешком, который, проходя сквозь отверстия, проделанные в ногавке, прочно
в частнос скрепляет всю систему. Края ногавки, прилегающие к ноге, делаются бахром-
к середин чатыми — покрываются частыми надрезами на глубину около 3 мм.
ется во вн Чем опутенки длиннее, тем удобнее держать их в руке, что особенно
зи, причем важно для беспокойных ястребов, однако длинные ремешки, развевающиеся
це, лишен на лапах, мешают птицам и нередко становятся причинами трагедий, захлес-
тываясь с ходу за ветки или попадая в расщелины камней. Поэтому в сокольничьей среде появлялись и появляются попытки максимально освободить птицу от всего чужеродного. Опытный русский сокольник В.А. Клеменц настоятельно советовал такой вариант. Цевки птицы обшивались двухслойны-
Даже ми ногавками с подкладкой из мягкого сукна и покрытием из хорошей кожи.
ное колич Непосредственно к ногавкам пришивались металлические колечки, в кото-
зультате к рые и продевался должик. Один его конец был наглухо прикреплен к перчат-

приятно не только потому, что они укорачиваются, но и потому, что начинают путаться, сковывать подвижность, причинять птице травмы. Для предотвращения скручивания применяются вертлюги, устанавливаемые между опутенками и должиком. Изображение одного из распространеннейших типов вертлюга мы находим в трактате Фридриха И. Металлические вертлюги аналогичной конструкции и сейчас в наибольшем ходу у европейских сокольников. Для большего эффекта иногда используется пара вертлюжков на концах короткой ременной вставки между должиком и путцами. Заслуживает внимания и американский опыт, когда легкий рыболовный вертлюжок помещается посредине разрезанного пополам ремешка каждой опутенки.

Принципиально другая и несомненно гораздо более древняя конструкция распространена в Кыргызстане и Казахстане. Вертлюг состоит из двух частей: продолговатой овальной пластинки с тремя отверстиями и осевого штыря, имеющего на одном конце «шляпку», а на другом — отверстие для привязывания должи-ка. Штырь вставляется в среднее отверстие пластинки, диаметр которого позволяет ей вращаться свободно, но без большого зазора. В боковые отверстия продеваются концы опутенок, имеющие небольшие продольные прорези в 5-6 см от полого заостренных вершин. Вершина опутенки пропускается в свою прорезь, образуя терлю, не проходящую в отверстие пластинки. Если это отверстие соответствует толщине конца опутенки, крепление получается очень надежным и, что существенно, быстро распускаемым. Для того, чтобы освободить птицу от привязи, достаточно лишь распустить петли на концах опутенок, которые после этого свободно выйдут из отверстий. Это занимает гораздо меньше времени, чем освобождение птицы, привязанной классическим европейским способом с металлическим вертлюгом, когда вначале из одного кольца выдергивается должик (а значит, он уже должен быть отвязан или отстегнут от присады или перчатки), после чего со второго кольца поочередно снимаются петли опутенок.

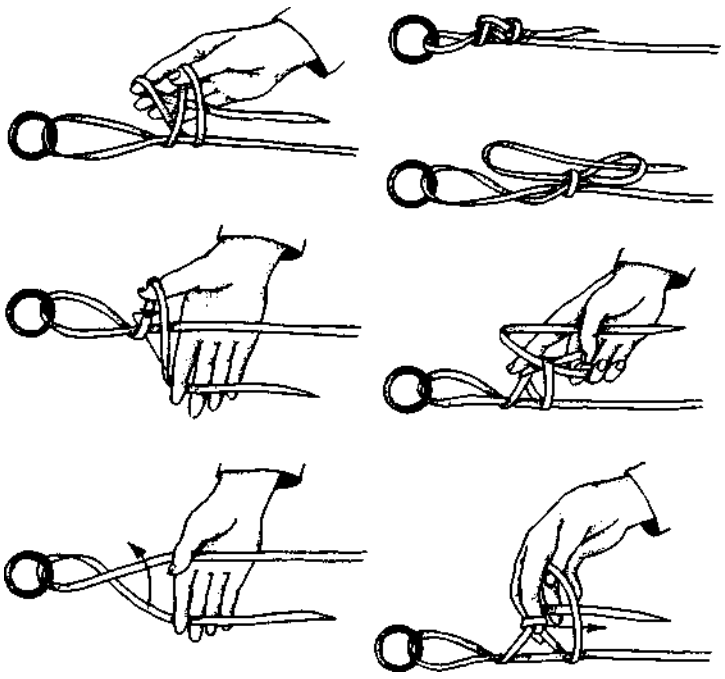


Азиатские сокольники используют описанные вертлюги, изготавливаемые из рога архара или горного козла — тека, преимущественно для ястребов и соколов, но иногда ставят и на беркутиную амуницию. В этом случае берут недлинный (около 15-20 см) дополнительный ремешок, оба конца которого устроены как у описанных выше опутенок, то есть плавно спущены и имеют прорези. Один конец продевается сквозь отверстие пластинки и закрепляется петлей, на другой надеваются колечки опутенок беркута (или концевые прорези опутенок), и он, в свою очередь, продевается в соответст-

вующее отверстие и закрепляется. Иногда для закрепления концов опутенок на них ниже пластинки завязывают простой узел. Это тоже надежно, но менее удобно, так как узел, сильно затягивающийся от рывков птицы, развязывать одной рукой гораздо труднее, чем распустить незатягивающуюся петлю. Вариант азиатского вертлюга приводит в своем капитальном произведении «Книга для охотников до звериной и птичьей ловли» большой знаток разного рода охот В. Левшин, живший на рубеже XVIII и XIX веков. Раздел книги, посвященный соколиной охоте, был по сути дела первым подробным пособием на русском языке, соединившим известный автору отечественный и зарубежный опыт. Левшин рекомендует вероятно более распространенный тогда в России азиатский вертлюг, правда в несколько упрощенном виде. Осевой штырь, на котором вращается пластинка, у него отсутствует. Вместо штыря в центральное отверстие пропускается должик с узлом на конце. Ясно, что в таком случае вращение более затруднено из-за большего трения кожаного должика о пластину, чем для отполированного рогового штыря.

СОКОЛЬНИЧИЙ УЗЕЛ

Помимо опутенок, должика и вертлюга, служащих для привязывания ловчих птиц к присаде или удержания на руке, существует еще один обяза-



тельный, традиционный, хотя и нематериальный атрибут. Это — узел, при помощи которого должик крепится к перчатке или присаде. История этого узла наверняка насчитывает не одно тысячелетие, поскольку это один из самых простых, надежных и функциональных узлов, применяемых в морском деле, скотоводстве, быту. Для сокольника важно, чтобы узел быстро завязывался, крепко держал, не развязываясь самостоятельно, и распускался буквально одним движением. Именно таким узлом, издавна, помимо других названий, именуемым и сокольничьим, привязаны должики соколов на миниатюрах трактата императора Фридриха II. Сокольничим узлом должен овладеть каждый начинающий, причем все операции необходимо уметь выполнять одной рукой, ибо другая рука занята куда более серьезным делом — держит птицу.

БУБЕНЦЫ

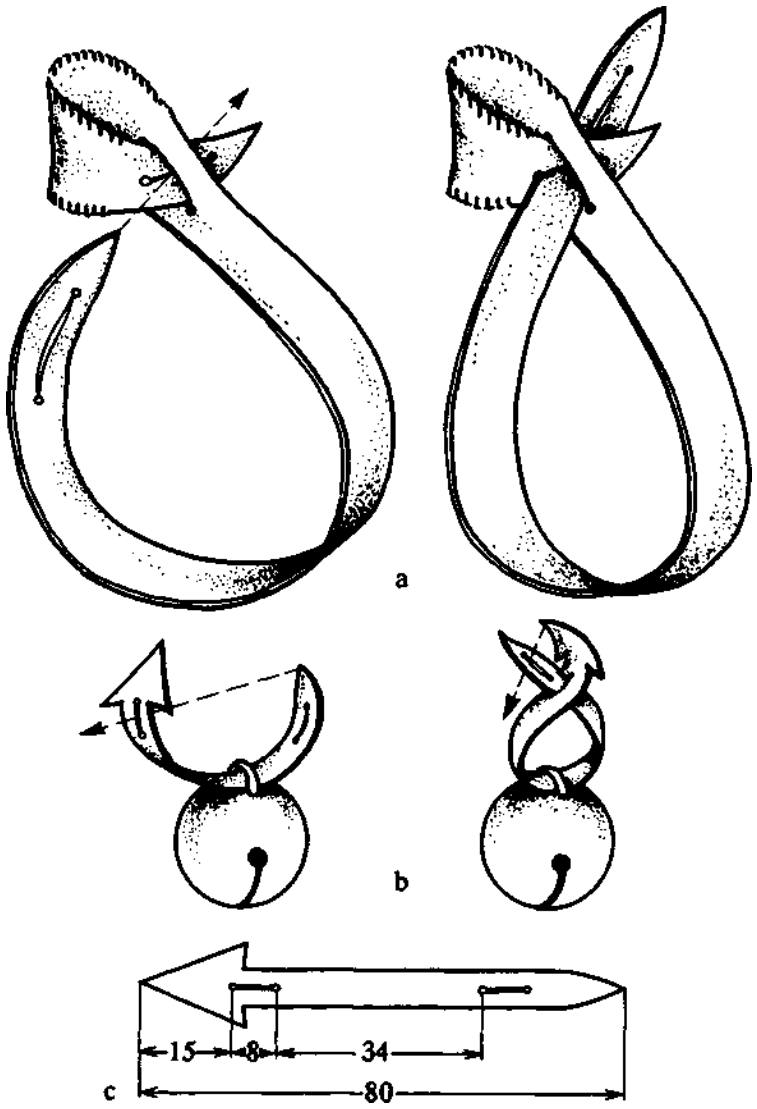
Издавна и по сей день бубенцы или, как говорили на Руси, колокольцы, служат для поиска отлетевших ловчих птиц. Отлеты случаются в разных ситуациях: то, проловив после долгой угонки, скрывшаяся из глаз птица присядет отдохнуть в каком-нибудь укромном месте, то «взыграет», выйдя из повиновения, улетит как будто бы вопреки законам логики, куда глаза глядят, а то затаится в кустах или высокой траве на пойманной добыче. Последнее хуже всего, так как, наклевавшись, птица неминуемо теряет контакт с хозяином, не идет на подзывы и вабило. В большей степени сказанное относится к ястребам, чем к соколам, и во многом бывает связано с издержками в дрессировке. Неисчислимое количество раз звук бубенцов бывал сладчайшей музыкой для сокольника, отчаявшегося уже в поисках.

Привыкнув к консервативности соколиной охоты и особенно наряда ловчих птиц, нельзя не заметить элементы, которые вообще почти не меняются с течением веков. И первые в их числе — бубенцы. В трактате Фридриха II мы видим тот же бубенец и ту же систему крепления к ноге сокола, что использует сейчас подавляющее большинство сокольников. Обычно бубенцы навешиваются на цевки птицы выше опутенок и прикрепляются мягкими ремешками с элементарной застежкой, позволяющей легко и быстро одевать и снимать колокольцы одной рукой. Очень эффективен, особенно для ястребов, способ крепления бубенца на хвост. В этом случае звоном отмечается любое движение туловища птицы, даже если ее лапы неподвижны. Из разных вариантов хвостового крепления можно рекомендовать следующий, распространенный у казахских и киргизских охотников. Узким лайковым ремешком бубенец крепится к тонкой костяной пластинке овальной или слегка

каплевидной формы размером 20 х 30 мм. Для пластинки прекрасно подходит средняя часть бараньей лопатки, толщиной около 0,6-0,7 мм, но может быть использована и пластмасса. Пластинка с бубенцом ставится на основание двух центральных рулевых перьев (там, где уже нет опахала) со спинной стороны птицы. Для крепления пластинки к очинку каждого пера привязывается лайковый ремешок тем же способом, что и опутенка к ноге птицы (двойной незатягивающийся узел). Концы ремешков продеваются в отверстия у верхнего (более узкого) края пластинки и связываются, но так, чтобы не стянуть перьев и не лишить их подвижности. Чтобы манжеты ремешков не сползали по стержням перьев, последние чуть ниже манжет протыкаются иглой с тонкой хлопчатобумажной ниткой. На нитке с наружных сторон каждого стержня завязываются узелки. Операция, как видим, довольно тонкая и требует некоторой сноровки. Выполнять ее лучше вдвоем. Один человек, сидящий на стуле, кладет на колени головой к себе заклобученную и спеленатую птицу спиной вверх, а второй быстро выполняет все манипуляции. Удобно бывает отделить центральные перья (оба сразу или по одному) от остальных рулевых. Для этого нужное перо поднимается, и под него до самого копчика вдвигается белый лист бумаги. Помогает и смачивание водой пуха на очинах перьев. Поставленный так бубенец совершенно не мешает птице, а пластинка отделяет его от соприкосновения с оперением, что приглушило бы звон.

Очень интересная модификация описанного способа прикрепления издавна применяется в Китае, Корее и Японии. Костяная или роговая пластинка с бубенцом имеет более вытянутую форму (длина 6-7 см) с поперечной прорезью в нижнем конце. К этой прорези привязывается рулевое перо какой-либо другой птицы, имеющее контрастную по сравнению с цветом хвоста данного хищника окраску (обычно белую). Такой «флажок» в ряде случаев, несомненно, может сослужить добрую службу при поисках ястреба. На нижней стороне пластинки хозяин птицы иногда вырезал иероглифы, обозначающие его имя и место, где он живет. Интересно, что на одной из японских миниатюр изображен тетеревятник с флажком из вершины павлиньего пера.

Существует и еще один тип крепления бубенцов — на груди птицы, правда, большого распространения, особенно среди современных сокольников, он не имеет. Бубенец ставится на своеобразном «галстуке» — затягивающейся петле с ограничителем, надеваемой на шею птицы. Свободный конец галстука сокольник держит вместе с опутенками, слегка притягивая голову птицы к руке, что позволяет очень мощно набрасывать ястреба на добычу, не рискуя перевернуть его при этом. Это очень древний способ напуска и оснащения птицы, имевший распространение (да и сейчас живущий) преимущественно в Индо-Персидском регионе. Производным такого галстука, вероятно,



были и нагрудники (чисто парадный атрибут), которые надевались на птиц царя Алексея Михайловича, украшались шитьем и каменьями и снабжались двумя-тремя бубенцами. Кстати, крепкие и звонкие бубенцы в то время в России были в дефиците, и в сохранившейся переписке царя есть указания о закупках крупных партий в Европе.

Обычно сокольники пользуются самодельными бубенцами, хотя их изготовление — дело непростое, и не у каждого они получаются хорошо. Практически повсюду, где живут сокольники, есть признанные авторитеты, специализирующиеся кто в шитье клобучков, кто в крое перчаток, а кто в ювелирном производстве звенящей продукции. Таковых мы встречали и в Москве, и в Кыргызстане, и в США. Знание каких-то непонятных другим нюансов, технологических хитростей в сочетании с верным глазом и чуткой рукой

и определяет то, что бубенец мастера тихой зарей или по ветру бывает ясно слышен за километр, а то и дальше.

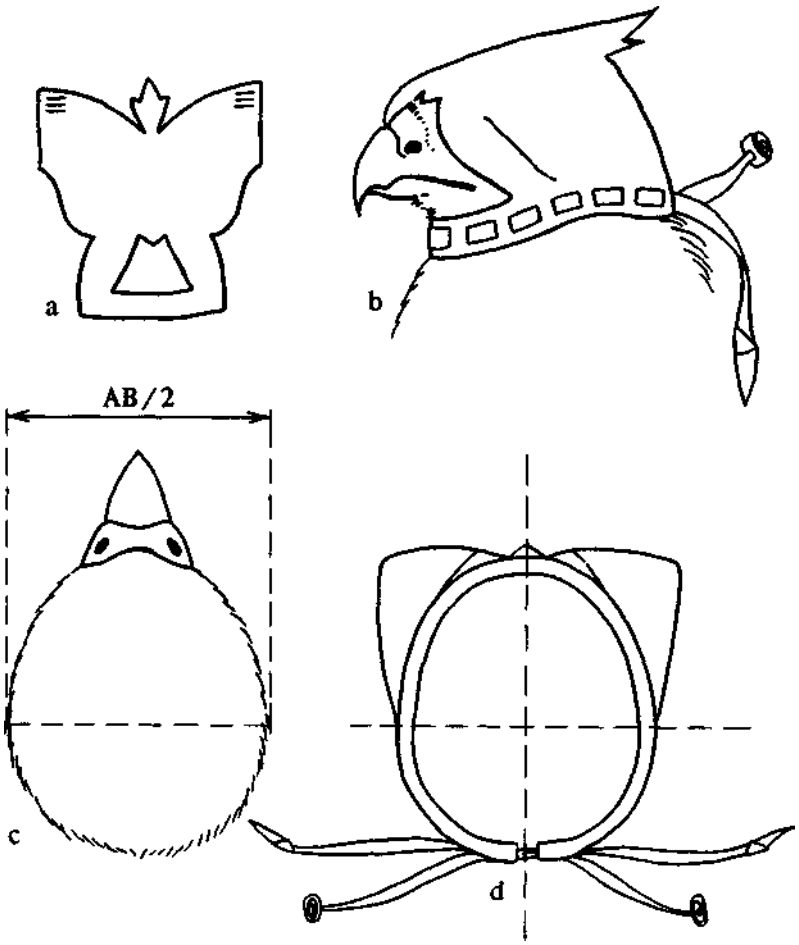
Бубенец, изготавливаемый чаще всего из облуженной латуни (особенно хорош металл, идущий на духовные инструменты), состоит из двух половинок — «чашечек», которые выколачиваются в стальной форме набойником с полусферической головкой. На вершине одной чашечки делается узкая просечка, в которую вставляются лапки ушка, разгибаются в стороны и припаиваются к внутренней поверхности. На второй половинке, несколько отступя от краев, с противоположных сторон просверливаются два отверстия и соединяются тонким пропилом, идущим по самой середине чашечки. Внутрь бубенчика помещается мелко граненный «шарик» из каленой звонкой стали, и чашечки скрепляются, для чего их края обычно отгибаются наружу в виде узкого ранта. Иногда соединение производится «в холодную» — завальцовкой, а чаще — посредством спайки. Плоскости рантов выравнивают до полного совпадения и облуживают. Половинки стягиваются вместе проволокой, и шов пропаивается. Надо заметить, что иногда делается внутренний рант на чашечках (их края подгибаются внутрь). Тогда после спайки вместо выступающего шва на экваторе бубенца получается кольцевая ложбинка. Такие бубенцы особенно были распространены в регионах Среднего Востока.

Существует спайка чашечек без рантов, когда одна из половинок имеет меньший диаметр и вставляется в другую на 2-3 мм (соприкасающиеся поверхности предварительно облуживаются). Опытные сокольники, добиваясь хорошего, гармоничного звучания пары бубенцов, стараются, чтобы они звенели в разной тональности. Для этого используется разный металл или разные размеры бубенцов. Однако эффект достигается и иным способом: пары колокольцев делаются методом безрантовой спайки, при этом в одном случае больший диаметр имеет верхняя чашечка, а в другом — нижняя.

В заключение скажем еще об одной важной операции. После того, как обе чашечки полностью подготовлены к соединению (пайкой или завальцовкой), их надевают на набойник и тщательно обстукивают маленьким молоточком, что уплотняет обожженный металл, повышает его твердость и улучшает качество звука.

КЛОБУЧОК

Этот старинный атрибут сокольника значительно расширяет его возможности в управлении поведением ловчей птицы, а следовательно и повышает эффективность всей работы. Применение клобучка преследует две основные цели: снятие ненужных зрительных раздражителей хищной птицы



и концентрацию внимания во время вынашивания и охоты. Только что пойманная птица в клобучке не столь подвержена стрессу и быстрее освоится с новой обстановкой. Она не пугается окружения и не проявляет агрессии к находящимся рядом птицам, собакам и людям. На охоте и во время дрессировки она не отвлекается. Незаменим клобучок во время транспортировки птиц и передержки в неудобных, тесных местах, где, сбрасываясь с присады, беспокойные особи могли бы заломать перья или травмироваться.

Нет сомнений, что примитивные предтечи клобучка появились очень давно, и мы не знаем о них лишь из-за недостатка дошедших до нас графических или скульптурных изображений. Видимо, старейший из известных рисунков птичьего головного убора датируется IX веком. Это еще не клобучок, а скорее накидка, но имеющая характерную прорезь для клюва. Клобучки в современном понимании с подробным описанием их применения мы видим впервые в «Искусстве соколиной охоты» Фридриха II. Те клобучки представляли собой кожаные колпачки округлой формы, сужающиеся к затылку птицы и иногда заканчивающиеся спущенным к концу полуметровым ремешком, которым удобно привязывать клобучок к перекладине-

присаде. К сожалению, о деталях кроя по рисункам трудно что-либо сказать. Очевидно лишь, что крой этот был очень верным, и клобучок держался на голове птицы без специальных завязок. На клобучке полностью отсутствовали украшения.

Через 200 лет, в середине XV века, западноевропейские сокольники надевали своим соколам клобучки, практически неотличимые от тех, что мы видим сейчас. Признанным центром тогдашнего сокольничества была Голландия, и тип клобучков, о которых идет речь, получил название «голландский». Он отличается тем, что шьется из трех основных частей — маски и двух наглазников — и имеет сзади завязки (вернее, стяжки) для прочного крепления на голове птицы. Куда девалась аскетичность? Теперь это сложное сооружение, украшенное тонкой отделкой, инкрустациями, а то и драгоценными камнями. Купол клобучка украшает пышный султан из цветных нитей и перьев, имеющий, правда, и функциональное предназначение — берясь за него, удобно одевать и снимать клобучок. Впрочем, нужно заметить, что в период сокольничьего Ренессанса «на каждый день» обычно использовались клобучки без особых украшений, а те, что можно видеть порой в музеях, относятся к категории парадных.

Русские сокольники, по крайней мере, для торжественных выездов, тоже использовали клобучки голландского типа. Царь Алексей Михайлович для своих кречетов имел особо выдающиеся и дорогие уборы. Клобучки изготавливались из низанного жемчугом червленого бархата с «процветкой» между жемчугом зеленым и лазоревым шелком. Делались клобучки и из атласа, были также сафьяновые, шитые золотом и серебром. Атлас и бархат в дело шел дорогой — венецианский, персидский и турецкий, золотого, белого или алого цвета. На бархатном поле нитью из золота и серебра вышивались различные «травы и репьи». На подкладку шла камка или тафта, для сшивания частей употреблялись пряденое золото, серебро и шелк. Клобучки «стыкались» моточками золота, из пряденого же золота и серебра с шелком делались шнурки-«задержки». Полевые же клобучки были простые кожаные.

К голландскому, или, как его часто называют, европейскому, клобучку близок арабский тип, имеющий сходный крой и затяжки на затылочной стороне. Существенная разница заключается в том, что арабский клобучок шьется из тонкой мягкой кожи или замши и не имеет жесткой шлемовидной конструкции голландского. Отличается также устройством затяжек и рядом мелких деталей. Можно предположить, что арабские клобучки стали попадать в Европу во времена крестовых походов и со временем претерпели соответствующую трансформацию.

Принципиально иным типом пользуются охотники восточных регионов Азии, в том числе среднеазиатских республик. Это так называемый туркес-

■•щщт РФЩ&?з$$Ш

танский или индийский тип клобучка, главной особенностью которого является отсутствие завязок и изготовление его из толстой, достаточно жесткой кожи. Крой бывает разным, обычно из трех частей: маски и двух боковин, но иногда из одного куска с задним швом и боковыми вытачками. При изготовлении туркестанского клобучка требуется тщательная подгонка по размерам и конфигурации птичьей головы, ибо при отсутствии затяжек клобучок удерживается на голове лишь за счет совершенно определенной формы и жесткости корпуса. Само же шитье, или, как говорили в старину, «точание», гораздо проще, чем в европейском варианте.

Главное достоинство голландского клобучка заключается в том, что его жесткая конструкция с надежными затяжками наилучшим образом способствует удержанию на голове самой беспокойной и упрямой птицы. Это компенсирует многие недостатки, главный из которых — сложность изготовления. Кроме того, птица в таком клобучке совершенно лишена возможности сбросить погадку, что порой доставляет лишние неудобства сокольнику. Туркестанский клобучок сидит на голове не так плотно, но зато мгновенно надевается и снимается с птицы, а для охоты это очень важно. Помимо этого птица в нем нормально мечет погадку.

Такой разброс качеств конечно же был оценен сокольниками с творческим началом, и в результате возник новый тип клобучка — индо-европейский, соединивший в себе простоту кроя и легкость изготовления индийского (туркестанского) и плотную посадку, обусловленную стяжками, голландского. И с погадкой оказалось все нормально — птица сбрасывает ее без труда. На сегодняшний день такие клобучки пользуются наибольшей популярностью в Европе и Америке, но в консервативных азиатских регионах предпочтение все же отдается традиционным типам.

В заключение общих рассуждений о клобучках отметим специфику их применения относительно разных видов хищных птиц. В качестве непременного атрибута клобучки употреблялись и употребляются для соколов и беркута. На ястребов же в прежние времена их надевали редко, хотя в документах XVII века есть упоминание о том, что посольство Алексея Михайловича доставило в Бухару вместе с прочим и ястребиные клобучки. Сейчас трудно представить себе современного охотника с тетеревятником, не применяющего клобучка хотя бы при транспортировке птицы и нахождении в «присутственных местах». Совершенно не используют клобучок наши среднеазиатские ястребятники, но там сейчас редко надевают его и на балобана, с которым охотятся чисто по-ястребиному (это — несомненный признак деградации соколиной охоты, ибо в прошлом здесь широко практиковалась охота с постановкой сокола на круги). Лишь для беркута в Казахстане и Кыргызстане клобучок остается обязательным.

Среди многих сотен грузинских базиери вы не встретите охотников с заклобученным перепелятником: здесь это не требуется (да для перепелятника не требовалось и в прежние времена). Однако же для сокольников «новой волны», многие из которых живут в городах, клобучок стал таким же необходимым атрибутом,как и перчатка.

ПЕРЧАТКА

Она защищает руку, на которой держат птицу, от ее когтей, поэтому ясно, что для сокольника это необходимейший элемент снаряжения. Хватка ловчих птиц, особенно орлов и ястребов, убивающих добычу когтями, необыкновенно сильна. Человек, ощутивший ее впервые даже через толстую перчатку, бывает поражен мощью, заключенной в небольших в общем-то по объему мышцах лап. Они воистину стальные. Беркут элементарно может насквозь пронзить шестисантиметровыми когтями приемных пальцев кисть руки человека, да и тетеревятник, загнав глубоко под кожу свои когти, способен причинить серьезные травмы. Поэтому древнему охотнику наверняка не потребовалось много времени, чтобы начать усаживать своего крылатого помощника на руку, предварительно обмотанную подходящим куском шкуры. Гораздо позднее, с изобретением рукавиц и перчаток, птицы пересели на них.

Особенно удобными оказались боевые рукавицы с длинными, почти до локтя, крагами, защищавшими предплечье владельца от острых когтей не хуже, чем от разящего металла. В книге Фридриха II можно в деталях рассмотреть не лишенные изящества и со вкусом орнаментированные специальные сокольничьи перчатки вполне современного вида. В русских источниках той поры рисунков сокольничьего снаряжения не было, однако из описаний явствует, что употреблялись «рукавицы с наручниками», причем те, что предназначались для парадных выездов, были богато украшены шелковыми кистями и бахромой, золотым и серебряным шитьем, каменьями. Остается, впрочем, неясным, были ли это настоящие рукавицы, или речь идет о перчатках (в то время название их могло быть одинаковым). Учитывая, что охота шла почти исключительно с соколами, которые сильно руку не когтят и ведут себя вполне «вежливо», можно предположить, что наш «тишайший» царь носил своих кречетов на перчатке, действовать в которой более удобно. В Западной Европе во времена сокольничьего Ренессанса перчатки окончательно взяли верх. Их с большим изяществом и выдумкой изготавливали специальные мастера.

Очень своеобразны рукавицы, которые использовали и используют по сей день киргизские и казахские беркутчи. Обычно их делают из шкуры косули, архара или козерога, которая снимается чулком (без продольного раз-

реза) с шеи и головы зверя. Из головы с предварительно зашитыми круглыми заплатками-глазницами и отверстиями от рогов формируется при помощи двух-трех вытачек собственно рукавица, к которой пришивается большой палец. Из шеи образуется длинная (до локтя) коническая крага. Такая рукавица шьется шерстью внутрь, выделка кожи — сыромятная и довольно грубая. В качестве дополнительной защиты от когтей внутрь часто вставляется подклад из войлока или коровьей шкуры шерстью к руке. Помимо описанного, встречается и более удобный трехпалый вариант рукавицы.

Самобытное, традиционное и наверняка древнее по происхождению приспособление для ношения сокола, которое не назовешь ни перчаткой, ни рукавицей, широко используется в арабских странах. Это «труба», сшитая из куска войлока, кожи, а то и ковровой ткани, надеваемая на предплечье и закрывающая кисть. Через переднее отверстие трубы можно взять пальцами опутенки и должик.

Еще более простым приспособлением пользуются грузинские базиери, имеющие дело с перепелятником. Рука защищается лишь небольшой накладкой из тонкой кожи с отверстием для большого пальца, прикрывающей верхнюю часть кисти и запястье. Накладка фиксируется на руке легкой завязкой.

На какой руке носят ловчую птицу? Рассматривая изображения сокольников разных времен и народов, мы обнаружим птиц как на правой, так и на левой руке. Исключительно на правой держали своих ловцов сокольники Центральной, Средней и Передней Азии. На Руси и в раннем средневековье, и во времена царя Алексея Михайловича, и позднее сокол озирался окрест, сидя на правой руке хозяина. Иная картина в Западной Европе. На иллюстрациях в трактате Фридриха II замечаем, что большинство птиц — на левой руке, но имеется и правосторонний вариант. На гравюрах XVI — XVII веков птицу на правой руке можно обнаружить как исключение. В чем же тут дело? Наверняка эти различия не случайны и имеют под собой какую-нибудь существенную основу.

Сокольник, особенно в период вынашивания, проводит с птицей на руке очень много времени, выполняя при этом и массу не связанных с ней каждодневных дел. Поэтому естественным, казалось бы, для большинства людей будет держать птицу на левой перчатке, освободив более привычную к разного рода работе правую руку. Однако, как мы видим, большая часть сокольничьего мира поступала наоборот. Дело заключается в том, что охота с ловчими птицами в бескрайних просторах азиатских равнин и предгорий была уделом всадников, проводивших порой в седле большую часть жизни. А управление лошадью, пожалуй, еще более консервативно, чем соколиная охота. Посадка на коня всегда с левой стороны, поводья тоже всегда в левой руке, а правая рука свободна для копья, клинка, плетки и сокола. В этой связи

вспоминается, как старый иссыккульский беркутчи Аширбай на вопрос заезжего московского журналиста: «Не лучше ли по подобию Западной Европы носить птиц на левой руке?» — чуть улыбнулся и предложил попробовать хотя бы сесть на лошадь с левой рукой, занятой птицей. Активный, но не слишком искушенный визитер попробовал и быстро оставил свою идею; при этом всем наблюдавшим попытку ревизии национальных традиций было очень весело. Между тем этот вопрос достаточно подробно рассматривается в «Искусстве соколиной охоты» Фридриха И, где имеются даже специальные рисунки, показывающие, какие необходимы ухищрения, чтобы сесть на коня с соколом на левой руке, а кроме того, есть рисунок, из которого явствует, что охотиться в конном строю удобнее с птицей на правой перчатке. А на одной из германских гравюр XVIII века изображен импозантный господин, садящийся на коня справа, что при птице на левой руке гораздо удобнее, но, несомненно, противоречит классическим устоям верховой езды. Так или иначе, но Западная Европа со временем пересадила птиц на левую руку, а азиатский всадник, в гораздо большей степени связанный с конем и жизнью в седле, до сих пор остается верен тысячелетним традициям.

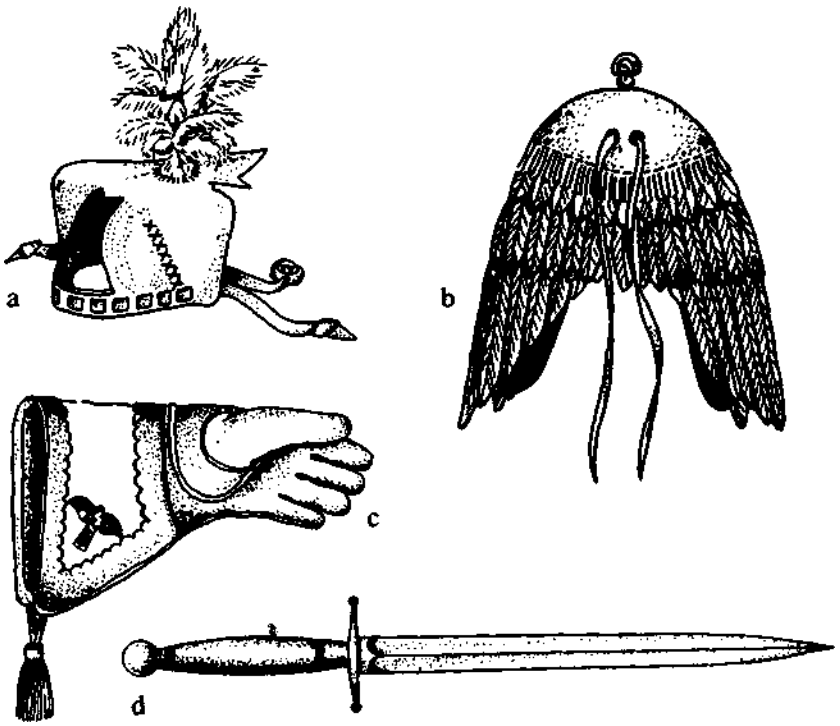
Интересно, что у туркменских сокольников в центре пустыни Каракумы можно встретить оба варианта ношения балобана. Охота здесь пешая, поскольку климатические условия не позволяют использовать лошадей, и именно по этой причине помимо традиционно правостороннего возник и закрепился левосторонний вариант.

Судя по старинным гравюрам, в средневековой Японии охотились в основном пешком, вследствие чего фавориты местных сокольников — тетеревятники восседали на левой руке своих невозмутимых и таинственных хозяев. Таким же образом носят перепелятников практически все грузинские базиери, хотя нет сомнений, что основатель Тбилиси царь Вахтанг Горгасали, летевший долиной Куры во главе ураганной кавалькады, пускал своего сокола с правой руки.

Столь свойственный современности рационализм определил то, что подавляющее большинство сокольников новой волны в Европе, Америке, да и у нас в стране носят птиц на левой перчатке, хотя исключения далеко не редки. Причем птица на правой руке может быть не только данью традиции предков, но и результатом опыта охотника, обнаружившего в этом какие-то практические преимущества. Скажем, при охоте с тетеревятником очень большой эффект дает мощное набрасывание птицы на добычу, которое для большинства людей удобнее выполнять правой рукой.

ВАБИЛО

Это очень важный инструмент в руках сокольника, при помощи которого он управляет поведением ловчей птицы. Название происходит от старого русского слова «вабить» то есть звать, манить. Вабило — это желанная для птицы добыча, всегда находящаяся у хозяина, который, используя ее, может подозвать своего ястреба или сокола, а кроме того, заставить выполнять различные упражнения для тренировки, отработки летных качеств и техники ловли добычи. Нет сомнений, что первым вабилом древнего охотника была тушка какой-нибудь утки, куропатки или зайца, размахивая которой удавалось привлечь внимание и вернуть отлетевшую птицу. Затем тушка была привязана на сыромятный ремень, ее стало удобно вращать в воздухе и таскать по земле, что прибавило сходства с живой добычей. Но такие приманки быстро портились и их нужно было часто менять, поэтому на смену им со временем пришли разного рода имитации — шкурки соответствующих животных и примитивные чучела. Их, в свою очередь, сменили прочные и долговечные искусственные вабила, имеющие лишь отдельные характерные признаки настоящей добычи (крылья, хвост, цвет, особенности движения). Следуя общим известным нам тенденци-



ям, вабило пережило эпохи натурализма, аскетизма, украшательства, конструктивизма, оставаясь для сокольника незаменимым помощником.

Итак, вабило имеет три основных предназначения: подманивание птицы, тренировка ее лётных и охотничьих качеств и притравливание к новой, незнакомой прежде добыче. В любом случае снаряд должен вызывать у пернатого ловца горячее желание атаковать, как атакует голодный и уверенный в своих силах хищник хорошо знакомую и доступную жертву. Близкое сходство вабила с такой добычей имеет большое значение для соколов и особенно для ястребов, и идеальным в этом смысле было бы использование натуральной свежей тушки. Такие вабила иногда, особенно на начальном этапе дрессировки, оказываются очень хороши. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев современный сокольник применяет искусственное вабило, изготовленное из различного подходящего материала. Основные требования к нему — легкость, компактность, прочность и возможность производить движения, близкие к натуральным. Важно, чтобы на вабиле не было твердых (металлических или деревянных) выступающих частей, о которые птица могла бы травмироваться. Вес должен быть не более, чем позволяющий вращать снаряд в разных плоскостях, особенно при работе с соколами, наносящими сильные удары и нередко страдающими от излишней тяжести «добычи». Ястребам желательно вабило потяжелее.

Для изготовления простейшего вабила из толстой и прочной, но эластичной кожи вырезают два овала размером 10 х 20 см. К их лицевым сторонам пришивают по паре предварительно высушенных крыльев, желательно тех птиц, на которых планируются напуски. Половинки складывают изнанкой друг к другу и крепко сшивают по краю. После того, как большая часть периметра будет сшита, внутрь образовавшегося «кармана» плотно набивается мягкий войлок, шерсть или другой подходящий материал, и шов доводится до конца. К вершине вабила пришивается 30-сантиметровый ремешок, на свободный конец которого ставится вертлюг (иногда вертлюг крепят непосредственно к вершине вабила, но этого делать не следует, так как он может при контакте травмировать птицу). К вертлюгу крепится шнур длиной около 3 м. Он должен быть прочным, но желательно хлопчатобумажным, а не капроновым, о который легко стереть пальцы до волдырей. К концу шнура иногда привязывают 20-25-сантиметровый колышек, который можно воткнуть в землю во время кормления птицы на вабиле. Этот колышек, играя роль якоря, поможет и в случае, если птица имеет тенденцию уносить брошенное ей вабило. Теперь остался последний существенный момент. В верхней трети одной из сторон вабила между крыльями прикрепляется завязка или шнурок для ввязывания мясной приманки. Хитростей тут особых нет, главное, чтобы приманка держалась очень прочно и концы завязки не образовывали петель, куда может попасть лапа птицы.

Столь же простым в изготовлении, но, пожалуй, более практичным является вариант описанного вабила, при котором его «тело» сшивается из двух полукругов диаметром около 20 см. Причем сшивается дуга полуокружности (шов лучше сделать внутренним), а прямая сторона остается несшитой. Заготовленные крылья примерно на треть вставляются внутрь образовавшегося кармана и прошиваются швом по прямой стороне выкройки. Естественно, что, как и в первом варианте, внутри зашитого кармана должна быть мягкая набивка, покрывающая основания крыльев (их может быть только два).

Регулировать вес таких вабил можно, помещая утяжелитель, скажем, мешочек с песком, внутрь, а можно и другим способом. Изготавливается свинцовый шарик весом до 400 г со сквозным достаточно широким отверстием, в которое продевается шнур вабила. Шарик свободно скользит по шнуру между колышками и вертлюгом. Если нам нужен легкий снаряд, мы переводим груз к колышку и держим его в руке, если необходимо утяжелить вабило (при сильном ветре или работе с ястребом), — перегоняем шарик на противоположный конец шнура, к вертлюгу.

Помимо «летающего», то есть птичьего, вабила имеются и другие типы. Так, в Киргизии, Казахстане при подготовке беркута к охоте на лисицу употребляют так называемую чыргу — в простейшем варианте набитую войлоком или кожаными обрезками лисью шкурку с хвостом, которую всадник тащит на длинном шнуре. Но такая чырга очень быстро выходит из строя, и иногда можно видеть гораздо более прочные изделия. Туловище вабила делается из крепкой сурчиной шкуры, причем внутрь вставляется плотно набитая оболочка из коровьей кожи. Сзади к туловищу пришивается лисий хвост, а спереди—ременная петля, к которой вяжется шнур. Для обучения тетеревятника и балобана среднеазиатские сокольники иногда используют чыргу, имитирующую зайца.

Принцип устройства описанного вабила очень близок к традиционному туркменскому, которое называется «алвай» и представляет собой все тот же карман из белого войлока, внутрь которого кладется и закрепляется так, чтобы выглядывала наружу, мясная приманка. К краю алвая пришиваются маховые перья, причем зачастую не от потенциальной добычи, а соколиные.

Необходимо заметить, что, несмотря на важность внешнего вида вабила (особенно наличия характерных маркерных элементов — крыльев, хвостов, яркого пятна мясной приманки и др.), эффективность его использования в большей степени зависит от умения сокольника. Техника работы с вабилом в основе своей проста, но отработка упражнений в координации с действиями птицы требует упорного труда и осмысления поставленных задач. Если крутить вабило на шнуре может каждый начинающий, то далеко не все смогут достичь здесь высот полного взаимодействия с соколом.

Современные западные сокольники в большинстве своем пользуются специальными сумками, практически идентичными тем, что были в ходу у их средневековых коллег. Сумка надевается через плечо под свободную от птицы руку. Она плоская и широкая, обычно имеет округлую форму. Характерная особенность — это вертлюг, к которому крепится идущий через плечо ремень. Вертлюг позволяет легко поворачивать сумку то одной, то другой стороной к руке и доставать из разных отделений (обычно их два) вабило, мясную приманку, подсадную птицу на шнуре и другие необходимые вещи. Помимо вместилища этих предметов, сумка имеет и другую важную функцию. Ею нередко прикрывают пойманную птицей добычу, переманивая разгоряченного ловца на перчатку. Особенно распространено это при охоте с беркутом на зайца.

Сумка изготавливается из толстой эластичной кожи, традиционно украшается кожаной бахромой, кистями, аппликациями.

Русские сокольники также носили сумку через плечо, но, к сожалению, ее подробного описания не сохранилось. Скорее всего, это был не какой-то особый тип, а модификация того, что использовалось в быту. Аналогичную ситуацию мы видим сейчас у среднеазиатских охотников.

Описанные предметы конечно же далеко не исчерпывают всего, что применяют сокольники. Не имея возможности подробно рассказать о многих менее значительных принадлежностях, все же вкратце остановимся на некоторых из них.

Большинство сокольников для определения физической кондиции птиц пользуются весами. Регулярное взвешивание помогает (особенно начинающим) достаточно объективно судить о том, готов ли хищник к работе, не истощал ли он или не ожирел, вовремя заметить начинающуюся болезнь и т.д. Требования к весам не сложные. Они должны позволять взвешивать крупных соколов и тетеревятника с точностью до 10 г, а более мелких птиц — до 5 г. Обычно в ходу бывают разные типы рычажных весов, оборудованные присадой, на которой хищник может сидеть, не беспокоясь. Пружинные весы, как менее надежные (со временем пружина может ослабевать), лучше не использовать. Очень удобны и компактны получающие все большее распространение электронные весы, но их точность следует время от времени контролировать.

При перевозке только отловленных птиц, а иногда и в начале вынашивания их нередко «пеленают», лишая возможности биться, портить оперение и наносить себе травмы. Для этого пользуются пеленками и мешками. Одна из конструкций пеленки представляет собой рукав конической формы, сшитый из мягкой прочной материи. Вершинное отверстие должно быть таким, чтобы в него плотно, без особого запаса проходила голова птицы. Длина рукава при-

мерно соответствует длине птицы от головы до конца хвоста, заднее отверстие гораздо шире вершинного (в 6-8 раз). Птица с вытянутыми вдоль хвоста ногами просовывается головой в переднее отверстие, рукав расправляется вдоль тела, и его «полы» запахиваются навстречу друг другу, плотно оборачиваясь вокруг птицы и крепко фиксируя лапы на уровне цевок. Для удобства оборачивания на той стороне пеленки, что прилежит к спине птицы, делается широкий клинообразный вырез, достигающий вершинной середины птичьей спины. Для надежности ноги вместе с хвостом оборачиваются поверх пеленки широким бинтом. Упаковка должна быть плотной, но не сдавливающей туловище слишком сильно, что могло бы затруднить дыхание.

Грузинские базиери, отлавливая перепелятников, быстро и ловко упаковывают их в обычные носовые платки. Два угла платка связываются двойным узлом так. чтобы получилось отверстие для головы ястреба. Это делается обычно заранее, и охотник приходит на отлов уже с достаточным количеством таких полуфабрикатов. Пойманная птица просовывается головой в отверстие, грудью к полотну платка, а свободные его углы завязываются также на два узла на спинной стороне ястреба на уровне цевок вытянутых вдоль хвоста ног.

Киргизы вместо пеленки используют так называемый куш-баштык — узкий длинный мешок с отверстием в глухом конце для головы хищника. Фиксируется в нем птица так же, как и в пеленке, а вынимать ее гораздо труднее, поскольку стаскивать плотно облегающий мешок приходится против пера, которое всегда заминается.

В последнее время некоторые сокольники стали применять для пеленания отслужившие свой срок плотные эластичных чулки, которые достаточно хорошо держат птицу и не особенно портят оперение.

Интересное приспособление для перевозки беркута можно встретить у казахов. Из подходящего гибкого прута толщиной в большой палец сгибается рамка, напоминающая по форме теннисную ракетку, а еще больше — индейский снегоступ. Рамка затягивается материей, однако не внатяг, а с хорошим припуском в широкой части, образующим нечто вроде гамака. Подготовленный беркут, с предварительно связанными и вытянутыми ногами, укладывается грудью в «гамак», который зашнуровывается сверху сыромятным ремнем, крепящимся к деревянной рамке. В таком виде беркутчи может приторочить птицу к седлу и мчаться с ней во весь опор.

ОБУЧЕНИЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ

Обучение ловчих птиц, называемое также вынашиванием, сводится к использованию природных охотничьих способностей того или иного вида на ос-

нове выработки у птиц адекватных реакций на безусловные и условные раздражители. Процесс обучения складывается из нескольких последовательных этапов, являющихся общими для всех птиц, хотя в дрессировке таких разных систематических групп, как ястребы и соколы, имеется выраженная специфика.

Сразу после поимки хищника необходимо приучить к человеку. Для этого (желательно в затемненном помещении) на нее надевают опутенки и сажают на перчатку. Нужно как можно больше носить птицу на руке, пока она не станет спокойной. При срывах и повисании на ремешках посадить на перчатку, осторожно поддерживая другой рукой под грудь. Корм, зажатый в перчатке, следует предлагать сразу, как только птица успокаивается на руке. В зависимости от упитанности и индивидуальных особенностей она может начать есть и с первого предъявления, и на третьи-четвертые сутки. В случае продолжительного отказа от пищи на третий-четвертый день птицу нужно попытаться напоить и накормить насильно во избежание ослабления. Первое время следует ходить с птицей на руке в тихих местах, а по мере привыкания, во все более людных и шумных, приучая ее к обстановке будущей работы (люди, здания, автомобили, собаки и т.д.).

Следующий этап дрессировки — приучение птицы «ходить на руку». После того, как хищник перестал бояться человека (не поднимает перьев и не распускает крыльев при приближении), во время очередного кормления в закрытом помещении птице предлагают корм, поднося его почти вплотную. Как только она перейдет на руку — хорошо накормить. На другой день повторить упражнение три-четыре раза, увеличивая расстояние. Затем с привязанной на шнур птицей перейти на улицу и там продолжать отработку. Главное — не расстояние прихода птицы, а уверенность выполнения упражнения. Когда птица по первому зову сразу же идет на руку и не отворачивает при подлете с расстояния 20-25 м, можно пускать ее без шнура. Целесообразно за одно занятие не подзывать птицу более пяти раз, но при каждом приходе давать столько мяса, чтобы за пять приходов она получила дневную норму. Это повышает заинтересованность птиц в работе. После освоения прихода на руку по первому сигналу с расстояния 20-25 м (без демонстрации в перчатке мяса) этап считается завершенным. Далее для ястребов отрабатываются подзывы из нестандартных положений: с земли, с дерева, через воду и т.д. Ястреб должен идти на руку со 100, 200 и более метров. Соколы охотно летят и на гораздо большее расстояние.

Для соколов очень важным моментом является работа с вабилом, которая не только позволяет управлять ими на больших дистанциях, но и дает прекрасный физический тренаж. Прежде всего несколько раз кормят сокола мясом, ввязанным в вабило. Во время очередного занятия надо встать от птицы на расстоянии 3-4 м и бросить вабило с мясом сбоку от себя на полную

длину веревки. Если сокол не интересуется, потянуть вабило к себе, взять его, покачать над землей и снова бросить на землю ближе к птице. Когда сокол слетит на вабило, дать немного поклевать мясо и осторожно, чтобы но напугать, сесть на корточки и, держа веревку вабила внатяжку, приблизиться на расстояние вытянутой руки. Медленно протянуть зажатое в руке мясо, накрывая вабило перчаткой и подводя ее под птицу. Переманить на руку и незаметно убрать вабило в сумку. Всю операцию повторяют, пока птица не станет реагировать спокойно, будучи уверенной, что ее «добычу» у нее не отнимают. Постепенно увеличивать дистанцию и довести количество приходов до трех-четырех за занятие. Затем вводится вращение вабила. Дрессировщик стоит лицом к птице и вращает вабило в вертикальной плоскости, сопровождая это подзывом (условный крик, свист). При подлете вабило бросить на землю. Добиться уверенного прихода сокола на крутящееся вабило без подзыва. Все это можно делать, работая с соколом на шнуре, доводя дистанцию прихода до 50-70 м. При хорошей реакции с первого предъявления вабила можно переходить к свободным полетам. В день, предшествующий первому свободному полёту, накормить птицу с утра «вползоба». На следующий день, к вечеру, сделать пробный полет на шнуре и, если он пройдет хорошо, шнур снять. Дважды подозвать сокола на слегка уменьшенную дистанцию. На большой дистанции приучить работать сокола по схеме: вращение вабила — снятие клобучка — подзыв — подача вабила на землю. Сокол должен видеть вращающееся вабило, как только клобучок будет снят (к клобучку птица приучается с первых дней вынашивания). При этом солнце не должно слепить глаза птице.

Сокол готов к «постановке вверх» — наиболее эффективному для охоты (и для работы) положению, обеспечивающему максимальную результативность бросков. Нередко птица сама атакует брошенное вабило, но не садится на него, а уходит на второй круг. Если этого не происходит, в очередной подлет сокола к брошенному вабилу оно берется с земли и прячется за спину. Сокол взмывает и идет на круг, осматриваясь в поисках «добычи». Позвать его и, покрутив, бросить вабило на землю под приближающегося хищника. Накормить на вабиле досыта. Во второй день дать сделать два круга, затем прибавлять по два-три круга в день, доведя до нескольких десятков. Не доводить птицу до утомления, когда она старается сесть для отдыха на какую-нибудь присаду. После появления у сокола одышки дать сделать один-два круга и сажать. Выносливость постепенно возрастает. Хорошие результаты дают упражнения на двух вабилах. В этом случае дрессировщик с напарником находятся на расстоянии 100-150 м друг от друга. Птица ставится вверх, делает над дрессировщиком несколько кругов и идет на брошенное вабило, которое, как описано выше, прячется. В этот момент

напарник начинает вращение своим вабилом и зовет птицу к себе. Процедура повторяется, и сокол летит назад на зов дрессировщика. Постепенно количество пролетов и расстояние между вабильщиками увеличиваются. В процессе обучения сокола следует пускать один раз в день, примерно через месяц — два раза, и только через длительное время отлично подготовленная птица может работать до пяти раз в день, проводя в воздухе в общей сложности до двух часов. Если во время дрессировки сокол хорошо летает в течение пяти-десяти минут на достаточной высоте (40-50 м), не следует стимулировать его к атакам, вращая вабило. Вращательная работа необходима в случае низкой и вялой работы птицы, чтобы дать ей достаточную нагрузку. В среднем требуется один-два месяца, чтобы научить сокола «постановке вверх». Для правильно и качественно подготовленного сапсана хорошим «потолком» считается высота 150-200 м, хотя некоторые птицы охотно поднимаются и значительно выше (слишком большие высоты допустимы лишь для послушной, отлично управляемой птицы). Для балобана высота в 70-100 м может расцениваться как хорошая.

Заключительным этапом подготовки ловчих птиц является притравливание к соответствующей добыче. Подготовка начинается еще в процессе работы птицы на шнуре, когда необходимо дать им поймать двух-трех голубей (также привязанных на шнур, но более короткий). Особенно это важно для ястребов, которых впоследствии легко будет приманить на живого голубя в случае неповиновения (например, нежелания слетать с дерева).

Перед притравкой хищника следует приучить к будущей жертве, несколько раз накормив на тушке этой птицы. В день накануне первого напуска на живую добычу птицу кормят «вползоба». Необходимо создать все условия, чтобы первый напуск был результативным. Для этого используются подсадные птицы с подрезанными перьями на одном крыле, у ворон пластырем заклеивают клюв, чтобы они не могли оказывать сильного сопротивления. Когда хищник поймает добычу и начнет ее ощипывать, дрессировщик медленно со стороны головы приближается вплотную и, действуя так же, как и в случае с первым приходом сокола на вабило, осторожно берет добычу в руки и заставляет хищника перейти на перчатку, подставляя ему наиболее лакомые куски. Птица должна усвоить, что человек не отбирает добычу, а помогает с ней справиться. Нередко хищник пытается уносить пойманную птицу. Отучить от этого можно, пуская подсадных птиц на шнуре и удерживая их при попытках уноса. На первой добыче хищника кормят досыта, закрепляя его положительные эмоции. В дальнейшем количество напусков ястреба доводится до четырех-пяти раз в день при условии, что птица не теряет к напускам интереса и не переутомляется. В ряде случаев, например, при использовании напусков из автомобиля, ястреба необходимо приучить к работе

с клобучком. В этом случае в момент снятия клобучка птица должна видеть движущуюся добычу.

Нельзя допускать задержки опутенок бросившегося в атаку ястреба, это вселяет в него неуверенность. Очень полезно помогать ястребу набирать стартовую скорость, «набрасывая» его в сторону добычи плавным движением руки. Атаку можно предварять и сопровождать особым криком или свистом, что оказывает сильное стимулирующее действие.

Притравка соколов построена на аналогичных принципах. После того, как хищник освоит полеты над хозяином и будет свободно кружить на высоте 30-50 м в течение пяти минут, в один из дней вместо вабила ему дают живую добычу. Нужно постараться, чтобы в момент атаки позиция сокола была максимально благоприятной и он обязательно поймал первую добычу. Для этого учитывается высота, на которую поднялся сокол, направление и сила ветра, положение солнца. В момент выпуска подсадной птицы внимание сокола должно быть обращено на дрессировщика.

Общая схема напуска сокола такова. Снять с птицы клобучок, дать обсидеться на руке и встряхнуть перья, затем, повернув на ветер, поднять повыше. Сокол раскрывает крылья, сходит с руки и набирает высоту. При слишком большом удалении позвать, используя вначале наиболее слабые стимулы возврата, и лишь при отсутствии на них реакции прибегать к более сильным (свист, крик, вабило). Как и в случае с ястребами, момент особенно азартной атаки полезно сопровождать особым криком (сигналом), которым впоследствии можно эффективно подзывать отходящего сокола.

Помимо работы с предварительным «становлением вверх» соколов напускают непосредственно с руки. Особенно результативны такие напуски на сидящие на земле стаи врановых. Используются хорошо подготовленные физически птицы, свободно делающие не менее двадцати ставок при работе на вабиле. Для тренировок необходимо подобрать обширное открытое пространство, позволяющее соколу делать длинные угонки. Напуск производится с большого расстояния (для начала около 100 м, а опытных соколов — с 200-300 м) и обязательно против ветра. Последнее существенно, так как, атакуя против ветра, сокол быстрее врановых набирает высоту и получает необходимое преимущество перед броском. Напускать лучше на взлетающих птиц, поскольку сидящие на земле имеют больше шансов увернуться. Поэтому прежде, чем снять клобучок и пустить сокола, желательно сидящую стаю спугнуть. Во избежание очень длинных угонок и возможных отлетов сокола не следует напускать неопытного ловца на слишком большие и разрозненные стаи. Также следует избегать напусков в туман, сильный дождь, сгущающиеся сумерки, при сильной жаре. Легким дождем и ветром до 10-12 м/с можно пренебречь.

Рожденные в вольерах

Одно из важнейших достижений второй половины XX века в области сохранения животного мира — признание необходимости и разработка технологий вольерного разведения диких животных, находящихся под угрозой исчезновения. Успешность и эффективность этой новой формы сохранения животных обусловлена введением целого арсенала новых приемов — разработки сбалансированных рационов, использование искусственного фотопериодизма и гормональных препаратов, разработки техники искусственной инкубации яиц, применения новых лечебных препаратов, выявления способов раннего определения пола и генетического контроля. Одно из главнейших достижений — введение в практику искусственного осеменения. Да и в области конструкции самих вольер, клеток, загонов наши знания значительно расширились. Все это положило начало научным основам разведения редких видов с достаточно высоким коэффициентом полезного действия. Число специальных питомников редких видов в мире неуклонно растет и уже сейчас достигает значительного количества. Есть они и в нашей стране. В рамках Международного союза охраны природа (МСОП) функционирует даже специальная рабочая группа по вольерному разведению.

Хищные птицы, и в первую очередь соколы, стали объектом искусственного разведения довольно давно: первые сапсанята появились в вольерах еще в 1940-х годах. Сейчас успехи в разведении крупных соколов исключительно велики. Мы вернемся к оценке, когда будем обсуждать природоохранные аспекты. Сейчас же нам прежде всего важно то, что «продукция» таких специальных питомников может и должна быть использована дляобеспечения сокольников потенциальными ловчими птицами. По сути дела это единственный вполне безопасный для природы путь получения будущих ловчих птиц, который снижает, а в ряде случаев и полностью снимает почти неизбежный пресс отлова на естественные популяции хищных птиц.

Вместе с тем разведение хищных птиц в вольерах — дело отнюдь не простое, и было бы непростительным самообманом думать, что достаточно построить вольеры и посадить туда несколько пар соколов — и успех будет обеспечен. Это абсолютно неверно. Прежде всего необходимо детально ознакомиться с биологией хищных птиц, создать своего рода базу научных данных.

Не вдаваясь в подробности, которые можно почерпнуть из специальной орнитологической литературы, укажем лишь на основные важнейшие характеристики.

К отряду дневных хищных птиц относятся около 290 видов, которые объединяют в три семейства. Экологически это очень разнообразная группа, включающая как виды с широким кормовым спектром, так и узкоспециализированные, распространенные космополитически или очень локально. Они населяют арктические тундры и пустыни, горы и тайгу, устраивая свои гнезда на скалах и деревьях, тростниковых заломах и крышах многоэтажных зданий. Многолетние гнезда одних видов представляют собой впечатляющие сооружения, у других — это просто ямка в земле, лишенная выстилки. У большинства видов самцы и самки окрашены сходно. Половой диморфизм обычно выражается в более крупных размерах самок, что отражает распределение ролей в насиживании яиц, выкармливании и воспитании молодых.

Все хищные птицы моногамны, то есть пары у них образуются на всю жизнь. Как правило, размножаются хищные птицы один раз в год. Число яиц в кладке от 1-2 у крупных видов (гриф, орел, орлан) до 6-7 и даже 9 у мелких (пустельга, ястреб-перепелятник). Хищные птицы относятся к числу долгожителей; известны случаи, когда в зоопарках ястреб-тетеревятник жил 25 лет, беркут — 50, а кондор — 70 лет.

Птенцы хищников развиваются по птенцовому типу: вылупляются из яиц хорошо опушенными, зрячими, однако нуждаются в длительном пребывании в гнезде, обогреве и защите родителей. Они не способны самостоятельно питаться и самостоятельность приобретают, лишь вылетев из гнезда. Все это значительно усложняет выращивание птенцов в питомнике.

Приведем основные сведения, необходимые для вольерного разведения хищных птиц — устройство вольер, режим содержания, кормление и т.д.

Вольеры. При выборе размеров репродуктивных вольер мы неизбежно сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, очевидно, чем размеры вольер крупнее, тем условия для размножения птиц лучше, особенно при естественном спаривании, поскольку для многих групп пернатых хищников свойственны брачные демонстрационные полеты, требующие значительного пространства. С другой стороны, большие вольеры соорудить труднее, да и расходы при этом увеличиваются. Теоретически оптимальной по размерам будет наименьшая вольера, где птица сможет реализовать свои репродуктивные возможности. На практике не всегда следуют такому подходу отчасти из-за недостатка нужных сведений по биологии разводимых видов, отчасти из-за наличия готовых построек, которые легко переоборудовать в вольеры, наличия доступного материала или по иным соображениям. В этом отношении интересен пример соколиного центра Хельвесик в ФРГ. Его владелец

Э. Мюллер, в прошлом пчеловод, использует вольеры, изготовленные по образцу пчелиных сот. Каждая вольера представляет собой шестигранник диаметром 20 м с глухими дощатыми стенами высотой 4 м. Верх затянут капроновой делью. Вольеры объединены в блоки, подобно ячейкам сот. В смежных стенах имеются двери, соединяющие соседние помещения. Использование пчелиного рационализма позволило значительно снизить расход материала на единицу полезного объема. Центр специализируется на разведении кречетов, свои успехи в этом деле Э. Мюллер во многом относит за счет крупных размеров вольер и их формы, позволяющих птицам много летать. Соколы здесь размножаются преимущественно естественным путем с минимальным использованием стимулирующих методов. Это типичный размер экстенсивного направления, в основе которого — максимально возможное увеличение помещений и почти полное невмешательство человека, то есть стремление приблизить вольерных птиц к природным условиям.

Другие зарубежные центры, их большинство, развиваются в интенсивном направлении. К их числу относятся широкоизвестные «пионерные» питомники в США — центр Корнелльского университета (Итака), Форт-Коллинз в Колорадо и Санта-Крус в Калифорнии.

Сооружения Корнелльского питомника представляют собой вольерный блок длиной 69,2 и шириной 14,3 м. Два ряда по 20 вольер располагаются по обе стороны от центрального коридора, имеющего два этажа. Каждая вольера выходит в верхний и нижний коридоры. Нижний, отапливаемый, соединяется с вольерами дверьми с глазками для наблюдений и отверстиями для кормления. Верхний коридор не отапливается, его используют в основном для наблюдений. Вольеры оборудованы и небольшими дверями в гнездовые ниши. Стены и пол галереи покрыты звукоизолирующим материалом. Крыша блока двускатная, в кровле каждой вольеры есть полупрозрачная стеклопластиковая панель 3 х 0,9 м. Длина вольер-6 м, ширина — 3 м, высота у внутренней стены — 6 и у наружной — 4,2 м. Такие размеры близки к минимальным при естественном спаривании птиц размером до кречета. Задняя и боковые стены глухие, лицевая забрана вертикальной решеткой из прутьев толщиной 1,3 см с промежутками в 6,2 см. Решетка перекрывается металлической сеткой, отстоящей от нее на 15 см. Весь блок обнесен металлическим забором с козырьком из колючей проволоки.

Комплекс в Форт-Коллинз разбит на несколько более мелких, чем в Итаке, зданий, имеющих сходную конструкцию. Более сухой климат позволяет здесь для улучшения вентиляции не перекрывать потолки вольер пластиком. Они зарешечены, как и лицевая стена. Отопление блоков не предусмотрено, коридоры изнутри не утеплены, поэтому звукоизоляция недостаточная, и наблюдать птиц, не тревожа их, практически не удавалось. Эту проблему час-

тично решили путем создания в коридорах постоянного шума, для чего на весь день включали радио. В конце концов недостаток конструкции верхней галере «породил» разработку и внедрение лучшего из способов наблюдений — телемониторинга. В каждой вольере установлена камера, поле зрения которой охватывает гнездовую нишу и основные присады. Таким образом, оператор со своего пульта может одновременно видеть на экранах обстановку во всех вольерах, не тревожа обитателей. Из других усовершенствований интересна система водоснабжения, позволяющая дистанционно менять воду в поилках. Большие неприятности в Форт-Коллинз доставляли москиты, но после вспышки среди птиц малярии все вольеры были снабжены специальными защитными стеклами.

Конструкция вольер в питомнике Санта-Крус отличается от описанных выше. Птицы занимают помещения с открытым (зарешеченным) верхом и глухими стенами. Шиферное покрытие имеется только над гнездовыми нишами. Отсутствие крыши обеспечивает хорошую вентиляцию, а глухие стены незаменимы для содержания птиц с повышенной возбудимостью, в частности, ястребов. Размеры вольер те же, что в Итаке и Форт-Коллинз, но высота меньше — 3,6 м.

Целенаправленная работа по вольерному разведению хищных птиц началась двадцать лет назад. В 1978 году в питомнике, принадлежавшем Киргизскому объединенному госохотхозяйству, А.А. Шалной было получено первое потомство от балобанов. Вольеры в этом питомнике представляли собой элементарные конструкции из деревянных опор и сетки. Все стены были затянуты металлической зверовой сеткой с ячеей 30 мм, верх покрыт капроновой делью. Из-за очень незначительного годового количества осадков шиферная кровля сделана только над гнездовыми нишами, расположенными в углах. От сильных зимних ветров эти углы с боков были защищены шиферными панелями. Вольеры предназначались для разведения не только балобанов, но и более крупных птиц, поэтому имели размеры 11,6 х 5 м.

В других питомниках (в питомнике Окского заповедника и соколином питомнике Алма-Атинского зоопарка) применяли более совершенные, хотя и достаточно простые конструкции вольер, которые можно рекомендовать для широкого использования. Сетчатые вольеры 6-8 х 3-4 х 3-5 м соединены в блоки по 5-8 штук (в зависимости от размеров участка). Задняя стенка блока глухая, дощатая, имеет дверь, ведущую из вольер в сквозной общий коридор. Коридор двухъярусный, верхняя галерея предназначена для наблюдений за птицами. Для этого каждая вольера оборудована глазками и дверцами в гнездовые камеры. Задний коридор играет роль тамбура на случай, если птицы вылетят из вольеры при посещении ее обслуживающим персоналом, поэтому он должен быть с глухими стенами и электрическим освещением.

Задняя часть вольер (примерно на треть) покрыта крышей, идущей через весь блок.

Вольеры в блоке следует изолировать друг от друга сплошными боковыми стенами. Лицевая сторона также может быть глухой или забранной вертикальной решеткой. Потолок (верх) может быть перекрыт толстой капроновой делью с ячеей **30-50** мм. Такое покрытие достаточно долговечно и имеет преимущества при содержании возбудимых и пугливых птиц.

Для южных районов очень важна ориентировка вольер. Лучше всего располагать их так, чтобы прямые солнечные лучи попадали в гнездовые ниши лишь в раннее утреннее время на два-три часа. Днем вольера должна, быть затемнена. Это ограничивает применение в местах с жарким климатом вольерных блоков с центральным коридором и двусторонним расположением вольер. При ориентировке комплексов следует учитывать и направление господствующих ветров.

Интерьер. Интерьер репродуктивных вольер сравнительно прост. Целесообразно иметь две гнездовые ниши и несколько присад в виде полок или жердей, расположенных, главным образом, выше гнездовых ниш. Такие присады важны, кроме прочего, в брачном ритуале. Возбудимые птицы (ястребы) иногда бьются о лицевую решетку под потолком. Для предотвращения этого хорошие результаты дает установка отвлекающих жердей. Жерди устанавливаются обычно поперек всей вольеры в 0,5 м от лицевой стороны, либо на том же уровне прикрывают ими внешние углы. Гнездовые ниши и присады для птиц размером до кречета должны быть в 1-1,2 м от потолка, меньший промежуток может препятствовать копуляции. Устройство ниш бывает различным. В американских центрах это обычно прямоугольные полки на боковых стенах. В шестигранных вольерах Э. Мюллера две-три ниши расположены по углам. В рекомендуемой нами конструкции две ниши находятся во внутренних углах. Размеры ниш должны быть больше, чем нужно для откладки яиц (не менее 0,5 м^2) Птицы охотно используют ниши как своеобразные игровые площадки, что отвлекает их от пола вольеры.

Гнездовой субстрат в нишах играет стимулирующую роль при размножении пернатых хищников. Лучше, если он аналогичен природному.

В 1973 году в Алма-Атинском зоопарке давно готовая пара бородачей начала размножаться лишь после того, как птицы получили достаточное количество толстых, совершенно сухих корявых веток с полуоблетевшей корой и куски старых бараньих шкур. Ястребиных птиц, в частности орлов, стимулируют к размножению зеленые вегетирующие ветви деревьев и кустарников.

Универсальным субстратом для гнездовых ниш при разведении соколов является мелкий промытый гравий размером с горох. Он гигиеничен, не дает

пыли, хорошо аэрируется. Для гарантии от поломок скорлупы слои гравия в нише не должен быть меньше 7-8 см. Используют и другие субстраты, например, речной песок (в питомнике Санта-Крус) или мелкие обломки стеблей сухой люцерны (при разведении балобанов в Кыргызстане). В северных питомниках, где соколиные кладки появляются при низких температурах, предпочтение следует отдавать более мягкой подстилке с хорошими термоизолирующими свойствами, например, торфу, который к тому же является антисептиком. Внешний край гнездовых полок и ниш обычно покрывают мягким материалом типа войлока. В питомнике Хельвесик соколы устраивают гнезда в автопокрышках, помещенных в угловые ниши. Мягким материалом полезно покрывать и присады. На край каждой гнездовой ниши и на пол нелишне положить по крупному камню, который птицы охотно используют для чистки клюва. Для покрытия пола хорош мелкий гравий, насыпанный слоем до 10 см. Интерьер завершают ванна для воды и кормовой столик, расположенный вблизи входа в вольеру (в 1 м от земли). При работе с неимпринтированными птицами корм обычно выкладывают через специальное отверстие с рукавом.

Формирование племенного поголовья. При формировании племенной группы неизбежно возникает вопрос: каким птицам следует отдавать предпочтение — пойманным в природе или выращенным в неволе, импринтированным на человека или нет. В практике зарубежных соколиных центров имеются несколько групп вольерных птиц, различающихся по происхождению и способам воспитания. Одна группа — птицы, взятые в природе из разных гнезд в возрасте не старше одного месяца и содержащиеся затем в общих группах до образования пар с использованием методики вынашивания, применяемой сокольниками. Другая группа — птицы, приобретенные у сокольников, отлавливающих их первогодками во время миграции: эти соколы, как правило, выношенные. Следующую группу составляют птицы, которые были взяты птенцами двух-трехнедельного возраста, выращивались на руках, но после подъема на крыло контакты с ними сводились к минимуму, пары здесь формировались в течение первого года. Четвертая группа птиц формировалась с перспективой на естественное размножение. Вольерных и диких птенцов сразу после оперения помещали в большую общую вольеру со взрослой неимпринтированной парой. Других птенцов в пуховом возрасте подсаживали в вольеры к взрослым парам, а через несколько недель после оперения их забирали и вынашивали как ловчих птиц. Содержали их вместе, но свободно они не летали и получали усиленное питание для предотвращения пищевой агрессивности. Через 3-4 месяца такого содержания ручные птицы возвращались в вольеры уже как пары.

Трудно однозначно судить о предпочтительности какой-либо из описанных групп. Опыт показывает, что молодые, пойманные в послегнездовое вре-

мя, или взрослые, добытые в период миграции, вовсе не лучший вариант вопреки распространенному мнению. Даже для естественного размножения предпочтительнее ручное выращивание птенцов.

Кормление. Оптимальную диету соколов и ястребов составляют целые (в пере) тушки птиц. Предпочтительнее специально разводимые перепела и цыплята, но можно скармливать диких голубей, врановых птиц (в этом случае необходим строгий ветеринарный контроль за их состоянием). В некоторых центрах с успехом используют куриные головы. Кормят птиц также лабораторными крысами, мышами, кроликами.

Многие питомники имеют свои виварии лабораторных животных и перепелов, технология разведения которых хорошо отработана и описана в литературе. В Форта-Коллинз, например, ежегодно выращивают 60 тысяч перепелов. Это позволяет включать в соколиный рацион 60% перепелов и 40% пятинедельных цыплят. В Корнелльском университете соколы получают 75% пятинедельных цыплят, 20% перепелов и 5% суточных цыплят, причем перепелов дают преимущественно в гнездовой сезон. При дефиците этих кормов допустима частичная их замена мясом копытных. Лучшими диетическими качествами обладает конина и говядина. Для орлов мясо копытных может составлять основу рациона, но и им нужны витаминные добавки в виде целых тушек птиц или млекопитающих.

Хранят корм в морозильных камерах. Живых птиц перед убоем выдерживают в течение суток без еды (для освобождения пищеварительного тракта). Перепелов скармливают, как правило, двухмесячного возраста, не моложе.

Взрослым пернатым хищникам достаточно одноразового кормления, но в мороз пищу, чтобы она не замерзла, надо давать мелкими порциями несколько раз в день. Так же ее дают и в жаркую погоду, когда она может быстро испортиться. Суточная потребность в корме у хищных птиц меняется в зависимости от индивидуальных особенностей, а также от сезона и погодных условий. Для беркута дневная норма составляет около 500 г, кречету, балобану и тетеревятнику достаточно 170-200 г, сапсану — 150 и перепелятнику — около 50 г. При наблюдении за кормлением выявляется реальная потребность птиц в корме. Если корм систематически остается, нужно снизить его количество, особенно для соколов, которые в нормальном состоянии испорченную пищу не едят. Если птицы поедают абсолютно все, возможен недокорм, так как при нормальном рационе соколы и ястребы обычно оставляют нетронутыми ноги и крылья. В гнездовое время кормить птиц следует малыми порциями несколько раз в день, что действует на них, особенно на молодые пары, стимулирующе. При групповом содержании необходимо следить за тем, чтобы корм доставался всем, и прежде всего самцам.

Мышечное мясо в питании хищных птиц обеспечивает их потребность только в витаминах группы В, остальные витамины поступают в организм с костями, перьями, кожей, внутренностями поедаемых животных. Нужно помнить, что содержание необходимого витаминного компонента в перепелах, цыплятах и других кормовых животных прямо зависит от полноценности их питания.

Вода для питья и купания должна стоять в каждой вольере в течение гнездового периода, а также во время линьки. Смену воды и чистку посуды производят по мере их загрязнения.

Следуя концепции наименьшего беспокойства, особенно для неимпринтированных птиц, заходить в вольеры нужно как можно реже. Полную уборку вольер достаточно производить дважды в год — зимой и летом. Птиц при этом обычно отсаживают. Процедура начинается с мойки потолка, стен, гнездовых ниш. Удаляют помет, выпавшие перья и пух, заменяют грязный гравий в гнездовых нишах и на полу, вольеру обрабатывают дезинфицирующим раствором. В последнюю очередь протирают наблюдательные окошки или глазки.

Для предотвращения стресса перед входом в вольеру следует немного пошуметь, давая знать птицам о своем приближении. Особенно это важно для насиживающих самок. Отлов птиц по любому поводу необходимо использовать и для общего их осмотра.

Разведение. Пути формирования пар в питомнике разные. Иногда пара образуется как бы сама собой, еще при групповом содержании молодняка, но чаще приходится направленно соединять партнеров, заставляя их принять друг друга. Внешне судить о ходе процесса формирования пары можно по комплексу специфических поведенческих актов — ухаживанию. Элементы ухаживания можно наблюдать в течение года, причем для осени характерен своеобразный пик активности. Известны случаи, когда сапсаны после нормального размножения весной откладывали неоплодотворенные яйца и в октябре. Тем не менее весной, с прибавлением светового дня, сексуальные демонстрации партнеров становятся наиболее активными. Для самцов многих видов пернатых хищников, в частности, для соколов, характерны особые полеты возле самки, при которых крылья проносятся значительно выше относительно оси тела, чем обычно.

Ухаживание становится более очевидным, когда оно переходит в следующую стадию: один или оба партнера начинают скрести подстилку в нишах и делать гнездовые ямки. Для этой фазы характерно, что самка дольше обычного остается на месте, прежде чем лететь к кормушке после выдачи корма. При нормальном ходе процесса она садится возле кормящегося самца, вынуждая его перелететь на новое место, часто преследует его до тех пор, пока он не

отдаст ей свой корм. Сытая самка обычно прячет отобранную пищу, которую затем самец нередко вновь возвращает себе. Так может продолжаться по многу раз, и это нормальный и очень важный акт в развитии ритуала ухаживания. Используя это явление, часто удается стимулировать сближение партнеров во вновь образуемой паре. Для этого примерно за месяц до предполагаемого начала гнездового периода меняют режим кормления самца. Основной рацион его может быть немного снижен, вместе с тем дополнительно он должен получать 4-5 раз в день не слишком обильный излюбленный корм, например небольших перепелят. Как правило, даже насытившийся самец охотно берет их и старается спрятать, что почти всегда вызывает у самки желание преследовать самца и отбирать пищу. Даже если поначалу этого не происходит, вид партнера, постоянно добывающего корм в количествах, позволяющих его запасать, является для самки очень мощным стимулом к размножению. Необходимо лишь следить, чтобы элемент ритуала ухаживания не трансформировался со стороны самки в агрессивность. Описанный прием применим не только к соколам, но и к другим группам хищников. Нередко его используют в осенний пик половой активности, и уже тогда пара в общих чертах может быть сформирована.

Одна из важных сексуальных демонстраций соколов, на которые следует обращать внимание, — так называемая лежачая поза, при которой один или оба партнера, стоя на ногах, вытягивают тело параллельно земле. Поза сопровождается вокализацией. По интенсивности этой демонстрации можно судить о степени близости партнеров.

Перед откладкой яиц самка начинает принимать предкопуляционную позу, пригибая голову к земле и высоко поднимая хвост. При этом она обычно издает особые скулящие звуки. Первые копуляции вновь сформированных пар всегда бывают неумелыми и неэффективными. Большинству пар недостаточно одного сезона, чтобы научиться копулировать достаточно хорошо для оплодотворения всех или большинства яиц. С приближением откладки яиц самка неохотно кормится и редко покидает гнездовую нишу. Она выглядит слабой, и кажется, что передвигается с трудом. Это состояние называется гнездовой летаргией, и оно нормально. В зависимости от индивидуальных особенностей оно продолжается от трех дней до двух недель.

Если пары по достижении половозрелости не размножаются в течение двух-трех сезонов, они должны быть разделены и перекомбинированы. Обычно это делают ранней осенью. Разделять следует и старые размножающиеся пары, которые по возрасту приближаются к критическому рубежу. К таким птицам обычно подсаживают молодых партнеров для обучения, что хорошо поднимает репродуктивные кондиции молодняка.

Большое значение в практике питомников имеет искусственное осеменение, которое для хищных птиц стало широко применяться с начала 70-х го-

дов. Сейчас оно отработано достаточно хорошо. В первый гнездовой сезон во избежание стрессов птиц лучше не подвергать искусственному осеменению и взятию спермы. Если же по второму году партнеры не проявляют достаточной активности, такие действия просто необходимы. Для начала операций нужно дождаться первого яйца, так как до него яйцевод бывает плохо виден и легко может быть травмирован.

В идеале осеменение последующего яйца должно проходить через 6 часов после откладки предыдущего, но не позже чем через 16 часов; обычный интервал между откладкой яиц у крупных соколов составляет 52 часа.

При взятии спермы и осеменении производят определенные манипуляции. Обычно берут сперму у самца два-три человека, один из которых держит его. Птицу с головой пеленают в полотенце, оставляя хвост и заднюю часть туловища свободными, и укладывают на грудь. Массаж начинают с плавных и спокойных поглаживаний от киля грудины через бока к спине. После нескольких движений поглаживания усиливают и переходят на брюшную часть. Пальцы останавливают между лобковыми костями, поддерживая несильное, но устойчивое давление. В это время легкими, доющими движениями большого и указательного пальцев массируют выступающий сосочек клоаки, на котором при его оттягивании появляется капля спермы. Свободный оператор берет ее стеклянным капилляром с диаметром отверстия 0,8-1 и длиной около 60 мм. Для одного осеменения достаточно 20 мм спермы в таком капилляре. Нормальная сперма чуть вязкая, от бесцветной до желтоватой и даже желтой. Для того чтобы в сперму не попадали испражнения, собирать ее нужно утром до кормления. При достаточном опыте вся операция занимает 3-5 минут.

Самку перед осеменением также заворачивают в полотенце и укладывают грудью вниз на колени сидящего оператора. Спокойно, но крепко поглаживают сомкнутыми пальцами одной руки брюшко по направлению от груди к клоаке. Из-за равномерного давления на живот яйцевод выступает из клоаки, которую нужно раскрыть, слегка растянув большим и указательным пальцем свободной руки. Чтобы отверстие яйцевода было лучше заметно, можно несколько надавить на центр выступа. С поверхности яйцевода удаляют фекальные остатки, следы крови и т.д. Сперму выводят из капилляра, углубляя его в яйцевод на 2-3 см. Для осеменения подходит однокубиковый туберкулиновый шприц со стеклянным капилляром, имеющим внутренний диаметр 1 мм и наружный — 7 мм: кончик его должен быть округлен и отполирован.

Наиболее рационально для получения потомства использование партнеров, импринтированных на человека. Наилучшие результаты при воспитании птиц, которых планируют использовать как импринтированных, дает применение традиционных методов соколиных охотников. Еще до начала

специальной тренировки оператор устанавливает тесный контакт с птицей, что облегчает дальнейшую работу. Импринтированных самцов и самок содержат порознь. Их содержание имеет некоторую специфику.

Для самцов крупных соколов можно рекомендовать вольеры 6 х 2,5 м при высоте не более 2,5 м. Относительно большая длина необходима для ритуальных полетов в репродуктивное время. Из вольеры должен быть хороший обзор, чтобы сидящий в ней самец мог как можно чаще видеть оператора, даже если тот и не заходит внутрь. Вольеру оборудуют гнездовой нишей на высоте, удобной для общения с подопечным (около 1,5 м), и пол ниши посыпают гравием.

В течение всего гнездового периода оператор должен показываться птицам в одной и той же одежде. Рекомендуется постоянно носить специальную шапку для сбора спермы, чтобы она воспринималась неотъемлемой частью оператора. Необходимо добиться, чтобы птица воспринимала опереатора как сексуального партнера. Для этого нужно тонко разбираться в значении всех ритуальных демонстраций, понимать и уметь хотя бы примерно имитировать основные элементы вокализации, видеть в птицах индивидуумов и чувствовать их внутреннее состояние. Все это приходит с опытом на основе ежедневных наблюдений и общения с птицами. К признакам того, что самец принимает оператора за партнера, относятся все проявления ухаживания при обоюдном контакте. Это приветственные крики, лежачая поза, полетные демонстрации, переноска пищи и т.д. На все эти действия самец должен получать адекватную реакцию партнера. При этом устанавливается и обратная связь. Оператор может вызвать демонстрацию лежачей позы соответствующим криком и имитацией действия самки собственной рукой, когда кулак играет роль головы, согнутый указательный палец — это клюв, а предплечье — туловище. При первых же попытках самца делать переноску корма нужно в соответствии с действиями самки отбирать корм, прятать или отдавать назад, снова отбирать и т.д.. сопровождая все вокализацией.

Предкопуляционная поза самки — наиболее сильный стимулятор брачных отношений, в ответ она предполагает демонстрационный полет и копуляцию. Принципиальная схема действий на этом этапе выглядит следующим образом. Оператор сопровождает свое появление в вольере приветственной вокализацией. Самец занимает гнездовую полку и отвечает демонстрацией лежачей позы в ранее сделанной им ямке. Оператор подходит к нише и подхватывает демонстрацию, завершая ее предкопуляционной позой. После этого выходит в центр вольеры и встает спиной к гнезду. Через 10-15 секунд самец начинает издавать низкий стонущий звук, а затем на какое-то время замирает с прижатым оперением, пристально глядя на спину партнера. Если уровень мотивации оказался недостаточно высоким, самец срывается с пол-

ки и делает несколько кругов вокруг головы оператора. При посадке птицы на шапку нужно не двигаться до тех пор, пока она сама не слетит, а потом можно покидать вольеру. К каждому самцу ежедневно делают по шесть-семь таких визитов и по возможности с равными промежутками. В конце концов в одно из таких посещений он сделает первую неумелую попытку копулировать на шапке. Это будет означать, что самый трудный участок на пути к созданию искусственной пары позади.

Для сбора спермы у импринтированных самцов соколов и ястребов чаще всего используют специальную шапку из плотного материала в виде шлема с застежкой под подбородком. На шапку крепят упругий пластиковый или резиновый шланг диаметром около 7 см. Щель между ним и шапкой шпаклюют каким-нибудь пластичным клеем так, чтобы образовался желобок для стока и накопления спермы. Верх шапки должен быть водонепроницаемым, кожаным или прорезиненным с парафиновым покрытием. Копулирование на шапку - это один из вариантов, применяемых на практике. Самцов можно приучить и к копулированию на руке, плече, колене, ботинке. Крупных птиц (орлов) неплохо приучить к копулированию на спине оператора.

Сперматогенез обычно продолжается 1,5-2 месяца, но иногда его удается продлить до 2,5-3 месяцев. Получать сперму рекомендуется трижды в день - утром, в обед и вечером. При комнатной температуре хранить ее можно не более одного часа.

Вольеры для импринтированных самок делают еще меньшими, чем для самцов (большого пространства для полетов самкам не требуется, и высота лимитируется лишь удобством оператора). Из оборудования нужна только гнездовая ниша с дверцей и окошком.

Принцип тренировки самок идентичен описанному для самцов, отличия лишь в половой специфике демонстраций. Оператор в данном случае имитирует все действия самца. Главная задача — приучить самку не бояться рук. Птица должна позволять оператору положить руку ей на спину после того, как она окажется в предкопуляционной позе, поскольку тактильная стимуляция — обязательное условие при добровольном принятии самкой осеменения. Без такого контакта яйцевод обычно не открывается для приема спермы. Признаком полной готовности птицы к введению спермы является характерная поза «9 часов» — туловище параллельно земле, хвост поднят вертикально вверх. Очень важно продолжать тактильную стимуляцию до тех пор, пока позволяет самка. Если же в течение долгого времени не удается наладить с ней контакт, ее нужно осеменять спеленутой или с надетым на голову клобучком. Количество яиц, получаемых от одной самки, зависит от индивидуальных особенностей птиц. От соколов, например, обычно получают 8-14 штук.

Инкубирование яиц. Ненасиженные яйца хищных птиц можно хранить при температуре 15 "С и относительной влажности 75-80 % не более пяти суток, при этом дважды в сутки их нужно переворачивать на 90°. Установлено, что вылупляемость яиц заметно повышается, если в начальный период инкубирование идет естественным путем, то есть под наседкой. Оптимальная продолжительность этого периода обычно 7-10 дней. Это тот срок, который еще позволяет паре после изъятия яиц сделать повторную кладку.

Не так уж редко случается, что самка по каким-либо причинам не садится на яйца. В этом случае кладку на 7-10 дней желательно поместить под приемную наседку, в роли которой давно и успешно используют бентамских кур. Бентамок обычно готовят с осени. Их содержат в небольших вольерах группами по пять особей и в течение зимы приучают не бояться оператора и кормиться с его рук. Примерно с 1 января световой день удлиняют до 14 часов, при этом куры начинают нестись и насиживать яйца в начале марта. В американских соколиных центрах с появлением у бентамок первых яиц на пол вольер ставят фанерные гнездовые ящики с крышкой и открытой передней стенкой. После откладки яиц и нескольких дней насиживания кур вместе с кладками переводят в такие же гнезда, но с запирающейся спереди дверцей. Для удобства обслуживания их ставят на полку на уровне груди человека. Вначале туда помещают кладку, а затем осторожно сажают курицу и дверцу запирают. Делают это после кормления. Курицу оставляют сидеть взаперти на 23,5 часа, а затем выпускают на землю, где она пьет, кормится и прогуливается в течение получаса. Через несколько дней (обычно через неделю) птицы привыкают к такому режиму, и их яйца можно менять на соколиные. Подготовленные таким образом бентамки обычно нормально насиживают не менее 60 дней.

Успешность искусственной инкубации определяется двумя главными факторами — температурой и влагопотерями яиц. С температурным режимом сложностей обычно не возникает, оптимальным считается 37,5 °С с допустимыми колебаниями от 36 до 38 "С. Второй фактор связан с потерей яйцами массы. Для облегчения расчетов при практическом инкубировании можно воспользоваться формулами, предложенными американским специалистом Б. Барнхэмом применительно к сапсану. Такой важный показатель, как начальная масса яйца, определяется по формуле

$$W = Kw(LB2), \text{ где}$$

Kw — коэффициент **0,0005474** (для сапсана); L, B — соответственно длина и ширина яйца (мм). Зная начальную массу яйца, можно получить величину дневной потери массы, рассчитав ее по формуле

WL = 0,15 W/31,5, где

W — начальная масса яйца (г).

В формуле учтено, что время инкубирования сапсана составляет 31,5 дня, а общая потеря влаги за этот период — 15%. Определить день насиживания 1а можно по формулам:

$$j \quad \frac{W\text{-}X}{\frac{0.141\ W}{31,5}}$$

(для яиц, инкубированных 10 и менее дней) и

$$^{la} \quad \frac{0.147\ W}{X} \overset{W}{-}$$

$$\frac{0.147}{31,5}$$

(для яиц, инкубированных более 10 дней), где

W — начальная масса (г);

X — масса яйца, взятого из гнезда (г);

31,5 — время инкубирования сапсана.

Яйца птиц с момента откладки до вылупления из них птенцов теряют в среднем 18% массы. Подсчитано, что у сапсана 3% массы яиц теряется в течение относительно короткого промежутка времени (50 часов между проколом птенцом мембраны в воздушную камеру яйца (из яйца слышится писк) и полным вылуплением. Таким образом, нормально, если от откладки до первого писка яйцо теряет 15% начальной массы. Для удобства контроля влагопотери для каждого яйца вычерчивают график.

Начинать искусственное инкубирование следует при 30%-ной относительной влажности, которая изменяется в зависимости от хода потерь массы яиц. Если после 7-10-дневной естественной инкубации оказалось, что масса яйца существенно отличается от нормы, приводить ее к норме нужно постепенно. При небольшом отклонении массы яйца от расчетной линии ее приводят в ходе инкубирования в норму, увеличивая или уменьшая площадь водной поверхности в инкубаторе.

В инкубаторах с автоматическим режимом яйца поворачивают на 90° ежечасно; при небольшой загрузке оператор может поворачивать яйца и вручную не менее восьми раз в сутки. После того, как эмбрион начнет пищать, яйцо необходимо поместить в выводной инкубатор, где его не перево-

рачивают: температура здесь на 0,5 ниже, чем в основном инкубаторе, а относительная влажность составляет 55-60%. Между первым писком и вылуплением проходит около 50 часов (допустимо от 24 до 72). Пуповину новорожденного птенца смазывают 1 %-ным раствором йода.

Если в установленный срок птенец не вылупился (иногда это бывает при отклонениях в режиме инкубирования), приходится ему помогать. Случается, что при этом остается невтянутым желточный мешок, который нужно полностью или частично удалять либо вправлять внутрь; при этом его основание крепко (но так, чтобы нитка не разрезала оболочку) перевязывают и мешок удаляют хирургическими ножницами. Иногда невтянутой остается лишь часть мешка, и тогда проще попытаться осторожно убрать ее в брюшную полость через отверстие пуповины, действуя мягким тампоном с мазью антибиотика (типа бацитрацина или неомицина с полимиксином В). Если же это не удается сделать, можно прорезать ножницами брюшину от пуповинного отверстия на несколько миллиметров вверх, убрать желточный мешок и наложить швы. После зашивания птенцу следует сделать инъекцию стерильного раствора Рингера (обычно применяется в ветеринарной практике). Препарат вводят подкожно по 0,5 $см^3$ с обеих сторон от брюшка у основания бедренной части ног. На месте уколов под кожей появляются водяные пузырьки, после рассасывания которых инъекции нужно повторить.

Выращивание птенцов. Для выращивания птенцов хищных птиц успешно применяют брудеры двух принципиально разных конструкций. Первый тип брудера, с воздушным обогревом, представляет собой ящик 60 х 70 х 30 см (для птиц величиной не крупнее кречета) с откидной передней стенкой и окном на крышке. На боковых его стенках сверху находятся по два вентиляционных отверстия диаметром 7-8 см. Нагревательный элемент мощностью 500 Вт помещают внутри у верхнего края задней стенки. Система снабжена терморегулятором, позволяющим поддерживать температуру с точностью до 0,5°.

Птенцов помещают в алюминиевые миски диаметром около 23 см, которые наполовину заполняют мелким гравием. Миску устанавливают внутри вертикального цилиндра (трубы) из алюминия, жести или пластика; его высота 12 см, диаметр на 2 см больше миски. Цилиндр стоит на невысоких ножках так, чтобы снизу оставалась небольшая щель для подтока воздуха. Такая система гигиенична: птенцы испражняются за край гнезда (миски), помет стекает по стенке трубы на подстилающую ее газету, покрытую слоем бумажных обрывков. Загрязненные газетную подстилку и оградительный цилиндр заменяют чистыми.

В каждый брудер помещают по две гнездовые системы. Они стоят на поддоне, который при откинутой передней стенке должен легко выдвигаться на

нее, обеспечивая быстрый доступ к птенцам. На этом же поддоне позади гнезд устанавливают длинный и узкий сосуд с водой для поддержания влажности. В одно гнездо обычно сажают до четырех птенцов, но через два-три дня оставляют только двух. Первые дни птенцы сидят на туалетной бумаге, постеленной поверх гравия, которую заменяют перед каждым кормлением. При необходимости птенцов можно прикрывать кусочком мягкой хлопчатобумажной ткани. За край трубы прищепкой крепят термометр.

В брудер птенцов пересаживают из выводкового инкубатора сразу после того, как они обсохнут. Начальная температура в брудере 36 °С, однако ежедневно ее снижают на 0,5° доводя до комнатной. Важная особенность брудерного периода, значительно упрощающая работу оператора, — способность птенцов выражать свою реакцию на внешние условия. Наблюдая за ними, легко установить, испытывают ли они дискомфорт или все в норме. Несомненно это важнее, чем формальный контроль за показаниями термометра.

В комфортных условиях птенец спокойно спит с чуть раскрытыми крыльями, свободно лежащими по бокам, и скрытыми под туловищем ногами. Если птенец сжимается в комочек, дрожит — температура низка; если он лежит, распластавшись, вытянув ноги и раскрыв крылья, дышит открытым клювом — ему жарко. При низкой температуре птенцы сбиваются в кучу головами внутрь, стараются вклиниться между соседями, а при высокой, напротив, расползаются в стороны. Нужно учесть, что после еды птенцы обычно проявляют признаки замерзания, но, если до еды условия были комфортными и после еды не изменились, примерно через четверть часа все приходит в норму.

Второй тип брудера позволяет птенцам самим выбирать оптимальный для себя температурный режим. Его принципиальное отличие заключается в том, что нагревательный элемент (типа электрогрелки) находится снизу, под слоем гравия. Слой этот неодинаков, и там, где он тоньше, температура на поверхности, естественно, будет выше. Корпус брудера — ящик или коробка с открытым верхом. Через все дно по центру идет валик (отрезок трубы диаметром 8-10 см или, например, ряд стеклянных банок, уложенных в стык). Поверх него лежит грелка, засыпанная сверху гравием так, что часть ее, покрывающая валик, остается свободной и возвышается над общей поверхностью в виде гребня. Все это сооружение застилают большим полотенцем. Нужно добиться, чтобы после прогрева всей системы температура на гребне составляла около 38° в комнате же — 21-24°.

Вылупившегося птенца сразу после обработки пуповины йодом кладут в брудер вблизи гребня на марлевую салфетку и прикрывают свободным краем полотенца. Так его содержат первые три дня, контролируя комфортность условий. По истечении этого времени птицы начинают передвигать-

ся, отыскивая для себя место с оптимальной температурой (при необходимости можно приоткрыть край полотенца). Примерно с пятидневного возраста молодняк большую часть времени проводит вдали от теплой части грелки, температуру которой в этот период нужно снизить до 36°С. Полотенце убирают и каждого птенца накрывают пластиковым или алюминиевым цилиндром (трубой) диаметром 15 см — это предохраняет от испражнений соседей. Для повышение температуры цилиндр можно сверху прикрыть полотенцем. Температуру ежедневно снижают, в восьмидневном возрасте достаточно лишь ночью поддерживать ее на уровне 27°С. Требования к гигиене обычные: ежедневное мытье оградительных цилиндров, стирка полотенца, замена загрязненного субстрата.

Десятидневные птенцы достаточно развиты, чтобы содержать их вне брудера при температуре около 24Х. Можно использовать ту же систему, что и в воздушном брудере, но большего размера: диаметр миски — 30 см, а ограждающего цилиндра — 33 см при высоте 25 см. В одну миску помещают одного-двух птенцов. Если птенцы мерзнут, нужно поднять температуру — цилиндр покрывают сверху полотенцем.

Двухнедельные птенцы вступают в следующий этап жизни. В зависимости от перспектив дальнейшего использования их либо переводят в вольеру к родителям или к другой паре, либо импринтируют на человека. Следует опасаться проявления агрессивности со стороны взрослой пары при подсадке к ней птенцов старше двух недель. Хорошие результаты обычно дает замена кладки подросшими птенцами, яйца же закладывают в инкубатор. Заменив яйца птенцами, в гнездовую нишу нужно положить несколько тушек перепелок или другой свежий корм. Взрослые птицы после ухода посетителей возвращаются к гнезду, как правило, быстро. Необходимо, чтобы специальный наблюдатель был наготове у гнездового окошка и при агрессивности взрослых птиц мог сразу же вмешаться. Более агрессивным чаше бывает самец, который, увидев птенцов, выражает беспокойство тревожными криками, однако он редко решается атаковать группу новоселов. Самка же может сразу броситься, особенно если подсажен один птенец. Чтобы остановить атаку, обычно достаточно постучать в стенку гнездовой ниши. Агрессивное состояние пары возникает далеко не всегда и в большинстве случаев быстро проходит. Нужно следить, чтобы образовавшаяся семья не испытывала недостатка в еде. Пищу следует давать трижды в день.

Взрослой паре за сезон можно подсаживать до двух групп птенцов, но с учетом продолжительности выращивания каждой, так как старые птицы утомляются, становятся менее осторожными и заботливыми. В некоторых центрах молодняк передают взрослым птицам на воспитание сразу после вылупления. Это, несомненно, хорошо отражается на развитии птенцов, но тре-

бует достаточного количества подходящих пар. Заметим, что с успехом могут быть использованы и импринтированные птицы, проявляющие себя хорошими воспитателями.

Питание молодняка. К составу корма особенно требовательны птенцы соколов и ястребов, получающие в природе наиболее калорийную пищу. Для них можно рекомендовать следующий рацион: в возрасте до 10 дней — свежие взрослые перепела (или эквивалентная замена), после 10 дней — шестинедельные цыплята (без крупных перьев) и мясо копытных хорошего качества (по 50%).

Корм для молодых птенцов готовят так: с тушки перепела снимают шкуру, удаляют голову, зоб, пищеварительный тракт, крылья и ноги, а затем тушку пропускают через мясорубку. Полученный фарш упаковывают в полиэтиленовые пакеты и помещают в холодильник. Перед кормлением пакет с фаршем можно положить в горячую воду и довести температуру корма до комнатной, но следует избегать перегрева, о котором можно судить по обесцветившемуся мясу. Никаких витаминных и прочих добавок к фаршу, приготовленному по описанному способу, не требуется.

Первый раз вылупившихся птенцов нужно покормить через 8-12 часов фаршем из грудных мышц перепела без костей. Следует им дать два-три маленьких кусочка (размером с крупные горошины). Каждую порцию необходимо смачивать физиологическим раствором (9 г поваренной соли на 1 л воды) или раствором Рингера. Смачивание следует проводить и впоследствии. Перед кормлением оператор имитирует кормовой крик самки или подает другой сигнал, на который у птенцов вырабатывается условный рефлекс. В первые три дня главная задача — не допустить перекорма, который в этот период может привести к гибели птенца. Нужно учитывать, что молодые птенцы инстинктивно просят есть, даже если они не голодны, и человек, кормящий птиц, должен быть очень внимателен. С середины второго дня молодняк получает фарш с размельченными костями (крупные острые обломки трубчатых костей необходимо удалять). В первые дни птенцов кормят через каждые 3-5 часов, ночью перерыв на 8-10 часов. Впоследствии через каждые 5-7 дней число дневных кормлений сокращают на одно.

Если ко времени очередной кормежки птенец не просит есть, значит, нужно подождать — он еще не готов к приему пищи. Важный критерий, на который нужно постоянно обращать внимание, — наполненность зоба. Кормить нужно лишь тогда, когда он совершенно пуст. Так же нужно контролировать и состояние желудка, который находится в правой нижней части живота. Если он кажется на ощупь твердым или имеет темный или зеленоватый цвет — в нем еще пища, и от кормежки лучше воздержаться. В норме желудок мягкий, и эта часть живота светло-розовая. При перекорме птенец ино-

гда отрыгивает часть пищи, после чего в течение 12 часов может выглядеть вялым и больным. В этом случае кормежку отменяют, пока птенец не войдет в норму и сам не попросит есть. В природе птенцы формируют погадки уже в первые дни жизни. В питомнике можно не давать им в пище перьев до десятидневного возраста. Это облегчит кормежку, поскольку не нужно будет утром, перед раздачей корма, определять, сбросил ли каждый птенец свою погадку (кормить птенца, не освободившегося от нее, не следует).

Набор инструментов для кормежки прост — это всегда чистая мисочка или чашка Петри и пинцет. Для маленьких птенцов очень удобно приспособление, которое применяют кондитеры для выдавливания крема, — мягкий пластиковый тюбик с наконечником. Фарш из него выдавливают прямо в раскрытые клювы. Маленьких птенцов можно кормить и чисто вымытыми руками — мягкие пальцы не повредят их еще не затвердевшие клювы.

Бывают случаи, когда птенец в первый день, к возрасту 12 часов, не проявляет интереса к пище. Это скорее всего свидетельствует, что он вылупился слишком слабым. Поправить дело можно инъекциями раствора Рингера, как это описано в разделе о вылуплении. Интервалы между инъекциями — 3-4 часа. Обычно уже после одного-двух уколов состояние птенца улучшается, и скоро он начинает нормально есть. Иногда при кормлении птенцы засоряют фаршем глаза. Пока фарш не засох, его надо удалить ватным тампоном, обильно смоченным чистой кипяченой водой.

Еще один распространенный дефект у птенцов — разъезжание ног. Его легко избежать, если лоток для птенцов делать не плоским, а чашевидным, что не дает ногам расходиться далеко в стороны. Если все же ноги разъезжаются, следует сделать из мягкой материи стягивающие путы так, чтобы между цевками было 2,5 — 3 см (за сутки-двое дефект будет устранен).

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

Параллельно развитию культа ловчих птиц, захватывающего широкие круги человеческого общества, с незапамятных времен формировалась и росла ненависть к хищным птицам. Для темного и примитивного человека любой хищник был прежде всего пищевым конкурентом, и это отношение унаследовалось поколениями потомков. «Если животное ест то же самое, что и я, значит, это животное — враг, отнимающий у меня законную пищу», — так рассуждали и рассуждают обыватели всех времен, наглухо закрываясь щитом невежества и эстетической слепоты от доводов науки, от проповедников красоты, уникальных творений природы, даже от требований закона. И если развитие соколиной охоты знаменовалось охраной хищных птиц, созданием первых

фактических заповедников, о чем мы рассказывали выше, то ненависть человека к хищным птицам обернулась их беспощадным истреблением во всем мире всеми доступными средствами. В результате этой неравной борьбы только в бывшем СССР из 54-55 видов хищных птиц, обитающих на нашей территории, в Красную книгу было занесено 18 видов, что составляет около 35%. По планете в целом процент этот несколько ниже: из 257 видов хищных птиц в Красную книгу Международного союза охраны природы занесен 31 вид, то есть около 12%. Однако нужно иметь в виду, что к числу видов, которым грозит исчезновение, как раз и относятся те хищники, которых мы можем использовать в качестве ловчих. А вот некоторые официальные данные по конкретной численности в природе потенциально ловчих хищных птиц на территории бывшего СССР: сапсан и балобан — по нескольку тысяч пар, шахин — до 50 пар, кречет — около двух тысяч пар, беркут — несколько тысяч пар. Вроде бы не такие уж и пугающие цифры. Но если их отнести к нашим безграничным территориальным возможностям, то при всех успокаивающих нулях они не могут не вселять беспокойства. Ведь если говорить о людях, то несколько тысяч — это всего лишь население небольшого райцентра, а население в тысячу человек составляют нередко жители крупного городского дома.

Однозначно определить основные причины сокращения численности хищных птиц, а тем более объяснить это снижение исключительно прямым преследованием, нельзя. Эти причины комплексны по характеру воздействия на птиц, неодинаково отражаются на различных группах и в разных условиях. Если же все-таки назвать их в самой общей форме, то среди главных будут традиционное прямое истребление хищных птиц человеком, воздействие химических препаратов, используемых в сельском и лесном хозяйствах и получивших обобщенное название пестицидов, дефицит пищи, повышенная гибель на техногенных сооружениях, недостаток мест для устройства гнезд и, пожалуй, один из важнейших сейчас факторов — фактор беспокойства. Все эти беды дополнительно налагаются на невысокую в целом естественную плодовитость хищных птиц или, как говорят зоологи, низкий репродуктивный потенциал. Пара грифов, например, никогда не выкармливает более одного птенца в год, пара орлов — одного или двух, пара кречетов или сапсанов — двух-трех, редко четырех.

Мы умышленно не назвали в числе губительных факторов антропогенное преобразование ландшафтов. Ибо сама по себе такая перестройка, хотя и включает гибельные для многих других птиц распашку, мелиорацию, рубку леса и другие хозяйственные преобразования, на хищных птицах отражается менее трагично. По сути дела она даже могла бы быть благоприятной, если бы... Если бы на нее не накладывались все те факторы, о которых говорилось выше. И особенно фактор беспокойства. Но о нем позже.

Физическое истребление хищных птиц, неважно какими методами, в какой-то степени отошло в прошлое, но оставило трудно залечиваемые раны. Хищные птицы, особенно крупные,— не мыши или тараканы, и увеличить свою численность после ужасающих потерь им не просто, для этого нужны десятилетия. А истребление было ужасающим, причем участие в этой вакханалии принимали и охотники, и скотоводы, и голубеводы, и просто безграмотные и бездушные бездельники. И как ни странно, даже ученые-орнитологи. Рассказывать обо всем подробно едва ли есть смысл, ведь задачи наши в другом, но несколько примеров привести будет не вредно.

... Техас, 1950 год. Владелец ранчо, выращивающий овец, выходя из дома прежде всего осматривает небосвод в бинокль. Если он замечает парящего в вышине беркута, то немедленно возвращается и звонит по телефону в специальный Клуб борьбы с орлами и койотами. Короткий, но выразительный диалог:

— Хай, Белл! У меня тут опять крутится эта тварь. Ты знаешь, это к северу от Грин-Крик.

— О'кэй! Сейчас буду!

И через несколько минут в воздухе уже легкий самолет, он набирает высоту, находит указанное по телефону место, высматривает орла и снижается к нему, прижимая беркута к земле. На высоте около 100 метров летчик отпускает руль, предоставляя самолет на несколько секунд самому себе, и с близкого расстояния стреляет в орла из специального обреза двенадцатого калибра. Никакой трагедии, никаких угрызений совести. Так, в Западном Техасе с 1945 по 1952 год одним только пилотом было убито более 8 тысяч беркутов. Надо сказать, что однажды один из этих тысяч орлов все же атаковал самолет и заставил пилота пережить несколько неприятных минут — птица, спикировав на машину, разорвала фюзеляж и разбила стекло кабины. Все, однако, закончилось благополучно. Не для орла, конечно, — для человека. Кстати, аренда самолета для отстрела беркутов обходилась скотоводам около 8 долларов в час.

Вообще в Соединенных Штатах преследование хищных птиц было поставлено на широкую ногу и притом исправно документировалось.

Поэтому мы достоверно знаем, что в начале 20-х годов нашего столетия на Аляске рыбаки, охотники и владельцы ферм пушных зверей (зверьков, в основном, лис, просто завозили на мелкие острова и предоставляли самим себе) развили бешеную кампанию по уничтожению белоголового орлана, птицы, которая уже тогда была государственной национальной эмблемой Соединенных Штатов. За пару орланьих лап выплачивалось в 1917-1922 годах вознаграждение в размере 50 центов, несколько позже, с 1923 года, уже 1 доллар, а с 1949 года вознаграждение возросло до 2 долларов. Надо заметить, что это вознаграждение выплачивалось за птиц, раненных или по разным

причинам не подобранных стрелками (рука не поднимается написать «охотниками»). В результате активного использования огнестрельного оружия, капканов и ядов до 1 июля 1962 года, когда был принят закон об охране хищных птиц в Соединенных Штатах, жертвой невежества и алчности пало более 128 тысяч белоголовых орланов, занесенных сейчас в национальную Красную книгу США.

Не меньшую ненависть вызывает до сих пор у овцеводов Австралии эндемичный клинохвостый орел, один из крупнейших в мире, своего рода австралийский аналог беркута. Джеральд Даррелл рассказывал в своей книге «Путь кенгуренка» о том, как он видел десятки этих громадных птиц, распятых на колючей проволоке, ограждающей овечьи пастбища. Точных данных о масштабах истребления клинохвостого орла на всем континенте нет, но по оценкам специалистов только в западных провинциях Австралии в период с 1928 по 1952 год были выплачены премии за убийство 147 273 клинохвостых орлов, то есть около 3590 птиц в год. Выплата премий прекращена с 1968 года, однако побоище в овцеводческих районах продолжается. Общее число убиваемых птиц по всей Австралии, по самым скромным оценкам, составля ет сейчас около 30 тысяч орлов в год.

Нисколько не лучше обстояло дело и в «цивилизованной» Европе. В ФРГ например, в 1951-1968 годах было убито 138 098 хищных птиц, причем эти данные относятся только к четырем провинциям. В небольшой Австрии в период с 1948 по 1968 год ежегодно выплачивались премии за убийство от 12 до 20 тысяч хищных птиц. В это же время в Финляндии ежегодно отстреливалось около 6000 ястребов-тетеревятников.

Интересно, что если в Америке и Австралии главными убийцами хищных птиц были овцеводы и фермеры, то в Европе первую скрипку играли охотничьи организации и союзы, обвинявшие хищных птиц в оскудении запасов дичи, хотя действительная причина этого явления лежала в интенсивной перестройке ландшафтов, в ухудшении условий обитания исконных объектов охоты, в разрушении их местообитаний. В это же время, и, вероятно, не без поддержки охотников, в борьбу с хищными птицами включились голубеводы, добившиеся во время второй мировой войны в Англии даже специального парламентского билля, благословляющего истребление соколов и ястребов, якобы перехватывавших важные военные сообщения, передаваемые голубиной почтой. Дело это, однако, шито белыми нитками — сколько-нибудь серьезной голубиной связи во времена радиотелеграфа не было и не могло быть. Но так или иначе, а истреблением сапсана и тетеревятника в военные годы в Англии общество обязано именно этим демагогическим действиям, апеллирующим к патриотизму и защите отечества. Статистика этих убийств не велась, и общие масштабы разгула врагов хищных птиц скрыты от истории.

В послевоенный период охота в Западной Европе все более переключалась на другой объект — на искусственно выращенную дичь, фазанов, куропаток, кекликов. Поскольку хищные птицы действительно не отказывались от использования прекрасного корма, это вызвало новую волну преследования соколов, ястребов, орлов. Однако в это время во многих странах уже начали действовать законы и специальные акты по охране хищных птиц, и поэтому преступная деятельность их врагов не только уменьшилась по масштабам, но и облачилась в покровы тайны. И уж конечно никакой статистики. Это очень опасно, и благодушно почитывать законы для нас, защитников хищных птиц, время далеко еще не наступило.

А как у нас, в России? Не хуже, но и не лучше.

Еще до Октябрьской революции мнение охотничьей общественности сформировалось совершенно однозначно: хищник — враг охотника. К сожалению, отбросив после революции все идеологические постулаты прошедшей эпохи, мы почему-то бережно сохранили этот лозунг и продолжали неуклонно проводить его в жизнь. Борьба с хищными птицами у нас пережила несколько волн, несколько приливов и отливов, когда громкие и щедро финансируемые кампании сменялись тихими, мало кому известными, но жестокими «инструкциями» и «указаниями» по истреблению хищных птиц в охотничьих угодьях. И выплата премий существовала, причем достаточно весомая — по 2-3 рубля за пару лапок хищной птицы. А годовая «добыча» составляла 100-150 тысяч различных хищных птиц. Эти кампании не могли не оказать развращающее влияние и на более широкие круги населения. Например, в середине 50-х годов, во время подъема и освоения целинных земель в Казахстане мы практически под каждым столбом электролиний видели разлагающийся труп степного орла, курганника, могильника или балобана. Убиты они были не током: в те времена еще не существовало современных орудий истребления хищных птиц в виде оголовков ЛЭП. Просто по степным дорогам проезжали тысячи машин, у каждого шофера под сиденьем было ружье, и каждую хищную птицу, доверчиво сидящую на столбе, сбивал ружейный выстрел из кабины. Никто к убитому или раненому орлу даже не подходил, машина ехала дальше. Мотив убийства? Простой: «А чего он сидит?» А руководство ондатровых хозяйств и рыборазводных прудов? На их совести сотни и тысячи разоренных гнезд, застреленных «хищников». Борьба с хищными птицами продолжалась.

Но она не могла быть бесконечной. Времена менялись, менялись и взгляды. Под влиянием научной общественности, под грузом фактических данных, реабилитирующих роль хищных птиц, благодаря совершенно особой роли выдающегося советского ученого, большого знатока хищных птиц, профессора Георгия Петровича Дементьева в начале 60-х годов на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» развернулась оживленная дискус-

сия о роли хищных птиц в природе, о позиции человека по отношению к этой группе птиц. В результате дискуссии 1 июня 1964 года был подписан приказ Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, принципиально меняющий официальное положение хищных птиц. Приказ устанавливал запрет на отстрел, отлов и разорение гнезд всех хищных птиц и сов в охотничьих угодьях общего пользования на территории РСФСР. Этим же приказом отменялась выплата вознаграждения за отстрел хищников и другие формы поощрения, вводились суровые санкции за его нарушение. Этот приказ нашел отражение в Типовых правилах охоты в РСФСР. Позже, во второй половине 60-х годов, аналогичные нормативные акты были приняты и в других союзных республиках. Положение хищных птиц как будто улучшилось.

Однако была и в этом деле ложка дегтя, и очень существенная. Дело в том, что этими же правилами разрешалось в исключительных случаях в специализированных охотничьих хозяйствах под контролем администрации регулировать численность болотных луней и ястребов-тетеревятников. Некоторая оговорка с далеко идущими выводами, развязывающая руки затаившимся врагам хищных птиц. И далее, далеко не во всех последовавших правилах охоты запретительные мотивы в отношение хищных птиц проявлялись достаточно четко. Иными словами, если просмотреть действующие сейчас локальные (республиканские, областные) правила охоты, запрет на отстрел хищных птиц и сов можно обнаружить лишь в некоторых. К счастью, совершенствование законодательной охраны соколов, орлов и ястребов на этом не остановилось.

В 1974 году была учреждена Красная книга СССР, а в 1984 году вышло в свет ее второе издание. Как уже упоминалось, в нее занесено 18 видов хищных птиц, причем как раз наиболее интересных с точки зрения сокольников. Конечно, занесение какого-либо вида в Красную книгу СССР само по себе не является актом его охраны. Но в соответствии с Законом СССР «Об охране и использовании животного мира», вступившим в действие с 1 января 1981 года, на добывание животных, занесенных в Красную книгу СССР, устанавливался запрет. Этот запрет в дальнейшем конкретизировался рядом дополнительных постановлений Совета Министров СССР и подкрепился разработкой и утверждением шкалы исков за добычу (читай — отстрел и другие формы убийства) без специального разрешения редких и исчезающих видов, в том числе, конечно, и хищных птиц. И иски были установлены серьезные: за убийство, взятие птенцов или за отлов беркута, кречета, сапсана, балобана — по 500 рублей, за разоренное гнездо сумма взимается в трехкратном размере, а за каждое взятое яйцо — в размере 50% от величины иска за взрослую птицу. Вот и посчитайте, во что обойдется врагу природы такое не-

большое и обычное где-нибудь на берегах Индигирки удовольствие, как отстрел двух взрослых сапсанов, разорение их гнезда и уничтожение четырех яиц кладки. Добавим, что в союзных республиках эти иски могли быть повышены многократно. Так, по видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, в зависимости от их статуса установлены иски в 20-50 минимальных размеров оплаты труда. Определены иски и по всем без исключения обычным видам хищных птиц.

Но это еще не все. В 1973 году в Вашингтоне была заключена Международная конвенция по ограничению торговли редкими животными и растениями (СИТЭС). К настоящему времени в конвенцию вступило более 130 стран, в том числе и Россия. Каждая из стран-участниц конвенции разрабатывает применительно к своим условиям систему мер по охране видов животных и растений, внесенных в специальные приложения к конвенции. А все без исключения хищные птицы и совы внесены в эти приложения. Таким образом, убийство или отлов без специального разрешения любой хищной птицы на территории России являются нарушением закона, браконьерством и караются в соответствии с нашим законодательством.

К сожалению, знают это далеко не все. А может быть, только отговариваются незнанием. Потихоньку стреляют тетеревятников и канюков, которые попадаются на глаза в охотничьих хозяйствах. Известны совсем «свежие» случаи, когда соколов, даже таких редких, как шахин, убивали для коллекции ученые-браконьеры. Конечно, они отговариваться незнанием закона не могут, но есть другие отговорки, дескать, кто-то нашел мертвого сокола и принес. Никого они не обманут, эти сознательные браконьеры под маской ученых, и никто им этого не простит. Перестройки в их мировоззрении не произошло. Но в целом такое убийство из-под полы к краху популяции беркута и сапсана у нас уже не приведет. Однако есть ситуация, которая чрезвычайно опасна и требует вмешательства.

Вдоль Черноморского побережья Грузии узкой полосой проходит трасса осеннего пролета хищных птиц. Многими сотнями тысяч стягиваются они сюда, как в воронку, со всей громадной территории Европейской части бывшего СССР. Орлы, ястребы, канюки, осоеды, луни буквально стаями проходят своим исконным путем, лежащим между морем и грядой высоких горных хребтов. И здесь они встречаются с охотниками Батуми и других приморских поселений. Невысоко летящая хищная птица — легкая мишень, и не убить ее, по мнению охотников, просто грех. Ну и стреляют. Тысячи и тысячи трупов падают в цитрусовые и чайные плантации, в кукурузу, просто в густой кустарник. «К «добыче» никто даже не подойдет, да и зачем? Птица-то убита из озорства, от скуки. Трудно сказать, что более отвратительно — эта бессмысленность убийства или сами результаты досу-

жей стрельбы? Здесь тоже отговариваются незнанием, но как-то не очень верится этим заверениям.

Не всегда прямое истребление хищных птиц было связано с бессмысленным убийством из-за экологической безграмотности, незнания законов или преступного безразличия. В конце прошлого века и первой половине нашего во всем мире в большой моде было коллекционирование птичьих яиц. Яйца хищных птиц, особенно соколов и орлов, пользовались особым спросом из-за своей относительной редкости (все же не зяблик и не ворона), трудности добывания, нередко сопряженного со смертельным риском, с необходимостью взбираться на неприступные скальные обрывы, и особой красоты и неповторимости окраски скорлупы. Действительно, приходится признать, что если взять тысячу яиц кряквы или серой цапли, то все эти яйца будут выглядеть совершенно одинаково. Но в тысяче орлиных или соколиных яиц не найдешь ни одного идентичного другим. Поэтому яйца хищных птиц собирали, как, например, и марки, большими сериями. И стоимость кладок хищников была столь велика, что появились профессиональные сборщики, поставлявшие яйца богатым коллекционерам и организовывавшие дорогостоящие экспедиции в далекие страны. Одним словом, целая индустрия. К счастью, к настоящему времени собирание коллекций птичьих яиц и у нас, и за рубежом не только запрещено законом, но и вышло из моды, заглохло.

Второй путь «кровавой утечки» хищных птиц — таксидермия. Чучела орлов и крупных соколов считались и отчасти считаются и сейчас наиболее «престижным» украшением охотничьих домиков, разных охотничьих контор и офисов, начальнических кабинетов и конференц-залов. Да и квартире они придают несколько экзотический вид, якобы подтверждая охотничью страсть, удачливость и хороший вкус хозяина. И изготовление таких чучел, подчас очень дорогих, тоже подпольная индустрия. Слава богу, как и в отношении коллекций птичьих яиц, мода на чучела проходит, а в ряде стран такое украшение считается просто неприличным и не созвучным эпохе. Что ж, это хорошо, это соответствует духу нашего времени. Да и штрафы за отстрел установлены высокие. В Венгрии, например, за уничтожение беркута и сапсана, из которых делали самые «престижные» чучела, взимается 50 тысяч форинтов, за степного орла и перепелятника — 30 тысяч. В Западной Европе только в тринадцати странах установлена полная законодательная охрана хищных птиц — в Великобритании, Франции, Польше, Португалии и в ряде маленьких по площади стран вроде Люксембурга, Мальты, Лихтенштейна, Кипра. В большинстве других стран охранные акты распространяются лишь на некоторые виды хищников, тогда как другие остаются вне закона. Список этих изгоев ограничен и удивительно стабилен. Так, добывание ястребов тетеревятника, канюка и прилетающего на зимовку из тундр зимняка разреша-

ется в Болгарии, Дании, Финляндии, Швейцарии. В Греции разрешается отстрел всех хищных птиц, если они наносят ущерб сельскому или охотничьему хозяйством — понятно, что при таких критериях произвол здесь ничем не ограничен.

Да и в тех странах, где хищные птицы взяты под охрану, закон нередко оборачивается простой фикцией. В Турции, например, где отстрел хищных птиц официально полностью запрещен, неподалеку от границы с Грузией построены и функционируют заводы, изготовляющие консервированный корм для собак и кошек и перяную муку из разных пролетных птиц, в том числе в огромных количествах и из хищников. Кипр тоже страшная ловушка для хищных птиц, где их стреляют «охотники-спортсмены». Наверное, лучше уж никакого закона, чем такой, который существует только на бумаге. В более «цивилизованных» странах, гордящихся своими природоохранными законами, совсем не редкость — увидеть распятую на дверях амбара пустельгу или привязанного к радиатору автомашины канюка. Странное извращение психики, непонятное нормальному человеку.

СМЕРТЬ НА ПРОВОДАХ

Многие хищные птицы, особенно орлы и соколы, любят отдыхать на высоких предметах. Здесь и спокойнее, и обзор лучше. Одинокий утес, отвесная скала, старое дерево, наконец, столб — все это привлекает хищных птиц. Тяга их к таким местам особенно сильна в открытых ландшафтах — в степях, полупустынях. И вот через такие открытые, плоские ландшафты люди начали прокладывать линии электропередачи. Естественно, что хищные птицы их сразу же оценили и стали использовать новую деталь ландшафта как присады, как место отдыха. Мы уже рассказывали, как сбивали орлов «покорители целины» с телеграфных столбов. Однако все это оказалось детской игрой по сравнению с «эффективностью» некоторых систем оголовков опорных столбов, используемых при прокладке линий электропередачи. Например, за последние 20 лет в Соединенных Штатах на проводах погибло более 8 тысяч беркутов, почти исключительно молодых. Американские ученые давно работают над совершенствованием защитных конструкций, но универсального решения, надежного, простого и дешевого, пока не найдено. С такой же проблемой столкнулись и в других странах — в бывшей Чехословакии, Венгрии, Франции, ФРГ.

Эта же беда пришла и к нам, когда бескрайние равнины Поволжья, Казахстана, Южного Урала, Прикаспия, Средней Азии начали превращаться в хозяйственно важные и густо заселенные районы. Архаичные деревянные

столбы электролиний были заменены здесь железобетонными, легко проводящими ток. Конструкции оголовков этих столбов, предназначенные в основном для среднего напряжения порядка 10 киловольт, разрабатывались с соблюдением требований, относящихся к разным характеристикам (прочности, стоимости, надежности), но безопасность птиц среди них не предусматривалась. Такие линии связывают сейчас многочисленные города, поселки и села, обеспечивают энергией совхозы и колхозы, сопровождают подземные трассы газопроводов, поддерживая антикоррозийную защиту труб. Общая длина таких трасс составляет почти астрономическую цифру порядка 100 тысяч км, и каждый столб на этих трассах — смертельная ловушка для хищных птиц.

В чем же сущность ловушки? Каждый оголовок опорного столба несет три провода, крепящиеся к изоляторам, посаженным на металлические кронштейны. Два кронштейна, как раз самые притягательные для птиц, приварены к металлической поперечной перекладине (траверзе), которая, соединяясь с железобетонным телом столба, составляет нулевую фазу. Хищная птица, будь то орел или сокол, садится обычно на изолятор и тем самым соприкасается с токонесущим проводом. Однако это пока не опасно — для короткого замыкания нужно, чтобы она прикоснулась одновременно и к нулевой фазе. Но изолятор скользкий, птице сидеть на нем неудобно, и она одной лапой перешагивает на траверзу. Расстояние здесь всего около 10 — 15 см. Или она хочет почистить клюв о траверзу. И вот ловушка сразу же срабатывает: немедленно следует короткое замыкание, вспышка, и птица гибнет. Многие сотни обследованных трупов погибших хищников несли одни и те же следы — жуткие ожоги лап или клюва.

Ущерб популяциям хищных птиц на линиях ЛЭП колоссален. В Западном Казахстане (Уральская и Гурьевская области) и в Калмыкии во время сезонной миграции хищных птиц в 1981 году на участке только в 1,5 тысячи км под опорами ЛЭП собрано 932 трупа степных орлов. В целом же за осень, по-видимому, на каждом километре электролинии в среднем погибают три-четыре хищные птицы, в том числе около половины составляют степные орлы, беркуты, балобаны. Нетрудно определить, сколько гибнет этих прекрасных птиц на всем протяжении действующих электролиний. К сожалению, положение это сохраняется и сейчас.

Замыкания на электролиниях при гибели птиц трагически отражаются не только на самих птицах: ведь за каждым таким эпизодом следует аварийное отключение линии. Предприятия с непрерывным производством несут убытки из-за регулярных простоев и увеличения брака. В сельском хозяйстве на фермах останавливаются доильные аппараты, кормоцеха, во время стрижки овец приходится браться за ручные ножницы, на птицефабриках и птицефермах на-

рушается режим инкубации яиц и содержания молодняка. В итоге государству недодается продукции на многие миллионы рублей. Многократные отключения линий, вызываемые короткими замыканиями, выводят из строя техническое оборудование подстанций. Выявление поврежденных участков и устранение неисправностей стоит больших денежных затрат и требует дополнительных рабочих рук. А к чему может привести внезапное отключение тока, например, в больнице во время операции, нетрудно представить.

Достаточно эффективные меры по предотвращению гибели хищных птиц на электролиниях разработаны Всероссийским научно-исследовательским институтом охраны природы. Основа этих мер заключается в изоляции траверзы от токонесущих проводов установкой «холостых» изоляторов. Они одобрены общественностью и государственными органами, на них выдано авторское свидетельство, но... они до сих пор так и не внедрены.

НЕВИДИМЫЕ УБИЙЦЫ

Период после второй мировой войны ознаменовался многими событиями и открытиями. Среди них — массовое нашествие химии на сельскохозяйственные и лесные угодья, охватившее огромные территории почти всех континентов мира. Начиная с 50-х годов поток разнообразных химических веществ, включающихся в природные процессы, быстро возрастал. Инсектициды, гербициды, дефолианты в основном на хлорорганическои основе миллионами тонн буквально заполонили Землю. Среди них особой популярностью и распространением пользовался препарат ДДТ, который считался неопасным для теплокровных животных. Однако, как выяснилось значительно позже, такое заключение страдало излишней поспешностью. Для жизни природы роковая роль ДДТ, а затем и многих других химических препаратов, определялась тремя их качествами. Во-первых, все эти вещества, получившие обобщенное название пестицидов, обладали большой стойкостью и могли храниться в природе многие и многие годы без изменения своих химических свойств. Во-вторых, растворяясь в жирах, они могли в виде метаболитов аккумулироваться в тканях животных и таким образом увеличивать концентрацию по мере перехода от одного трофического уровня к следующему. И наконец, распространяясь с мигрирующими животными, а также с перемещениями водных и воздушных течений, они широко распространились по планете и стали проявляться в регионах, сильно удаленных от мест их использования.

В самых общих чертах цепочка накопления пестицидов выглядит следующим образом. Из почвы, куда пестициды вносятся искусственным путем,

они попадают в растения и в воду. Следующий этап их движения, уже в значительно более высоких концентрациях, — беспозвоночные животные, как наземные, так и водные. Далее — позвоночные животные, питающиеся этими беспозвоночными (опять-таки с соответствующим повышением концентрации), и, наконец, хищники, куда они попадают практически в летальных или сублетальных концентрациях. Надо заметить, что наиболее высокие концентрации получали именно пернатые хищники, и прежде всего орнитофаги, то есть питающиеся птицами. Хищники-мышееды страдали в меньшей степени, что, возможно, объясняется более коротким жизненным циклом мелких грызунов по сравнению с птицами.

Действие высоких концентраций химических веществ различного состава на организм хищных птиц проявлялось по-разному. Прежде всего, наиболее высокие концентрации оказывались летальными сами по себе и вызывали смерть взрослых птиц. Далее под влиянием химических веществ резко снижалась продуктивность хищных птиц, а иногда размножения вообще не происходило. И наконец, при сравнении со старыми, коллекционными материалами было установлено, что скорлупа яиц хищных птиц истончается, что приводит к механическому разрушению.

Первый сигнал тревоги раздался из Шотландии — последнего оплота беркута в Западной Европе. Уже в конце 40-х годов ученые заметили, что резко понизилась плодовитость этих хищников: вместо двух, а то и трех яиц в кладках стало появляться только по одному яйцу. Следующий симптом оказался еще более тревожным и недвусмысленным: птицы, отложившие яйца, не могли довести их насиживание до конца. Примерно в середине периода инкубации скорлупа яиц не выдерживала соприкосновения с лапами птицы и гнездовой подстилкой, на ней образовывались трещины. А даже мельчайшая трещина в скорлупе всегда приводит к гибели развивающегося эмбриона. Вот тогда-то и было впервые высказано предположение о том, что это явление как-то связано с отравлением ядохимикатами. Эта гипотеза, как уже упоминалось, подтвердилась при сравнительном анализе толщины скорлупы, взятой из гнезд, со скорлупой яиц в коллекциях, собранных в прошлом веке, еще до эпохи применения ядохимикатов. Скорлупа этих яиц оказалась почти вдвое толще и соответственно прочнее. Мало того, при химическом анализе в современной скорлупе обнаружено присутствие ДДЕ, метаболита ДДТ, который в это время находился как раз в зените славы как универсальное средство защиты урожая от насекомых-вредителей.

Второй жертвой, по крайней мере официально зарегистрированной, стал сапсан. Падение численности сапсана началось почти синхронно в начале 50-х годов на всем ареале этого сокола. Оно достигло максимума в 70-х годах. Вот некоторые цифры. В Северной Америке большинство традиционных

мест гнездования сапсана и самих гнезд хорошо известно. В конце 40-х годов из таких известных гнезд в тундровых районах располагалось 184, в таежных — 349, в открытых районах южнее зоны лесов — 557 и на островах Тихого океана, в том числе на Алеутских — 162. Всего, таким образом, 1252 гнезда. При полном обследовании этих гнезд в 1975 году занятыми оказалось только 324 гнезда. Как выяснилось, лучше других сохранился островной подвид, 64% гнезд которого оказались занятыми. Заметно хуже обстояло дело с тундровым подвидом, который был найден только в 33% традиционных мест гнездования. Наконец, особенно тяжелым оказалось положение подвида, обитающего в лесных и степных районах Северной Америки: в лесах сохранилось около 27% гнезд, а в открытых и почти полностью освоенных под сельское хозяйство местностях — только 11 % гнезд. К востоку от Миссисипи сапсан вообще полностью исчез. Этот подвид был объявлен особо угрожаемым, и с 1970 года начата специальная программа по его восстановлению.

В Европе положение сапсана складывалось неоднозначно. Правда, по этому материку мы располагаем значительно более скудными данными. Но так или иначе, в Великобритании резкое падение численности сапсана отмечено в конце 50-х — начале 60-х годов, причем минимум падал на 1963 год. Так, в одном из относительно изолированных районов юго-западной Шотландии до 50-х годов гнездилось регулярно 32 пары сапсанов, а в 1963 году занятыми оказалось только 15 гнезд, и у большинства гнезд держалось только по одной птице. В целом по стране наблюдалась аналогичная картина.

В Финляндии до широкого применения пестицидов гнездилось более 1000 пар сапсанов. В конце 40-х годов их насчитывалось уже только 500 пар. Через 10 лет, в конце 50-х годов, найдено всего лишь 90 занятых гнезд. Дальнейшее сокращение численности отмечено в середине 60-х годов — зарегистрировано 35 жилых гнезд. А в 1975 году популяция достигла минимума: несмотря на самые тщательные поиски было отмечено только 20 размножающихся гнездовых пар. В ряде европейских стран сапсан в эти же сроки практически полностью исчез, особенно в Средней и Южной Европе. Так же сильно пострадали в Европе от пестицидов и ястребы-перепелятники. В Великобритании, например, и перепелятник, и тетеревятник практически исчезли.

Не обошла пестицидная напасть и Россию. В относительно благополучном состоянии сапсан сохранился у нас только в тундрах, хотя численность его в 60-70-х годах заметно сократилась. В других же районах он стал редкостью. В Подмосковье, например в Лосином острове, последнее гнездование отмечено в 1968 году. Вместе с тем не исключено, что в центральных и южных районах действие пестицидов наложилось на регламентированную «борьбу» с хищными птицами, поскольку в нашей стране эти два фактора совпали по времени, и разграничить их роль, тем более охарактеризовать ко-

личественно, невозможно. Однако сокращение численности сапсана в тундрах является несомненно следствием отравления птиц пестицидами на местах зимовки и во время миграций.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОКОЛА

Многое еще можно рассказать о бедах, подстерегающих хищных птиц в современной природе. Однако наша главная задача — детальный анализ состояния не всех хищных птиц, а только тех, которые относятся к категории потенциально ловчих, с которыми связана судьба соколиной охоты. И пожалуй, приведенных фактов достаточно, чтобы создать самое безнадежное впечатление. Однако рассматривать проблемы сохранения хищных птиц в отрыве от общей ситуации, в отрыве от экологического мировоззрения человечества и проблем глобального сохранения природы Земли в целом невозможно. И мы счастливы порадовать, наконец, читателя и сообщить, что и в самой стратегии взаимоотношений человека и природы, и в конкретной оценке катастрофического положения хищных птиц — соколов, орлов и ястребов — произошли исключительно важные сдвиги. Эти сдвиги энергично материализуются и уже сейчас приносят ощутимые результаты, приносят первые плоды.

Период примерно с середины 70-х годов ознаменовался прежде всего резкой активизацией борьбы за сохранение природы во всем мире, борьбы за сохранение мирового наследия, к которому безусловно принадлежит вся органическая жизнь на Земле. В основе этой активизации лежит тревога людей за будущее нашей планеты, и поэтому движение за сохранение природного наследия, за охрану природы так тесно смыкается с общим движением борцов за мир, за ликвидацию атомной угрозы. Тревога эта стала стимулом к объединению различных групп и слоев населения на самых разных уровнях — международном и национальном, государственном и неправительственном, что в сжатые сроки привело к созданию многочисленных союзов, обществ, ассоциаций защитников природы. Помимо безграничного энтузиазма главным их оружием стала наука, научный базис охраны природы, который окончательно сформировался как раз к середине 70-х годов. Таким образом, в международном плане охрана природы, опирающаяся на науку, стала реальной политической силой, все чаще и чаще диктующей свои требования правительствам.

Одним из важнейших результатов активизации борьбы за охрану природы и международных усилий можно считать установления в большинстве развитых стран запретов на использование наиболее токсичных пестицидов, в первую очередь на использование ДДТ. В Советском Союзе применение

ДДТ было официально запрещено с 1974 года. Второй результат — интенсивное развитие или совершенствование законодательства, заключение ряда международных конвенций, создание общих регламентационных актов типа Всемирной стратегии охраны природы. Во многих странах возникли и были приняты специальные законы об охране хищных птиц, о которых мы говорили выше. Таким образом, два основных фактора, трагически отразившиеся на хищных птицах, — легальное уничтожение и воздействие ядохимикатов — по крайней мере официально были парализованы. Создались исключительно благоприятные условия для общего наступления на врагов и противников хищных птиц, для начала планомерного восстановления их популяций, реализации разработанной научно-обоснованной стратегии охраны соколов, орлов и других хищных птиц.

Чуть ранее, в конце 60-х годов, произошло еще одно важное событие. Говоря о прессе человека на хищных птиц, мы специально не останавливались на отлове хищных птиц и сборе их птенцов для использования в соколиной охоте. Не останавливались потому, что не хотели включать этот аспект в общий ряд факторов, имеющих чисто негативные последствия, ибо деятельность сокольников, хотя и наносила определенный урон вольным популяциям соколов и орлов, стимулировалась и направлялась не ненавистью, не невежеством и не безразличием, а искренней любовью, и конечные результаты ее были, соответственно, прямо противоположными. Тем не менее в середине 60-х годов природоохранные общества и научные круги стали относиться к клубам и ассоциациям сокольников (как и других охотников) очень настороженно. А с появлением соответствующих законодательных актов это отношение превратилось в активное противодействие, в требование полного запрета соколиной охоты. Основные обвинения со стороны ученых состояли (и состоят еще и теперь) в том, что при современной низкой численности хищных птиц в природе изъятие их для нужд сокольников недопустимо. Высказывались подозрения в спекуляции хищными птицами, в превращении соколов и орлов в предмет наживы, что неизбежно должно способствовать развитию браконьерства и контрабанды, тем более изощренной, чем выше цены на ловчих птиц на международном рынке. Однако дискуссии, разгоревшиеся между противниками и сторонниками соколиной охоты привели к несколько неожиданным результатам: они как раз и высветили реальные возможности тесного сотрудничества между представителями этих двух лагерей. И отнюдь не случайно на одном из международных совещаний по проблемам соколиной охоты, происходившем в Польше в 1986 году, главный оппонент, известный польский орнитолог, выступивший с блестящей обвинительной речью, ознакомившись с материалами своих противников, полностью отказался от обвинений.

Поскольку требования запрета соколиной охоты, исходившие от представителей фундаментальной науки, были в основе своей скорее декларативны и не сопровождались серьезной научной аргументацией, отражая преимущественно гуманистические эмоции, поскольку основным движущим импульсом сокольников была не алчность, не честолюбие, не снобизм, а искренняя любовь к хищным птицам, серьезных противоречий между сокольниками и настоящими природоохранителями все же не возникло. Дело, ко всеобщему удовлетворению, завершилось творческим альянсом. Сначала крупнейшая в мире Ассоциация американских сокольников, а затем самое большое и старейшее объединение сокольников в Старом Свете — Орден германских сокольников — первыми присоединились к движению за сохранение хищных птиц, стали членами региональных и национальных природоохранных союзов, начали принимать активное участие в реализации программ по восстановлению популяций хищных птиц, в контроле за соблюдением законов по охране хищных птиц, в научных исследованиях. Это нашло отражение даже в изменении названий союзов сокольников. Орден Германских Сокольников, например, называется теперь Союз сокольников, охраны и изучения хищных птиц. К настоящему времени такое же переориентирование произошло и во всех других уважающих себя союзах сокольников Европы и других континентов. Для сохранения хищных птиц это оказалось фактором исключительной важности, так как союзы сокольников вкладывают в охрану, изучение и восстановление популяций хищных птиц не только большие денежные средства (которых, увы, почти никогда не бывает у государственных органов по охране природы), но и громадный опыт работы с хищными птицами, глубокие знания, энтузиазм и несомненную заинтересованность в конечном результате. Следует заметить, что такое содружество охотничьих организаций с природоохранными очень характерно для текущего момента, оно исключительно плодотворно и в принципе представляет собой единственно возможную организационную форму сохранения крупных или промысловых животных в преобразованных человеческой деятельностью антропогенных ландшафтах. Сокольники не были здесь пионерами, но успехи у них, пожалуй, наиболее значительны.

Благодаря творческому союзу природоохранных, научных и сокольнических организаций синтезировались совершенно новые тенденции и направления работ по сохранению и восстановлению популяций хищных птиц. Важнейшим из таких принципиально новых направлений было разведение хищных птиц в вольерных условиях с последующим выпуском их в природу для поддержания ослабленных и восстановления исчезнувших популяций. В соответствующей главе мы уже касались этого вопроса, сейчас же подчеркнем главное. Характерной чертой современности является то, что пассивная ох-

рана любых природных объектов сейчас уже недостаточна. Вольерное разведение и репатриация птиц или других животных в природу — новая, прогрессивная, активная форма вмешательства в природные процессы, и в отношение хищных птиц, особенно сокола-сапсана, это доказано как нельзя более ярко и убедительно. Оно не только представляет собой единственно надежное средство сохранения генофонда, но и служит базой для научных исследований и для создания резерва птиц, которых можно использовать для соколиной охоты без ущерба для природных популяций.

Вольерное разведение хищных птиц, зародившееся еще в 60-х годах как средство получения птиц для соколиной охоты, в 70-х годах, после объединения сокольников и деятелей охраны природы, приобрело массовый характер и начало развиваться на технологической основе во многих странах Старого и Нового Света. Особого успеха добились ученые и сокольники США под руководством уже знакомого нам Томаса Кейда из Канады, где работы по разведению хищных птиц возглавил энергичный орнитолог Ричард Файф. Интенсивно развивается эта отрасль охраны хищных птиц в ФРГ, Англии и некоторых других странах, где восстанавливаются традиции соколиной охоты и охраны хищных птиц. Насколько успешными оказались эти пионерские работы, можно судить по следующим примерам. В 1942—1943 годах впервые потомство от сапсанов получено известным немецким сокольником Ренцем Валлером — всего два выводка. В 1972—1976 годах в Корнелльском университете, в питомнике Фонда сапсана, выращено 137 сапсанов, а к 1986 году общее число этих соколов, выращенных в вольерах, составило уже более 4000 птиц. Сейчас только в США ежегодно выпускается в природу более 200 сапсанов, родившихся в питомниках. Гнездование выпущенных в природу птиц началось с 1979 года, когда самка по кличке Алая устроила гнездо и отложила яйца на балконе 35-го этажа высотного здания в Балтиморе. Это первый случай гнездования сапсана восточнее Миссисипи за последние 20 лет. Поскольку самка была одиночкой, яйца, естественно, оказались неоплодотворенными. Однако они были заменены птенцами, взятыми из питомника, и Алая их благополучно вырастила. Этот случай широко рекламировался сокольниками через средства массовой информации, и комната деловой конторы, окна которой выходили на балкон с гнездом, стала местом настоящего паломничества. Это сыграло существенную роль в росте численности сторонников вольерного разведения сапсана и привлекло к участию в работах Фонда сапсана более 3 тысяч индивидуальных членов и организаций.

К настоящему времени к востоку от Миссисипи, где сапсан не гнездился с 50-х годов, уже существует жизнеспособная популяция, состоящая не менее чем из 50 размножающихся пар. Все эти птицы выведены в вольерах, выращены человеком и выпущены в природу. Приступило к размножению

и второе поколение. Но это был лишь пролог. К 1990 году сапсан был полностью восстановлен в штатах Среднего Запада, а в Калифорнии, где к середине 1970-х годов сохранилось всего две гнездящихся пары, сейчас гнездится более 150 пар. Сейчас программа восстановления сапсана в США считается в целом выполненной, хотя в небольших масштабах работы продолжаются в отдельных регионах. Такое же положение и в Германии, где сапсан восстановлен практически всюду, где он в принципе мог бы сегодня обитать. Это ли не триумф кооперирования усилий зоологов и сокольников? Не менее важны для сохранения хищных птиц те усилия, которые прилагают сокольники к пропаганде своих задач и традиций. Пути и методы такой пропаганды весьма различны, зачастую новаторски неожиданные. Здесь и фильмы об охоте с ловчими птицами, и организация лекций с показом хищных птиц в полете, и торжественные коллективные охоты, привлекающие, как правило, внимание прессы и телевидения. Результаты этой деятельности налицо — общественное мнение в отношении хищных птиц определенно меняется. В разных странах оно меняется с различной скоростью, есть места, где оно пока незыблемо, однако в целом положительные тенденции прослеживаются на всех континентах. А ведь создание общественного мнения, развитие экологического мировоззрения — это залог успеха, не меньший, чем все другие подходы к решению проблемы охраны хищных птиц.

В бывшем СССР работы по восстановлению популяций соколов начались с балобана в середине 1980-х годов. Год за годом питомник Окского заповедника, руководимый А.А.Шалной, выпускал в Рязанской области разведенных в вольерах птенцов. Этот вид к тому времени почти полностью исчез в регионе. Позднее к выпускам балобана присоединился и другой питомник, созданный Т.И.Дудиным в заповеднике Галичья гора в Липецкой области. С начала 1990-х годов активно включился в работы по восстановлению балобана и питомник из Казахстана «Сункар», расположенный в Алма-Ате и руководимый в то время известным знатоком балобана Р.Г.Пфеффером. После распада Советского союза процесс несколько затормозился, но и сейчас в России активно действуют три питомника. Продолжается программа выпуска балобана в Галичьей горе, ежегодно интродуцирует своих птенцов на Алтае питомник «Фалько», расположенный в Барнауле и руководимый К.М.Пятковым.

С 1996 года в России начался проект восстановления популяции сапсана. Для этого Всероссийским институтом охраны природы который научно руководил всеми работами по восстановлению соколов в стране еще с советских времен, создан специализированный питомник, названный Русским соколиным центром. На первом этапе выпуски проходят в Москве, на высотном здании Московского университета, где сапсан гнездился до начала «пести-

цидных времен». Постепенно процесс интродукции будет распространен на весь центр Европейской части России, и «русский сокол», как называл этот подвид профессор Г.П.Дементьев, вновь появится в нашем небе.

А теперь подведем некоторые итоги. Мы обсудили сущность перемен, происшедших в 70-х годах, знаменующих перелом в состоянии популяций хищных птиц. Это защитные законодательные акты, запрет на использование наиболее опасных хлорорганических ядохимикатов, вольерное разведение и восстановление популяций, перемены в общественном отношении к хищным птицам. И вот результаты комплексного воздействия всех этих факторов. По подсчетам Международной рабочей группы по хищным птицам, общая численность сапсана только в Западной Европе составляет сейчас свыше 4 тысяч пар, причем в Англии учтено около 800 пар, в Испании— 1300-1500, во Франции — 600 и в Италии — 500 пар. В целом это значительно выше, чем до эры пестицидов. Однако распределение численности по странам неравномерно и не соответствует природным условиям. Например, в скандинавских странах, — в Швеции, Норвегии и Финляндии, где условия обитания сапсана благоприятны и где ранее его численность была высокой, сейчас по-прежнему восстановления не происходит — всего учтено не более 150 гнездящихся пар. В то же время на юге Западной Европы — в странах Средиземноморья, в Испании — численность даже непропорционально велика. Объяснение этой диспропорции следует, вероятно, искать в самом образе жизни соколов. Во всяком случае оседлые популяции отчетливо восстановились и даже превзошли прежний, «допестицидный» уровень численности. Это в первую очередь относится к южноевропейским популяциям и к птицам, населяющим Англию, которые тоже практически оседлы. Напротив, строго мигрирующие на зиму скандинавские популяции до настоящего времени не восстановились. Глубинные же причины, видимо, лежат в большем поражении мигрантов ядохимикатами на пролете и зимовках.

Так или иначе, но в целом состояние популяций сапсана и в Северной Америке, и в Европе, и в Азии за последние 10-15 лет существенно изменилось к лучшему. Есть ли в этом заслуга сокольников? Мы считаем, что положительный ответ вытекает из всего ранее сказанного и сомнений не вызывает. И едва ли кто вызовется это оспаривать.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Люди очень разные. И там, где одни видят чистую радость и удовлетворение духовных потребностей, другие нащупывают возможности самой обыкновенной наживы. Это относится ко всем областям жизни, в том числе

и к соколиной охоте. Спекуляция на лучших чувствах сокольников и извлечение из этого доходов существуют, и умышленно или по неведению закрывать на это глаза опасно.

Для того чтобы оценить сложившуюся сейчас ситуацию, нужно сопоставить три самых важных обстоятельства. Прежде всего, общее обеднение природы хищными птицами. Мы говорили выше о некотором росте численности соколов, орлов, ястребов, но рост этот виден только на фоне предшествовавшего резкого ее снижения, и естественно, что современная численность еще бесконечно далека от той, которая была 200 или даже 100 лет назад. Достаточно вспомнить о Красных книгах, чтобы понять, как далеки еще мы от идеала и сколько предстоит работы, чтобы насытить соответствующие угодья хищными птицами, чтобы «укомплектовать» естественные экосистемы. Второе обстоятельство — рост интереса к соколиной охоте, вспыхнувший в середине XX века. Это своего рода эпоха Возрождения соколиной охоты. И, наконец, третье — международные соглашения, которые стали существенным барьером на пути международной торговли, и строгие национальные законы, охраняющие птиц в пределах различных стран. Все это породило некоторый дефицит на ловчих птиц, и цены на них соответственно возросли, особенно в странах Ближнего Востока. А каждый дефицит становится питательной средой для «черного рынка». В итоге резко увеличились контрабанда, грабеж гнезд, нелегальный отлов хищных птиц. И в этом отношении оппоненты соколиной охоты из числа ученых и деятелей охраны природы отчасти правы: корыстные мотивы оказались недвусмысленно связанными с представлением о ловчих птицах. Неправы они в другом — контрабандисты и грабители отнюдь не сокольники, а браконьеры, паразитирующие на дефиците. И это нужно понимать.

Еще 20 лет назад основное направление потока контрабанды было из Западной Европы в страны Аравийского полуострова, где особенно велики и дефицит хищных птиц, и спрос, да и деньги курсируют немалые. Однако запасы «товара» в Западной Европе ограниченны и, что особенно важно, охрана птиц в местах гнездования и таможенная служба организованы исключительно эффективно. Неудивительно, что взоры контрабандистов очень скоро обратились на восток, и, в частности, на бывший СССР. Не будем закрывать глаза на правду — хищных птиц у нас еще много (во всяком случае по европейским меркам), отношение к ним и к их охране оставляет желать лучшего (это упрек в адрес охотничьих инспекций), а контроля за перевозками по железной дороге или воздушным транспортом практически никакого. Даже таможня, поразительно бдительная в отношении контрабанды валюты или антиквариата, незаконному вывозу хищных птиц особого значения не придает. Да и винить таможню трудно: для пресечения «экспорта» птиц нужны особые знания, особые инструкции и наставления, а на

практике ни того, ни другого нет. Вот и выглядит бывшее советское пространство в глазах предприимчивых деляг чем-то вроде сказочного Эльдорадо. К сожалению, это относится к контрабанде не только птиц, но и других животных, и в первую очередь редких, особо охраняемых, а поэтому исключительно ценных.

Трудно представить себе, что заезжий иностранец, турист, имеющий в своем распоряжении всего несколько дней, может добыть, поймать, взять из гнезда хоть какую-нибудь хищную птицу. В городах или даже цокруг них ни орлы, ни соколы в большинстве случаев не водятся, а организовать выезд на Камчатку или Чукотку за белыми кречетами, в Казахстан за балобанами, в Кыргызстан за беркутами ему едва ли под силу. И вот тут-то возникает самая неприятная, самая обидная и оскорбительная ситуация: зарубежные гастролеры вербуют себе сообщников среди граждан нашей страны. Горько признаваться в этом, но такие люди находятся. Еще горше то, что они, обольщенные грёзами о крупной наживе, умело маскируются под настоящих сокольников и на этом поприще даж'е получают некоторую известность, их имена попадают на страницы газет и журналов. Особенно благоприятная ситуация для таких людей возникла на первых этапах развития кооперативной деятельности и частного предпринимательства: грабеж природы выдается за законные действия. И здесь нужны некоторые разъяснения.

Сама по себе частная и кооперативная деятельность в области разведения и торговли дикими животными не представляет собой криминала, противоправных действий. Однако если речь идет о видах, занесенных в Красную книгу России или в Красные книги других республик, а также видах, включенных в Приложения к Конвенции СИТЕС, положение существенным образом меняется. Разрешение на вывоз за рубеж таких видов выдается только в тех случаях, когда объектом продажи или другой формы передачи является животное, выведенное в неволе, в вольерных условиях. Такое же разрешение требуется и на ввоз, и разрешение это выдается страной-импортером. Все животные, вывезенные или ввезенные без подобных разрешений, являются контрабандой, они конфискуются и по каждому такому случаю возбуждается уголовное дело. Поэтому соответствующий кооператив должен прежде всего наладить вольерное разведение, что само по себе уже очень непросто, требует глубоких специальных знаний, времени и значительных затрат. Кроме того, для разведения тех же ловчих птиц (как, впрочем, и других животных) необходимо исходное племенное поголовье, которое кроме как в природе достать невозможно. А на это, как уже говорилось, требуется тоже специальное разрешение. Как видно, путь до получения вожделенной валюты, даже несмотря на благоприятную конъюнктуру, достаточно длинен и тернист. Поэтому отечественные дельцы пускаются на прямую контрабанду, надеясь

(не без основания) на пассивность таможенников. А кооператив или даже самофинансирующееся государственное предприятие соответствующего профиля служит им лишь ширмой, фиговым листком.

Есть и другая возможность. Кооператив действительно строит вольеры, правдами и неправдами набирает несколько балобанов или сапсанов, а на следующий год, не дожидаясь размножения вольерных птиц, беззастенчиво грабит гнезда вольных балобанов и выдает похищенных птенцов за полученное в неволе потомство. На первый взгляд шаг беспроигрышный, если, конечно не попадаться с поличным во время кражи птенцов из гнезда. Однако сейчас разработана научная методика, позволяющая безошибочно устанавливать «родительские» права каждой пары, и появились возможности разоблачить и этих браконьеров.

Значительное обострение ситуации произошло после распада Советского Союза и последовавших политических, социальных и экономических изменений. Существенная активизация и упрощение международных контактов, многократное увеличение числа таможенных пропускных пунктов и заметное снижение и без того малоэффективного природоохранного контроля привело к настоящему нашествию арабских дельцов от черного рынка и всплеску криминальной активности. В первой половине 1990-х годов интенсивно осваивались среднеазиатские республики, где массовая контрабанда балобанов имела катастрофические последствия.

Местные сокольники в этих традиционных центрах и прежде отлавливали хищных птиц для своих нужд строго говоря нелегально. Но природе это практически не вредило из-за низкого процента изъятия птиц относительно их численности. К тому же особое внимание всегда уделялось сохранению гнездовий — никогда не отлавливались птицы из размножающихся пар и не забирались из гнезд все птенцы.

Пришедшие изменения принесли большие экономические проблемы. Особенно это коснулось отдаленных сельскохозяйственных районов, где местные чабаны и охотники годами не получали зарплаты. В таких условиях даже сравнительно небольшая плата за птенца или слетка балобана была очень весомой для семейного бюджета.

Немногочисленные старые сокольники — хранители традиционных устоев, перестали быть сдерживающим фактором и начался настоящий бум разграбления гнездовий. В него были вовлечены не только квалифицированные сокольники и ловцы, но и масса случайных людей, не умеющих отличить балобана от других хищников и бравших всех птенцов без разбора. Недостаток гнездарей и слетков компенсировался отловом гнездовых пар.

Последствия не замедлили сказаться. Так, в некоторых регионах Казахстана было утрачено до 80 - 90% популяции балобана.

Похожая картина отмечалась в Киргизии, Туркмении, Узбекистане.

Постепенно, с оскудением среднеазиатских популяций, волна браконьерства переместилась на российскую территорию и, прежде всего, на Алтай. И здесь потери природных популяций очень серьезны.

Проблема предотвращения контрабанды хищных птиц, которая не только обозначает непоправимый вред для природы, но и наносит значительный денежный (да и моральный) ущерб нашему государству, достаточно сложна. И решить ее можно только при активной помощи настоящих сокольников, при их четком и тесном контакте с таможней, со службами контроля железнодорожного и авиационного транспорта, с охотничьей инспекцией. Как ни грустно, но именно только настоящие сокольники в силу специфики их деятельности, их коллективной и взаимной осведомленности способны собрать информацию о готовящихся «террористических актах», предупредить государственные органы охраны, разоблачить браконьеров. Опыт уже показал плодотворность такого рабочего контакта сокольников и государственных служб.

Обращаемся ко всем госохотинспекциям, ко всем сотрудникам милиции, в том числе на транспорте, ко всем гражданам: «Если Вы видите на улице, в поле, в самолете или вагоне поезда человека с хищной птицей на руке, требуйте предъявить специальное разрешение! Этим Вы поможете спасти хищных птиц!»

Хочется сделать предостережение и доморощенным любителям валюты. Все разговоры о том, что арабские «коммерсанты», например, платят за соколов бешеные деньги, не более чем заманчивые сказки. Легенды о том, что якобы за белого кречета можно получить шикарный автомобиль, не более чем беспардонная ложь. И покупатели отнюдь не простаки, только и жаждущие, как бы им поскорее избавиться от лишних долларов. Напротив, они прекрасные знатоки ловчих птиц и очень расчетливые коммерсанты. Их интересуют совершенно определенные птицы, а совсем не любые сапсаны или балобаны, тем более выращенные в вольерах. К нам они обращаются потому, что считают нас «дикарями», у которых можно выменять золотые украшения за пустую консервную банку или зеркальце, как в свое время делали белые первооткрыватели океанических островов, вступая в торговые контакты с аборигенами. Но аппетиты отечественных любителей наживы велики, а возможности по большей части ничтожны и в обязательном порядке связаны с противоправными действиями. Надо думать, коммерсанты это скоро поймут и перестанут развертывать заманчивые перспективы мгновенного обогащения.

Учителя и ученики

В советское время в нашей стране соколиная охота сохранилась в двух очагах — на Кавказе и в Казахстанско-Среднеазиатском регионе. На гигантских просторах России она практически полностью исчезла. После ликвидации басмачества и укрепления Советской власти в Средней Азии соколиная охота здесь была признана «байским пережитком», и с ней началась планомерная борьба. В результате эта особая форма национальной культуры, отнюдь не носившая к тому времени классового характера, оказалась на грани гибели, а в некоторых республиках, например, в Узбекистане, к 30-м годам была забыта. И только некоторые старики в Кыргызстане, Казахстане остались хранителями старинных традиций, передавая их детям и внукам. Эти династии «беркутчи» донесли традиции до наших дней.

Неоценимую услугу историкам охоты с ловчими птицами послереволюционного периода оказал уже упоминавшийся ранее профессор Московского университета Г.П. Дементьев. Не будучи сам сокольником в прямом смысле этого слова, он тем не менее не только любил все связанное с соколиной охотой, но и удивительно тонко понимал ее. Кроме того, он был превосходным знатоком хищных птиц, особенно крупных соколов. Скрупулезно собирал Г.П. Дементьев все сведения об охоте с ловчими птицами в нашей стране, часами беседуя во время научных экспедиций с аксакалами-беркутчи. Он создал небольшую, но исключительно ценную коллекцию предметов охоты с ловчими птицами, а его библиотека по соколиной охоте и сейчас может считаться одной из лучших в мире. Для сокольников Западной Европы он был непререкаемым авторитетом по вопросам соколиной охоты в Средней Азии. Коллекционировал он и произведения искусства, отражающие мотивы соколиной охоты. Поэтому, говоря сейчас о соколиной охоте в нашей стране, необходимо помянуть добрым словом благородный труд этого замечательного человека.

БАЗИЕРИ И МИМИНО

Грузия — наиболее активный очаг охоты с ловчими птицами. Отлившись в своеобразные формы и сохранив старинные традиции, она, в сущности, не

знала периода депрессии, характерного для многих регионов нашей страны, и сейчас продолжает оставаться не только одним из популярнейших видов спорта, но и прямым массовым средством добывания дичи.

Своими корнями грузинская соколиная охота уходит в далекое прошлое. Можно с достаточными основаниями предполагать, что проникла она в Грузию из Персии, вероятно, в IV — V веках нашей эры, когда Иберия (Восточная и частично Южная Грузия) попала в вассальную зависимость от персидской династии Сасанидов. Наиболее отчетливо свидетельствует об этом дошедшее до наших дней название соколиных охотников «базиери», с несомненностью происходящее от слова «бази», что на языке фарси означает «сокол».

К этому же периоду относится и множество легенд и сказаний, где так или иначе упоминается об охоте с ловчими птицами. В частности, одна из этих легенд посвящена возникновению города Тбилиси. Согласно легенде, грузинский царь Вахтанг I Горгосали (Волчья Голова), успешно боровшийся с господством персов и погибший в битве в 502 году, однажды охотился с соколом (возможно, с тетеревятником) на фазанов. Сокол схватил на лету фазана, и обе птицы упали в родник. Когда охотники, сопровождавшие царя, подбежали к роднику, и сокол и фазан оказались мертвыми: вода в роднике была такой горячей, что птицы заживо сварились. Сам родник и местность вокруг него так понравились царю, что он приказал построить здесь дворец. В дальнейшем вокруг дворца возник город Тбилиси, что в переводе означает «горячая вода», куда была переведена из Мцхеты столица Грузии. Этот эпизод нашел отражение в старинном гербе города Тбилиси.

На заре своего появления в Грузии соколиная охота была привилегией царей и высшей знати. Основными ловчими птицами были ястреб-тетеревятник и, вероятно, в меньшей степени сапсан или какой-либо другой из крупных соколов. Охотились же привилегированные сокольники преимущественно на фазанов, из которых к царскому столу готовили специальное кушанье — чохохбили. О масштабах охоты с ловчими птицами в раннем Средневековье в Грузии можно судить по повести-поэме Мосе Хонели «Амиран-Дареджаниани» (XII век), где указывается, что царь Абессалом имел 100 породистых собак и 600 ястребов (по-видимому, речь идет о тетеревятнике). Существовали и штатные должности базиери.

Однако основным хранителем традиций охоты с ловчими птицами, пронесшим их через века, был народ. Крестьянам Грузии, особенно западных ее районов, охота с ястребом давала в определенные сезоны вполне ощутимый добавок к ежедневному меню. Крестьяне-базиери охотились исключительно с ястребом-перепелятником (по-грузински «мимино»), причем предпочтение отдавалось так называемым нарди-мимино, то есть ястребам рождения дан-

ного года, сеголеткам. Такого ястреба опытный базиери после поимки готовил к охоте всего за 4-6 дней, а иногда и быстрее. Это очень важно, так как грузинский крестьянин, занятый на полевых работах, свободного времени для вынашивания ловчей птицы практически не имел. После сезона охоты, длившегося два-три месяца, ястреба как правило, отпускали на волю, что опять-таки вполне оправданы: содержать и кормить перепелятника в течение десяти неохотничьих месяцев было не только трудно, но и экономически сложно, так как мясо в деревенском обиходе всегда было относительной редкостью, да и холодильников в те времена не было. Ловить же живой корм, мелких птиц не позволял постоянный дефицит времени. Быстрота подготовки свежепойманного ястреба решала все проблемы.

Практически единственной добычей крестьян-базиери были пролетные перепела. Охота на перепела наиболее успешна после пяти часов вечера, перед закатом солнца, поэтому базиери выходили на охоту после окончания трудового дня в поле. Иногда жены прямо из дома в поле приносили своим мужьям ястребов, и базиери тут же за один-два часа ловили около десятка жирных перепелов, что семье хватало для ужина. Перепелов заготавливали также и на зиму в копченом виде или консервировали их другими способами.

Поскольку соколиная охота была народным увлечением и важным подсобным промыслом, профессиональные базиери достигали очень высоких степеней мастерства. Ловчие птицы, выношенные грузинскими сокольниками, ценились за пределами Грузии очень высоко. Особенно в соседней Турции, где также проходят пролетные пути мигрирующих перепелов, но опытных базиери, способных подготовить прекрасных ловчих птиц, не было. Известен ряд политических соглашений, основанных на передаче ловчих птиц грузинскими правителями турецким султанам в XV-XVI веках.

Политические и социальные потрясения, последовавшие после Октябрьской революции, наложили свой отпечаток и на соколиную охоту в Грузии, хотя, как мы упоминали, и не в такой степени, как, например, в России. Несомненный негативный пресс оказало и массовое распространение недорогого охотничьего огнестрельного оружия. Тем не менее все основные традиции базиери благополучно пережили тяжелые времена, и охота с ловчими птицами с 60-х годов начала резко набирать популярность. В ее пропаганде и в конечном счете в ее успехе в первую очередь следует выделить роль потомственных базиери П. Жордания, Г. Чоговадзе и других, стараниями которых в 1969 году была создана секция ловчих птиц при Союзе охотников и рыболовов Грузии. Сейчас она объединяет около 400 членов, кроме того более 2 тысяч базиери существуют на правах «вольных охотников». Большинство базиери охотятся в Западной Грузии, где пролегают основные пролетные пути перепела. Особой популярностью пользу-

ются традиционные районы соколиной охоты — Аджария, Абхазия, побережье Черного моря, районы Махарадзе, Чохатаури, Ланчхути. Гегечкори Самтредиа и другие. Сезон охоты длится с августа по октябрь. В охоте принимают участие люди самых разных профессий и возрастов — от рафинированных горожан до рядовых крестьян, от мальчиков семи-восьми лет до почти столетних стариков. Воистине Грузия — это место, где охота с ловчими птицами стала сейчас одним из популярнейших видов народного спорта. Хочется особо подчеркнуть преемственность старинных традиций — в Грузии по-прежнему, как и сотни лет назад, охотятся с ястребом-перепелятником (другие ловчие птицы — редкость) и после сезона охоты выпускают его на волю.

Сохранились и традиционные способы самой охоты на перепела. В Грузии распространено два таких способа: первый — грузинский классический, второй — лазско-абхазский, причем оба могут практиковаться как с участием собаки, так и без нее. В соответствии с классическим грузинским способом ястреб сидит без клобучка на левой (изредка на правой) руке охотника. При взлете перепела из-под идущего охотника тот отпускает опутенки, ястреб слетает с руки и ловит улетающего перепела. Если в охоте участвует собака, то перепел слетает из-под стойки собаки. Ястреб хорошо знает это, пристально наблюдает за работой четвероногого помощника и при стойке уже готовится к атаке, а при посыле сразу срывается с руки охотника и устремляется вдогонку за добычей. Брать ястреба руками при грузинском стиле охоты не разрешается, он должен сидеть в естественной гордой позе.

При лазско-абхазском способе охоты базиери держит ястреба со сложенными крыльями в правой руке над головой и при взлете перепела бросает его по ходу полета дичи, придавая ему дополнительную начальную скорость полета. Преимущество этого стиля охоты в том, что ястреб затрачивает меньше времени на то, чтобы разогнаться и догнать добычу, а поэтому охотник может добыть больше перепелов. Однако от ношения птицы в руке у нее портятся перья крыльев, нарушается естественный экстерьер, и такой ястреб часто оказывается непригодным для выпуска на свободу после окончания сезона охоты. При грузинском способе охоты этого никогда не происходит.

Создание секции ловчих птиц и приобретение базиери официального статуса стали причиной возникновения совершенно нового для соколиной охоты явления — ежегодного состязания ловчих птиц. Эти состязания, место проведения которых обычно меняется каждый год, стали настоящим праздником для всех базиери Грузии, да и не только для них — на состязания съезжается масса народа, желающего полюбоваться на необычное, действительно уникальное зрелище. Это не только демонстрация ловчих птиц, но и своего рода смотр национальных обычаев, обрядов, костюмов.

До 1982 года состязания проводились в два этапа: первый день отводился оценке экстерьера ястребов, второй — полевым испытаниям. При оценке экстерьера основное значение придавалось окраске, причем предпочтение отдавалось светлым, почти белым птицам. Поскольку оценочная шкала не была разработана достаточно четко, а изменчивость окраски у перепелятника очень широка, нередко возникали спорные, а порой и конфликтные ситуации, которые порой разрешались простой жеребьевкой. А удача в жеребьевке далека от объективной оценки, неспортивна. Кроме того, как стало очевидным, полевые, охотничьи качества ястреба практически не связаны с его мастью, и нередко темный перепелятник показывает лучшие результаты, нежели светлый, что, кстати, хорошо было известно русским любителям охоты с перепелятником в XIX столетии. Сейчас оценка ястребов по экстерьеру в Грузии больше не проводится, и победитель определяется исключительно по очкам, набранным на полевых испытаниях. Чемпионом может стать перепелятник любого цвета.

Нужно заметить, что отмена оценки экстерьера и по сей день вызывает недовольство среди многих базиери, особенно старшего возраста. Но справедливость этой отмены трудно оспаривать. В прошлом многие базиери месяцами ловили перепелятников, чтобы из нескольких десятков птиц выбрать наиболее светлую и красивую. Остальных же просто безжалостно обезглавливали, «дабы не плодили себе подобных». Этому варварству, несомненно, давно пора было положить конец. Сейчас базиери имеет право отловить за сезон лишь трех перепелятников и выбрать среди них одного, а остальных обязан отпустить. Как следствие новых правил, охотники стали больше внимания уделять самой дрессировке птиц, и, естественно, мастерство обучения ястребов возросло.

Полевые испытания проводятся обычно на спортивном стадионе, при значительном стечении публики. Сами испытания включают два важнейших теста. Первый — проверка на послушание командам хозяина, подзыв на руку охотника. Для этого базиери усаживает птицу без привязи на специальную подставку, а сам отходит на 50 метров, откуда и подзывает ястреба. Наиболее уверенные в себе и в птице охотники становятся спиной к ястребу и вытягивают левую руку, сомневающиеся — показывают ему кусочек мяса или крыло перепела, и таким базиери судьи снижают оценку. Одновременно судьи включают секундомер.

На подлет птицы и посадку ее на руку дается одна минута. По истечении минуты сокольник переходит на вторую отметку, на 10 метров ближе, и повторяет призыв. Если и в этом случае ястреб в течение минуты не слетит с подставки, сокольнику предоставляется право перейти на последнюю отметку, расположенную в 30 метрах от птицы. Если же и здесь в течение одной мину-

ты ястреб отказывается подлететь к хозяину, оба — и базиери, и сам ястреб — получают ноль очков и снимаются с состязаний. Очки же начисляют не только за общую дистанцию слета ястреба, но и за время (в секундах), потребовавшееся для выполнения команды. Надо добавить, что при описании процедура выглядит несколько затянутой, но в действительности все развивается достаточно динамично, и зрители, бурно переживающие удачи и провалы, отнюдь не скучают, хотя испытываются подряд многие десятки перепелятников, достаточно большая часть которых теста не выдерживает.

Второй этап полевых состязаний — напуск ястреба по подсадному перепелу. Сокольник с готовым к напуску ястребом становится спиной к небольшой загородке, где в специальных корзинах сидят заранее пойманные перепела. По его команде распорядитель выпускает перепела с таким расчетом, чтобы он полетел в удобном для ястреба направлении. Сокольник в нужный момент пускает ястреба, и тот должен схватить перепела в черте стадиона. Если перепел и схвативший его ястреб опускаются на землю за этими пределами, сокольник снимается с состязаний. Очки начисляются за расстояние, на котором охотник становится от загородки с подсадными перепелами. Тот, кто уверен в силе и быстроте своего ястреба, становится на отметке 15 метров и в случае удачи получает максимум очков; менее уверенные занимают позицию в 10 метрах, а наиболее робкие — в 5 метрах. Если ястреб взял перепела в пределах стадиона, сокольник должен подойти к нему и осторожно отобрать пойманную добычу. В том случае, если ястреб не хочет ее отдать и перелетает с добытым перепелом, за каждый такой перелет также начисляется штраф (хотя и небольшой).

Окончательный победитель, чемпион, выявляется по сумме очков и секунд, затраченных на обоих этапах состязаний. Если два или более ястреба наберут одинаковое число очков, им приходится пройти повторное испытание в первом тесте (на послушание). Если и здесь опять преимуществ не выявлено, судьбу чемпиона решает жребий.

При лазско-абхазском стиле охоты условия соревнований те же самые, но каждая оценка на 5 очков ниже. Это, однако, не мешает участвовать в одних и тех же состязаниях поклонникам разных стилей охоты.

С ястребом-тетеревятником в Грузии охотятся так же, как и с перепелятником, однако массового характера эта охота не имеет. Причины очень прозаические — в Грузии почти нет соответствующей дичи — зайцев или фазанов. Можно полагать, что с развитием искусственного дичеразведения такая охота приобретает большую популярность.

Одна из наиболее самобытных черт грузинской охоты с ловчими птицами — отлов самих перепелятников, предназначенных для охоты. Нигде в мире не существует ничего подобного этому способу ловли ястребов.

Путь к обладанию ястребом начинается издалека — базиери сначала должен поймать медведку. Медведка — это крупное (до 5 см длиной) насекомое, отдаленно родственное сверчкам и ведущее ночной и полуподземный образ жизни. Непосредственно к ястребу-перепелятнику медведка никакого отношения не имеет, однако она представляет собой изысканное лакомство для сорокопута-жулана, который становится важнейшим, хотя и невольным помощником базиери в ловле перепелятника. Итак, поймав медведку, будущий владелец ястреба использует ее в качестве приманки и ловит обыкновенным лучком молодого сорокопута-жулана. После недолгой передержки в клетке жулану подклеиваются к верхнему веку маленькие овальные кусочки кожи, образующие нечто вроде темных непрозрачных очков. Подклеить их — особое искусство. Птичка должна видеть все, что находится под ней: жердочку, на которой сидит, корм, который клюет. Но все, что вверху, недоступно для ее глаз А вверху позже будет как раз перепелятник. К лапам жулана привязываются недлинные прочные нитяные опутенки, которые через нитяной же должик крепятся к легкой прямой палочке. Жулан теперь может сидеть на этой палочке, может слегка взлететь (насколько позволяет длина нитки) и садиться обратно. После некоторой тренировки в таких взлетах и посадке главное орудие лова ястреба готово.

А дальше базиери отправляется в предгорья и, облюбовав открытую вершинку с хорошим обзором, строит легкую стенку-укрытие из сухих стеблей кукурузы, рядом с которой натягивает ловчую сеть. Эта треугольная сеть, сделанная из тончайшей прочной нити (сейчас часто используются японские паутинные сети), крепится на небольшой вертикально поставленной мачте и отходящей от нее перпендикулярно «рее», образуя нечто вроде косого кливера. А дальше все просто: стоя за стенкой-укрытием, базиери внимательно осматривает небосвод, а когда видит летящего вдали перепелятника, выдвигает к сети палочку с привязанным жуланом и заставляет его перепархивать, резко поддергивая палочку. Достойна удивления острота зрения ястреба: с расстояния чуть ли не в километр он уже видит вожделенную добычу и стремительно бросается на жулана. А вот сеть он как-то не замечает, а может быть не придает ей просто значения. Не чует он и опасности. Как правило, все кончается в несколько секунд: жулан еще перепархивает беззаботно на жердочке, а перепелятник уже повис в сетке. Распутать его и «спеленать» — дело минутное.

Конечно, легко сказка сказывается, да нелегко дело делается. Чтобы без осечки ловить перепелятников этим способом, нужен огромный опыт, особые навыки, пожалуй, даже искусство. И умение выбрать правильное место (такие места, как правило, чуть ли передаются по наследству), вместе с тем, несмотря на всю кажущуюся примитивность такого способа ловли, опытный

базиери в подходящую погоду и правильно выбранный день добывает иногда более десятка ястребов. По оценке видного грузинского орнитолога и прекрасного знатока хищных птиц А.В. Абуладзе, всего за сезон охоты в Грузии отлавливают до 15 тысяч перепелятников. Это значительно больше, чем требуется для удовлетворения нужд базиери. Далеко не все из них возвращаются в природу по окончании сезона охоты. Многие, будучи выпущенными, находят смерть, запутавшись неснятой амуницией в ветвях деревьев, другие гибнут просто от неумелого обращения новичков. Надо признаться, что и обычай умерщвлять непонравившегося ястреба все еще, к сожалению, жив. Помимо перепелятников в сетки базиери нередко влетают и другие мелкие хищные птицы — чеглоки, дербники, кобчики, пустельги. Судьба их, увы, плачевна и однозначна: их также предают быстрой, но неотвратимой смерти. Нужны годы и годы кропотливой разъяснительной работы, убедительной пропаганды, чтобы изжить это бездумное варварство.

Вообще громадные ежегодные изъятия перепелятников из природы в Грузии заставляют задуматься. Надо иметь в виду, что в соседней Турции, где также процветает аналогичный способ охоты с ястребом-перепелятником, отлов их не менее интенсивен. По данным Международного совета по охране птиц, только в районе Борка-Архави ежегодная добыча составляет около 15 тысяч перепелятников. А ведь это все птицы, принадлежащие к одной популяции и населяющие леса северных, западных и центральных областей России. Не слишком ли велика нагрузка? Об этом стоит подумать всем базиери — и грузинским, и турецким.

Охота с ловчими птицами в Грузии — явление совершенно самобытное, уникальное. Очень радует то, что она сейчас вошла в число регламентируемых видов охоты, имеет официальный статус. Это верный залог ее сохранения и совершенствования в будущем. Секция соколиной охоты при Союзе охотников и рыболовов Грузии, возглавляемая сейчас известнейшим и всеми уважаемым базиери Г. Чоговадзе, имеет впереди отчетливые перспективы.

В КАРАКУМАХ: С БАЛОБАНОМ И ТАЗЫ

Уже под вечер, надрывно ревя, наш вездеход перевалил очередной бархан и остановился на такырной площадке, где раскинулась временная стоянка чабанов. В центре разбитого трещинами на ровные плиты, плоского, как стол, такыра — понижение со своеобразным и типичным для этих мест искусственным накопителем талых и дождевых вод. Такие сооружения, основанные на водоупорных свойствах глинистого субстрата и изобретенные древними кочевниками много веков назад, позволяли без всяких артезиан-

ских скважин заниматься круглогодичным овцеводством в почти безводных местах. Сюда, в сердце Центральных Каракумов, и сейчас можно добраться лишь с большим трудом. И надежный проводник в этом путешествии будет значить не меньше, чем автомобиль повышенной проходимости.

Двое чабанов загоняли не особенно большую отару в кораль на краю такыра, с изгородью, изготовленной из тонких кривых жердей и колючего кустарника. При них крутилась собака песочной масти — высокая на ногах, поджарая и худая, облик которой не оставлял сомнений, что перед нами представитель интереснейшей и очень древней породы азиатских борзых — тазы. Пес повернулся, посмотрел на неожиданных гостей, насторожив большие висячие уши покрытые длинной волнистой шерстью, и, опустив к земле хвост, загнутый на конце крючком, вернулся к делу, демонстрируя ответственность за прерванное было занятие. Чабаны заложили жердями вход в загон и двинулись в нашу сторону. Нам уже было известно, что старший из них — Черкез-ага — и есть тот владелец балобана, к которому мы ехали целый день по условно проезжим каракумским дорогам и бездорожью.

Сокол сидел на узловатой саксауловой коряге рядом с чабанской палаткой, что находилась в распадке барханной гряды у края такыра. Это была крупная, хороших статей самка, охотившаяся с человеком уже четвертый год. Нас она встретила с тем интересом, который давал надежду на ее боевое настроение и готовность к охоте. Действительно, Черкез-ага птицу еще не кормил, и хотя не собирался в этот день охотиться, но если гости за этим приехали, он был готов показать, как в Туркмении ловят зайцев хоть сейчас, ну, естественно, не раньше традиционной чашки чая с дороги. Согреть чай на костре из жаркого саксаула — минутное дело, а собраться на охоту — всего лишь отвязать плетеный должик балобана от присады и посадить его на руку. Тем не менее мы успеваем узнать, что сокол работает стабильно, ловит положенных ему в день четырех зайцев (больше нет необходимости), к хозяину относится с полным доверием и как к равному, а к собаке — свысока, примерно как стрелок относится к загонщику. Успеваем также узнать, что накануне сокол задурил, хотя такое с ним случается редко, и улетел с охоты, объявившись в родном поселке Черкез-аги, за 15 км от чабаньей стоянки, и в тот же день был доставлен назад на мотоцикле одним из родственников. Сообщил Черкез, что численность зайцев в этот год обыкновенная, не много их и не мало. И погода тоже нормальная для конца февраля — ночи ясные, холодные, да и днем снег, лежащий редким кружевным покрывалом на северных склонах гряд, не особенно тает. Так что для птицы лучше не придумаешь. Вот только тазы не больно хорош молодой, работает по первому году, а потому горячится излишне и часто скалывается. Но птица опытная, и к следующему сезону она сделает из этого кобеля то, что положено.

Центрально-Каракумская пустыня очень своеобразна. Это преимущественно закрепленные, грядовые и бугристые пески с такырными депрессиями. Растительность неожиданно разнообразная и довольно богатая. По буграм растут белый саксаул, кандым, песчаная акация, астрагал и другие кустарники. Все это местами образует густые заросла до 3-3,5 м высотой. В Кыргызстане или Казахстане редкий охотник рискнет напустить своего сокола на зайца в таких условиях. Птице ничего не стоит в пылу погони покалечиться, а то и разбиться о колючие кусты. Даже если этого и не произойдет, верткому толаю представится много шансов скрыться в густых зарослях. Тетеревятнику с его маневренностью и то будет здесь очень нелегко. Поэтому в туркменской охоте на передний план выходит взаимодействие ловчего сокола с борзыми. Задача собак — гнать зайца, не давая ему укрыться в кустах и выставить его под соколиную ставку.

Есть и вторая специфичная особенность местной охоты, по крайней мере того ее варианта, что дошел до нас сегодня. Это, казалось бы, совершенно не характерная для Азии охота в пешем строю. Дело в том, что климат Центральных Каракумов — не для лошадей, даже таких, как ахалтекинцы, поэтому, вероятно, и в прошлом здешние сокольники из среды чабанов обходились без них, хотя носят своих птиц они преимущественно на правой руке, что может свидетельствовать о вторичности пешего способа охоты. Местные жители до сих пор широко используют в качестве транспортного средства верблюдов, а иногда и охотятся с этих «кораблей пустыни». Особенно в случаях, когда богатые зайцами угодья удалены от мест стоянки пастухов, или во время перекочевок. Здесь налицо явная аналогия с бедуинами, практиковавшими тот же способ в Аравии и Северной Африке еще во времена крестовых походов.

...Провожаемые надменным взглядом громадного верблюда, привязанного за палаткой, мы, наконец, двинулись из лагеря. Судя по высоте солнца, охотиться нам оставалось часа два, и мы должны были бы спешно отойти от стоянки, чтобы побыстрее попасть в заячьи места. Однако, пройдя краем такыра 200-300 м и поднявшись на песчаную гряду, обзор с которой открывался на обе стороны, наш хозяин охоты стал двигаться так, что стало ясно: зайца жди в любой момент. Черкез-ага внимательно всматривался в закустаренные барханы и распадки между буграми, стараясь не прозевать первого движения сорвавшегося с лежки толая. Сокол на руке подобрал перо и с явным интересом озирался по сторонам, пронзая выразительным взглядом больших, почти черных глаз привычную картину параллельных волнистых гряд, уходящих к горизонту в виде гигантской стиральной доски. Заряженность на добычу передалась и псу, который, не вырываясь далеко вперед и стараясь держаться вершины песчаного гребня, то и дело настороженно осматривал округу, возвращаясь взглядом к хозяину и своему крылатому напарнику. Любой охотник знает, что

дичь всегда выскакивает неожиданно. Только мы поинтересовались, с какого расстояния Черкез может напустить сокола, а он, не отвечая, вытянул левую руку и указал на куртинку акации почти в полукилометре от нас, как балобан, резко сжав рукавицу на правой руке, дернулся в противоположную сторону. Мгновенно среагировав, Черкез с широкого размаха мощно послал птицу вперед, пронзительно закричав: «Хаит! Хаит!» Получив ускорение, сокол быстро набрал высоту метров в пятнадцать, оценил ситуацию и, разгоняя себя жесткими, глубокими взмахами крыльев, устремился за толаем по нисходящей траектории. В момент напуска заяц был метрах в семидесяти от нас, он быстро миновал западинку, поросшую редкой осокой, и скрылся из глаз, перемахнув соседнюю высокую гряду. Пес, оказавшийся на порядочном расстоянии впереди, развернулся на крик хозяина, но зайца из-за плотного кустарника видеть не мог. Сориентировавшись по балобану, он ринулся вниз по крутому склону, чуть сбившись у перегиба, но сразу выровнялся и, распластавшись в бешеной скачке, тоже ушел из глаз, обойдя пологой дугой массив густого саксаульника. Тазы отличаются от других борзых тем, что помимо преследования зверя «в узёрку» т.е. находящегося на виду, они используют и гон по следу. Это неоценимое достоинство особенно ярко проявляется на пересеченной местности, однако наш кобель, видимо по молодости, демонстрировал явное пренебрежение своим обонянием. Положение на господствующей высоте позволяло нам как нельзя лучше оценить происходившие перипетии, хотя центр событий быстро смещался и приходилось пользоваться биноклем. Достав зайца, сокол ударил с пологой траектории, промахнулся и, сделав горку, ударил вертикально. Заяц, вероятно, нашел убежище в колючих кустах, и сокол принялся барражировать над этим местом, делая временами неглубокие пике и явно ожидая помощи. Скрывшийся из глаз тазы вдруг вылетел на бугор далеко в стороне, видимо осознав полный провал своей отчаянной, но бестолковой угонки. Оценив положение мятущегося в небе сокола, он бросился к нему, через короткое время выбил зайца из кустов и погнал почти в нашу сторону, о чем можно было судить по птице, ходившей средними по ширине кругами и беспрестанно обозначавшей ставки. После одной из них сокол не взмыл вверх, и, прождав с минуту, мы бросились вперед, понимая что дело сделано. Перевалив несколько гряд и уже решив, что скололись подобно нашему тазы, мы взобрались на очередной холм и прямо перед собой увидели место развязки. Пес очень удачно выставил зайца на снежный язык под северным склоном длинного бархана. Кусты здесь не мешали, и сокол, вложившись в последнюю ставку, своего шанса не упустил. По следам на снегу было отлично видно, что заяц под близкой борзой бежал прямолинейно и после удара, нанесенного сзади и чуть сбоку, перевернулся раза три и выкатился на песок, возможно, уже бездыханным. Следов борьбы здесь, по крайней мере, не было. Сокол с полным клювом заячьем шерсти си-

дел на добыче и прикрывал ее от нас распущенными крыльями и хвостом. Собака скромно лежала в пяти метрах, демонстрируя полное отсутствие амбиций, хотя по вилянию ее хвоста и заглядыванию в глаза подошедшему хозяину было ясно, что она знакома с процедурой грядущего поощрения.

То, что мы увидели дальше, было удивительным с точки зрения классических основ обращения с ловчей птицей на охоте. Черкез-ага уселся на песок, перерезал, как положено на Востоке, горло добыче, подснял шкуру с нижней челюсти и подставил это место под жадный клюв. Затем спокойно, без каких-либо ухищрений, стащил сокола за опутенки с зайца, придерживая того второй рукой, и усадил птицу к себе на правое колено. Сокол как-то сразу присмирел, слегка распушился и, превратившись в компактный столбик, стал внимательно следить за руками хозяина, который занялся добычей. Черкез вскрыл брюшную полость и извлек внутренности, отделил селезенку, желчный пузырь и две внутренние вырезки из-под почек. Все это тут же скормил балобану, а печень и кишки бросил псу. Затем особым образом сложил выпотрошенную заячью тушку и положил ее в заплечный кожаный мешок с лямками. Увидев, что собака, управившись с самыми лакомыми кусками, оставила большую часть кишечника нетронутой, Черкез-ага вырыл в песке ямку и закопал остатки. Надо сказать, что описанная процедура в деталях повторялась на всех пойманных в этот и другие дни толаях. Поражало поведение сокола, совершенно свободно без привязи сидевшего на колене хозяина, который у него на глазах проделывал все манипуляции с добычей. Для нас это было явно не по правилам, а для нашего хозяина — совершенно привычным делом, которое только так и делается.

Вечером, возлежа на кошмах у чабанского костра, окруженного плетнем из пустынного кустарника для защиты от ветра и концентрации тепла, мы пили чай и неторопливо беседовали. Балобан, получивший после охоты заячью лопатку и проглотивший на ночь заячий хвост для погадки, давно спал в своем персональном шалаше. Дремал у огня и пес с надетой на ночь стеганой попоной, временами крупно вздрагивая и подергивая кончиками лап, словно и сейчас не желая расстаться с сумасшедшими угонками, мельканием заячьих лап, хвостов и ушей, свистом соколиных ставок...

Оказалось, что Черкез-ага стал охотиться с птицами сравнительно недавно, хотя чабанит уже без малого 40 лет. Он долго мучился от какой-то хвори, связанной с нервными расстройствами, перепробовал разные лекарства, много времени провел в больницах, но все без толку. И тогда кто-то из мудрых стариков посоветовал завести сокола. Так Черкез и поступил. Общение с прекрасной птицей, требующее, помимо знаний, терпения и любви, еще в какой-то степени отрешенности и возвышенности, сделало то, перед чем отступила медицина. Черкез твердо уверен, что здоровым человеком он стал

только благодаря соколу. Эта необычная история напомнила о том, как в соколиный питомник на Иссык-Куле временами заходили старые киргизы попросить немного балобаньего помета, обладающего якобы какими-то лечебными свойствами. Ну а как было не вспомнить оригинального способа кровопускания, которым зачастую пользовались наши цари-сокольники Алексей Михайлович и его отец Михаил Федорович! «Великий государь легчился — бил у правой руки жилу сокол», — читаем в описании придворной жизни той поры «Выходы государей».

Тем временем разговор перешел в другое русло и коснулся истоков туркменской охоты с ловчими птицами, ее традиций. Черкез-ага подложил в огонь саксаулину, улыбнулся и поведал такую историю. Жил некогда могущественный падишах, и была у него красавица-дочь на выданье, но уж больно своенравная. Сколько ни приходило женихов — всем на двери указывала. Отец в уговоры, да куда там: «Выйду замуж только за того, кто сумеет построить дворец, висящий в воздухе». Поначалу много было проектов, все же дочь падишаха — невеста хоть куда, пытались даже стаю орлов использовать в качестве подъемной силы, но ни одному из претендентов так и не удалось воплотить свою идею в жизнь. Собрал тогда падишах всех своих визирей, магов и звездочетов, но и мудрецы не смогли дать ответа. В безмерной печали решил владыка призвать подвластных ему зверей и птиц, может, среди них найдется светлая голова. Собрались четвероногие и крылатые, выслушали падишаха и потупили взоры. Вдруг кто-то обнаружил, что среди собрания нет сыча, а он горазд на выдумки, голова-то у него вон какая. Только падишах подумал, как бы поскорее найти его, как выходит вперед балобан и говорит, что, если господин позволит, он мигом разыщет отсутствующего и доставит пред светлые очи. Так и вышло: не успели и глазом моргнуть, а сыч уже здесь, причем заявляет, что в состоянии решить трудную задачу. Усомнился падишах, так ли уж мудр сыч, и решил для проверки загадать ему три загадки. Первая была такая: «Кого на свете больше — мужчин или женщин?» Чуть задумался испытуемый и говорит, что, конечно, женщин. Ведь кроме истинных женщин к их числу должны быть отнесены и те из мужчин, кто спешит исполнить все женские прихоти. Понял падишах намек, сверкнул глазами, но сдержался и решил, что хватит загадок. Потом позвал визиря и велел готовить дочь к свадьбе. Сычу в награду за свое прозрение сказал, что забот с пропитанием у него теперь не будет, поскольку он сможет охотиться даже ночью. Не был забыт и быстрокрылый балобан, которому было обещано, что отныне он сможет получать пищу из рук человека. С тех пор якобы и стали охотиться люди с соколом и кормить его на своей перчатке.

Соколиная охота пользовалась большим распространением еще у предков туркмен — огузов. Прежде охотились и в пустыне, и в оазисах, и на пред-

горной равнине. Самой распространенной птицей был балобан, с которым добывали зайцев, дроф, джеков и стрепетов. Охотились с ним и на джейрана. В этом случае специально притравленная птица била ставками и вцеплялась газели в голову, мешая обзору и задерживая, пока подоспеют тазы и всадники. Очень ценились в Туркмении шахины, которых использовали по той же дичи, что и балобанов, за исключением джейрана. До сих пор приходится слышать о шахине, что это «царь ловчих птиц». Ценность его определялась не только исключительными ловчими качествами, но и большой редкостью. Знали и дорожили здесь тетеревятником, особенно для заячьей охоты, но ястребы попадали в руки крайне редко (как правило, их привозили с дальних птичьих ярмарок). Изредка держали перепелятника, но, как правило, не столько для охоты, сколько для защиты посевов проса от воробьев, что было характерно и для других народов в Средней Азии. Есть старые сведения и о туркменских беркутах, однако охоту с беркутом в этом регионе можно рассматривать лишь как исключительно редкое явление.

Старый потомственный сокольник из Кзыл-Арвата Анна-Ман Мовлалиев рассказывал, что до революции охота с птицами была для бедняков существенным подспорьем, поскольку это занятие, в отличие, скажем, от животноводства, налогом не облагалось и не ограничивалось. Дичи было много, а сезон охоты был достаточно продолжительным. Он включал все холодное время года (около пяти месяцев) и ограничивался естественными биологическими сроками. Начиналась охота примерно в конце октября, когда дневная температура уже не превышала +10°. К этому времени линька ловчих птиц полностью заканчивалась. Сигналом окончания сезона, приходившегося на середину-конец марта, была пойманная соколом первая беременная зайчиха. Со временем, однако, соколиная охота в Туркмении, как и в других среднеазиатских республиках, была объявлена пережитком феодализма, и люди с птицей на руке в полной мере испытали это на себе. Столь характерные для той поры пресловутые «перегибы на местах» выразились в законодательном запрете соколиной охоты, что в 20 — 30-х годах было закреплено в правилах охоты. Сильно изменился и весь жизненный уклад охотников, на занятия с птицами времени оставалось все меньше. Сельскохозяйственное и промышленное освоение прежде малонаселенных мест неминуемо привело к оскудению угодий дичью. Сыграло роль распространение ружей и особенно автотранспорта, который делает доступными многие отдаленные уголки.

В итоге последним оплотом сокольничества оказываются самые глухие районы Центральных Каракумов, да и здесь хорошо, если наберется десятка полтора практикующих охотников. Это вдвойне печально, ибо в наше время, когда есть надежда, что порочный взгляд на прекрасную, самобытную охоту

окончательно отошел в прошлое, тысячелетние национальные традиции оказались на грани забвения.

Туркмены добывают своих балобанов для охоты из гнезд или ловят осенью и зимой. Соколиные гнездовья нередко бывали монопольным достоянием сокольничьих династий, передаваясь из поколения в поколение. Так, закрепленные родовыми обычаями угодья семейства упомянутого Анна-Мана включали около 30 гнезд. Очень интересно, что и сейчас охотник берет птенцов исключительно из «своих» гнезд, причем потомство некоторых из них, по мнению сокольника, обладает совершенно определенными и отличными от других свойствами (окраска, физические данные, охотничья специализация). В негнездовое время балобанов ловят чаще всего на их постоянных присадах (по-туркменски «хекем»), использующихся для отдыха и ночлега.

Принесенный домой гнездарь 2-3 недели содержится свободно, без всякой привязи. На руку его берут и на руке кормят, как только он начинает стоять на ногах. Вынашивание продолжается 30-40 дней, при этом занимаются ежедневно по два часа утром и вечером. Выноска считается законченной, если при приближении к соколу лица хозяина птица остается совершенно спокойной, не открывает клюва и не «шипит», если она дает себя гладить, не сторонясь руки. В сентябре наступает, как говорят туркмены, «время алвая», то есть пора работы с вабилом-алваем, и притравки, продолжающаяся около двух недель. Прежде балобанов готовили к охоте не только на зайцев, но и на пернатую добычу. Для этого, используя вабило в виде соответствующих птиц, ставили сокола вверх по обычной, классической методе. Сейчас в ходу более простая дрессировка, нацеленная исключительно на заячью охоту. Алвай в этом случае делается в виде мешочка из заячьей шкурки шерстью наружу, внутрь которого вкладывается мясо. К вабилу пришиваются три маховых пера балобана. После того как птица освоит такое вабило, ее кормят на тушке мертвого зайца с предварительно сделанным разрезом шкуры на затылке и шее. Затем следует напуск на живого зайца со связанными передней и задней ногами. Если сокол уверенно идет на него со 100-150 м, притравка считается законченной.

Очень хорошо сейчас оценивается балобан, который за дневную охоту ловит из-под собак **10-12** зайцев, однако чабаны обычно охотятся попутно с пастьбой овец, и результат бывает скромнее. Интереснейшие данные в этом плане мы находим в работах известного орнитолога и почитателя соколиной охоты профессора А.К. Рустамова. Осенью 1947 года сокольник Шанияз вывез в Ашхабад большой, полно набитый мешок с зайцами (60-70 штук), добытыми за несколько дней. Ягмыр из аула Багаджа ловил балобаном по 10-12 зайцев за охоту. К началу апреля 1948 года охотник Сапарниязиз аула Ата-Кую при помощи сокола, пойманного чуть больше месяца назад,

добыл трех джейранов и множество зайцев (до 19 в день). Балобан Анна-Мамеда из Мазарлы добыл четырех джейранов, несколько джеков, обыкновенную дрофу, но главная добыча — зайцы. Сойли из Куня-Ургенчского района имел двух взрослых балобанов, один из которых работал исключительно по зайцам (рекорд — 30 штук за день), а другой — по джеку и фазану.

Балобан, особенно ловец, ценился в Каракумах дорого. В начале века за отличного сокола, случалось, давали верблюда с седлом. В послевоенное время на птицу можно было сменять двух баранов с ягнятами.

В СЕДЛЕ И С ПТИЦЕЙ

Кыргызстан и Казахстан занимают особое место среди наших сокольничьих регионов. Именно здесь традиционная охота остается наиболее развитой, хотя ее «золотой век» далеко позади. В Кыргызстане осталось, вероятно, не более полутора-двух десятков беркутчи, единицы охотников держат балобана, не говоря уже о других, всегда бывших редкими здесь соколах. Тетеревятников, правда, еще можно насчитать десятка три-четыре. Приблизительно такие же цифры отражают сокольничью статистику современного Казахстана, разве что ястребятников там будет поменьше. О динамике угасания охоты можно судить хотя бы по тому, что орнитолог Д. Ырсалиев, специально изучавший этот вопрос, насчитывал на начало 1960-х годов в Кыргызстане по меньшей мере 200 ловчих беркутов. Сегодняшние могикане сокольничьего дела — люди, в большинстве своем, даже по местным меркам, очень пожилые. Часто это потомственные охотники — звенья длинных цепочек — носителей удивительного элемента национальной культуры. Но так же часто звенья эти сегодня оказываются концевыми. Умирают аксакалы, исчезают птицы. Какое-то время о них помнят соседи и знакомые, дольше — родственники, но и они через несколько лет уже не в состоянии рассказать не только о нюансах — их они просто не знали — но и о мало-мальски детальных подробностях былых охот.

Когда речь заходит о причинах угасания соколиной охоты в Средней Азии, то обычно говорят о распространении и совершенствовании ружей и винтовок, капканов и других хитроумных способов добывания животных, которым ловчие птицы не смогли составить значительную конкуренцию. Говорят также об оскудении угодий дичью, об уменьшении численности самих орлов и соколов, прочно утвердившихся на страницах Красных книг. Все это, конечно, справедливо, но есть другой блок причин, и, похоже, именно они оказались решающими. Это социальные преобразования семи советских десятилетий, круто изменившие жизненный уклад, формировавшийся долгие и долгие века. Как мы помним, среднеазиатская охота развивалась в двух на-

правлениях: спортивном, который была уделом знати, имущей части населения, и промысловом, характерном для простых скотоводов и земледельцев, получавших от охоты известное подспорье в виде добытого мяса и шкурок. И если мы зададимся вопросом, какая категория охотников должна была обладать более глубокими знаниями и быть более квалифицированной, ответ возможен только один. Всеми преимуществами обладали профессиональные сокольники спортивного толка. Только богатый человек, не обремененный рутиной каждодневных забот, мог позволить себе держать несколько беркутов и соколов, специально выезженных лошадей, которых тоже должно быть несколько, а также свору собак особой дрессировки.

За всеми, особенно за птицами, нужен тщательный уход. Нетрудно представить расходы только по одной кормежке беркутов. А их обучение, подготовка к охоте и сама охота, требующая участия помощников? Нет, бедный человек не мог позволить себе этого. Развлекаясь с птицами, он бы семью не прокормил. Ему была доступна лишь достаточно примитивная охота, направленная на конкретный результат. Именно результат был главным, процесс отступал на задний план. Это формировало и закрепляло определенный стереотип мышления охотника, имевшего целью взять побольше добычи с минимальными затратами усилий и времени. Что для этого нужно? Ну, во-первых, напуски накоротке и желательно сверху вниз. Так сможет работать птица и в невысокой физической кондиции, а это в свою очередь убивает сразу двух зайцев: нет необходимости применять тонкие, порой изощренные методы контроля за весом ловца и, кроме того, работающего голодом хищника меньше шансов потерять. Казахи говорят: «Если хочешь охотиться для сердца — должен иметь сокола, а если для желудка — достаточно завести ястреба». Поэтому понятно, что наш промысловик вряд ли будет тратить время на более трудного в вынашивании сокола, который никогда не возьмет и четверти ястребиной добычи.

Другое дело — баи, манапы и прочие представители имущих кругов феодальной иерархии. При желании они могли целиком отдаваться «птичьей потехе», приобретая и постоянно общаясь с большим количеством первоклассных птиц, углубляясь в тончайшие нюансы ремесла и достигая грани, за которой начинается искусство. Они имели для этого прочные тылы в виде свиты слуг, богатых дичью и хищными птицами земельных владений, прочих материальных богатств, а главное, у них было достаточно свободного времени. Не вызывает сомнений, что занятие соколиной охотой в этих кругах было очень престижным, а кроме того, имело явное прикладное значение. Недаром жива восточная поговорка: «Соколиная охота — родная сестра войны». Действительно, это прекрасное средство воспитания воина и поддержания его формы, ибо каждый сокольник должен быть отличным наездником, хитрым и расчетливым

тактиком, обладать смелостью и решительностью, терпением и выдержкой. Великий воитель Чингисхан незадолго до смерти собрал своих полководцев и сказал им, что сил у него осталось только на одно удовольствие, и спросил, что бы они посоветовали ему сделать. Но развели руками советники: «Ничего не получится, ты слишком слаб. Ведь у настоящего мужчины есть в жизни только одно удовольствие - соколиная охота».

Существенным было и то, что привилегированные сокольники во время своих военных походов и торговых путешествий имели большие возможности знакомиться с опытом своих коллег из других регионов, перенимать новые методы и, трансформируя их, создавать самобытную национальную систему, опирающуюся на этнические и социальные устои общества и органически связанную с географическими и биологическими особенностями региона. При этом не следует забывать, что среди представителей феодальной верхушки было достаточно эрудированных и образованных людей, знатоков музыки, поэзии и иных видов искусства. Ценя охоту как источник положительных эмоций, они искали пути наиболее полного раскрытия потенциала птицы, работающей у предела своих возможностей. Отсюда соколиные ставки из-под самых облаков, длинные, головокружительные угонки ястребов, напущенных с большой дистанции, схватка беркута не со слабой местной лисицей, а с джейраном, косулей или молодым волком. Птицы во всех случаях должны быть прекрасно подготовлены физически, то есть иметь вес, близкий к оптимальному, — почти такой же, что и у диких птиц. И здесь на первый план выступает качество вынашивания, использование отточенных способов управления пернатым помощником, достижение с ним идеального контакта. Неминуемо повышались требования к выбору птицы. На основе тщательных наблюдений устанавливалась связь разнообразных деталей сложения ловца, его размерных показателей, окраски, поведения с его охотничьими качествами. Поколениями сокольников вырабатывались интереснейшие системы критериев, достойные изучения и объяснения с научных позиций. Формировалось совершенно особая сокольничья философия.

В послереволюционные годы процесс разрушения старого мира «до основанья» не оставил в стороне и охоту с ловчими птицами, которая немедленно получила ярлык «бай-манапского пережитка» и оказалось вне закона, причем не только в переносном смысле. В правилах охоты почти всех среднеазиатских республик имелись на этот счет строгие запретительные записи.

Всюду были введены ограничения и на содержание лошадей. Долгие годы в личном пользовании почти не разрешалось держать верховых лошадей, без которых казах не казах и киргиз не киргиз. Беркутчи, казалось бы, должны были найти поддержку в обществах охотников, но этого не происходило. Следуя в фарватере официальной линии, руководство охотобществ долгие

годы как бы не видело человека с птицей на руке. Оставалась, правда, возможность показать себя на традиционных праздниках, время от времени проводившихся на ипподромах. В программу праздников кроме скачек и других конных состязаний охотно включаются выступления беркутчи, которые могут проехаться перед трибунами и под одобрительный гул публики напустить птицу на лисицу со связанными задними ногами, или прибылого волчишку, пасть которого также на всякий случай сострунена. Зрелище, мягко говоря, специфическое. Облик всадников в полной сокольничьей выкладке с беркутами кажется несуразным на фоне пестрой шумной толпы, бетонных конструкций и металлических оград. Другое дело — тот же самый силуэт на гребне невысокого хребта где-нибудь в отрогах Заилийского Алатау или гор, обрамляющих Иссык-Куль.

...Беркутчи, соединенный с конем и птицей в единое целое, замер на вершине, он черным контуром выделяется на фоне закатного неба. Растворяющуюся перед ним в дымке каменистую долину покидают последние лучи оранжевого зимнего солнца. Холодный воздух необыкновенно прозрачен, и снежные вершины дальних высот гор похожи на театральную декорацию. Крылатый всадник здесь так естествен, что, кажется, исчезни он, исчезнет и все остальное...

В Кыргызстане охотились с птицами издавна, отражение чему можно найти и в знаменитом эпосе «Манас». Само рождение богатыря Манаса было предвещено его отцу, явившимся во сне беркутом. В поэме о Семетее — сыне Манаса — весь сюжет разворачивается вокруг его белого кречета — его отлета во время охоты и возвращения. Историческим центром соколиной охоты, и по сей день сохраняющим свои позиции, была северная часть Кыргызстана, особенно Иссык-Кульская котловина. Связано это с разнообразием природных условий, обилием дичи и пернатых хищников.

Сегодня самая распространенная ловчая птица здесь ястреб-тетеревятник, с которым охотятся на кекликов, фазанов, а с самками также и на зайцев-толаев. В небольшом количестве тетеревятник гнездится в поясе еловых лесов в горах северной и восточной части котловины, однако местные охотники гнездарей почти не используют, а отлавливают ястребов на осеннем пролете или зимой. Срок их обучения обычно 2-3 недели. Во время охоты один или несколько всадников движутся по подходящим местам, стараясь вспугнуть или высмотреть дичь. Поскольку клобучков для ястребов не применяют, нередко птица первой замечает дичь и «просится» с руки, иногда с расстояния в сотню и больше метров. В хороших местах за дневную охоту с одним ястребом можно взять до 5-6, а то и больше зайцев и нескольких кекликов или фазанов. В последние годы для ястребиной охоты стали использоваться собаки — легавые и спаниели, что, конечно повышает результат. Од-

ним из первых, кто начал применять таких собак был, Г.А. Деменчук, охотовед по образованию, выросший среди киргизов в Прииссыккулье, ставший замечательным сокольником и знатоком ловчих птиц. На одной из охот он установил своеобразный рекорд, добыв с ястребом из-под пойнтера 40 кекликов, фазанов, бородатых куропаток и других птиц. Обычно добыча, конечно же, бывает много скромнее.

Киргизские охотники подразделяют тетеревятников на три основные категории: тайгун — очень светлые, иногда почти белые птицы сибирского происхождения, изредка отлавливаемые поздней осенью и зимой; тынар — птицы обычного облика, самые распространенные у охотников; тунжур — тетеревятники промежуточной окраски. Выделяя эти группы ястребов, сокольники имеют в виду помимо окраски, детали строения и размеры. Такая классификация вполне отвечает представлениям современной орнитологии о систематике тетеревятника. Наиболее ценим тайгун, причем не только за цвет и исключительную редкость, но и за прекрасные ловчие качества. Само слово «тайгун» у киргизов употребляется и как символ ловкости и бесстрашия.

С беркутом в настоящее время охотятся главным образом на лисиц и лишь изредка на молодых (прибылых) волков. Используются как гнездари, так и отловленные птицы, причем последним, особенно пойманным в возрасте 2-3 лет, отдается явное предпочтение. Гнездарь хоть и легче обучается, но охотится хуже «дикого», не имеет того полета, а главное, характер у него непредсказуемый. Может схватить хозяина лапой или клювом, напасть на ребенка (последствия бывают самые тяжелые), домашнюю скотину. Беркуты живут у охотников долго, порой переходят от отца к сыну. Известны сроки в 40 лет и больше, а 10-15 лет — дело обычное. На обучение пойманного орла уходит от 30 до 40 дней, причем первые напуски беркутчи старается делать с половины этого срока, как только птица более или менее начинает ходить на руку. Иначе могут угаснуть ценнейшие охотничьи навыки дикой птицы.

На охоту беркутчи редко отправляются в одиночку, обычно это группа всадников, часть из которых исполняют роль загонщиков. Охотник с беркутом в клобучке движется по возвышенности, а помощники едут в низине, стараясь поднять зверя. Завидев лисицу, хозяин быстро снимает клобучок, и птица сходит с руки, устремляясь за добычей иногда с расстояния до 1 км. Загонщики стараются преследовать лису, не давая ей уйти в заросли и россыпи камней. Прежде для этого широко использовали тайганов — киргизских борзых собак, из-под которых беркуту взять зверя гораздо легче, так как наседающие псы отвлекают внимание лисицы от атакующей птицы. Особенно хороши были тайганы при охоте на косуль и джейранов. Причем некоторые беркутчи практиковали охоту из-под собак со свободно летающей птицей. При этом птица, набрав необходимую высоту, контролировала пущенных в поиск тайганов и атаковала

вспугнутую ими добычу. Такой стиль охоты, несомненно, был высшим классом и сейчас, к сожалению, его уже не увидишь.

Из соколов самым популярным в Кыргызстане был и остается балобан, всегда здесь гнездившийся в достаточном количестве. Универсальность балобана позволяет сокольникам добывать с ним кроме пернатой дичи (кекликов, фазанов и т.д.) еще и зайцев. Для заячьей охоты, как и в случае с беркутом, прежде часто использовали тайганов, но в последнее время такую ловлю удается видеть все реже и реже. Основным способом охоты является традиционный азиатский напуск балобана «по-ястребиному» с руки. Причем как и для ястреба, для балобана во время охоты клобучок практически не применяется, хотя сидящих дома на присадах птиц клобучат довольно часто. Добычливость балобана конечно же ниже, чем у тетеревятника, но истинным ценителям эта охота «для сердца» дает много больше, чем кусок зайчатины на ужин.

Сапсаны и особенно кречеты, отлавливаемые на пролете и зимовке, попадают в руки сокольников чрезвычайно редко, и большинство молодых охотников знают о них лишь по рассказам стариков.

Использовались киргизами и мелкие хищники — перепелятники и дербники, причем в прошлом их иногда применяли для защиты от воробьев зерновых посевов (особенно проса). Местным сокольникам хорошо был известен и чеглок с его несравненным стремительным полетом, статью и... неуправляемостью. Среди многочисленных киргизских легенд о хищных птицах есть и посвященная чеглоку.

...Жил некогда благородный и храбрый юноша, горевший желанием совершать подвиги ради людей. На его счету было множество геройских дел, исполненных во благо хана, любимой, близких. Но оказалось, что все они имели корыстные или эгоистические интересы. Вера в людей была потеряна, и юноша попросил пророка даровать ему полную свободу. Пророк решил обратить его в птицу самой благородной семьи, к которой принадлежали орлы, соколы и ястребы. Выбор пал на чеглока, поскольку все остальные отдают свои геройские качества, охотясь для людей, и только джаталмай (чеглок) не подчиняется ни человеку, ни кому бы то ни было еще.

...Наша машина уперлась в ворота из длинных жердей, выхватив светом фар дом и просторный казахский двор с типичными постройками для скотины. Алма-атинские друзья привезли нас сюда, в поселок Аксай, что лежит на юго-востоке области, чтобы повидаться с «последним из могикан» — известным всей округе беркутчи Абылакимом Солтанкуловым. Добрались мы только в темноте, поздним вечером, и, признаться, беспокоились, что приходится тревожить аксакала в такой час.

...В полосе света появилась высокая прямая фигура старика, который, даже не спросив, кто и зачем приехал, спокойно, по-хозяйски отодвинул воро-

тину, пропуская машину во двор. Поздоровавшись, позвал в дом, где через несколько минут на столе появились пиалы для чая, хлеб и другие необходимые для долгого неспешного разговора предметы.

...Абылакиму 84 года. Последних лисиц он добывал в прошлом сезоне. Сейчас уже не охотится — тяжело, но на коне ездит. Он — беркутчи потомственный, но жизнь сложилась так, что собственного беркута завел в 23 года. С этой птицей, которая была поймана с ремешками на лапах, он охотился 16 лет и оставил ее, уйдя в 1941 году на фронт. Воевал геройски — кавалер орденов Славы и Красной звезды, трижды был ранен. А когда в конце войны вернулся — узнал, что беркут в 1942 году погиб от истощения. Поймал Абылаким новую птицу и совершил с нею может быть свой главный подвиг. Людям жилось трудно, голодали. Можно было бы поправить дело, добывая джейранов и другую дичь, расплодившуюся в окрестностях, но стрелять ее было не из чего, да и не кому, война ведь еще не кончилась. Настал час беркутчи. Ежедневно ездил с беркутом на охоту, добывая копытных и лисиц. По договору Абылаким должен был сдавать по 16 кг мяса в день, и он делал это, охотясь в таком немыслимом режиме из месяца в месяц. Беркут работал прекрасно и мог поймать за день до пяти лисиц и семи джейранов. Как-то зимой был установлен личный рекорд — 43 лисицы за месяц! Мясо охотник раздавал всем в поселке, и кто знает, сколько мальчишек и девчонок, стариков и старух пережили благодаря ему то тяжкое время! Платой человеку с птицей было не только ружье и отрез материи, что получил он однажды в виде премии, но и искреннее уважение и любовь земляков. До самой смерти старый беркутчи оставался непререкаемым авторитетом в любых житейских делах и спорах. За советом шли к нему люди со всей округи.

НОВАЯ ВОЛНА

Как это ни странно, современная соколиная охота у нас в стране родилась и стала развиваться не в тех традиционных центрах, где она еще не угасла, а там, где последние сокольники оставили о себе память лишь в названиях улиц, урочищ да немногочисленных литературных повествованиях. В России ловчие птицы, казалось бы, безвозвратно ушли в прошлое, и забыты. Да, конечно, в Москве есть парк «Сокольники», Сокольничья улица, Соколиная гора, но даже эти названия у большинства людей вряд ли ассоциируются с тем явлением, которое дало им имя. А ведь есть Трифоновская улица с прекрасной белокаменной церковью, но многие ли из живущих здесь связывают ее с легендой о Трифоне-сокольнике и его святом покровителе? Есть Ширяево Поле в Сокольниках — родина московского «Спартака», но даже футболи-

сты этого клуба вряд ли знают, что Ширяем звали одного из лучших царских соколов (какое имя для лихой птицы!), разбившегося на этой поляне в запале бешеной атаки. С тех пор прошли века, полностью растворившие старорусские сокольничьи традиции. Утрачено было практически все. Остались, конечно, фолианты В. Левшина (1813 г.), Н. Кутепова (1895 г.), десятка полтора-два журнальных статей прошлого века К. Галлера, Н. Данилова, В. Клеменца и немногих других, но все они стали такой библиографической редкостью, что дела поправить не могли. Кое-что, конечно, есть и в художественной литературе, например у СТ. Аксакова в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», у А.К. Толстого в «Князе Серебряном». Обращал свой взор к ловчим птицам и А.С. Пушкин. В разделе «Исторические статьи и материалы» его Собрания сочинений имеется заметка «О соколиной охоте». По существу это составленный автором словник, включающий более 20 специальных сокольничьих терминов с разъяснением. Среди них такие, как кречет, сокол, челиг, обносцы, должник, шаглач, помытчики, тулунбасы и др. Поэт, вероятно, имел какие-то задумки по использованию этого материала, но, к сожалению, не реализовал их.

Были замечательные статьи профессора Г.П. Дементьева, написанные в предвоенный и послевоенный периоды,особенно его книги «Охота с ловчими птицами» и «Сокола-кречеты», но и эти произведения не были доступны широкому кругу читателей. Тем не менее мы являемся свидетелями интереснейшего феномена — появления соколиной охоты и ее развития во многих нетрадиционных местах. По сути здесь речь идет не о возрождении, а о ее новом рождении, причем процесс этот имеет достаточно четкую хронологию. Отважные молодые люди с птицами на руках стали появляться почти одновременно на рубеже 60-70-х годов в разных городах России, Украины, в других местах. Активные, хотя и немногочисленные группы новых сокольников возникли в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Львове, Казани и других городах. Есть они в Белоруссии, Литве, Сибири и на Дальнем Востоке. Не остались в стороне и традиционные регионы. Представители новой волны появились в Алма-Ате и в Тбилиси. Большинство сокольников лишены того строгого консерватизма, что так характерен для их пожилых коллег, скажем, из Кыргызстане или Туркменистана. Это касается и амуниции ловчих птиц, и подходов к дрессировке, и способов охоты. Например, среди московских сокольников можно увидеть тех, кто использует и арабские, и европейские, и киргизские клобучки. Одни из них носят птиц на левой руке, другие, верные русским традициям, — на правой. И это закономерно, учитывая поток информации и возможности контактов. Процесс формирования сокольничества современного стиля у нас только начался, и потребуется время, чтобы это движение обрело стройность, избавилось от неизбежной «накипи», пришло

в соответствие со спецификой природных и социальных условии разных регионов, чтобы выработалась наиболее целесообразная организационная и методическая система. Все это хорошо просматривается на примере зарубежных европейских сокольников, прошедших этот путь.

Характерная деталь — большинство наших охотников живет в крупных городах, окрестности которых, конечно же, проигрывают по обилию дичи. Но зато здесь легче общаться, находить редкостные книги и старые охотничьи журналы, а это в наших условиях очень важно.

Как живут типичные городские сокольники, можно увидеть на примере москвичей. Их группа неоднородна; помимо явных лидеров, таких как А. Бородин, В. Орлов, И. Астахов, М. Мурсеев и немногие другие, имеется нестабильный контингент, формирующийся обычно из молодежи, пробующей свои силы. Большинство держит тетеревятников, которых берут гнездарями или ловят осенью. Реже встречаются перепелятники и чеглоки, также из местных гнезд. Еще реже дербники и крупные соколы. Последние, а также некоторые другие «экзотические» птицы попадают в руки, как правило, случайно. Основными объектами напусков служат врановые птицы, особенно серая ворона, сизые голуби и кряква. Кряква — единственный представитель настоящей дичи, численность которой вблизи города достаточно велика. Поэтому ясно, что охота у москвичей почти исключительно спортивная. Понятны и трудности содержания птиц в московских квартирах, и проблема передвижения в городском транспорте, и масса других проблем, решить которые могут лишь самозабвенные, преданные этому делу люди.

Поначалу сокольники объединились в неформальный клуб, причем консолидирующую роль здесь сыграл Всероссийский институт охраны природы. Сокольники приняли участие во многих работах института по охране и изучению пернатых хищников. Особенно плодотворным оказалось сотрудничество в вольерном разведении и разработке методов применения ловчих птиц в качестве биорепеллента. Проще говоря — для отпугивания ястребами и соколами ворон и других массовых птиц от разнообразных объектов, включая аэродромы и даже Московский Кремль. В 1984 году на основе московской группы была создана Секция охоты с ловчими птицами при Росохотрыболовсоюзе. В секцию вошли представители и всех других российских регионов, где имелись реальные сокольники. Так родилась первая в советское время официальная сокольничья организация в России. Дало это немало. Прежде всего укрепились контакты с другими республиками и зарубежными клубами. Были проведены встречи и семинары, российские сокольники со своими птицами стали участвовать и в международных встречах. Они побывали в Чехословакии, Польше, Венгрии. В исключительно доброжелательной и дружеской обстановке встреч сразу делалось ясно, сколько и какие «велосипеды» ты изобрел, почему что-то вы-

ходит не так, как надо, что, наконец, представляют на профессиональный взгляд привезенные на встречу птицы. Нужно сказать, что с птицами все бывало на уровне. Наверняка у многих искушенных сокольников остались в памяти и белый камчатский тетеревятник, и черный балобан с Алтая, и, конечно, необыкновенный беркут из Сибири.

Хозяин этого беркута — Юрий Носков — фигура особая, из тех, кто формирует новую волну, питает ее своим примером и опытом. Родился и вырос он в степной Туве и с хищными птицами общался с детства, наблюдал за ними, выхаживал подранков, которых в те годы гонений на «вредных хищников» было достаточно, пытался вынашивать. Доходить до всего приходилось самому, ни литературы толком не было, ни опытного наставника, но было главное — то, из-за чего в старину бы сказали: «Сокольник милостью божий». Интересно, что Юрий — профессиональный музыкант, классный исполнитель, и реальная музыка органично сплелась в нем с музыкой высокого полета прекрасных птиц.

Ю. Носков живет в Шушенском, у границы Хакасских степей и предгорий Саян. Птиц он держал разных: и ястребов, и соколов, но фирменным его знаком безусловно стал беркут по кличке Алтай. Эту самку Юрий взял гнездарем в алтайском высокогорье двадцать лет назад. Беркут оказался выдающимся. Во-первых, очень крупных размеров: его вес в охотничьи кондиции — 5 кг, тогда как европейские сокольники считают крупными птиц, работающих в четырехкилограммовом весе. Мощные лапы с когтями, близкими к рекордным, прекрасное перо с густым длинным пухом. Но, пожалуй, главное достоинство Алтая — его характер. Это отчаянный бескомпромиссный боец и вместе с тем расчетливый тактик, способный год от года совершенствовать охотничье мастерство. Хотя понятно, что заслуга в формировании этих качеств в равной мере принадлежит и хозяину. Как человек творческий, в вынашивании беркута Юрий шел своим путем, выдумывая и апробируя порой совершенно оригинальные приемы. Он отказался от перчатки, поскольку носить такую птицу в течение многочасовой ходовой охоты по заснеженным предгорьям с перелесками и оврагами очень тяжело, а применять разного рода опоры для руки неудобно. Алтай был приучен садиться на подставку с Т-образной перекладиной, обшитой войлоком, которую удобно класть на плечо. Со временем конструкция усовершенствовалась: ее «ногу» заменила складная тренога от пюпитра, и подставку с орлом стало возможно поставить в любой момент на землю. Принципиальным новшеством было то, что Носков никогда не кормил птицу на руке или подставке. Пищу беркут получал только с земли, а поставку использует лишь как присаду. Этим сразу снимается проблема (особенно актуальная для гнездарей) безопасности сокольника при приеме беркута и его ношении. Ну и наконец сам стиль охоты. Юрий

практически не пускает Алтая с руки. Придя в угодья, он отпускает его в свободный полет, и беркут, как дикая птица, порой часами парит, уходя в точку, присаживается на господствующие над местностью присады и высматривает добычу, не теряя при этом контакта с хозяином. Алтай со временем стал отлично понимать, что взять зверя проще всего поблизости от бескрылого друга, который всегда придет на помощь, а то и выставит забившуюся в заросли дичь на чистое место. Таким образом, человек и птица, достигшие полного взаимопонимания, участвуют в охоте на равных, недаром и хозяин находится в прекрасной спортивной форме. Что же может Алтай? На его счету за эти годы порядочно шустрых и вертких русаков, очень нелегкой добычи для такого крупного беркута (иногда он умудряется ловить пролетающую внизу птицу), много лисиц, которые здесь совсем не те, что в Средней Азии. Местные матерые лисовины достигают 10 кг. Но его коронная добыча — это сибирская косуля, которая почти вдвое крупнее европейской и вдесятеро тяжелее Алтая. Вот как описывает сам Ю. Носков такую охоту:

«Сказочно красивыми показались мне Саяны при этом зимнем свидании. К вздыбленным хребтам, слегка подернутым вуалью облаков, взбиралась постепенно редеющая тайга. Над всем этим величием парит беркут, то растворяясь в белом облачке, то четко выделяясь на фоне голубого неба. Чутошный в выси Алтай начал расти со скоростью надуваемого шара и вскоре, седой от изморози, с настывшими на ресницах льдинками был у моих ног... Алтай снова был в воздухе, когда я увидел мелькавшие зеркала косульих «подштанников». При нападении животные, как по команде, остановились и сбились в кучу, создавая неприступный бастион. Покачавшись в воздухе, орел благоразумно проплыл дальше, к сосновому бору. Следом направились и косули — неуютно им показалось на открытом месте при появлении всего-то пятикилограммовой птицы. Но беркут уже мчался навстречу, набирая крейсерскую скорость для всесокрушающего удара. Когда он с маху вышиб из табунка крайнюю косулю и после нескольких головоломных кульбитов припечатал ее к снежному ковру, я от неожиданности выронил бинокль. А пока чистил окуляры от снега, на крик соплеменницы вернулась предводительница табунка и обрушила на птицу каскад ударов. Отбитая косуля уже догоняла табунок, а важенка все продолжала избиение...». Этот эпизод хорошо иллюстрирует, сколь трудно достаются косули, хотя Алтаю удается брать и трехпудовые экземпляры.

Однажды нам довелось видеть Алтая в совершенно непривычной ему ситуации, в Венгрии, на международной встрече сокольников. Долгая дорога, разница во времени, необычно теплая погода — все это не прошло для птицы даром, и Юра заметно волновался, отмечая некоторую вялость и апатичность своего друга. Замечал это и наметанный глаз зарубежных коллег, сразу оце-

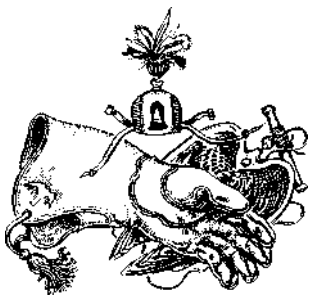
нивших редкие физические данные сибиряка, но выражавших некоторые сомнения в его скоростных качествах. И вот наконец утро. Десятка полтора охотников растянулись по краю изумрудно-зеленого озимого поля и двинулись вперед. В середине шеренги громоздился на плече хозяина Алтай, явно выделяясь своими размерами. Первые зайцы не заставили себя ждать и покатились по полю. Полетели и беркуты, подбадриваемые боевыми криками хозяев. А вот и первая добыча — проворный самец хорватского сокольника накоротке достал русака, вывалившегося из-под самых ног хозяина и уверенно его взял. Но чаще зайцы поднимались не так близко, быстро уходя в отрыв, и птицы, сокращая поначалу дистанцию, все же прекращали затянувшуюся гонку и садились на землю. Очевидно, вдали от хозяина фактор его поддержки ослабевал, беркут слегка терялся, а заяц, напротив, раскрепощался и чувствовал себя увереннее. Пока мы обменивались на ходу замечаниями на этот счет, заяц выскочил прямо впереди и стал уходить, смещаясь влево. Алтай, не привыкший к спринтерским стартам, тяжело сошел с присады на плече и начал разгоняться. В этот момент на левом фланге сильно закричали, и заяц, резко развернувшись, пошел назад, прорвался через линию загонщиков и понесся нам за спину. Ближайший к нему сокольник из Австрии пустил вслед своего самца, энергично заработавшего крыльями. А что же Алтай? Он как бы не спеша развернулся, увеличивая и так достаточную фору, и пустился, казалось бы, в безнадежную погоню. Однако через несколько секунд заметно сократил дистанцию, затем, продолжал так же глубоко и размеренно работать крыльями, поравнялся с самцом и обошел его, «как стоячего». Достал зайца у края поля и, скользнув на крыло, резко ударил вниз. Но поздно: последними отчаянными прыжками заяц достиг канавы и нырнул в непролазный бурьян. Соседние сокольники смотрели как завороженные, а опытнейший австриец, хозяин самца, красноречиво развел руками: «Такого я еще не видел!»

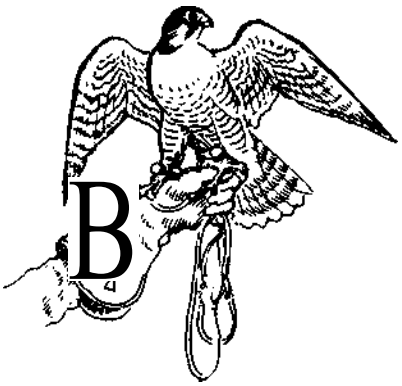
В западных предгорьях Алтая живет еще один замечательный русский беркутчи Иван Степанович Воробьев. Много лет он работает лесником и уже более трех десятилетий держит беркутов. Крестьянский мальчишка «заболел» ими после рассказов стариков-казахов, которые сами птиц не держали, но помнили много интересного. Один из аксакалов помогал чем мог, когда в руки парню попал его первый гнездарь, хотя до многого молодому беркутчи пришлось доходить самому. Жил беркут на свободе, летал, сколько ему потребуется, по зову прилетал кормиться, контакт с ним установился поразительный. При встрече свои эмоции птица выражала радостным клекотом, разглаживала клювом брови и волосы хозяина.

Шли годы, беркутчи набирался опыта, вырабатывал свои приемы выноски. На охоту Иван Степанович ездит на коне, но беркута возит редко, он сам

следует за хозяином из дома в горы и обратно. В таком стиле предпочитает и охотиться. Много беркутов прошло через руки, но охотился Воробьев по-настоящему только с семью, каждый из которых был «личностью». С одним из них он только за месяц добыл девять косуль, другой за такой же срок добыл 33 лисицы, причем умертвлял их всех еще до подхода хозяина. Обычно же годовой улов составлял 30-50 лис. Доводилось брать с беркутами и рысей, но дело это для птицы опасное. Успех бывал возможен лишь при активной помощи хозяина, вовремя поспевавшего перенять добычу.

В последние ходы у Ивана Степановича стало пошаливать сердце и временами приходится ложиться в больницу. Но выдержать долго там не может без беркутов и гор, порой сбегает от врачей. «И только появлюсь в ограде, — рассказывает он, — беркуты, заслышав мой голос, поднимают такой шум, что от этой встречи слезы наворачиваются на глаза. Бросаю вещи и бегу к ним. Радость от таких встреч невозможно описать. Только благодаря моим беркутам последние годы держусь и почти не болею...».





Оптимистический эпилог

от и подошла к концу наша история, наш рассказ о соколиной охоте. За те годы, что мы работали над книгой, мы настолько свыклись с нею, что, представив ее на суд читателя, испытываем какую-то робость. Поймут ли нас? Не будет ли читатель, польстившийся при покупке книги скорее всего на красивую обложку, испытывать чувство разочарования? Исключить этого мы не можем. Но мы сделали все, что могли, для того, чтобы как можно более правдиво и беспристрастно рассказать о прошлом и настоящем этой совершенно особой формы человеческой культуры, называемой культурой охоты с ловчими птицами. Как и всякая другая древняя культура, она, бесспорно, заслуживает пристального внимания и изучения. Как особая форма культуры, тесно переплетавшаяся на протяжении многих веков с другими формами культуры, как историческое явление она заслуживает этого внимания и изучения вдвойне. Поэтому как бы читатель ни оценил наш труд, мы все же считаем его оправданным. В своем рассказе мы пересекли гигантские пласты времени, мы заглянули в интимные глубины природы и человеческих отношений, и это позволяет нам, вопреки чувству робости, надеяться на известную благосклонность читателя.

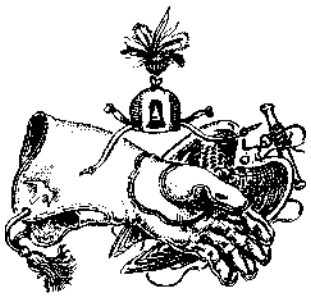
Мы не ждем, естественно, что каждый, кто прочтет нашу книгу, тут же бросится ловить и обучать ястреба или сокола. Но если такое желание хотя бы возникнет, пусть даже мимолетно, мы будем рады. Мы не думаем, что после появления нашей книги ряды защитников и исследователей хищных птиц резко пополнятся. Но если хотя бы часть наших читателей более благосклонно и с интересом посмотрит на парящего над лугом канюка или играющую в воздушных течениях пустельгу, мы будем считать свою задачу выполненной. Потому что пробудить любовь к хищным птицам, действительным аристократам воздуха, призвать чувство справедливости во взаимоотношение человека с ними было главной целью нашей работы.

Мы предсказываем охоте с ловчими птицами большое и яркое будущее, которое не уступит, а, возможно, и превзойдет ее расцвет во времена средневековья. И в основе нашего прогноза отнюдь не только эмоции. Прежде всего с течением времени главный соперник и конкурент соколиной охоты — ружейная охота будет сталкиваться со всевозрастающими трудностями.

Здесь и пресс морально-этических нападок, раздуваемых биологически неграмотными, но многочисленными и поэтому достаточно сильными людьми. Здесь и неизбежное оскудение природных запасов дичи, которая в ближайшее столетие будет почти полностью заменена искусственно выращенной дичью. А охота на такую дичь теряет значительную долю своей прелести. Здесь и постоянное удорожание и правовое усложнение ружейной охоты. Все эти вопросы соколиная охота полностью снимает, ибо в глазах ханжествующих моралистов убийство животного животным естественно в гораздо большей степени, нежели убийство животного человеком. Далее, соколиная охота по подпущенной в угодья дичи, которая выросла в инкубаторе, нисколько не менее азартна и увлекательна, нежели по дикой птице.

Но есть здесь еще два момента, которые с течением времени будут играть все большую и большую роль. Первое — интерес к истории, к историческим традициям и проявлениям, к старине и самобытности со всей их атрибутикой. Этот интерес, как мы уже отмечали, был, вероятно, одним из ведущих факторов воскрешения соколиной охоты и ее традиций после длительного периода почти полного забвения. Есть все основания полагать, что эти струны будут со временем звучать в душе человечества все громче и громче, и соколиная охота — прекрасный резонатор для этого звучания. Второй момент, о котором мы также уже говорили, — это стремление современного человека к личному интимному контакту с живым существом, пришельцем из мира природы. Нет дикой птицы более пригодной для такого контакта, более отзывчивой на терпеливую любовь, нежели хищные птицы, и доказательство тому — в самой сущности соколиной охоты: совершенно свободная птица по собственному желанию из поднебесной вышины добровольно возвращается на руку хозяина. Это союз, основанный на чистой любви. Разве не так?

Сокол подарил человеку на протяжении истории бесчисленные мгновения полного счастья. Он принесет еще несоизмеримо больше. Вот почему мы считаем эпилог нашей истории оптимистическим.



ЛИТЕРАТУРА

1. Березовиков Н.Н. Беркут. Алма-Ата, 1986.
2. Галлер К.П. Охота с соколами и ястребами // Природа и охота. 1882, 1883, 1884.
3. Галушин В.М. Хищные птицы леса. М., 1980.
4. Данилов Н. Заметки — о видах ястребов и об охоте с ястребом-перепелятником// Природа. Кн. 1. 1877.
5. Дементьев Т.П. Охота с ловчими птицами. М., 1935.
6. Дементьев Г.П. Сокола-кречеты. М., 1951.
7. Домогатский А. Медали и эмблемы охотничьих обществ// Охота и охотничье хозяйство. 1986. № 8.
8. Калякин В. Календарь кречетиной семьи// Знание-сила. 1984. № 11-12.
9. Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси: Исторический очерк. Т. 1. СПб., 1896.
10. Кутепов Н. Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича: Исторический очерк. СПб., 1898.

И. Левшин В. Книга для охотников до звериной и птичьей ловли... Ч. II. М., 1813.

12. Пфеффер Р. Птица на руке. Алма-Ата, 1985.
13. Пфеффер Р. Сокол-балобан. Алма-Ата, 1987.
14. Флинт В.Е. и др. Разведение редких видов птиц. М., 1986.
15. Ырсалиев Д. Ловчие птицы и охота с ними. Фрунзе, 1966.
16. Aktywna ochrona ptakow drapieznych i sokolnictwo. Materiali sympozjum. 1985.
17. Allen M. Falconry in Arabia. Lexington, USA. 1980.—
18. Beebe F.L., Webster H.M. North American Falconry and Hanting Hawks. USA, Denver (Colorado), 1964.
19. Cade T., Enderson J., Thelander C, Wheit C Peregrine Falcon Populations. New-York. 1988.
20. Chamerlat Ch.A. Falconry and Art. London, 1987.
21. Epstein H.J. The Origin and History of Falconry. ISIS, Vol. 34, № 98. 1943.
22. Ford E. Falconry in Mews and Field. London, 1982.
23. Frederick II of Hohenstaufen. The Art of Falconry. New-York. 1943.
24. Jameson E.W. The Hawking of Japan. The History and Development of Japanese Falconry. California, 1962.
25. Kuhnert G. Falknerei in Afghanistan. Berlin, 1980.
26. Miculica O., Ptaek J., Kuera M. Dravci a sokolnictivi v SSR. Praga, 1988.
27. Parry-Jones J. Falconry. Care, Captive Breeding and Conservation. London, 1988.
28. Waller R. Der wilde Falk ist mein Gesell. Berlin, 1982.